

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Анисюткин Н.К., Коваленко С.И., Бурлаку В.А., Очередной А.К., Чепалыга А.Л. Байраки – новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре	2
Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Флас Д., Деревянко А.П., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии	11
Монсель М., Кьотти Л., Гайяр К., Оноратини Ж., Плердо Д. Каменные предметы неутилитарного назначения, найденные на европейских памятниках эпохи палеолита	24

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Кашина Е.А., Чаиркина Н.М. Орнаментированные берестяные изделия из VI разреза Горбуновского торфяника	41
Ткачев В.В. Погребально-культовый комплекс алакульской культуры в Восточном Оренбуржье	49
Крыласова Н.Б. Рисунок на амулете с Рождественского городища – очередная страничка средневекового мифа о всаднике	58
Зайка А.Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары	62
Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии	76
Епимахов А.В. Материалы к истории ювелирного дела (бронзовый век Южного Зауралья)	82
Климова Т.А. Славяно-русский погребальный костюм мужчин верховьев Псла в конце X – XI веке (по материалам Гочевского курганного некрополя)	88
Мыльников В.П. Опыт изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок археологических памятников	97
Большов С.В. К вопросу о «восточном» направлении культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы	108
Доде З.В. Светские образы в исламском пространстве средневекового Зирихгерана	114
Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Каменное изваяние из урочища айлян в Горном Алтае	122
Артемьева Н.Г. Чжурчжэньские брелоки типа нэцкэ	131

ЭТНОГРАФИЯ

Ермакова Е.Е. Элементы религиозной обрядности в народной медицине коми-ижемцев Нижнего Приобья	138
--	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Моисеев В.Г., Хартанович В.И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря	145
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

70 лет Н.А. Томилову	155
----------------------	-----

СТРАНИЦА НЕВЫДУМАННЫХ ИСТОРИЙ	157
-------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
-------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159
---------------------	-----

УДК 903.03

**Н.К. Анисюткин¹, С.И. Коваленко², В.А. Бурлаку²,
А.К. Очередной¹, А.Л. Чепалыга³**

¹Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: iimka@mail.ru

mr_next@rambler.ru

²Институт культурного наследия АН Молдовы
ул. 31 августа, 1241, Кишинев, МД-2012, Молдова
E-mail: covalenko@bk.ru
burlacu_vitale@mail.ru

³ Институт географии РАН
Старомонетный пер., 20, Москва, 119017, Россия
E-mail: tchepalyga@mail.ru

БАЙРАКИ – НОВАЯ СТОЯНКА РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ*

Статья вводит в научный оборот материалы раннепалеолитической стоянки, открытой в 2010 г. в Нижнем Приднестровье близ г. Дубоссары. Ранее здесь были обнаружены два местонахождения Дубоссары-1 (Большой Фонтан и Погребя) с кремневыми изделиями раннепалеолитического облика. Культурный слой с немногочисленными каменными изделиями и обломком кости ископаемого животного выявлен в кровле нижней ископаемой почвы, лежащей на аллювиальных отложениях VI(?) или VII надпойменной террасы Днестра. Вероятный возраст данной почвы оценивается геологами в пределах 500 тыс. лет. В расположенном ниже русловом аллювии, представленном галечником этой же террасы, найдены три галечных орудия, в их числе два чоппера из прочного косоугольного песчаника, а также четыре кремневых изделия. Аллювий данной высокой террасы датируется геологами более 800 тыс. л.н. В настоящее время это древнейшие стратифицированные каменные орудия, обнаруженные на территории России, Молдовы и Украины в пределах Восточно-Европейской равнины.

Ключевые слова: эоплейстоцен, ранний плейстоцен, ранний палеолит, культурный слой, долина нижнего течения Днестра, юго-запад Восточной Европы.

Введение

Осенью 2010 г. Приднестровская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры (далее – ИИМК) РАН (начальник экспедиции Н.К. Анисюткин) получила возможность возобновить

исследования раннего палеолита, проводившиеся со второй половины 1980-х гг. до начала 1990-х гг. палеолитической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР [Анисюткин, 1989, 1994, 2010; Четвертичная палеогеография..., 1996].

На том этапе изучения удалось обнаружить два местонахождения раннего палеолита – Большой Фонтан (Дубоссары-1) и Погребя, расположенные в окрестностях молдавского г. Дубоссары. Плодотворные исследования, включая междисциплинарные, позволили поставить в тот период ряд важных вопросов, касаю-

*Исследования проведены при поддержке гранта по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных культурных и языковых общностей».

щихся, в частности, хронологического положения обнаруженных комплексов каменных орудий. Но они, к сожалению, остались нерешенными, необходимы были памятники с бесспорной стратиграфией.

Поиски таких памятников стали первостепенной задачей Приднестровской археологической экспедиции ИИМК РАН 2010 г. В ходе археологических работ в районе Дубоссар рядом с раннепалеолитическим местонахождением Большой Фонтан удалось обнаружить новую стоянку раннего палеолита Байраки с надежной стратиграфией.

Геоморфология, стратиграфия и дата стоянки

В исследуемом районе левобережья Днестра в нижнем течении, относящегося геоморфологически к Приднестровской террасовой равнине [Негадаев-Никонов, Яновский, 1969, с. 57], очень хорошо выражены высокие террасы, в частности VI–VIII. В районе с. Погреба, расположенного примерно в 8 км ниже по течению от Дубоссар, они подходят почти вплотную к реке. Вверх по течению (по направлению к Дубоссарам) террасы отступают, и долина, выполненная высокой поймой, I и II надпойменными террасами, значительно расширяется. Остальные террасы представлены фрагментами III–IV террас, выявленными в районе Дубоссар. Таким образом полоса высоких террас (VI, VII) отступает вверх по течению и образует своего рода серповидный овал – т.н. Дубоссарский амфитеатр. Абсолютные отметки широко распространенной здесь VII террасы на левом берегу 115–120 м, а относительные – 100–110 м [Четвертичная палеогеография..., 1996, с. 143].

Стоянка Байраки расположена в ныне недействующем карьере на восточной окраине Дубоссар, в предместье Большой Фонтан (координаты: 47°16'27" с.ш., 29°11'10" в.д.), в верховьях древней балки Байраки, примерно в 1 км северо-западнее шурфа № 3 местонахождения раннего палеолита Большой Фонтан (рис. 1, 2). Левый борт балки, где обнаружены находки, приходится на край VII надпойменной террасы Днестра [Там же, 1996]. Примерно в 30–35 м северо-западнее и западнее стоянки скальный цоколь террасы исчезает, а крутизна склона резко увеличивается и падает в направлении реки и предместья Дубоссар. В этом месте вдоль правого борта прослеживается многометровая толща лесса со слабовыраженными ископаемыми почвами светло-коричневого цвета, явно более молодого возраста. Цоколь выявляемой в данном месте более низкой террасы не прослеживается. Вероятно, стоянка располагалась на берегу водоема, которым, возможно, была либо излучина пра-Днестра, либо древний лиман, внедрявшийся,

Рис. 1. Карта-схема расположения местонахождений раннего палеолита на территории Молдовы, на которых проводились исследования в 2010 г.

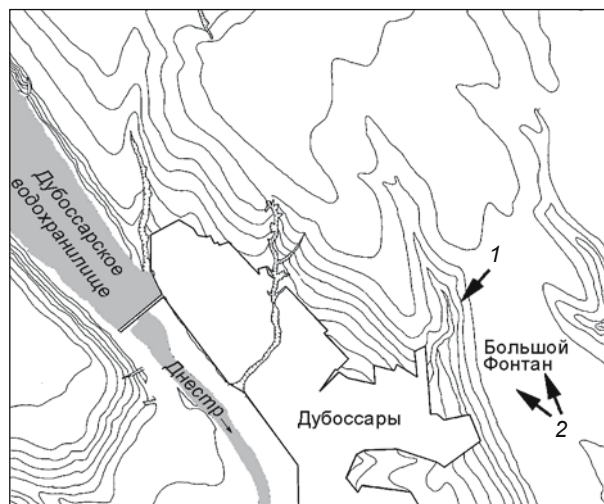

Рис. 2. Расположение местонахождений и стоянок в районе Большой Фонтан.
1 – Байраки; 2 – Большой Фонтан.

по данным геологов [Там же, с. 26], вверх по долине Днестра в миндельское время.

Стоянка Байраки, как и местонахождение раннего палеолита Большой Фонтан, приурочена к мысу, образованному VII террасой. Она располагается, вероятно, на фрагменте более низкой VI надпойменной террасы. При первоначальном осмотре стенки разреза четвертичных отложений мощностью ок. 3 м были зафиксированы нуклеус и обломок кости животного. Они находились

на одном уровне в основании разреза, непосредственно в кровле красноцветной ископаемой почвы. На поверхности карьера, где техногенным путем были удалены все субэральные отложения, выявлены россыпи и глыбы сцементированного галечника, представляющего русловой аллювий – мелкогалечный конгломерат с песчано-гравийным заполнителем и карбонатным цементом. Наличие этих глыб явилось причиной остановки работ в карьере, благодаря чему стоянка не была полностью уничтожена. В частично сохранившемся слое галечника найдены артефакты, в т.ч. два галечных и три кремневых орудия. Показательно, что на остальной обследованной нами поверхности данного карьера и нескольких других осмотренных нами гравийных карьеров на высоких террасах в разных районах Нижнего Приднестровья каменные артефакты не обнаружены.

В одной из крупных глыб конгломерата проф. А.Л. Чепалыгой выявлен крупный чоппер, на нижней поверхности которого был специально оставлен небольшой участок вмещающей породы. Связь данного предмета (а, значит, и прочих галечных форм) с аллювиальными отложениями данной террасы можно считать более чем очевидной. Примерно в 55–60 м от раскопа на юго-западной окраине карьера был найден также окатанный кремневый отщеп, который условно можно также отнести к аллювиальному комплексу.

Вскрытый нами разрез представляет толщу отложений мощностью свыше 5 м, которая подразделяется

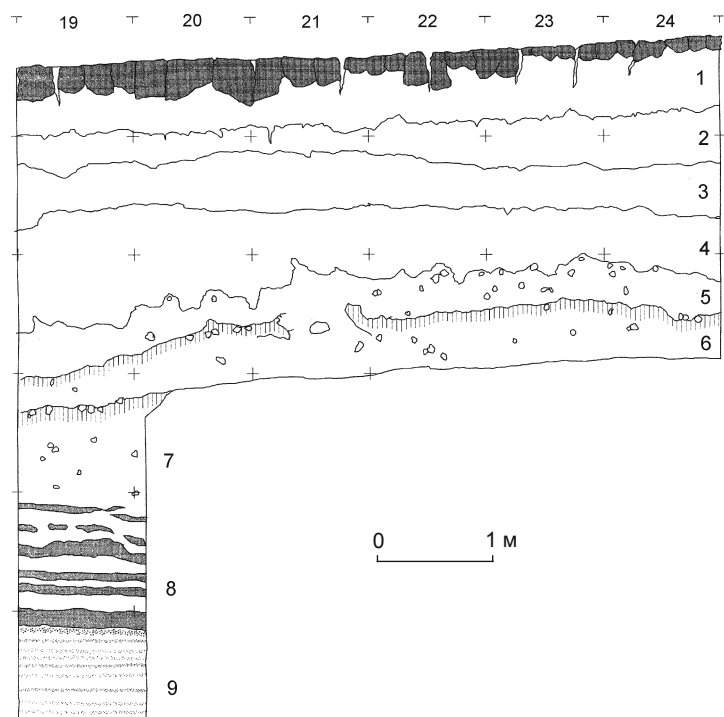

Рис. 3. Разрез северо-восточной стенки расчистки. Обозначения слоев даны в соответствии с порядковыми номерами их описания, приведенными в тексте.

на ряд слоев и горизонтов (рис. 3). Их характеристики составлены на основе описаний, выполненных научным сотрудником лаборатории эволюционной географии Института географии РАН Е.В. Воскресенской.

Слой 1 – отложения современной почвы, перекрытой насыпной землей (0,30–0,50 м). Почва с зернисто-комковатой структурой имеет интенсивно черный цвет; ее мощность составляет 0,7 м. Она не содержит археологических находок. Можно указать на постоянное присутствие мелкой гальки. В нижней части прослеживается осветление: выявляется карбонатный суглинок коричневого цвета, который, возможно, является фрагментом древней ископаемой почвы, разрушенной эрозионными процессами.

Слой 2 – коричневато-бурый суглинок, крупнокомковатый, слабогумусированный, карбонатный. Мощность 0,70–1,04 м. Нижняя граница этого стерильного слоя крупноволнистая, нарушенная кротовинами.

Слой 3 – суглинок легкий, серовато-коричневый, лессовидный, пылеватый, пористый, карбонатный, стерильный. Отмечаются многочисленные кротовины, заполненные материалом из слоев 1 и 4. В нижней части слой становится бежево-палевым. Мощность слоя от 1,04 до 1,34 м.

Слой 4 – суглинок темно-палевый с рыжевато-коричневым оттенком, с ореховой структурой, лессовидный, распадающийся на столбчатые отдельности по трещинам, с многочисленными стяжениями карбонатов типа белоглазки по нижней линии контакта. В нижней части слоя найдена окатанная кремневая галечка с отчетливыми признаками обработки. Общая мощность слоя 1,34–1,70 м.

Слой 5 – выразительная ископаемая почва, которая характеризуется суглинком коричневого цвета с красноватым оттенком, карбонатным, очень плотным, более светлым в верхней части. В кровле слоя обнаружены каменные изделия и кость ископаемого животного, лежавшие на одном уровне. Мощность слоя колеблется от 1,70 до 1,87 м.

Слой 6 – суглинок серовато-оранжевого цвета, плотный, с ореховато-призматической структурой, обильными новообразованиями карбонатов типа белоглазки овальной формы с мучнистым белым заполнителем. Белоглазка достигает максимума в нижней части слоя. Мощность слоя варьирует от 1,87 до 3,00 м.

Слой 7 – суглинок серовато-оранжевого цвета ячеистой окраски с признаками вторичного ожелезнения, очень плотный. До глубины 3,24 м прослеживаются овальные мучнистые стяжения карбонатов, ниже по слою – рассеянные новообразования карбо-

натов типа дутиков с плотной светло-серой коркой. На глубине 3,30–3,45 м отмечен прослой ожелезнения ярко-бурого цвета, ниже и выше которого в слое преобладает оглеенный серый материал. В кротовинах отмечается красновато-бурый суглинок из слоя 5. Нижняя граница четкая, субгоризонтальная. Мощность слоя 3,00–3,90 м.

Слой 8 характеризуется чередованием субгоризонтальных прослоев серого алеврита толщиной 8–15 см с глинистыми прослоями коричневатого и оранжево-бурого цвета. Они состоят из микрослоев оглеенного материала. Нижняя граница четкая. Мощность слоя варьирует 3,90 до 4,85 м.

Слой 9 является верхней частью руслового аллювия, представленного в разрезе песком грязно-желтого цвета с прослоями мелкого гравия, в котором отмечены окатанная карпатская галька диаметром до 5 см, черный кремний и обломки конгломератов. В последнем (не в разрезе, а в глыбах конгломерата) обнаружены единичные каменные изделия раннего палеолита. Видимая мощность слоя 4,85–5,35 м.

В разрезе общей мощностью более 5 м вскрыты отложения периода голоцена (слой 1 и, возможно, верхняя часть слоя 2) и несомненно раннеплейстоценового времени, в их числе: делювиальные суглинки (слои 3, 4), ископаемая почва (слои 5, 6), пойменный аллювий и старичные отложения (слои 7, 8), а также кровля руслового аллювия (слой 9). Последний, как удалось проследить в некоторых частях сохранившегося разреза, представлял собой сцементированный мелкогалечный конгломерат, блоки которого, залегающие на скальной поверхности карьера, сохранялись во многих местах.

Делювиальные отложения являются типично склоновыми. В них довольно часто встречается мелкая («карпатская») галька яшмы, песчаника и кремня, в т.ч. окатанные кремневые обломки и осколки. Окраска, значительная карбонатность и комковатость отложений позволяют предположить, что это остатки ископаемых почв, деформированных различными эрозийными процессами.

Слой с каменными изделиями и обломком кости выявлен, как отмечено выше, в верхней части ископаемой почвы (слой 5), которая четко прослеживается в разрезе на значительном протяжении вдоль левого борта балки. Горизонт А этой почвы сильно деформирован. В разрезе его остатки красновато-оранжевого цвета выявляются ниже по трещинам и кротовинам. Однако отсутствие выраженных натечков на поверхностях изделий, которые типичны для находок из ископаемых почв, позволяет поставить вопрос о приуроченности культурного слоя именно к кровле (или к поверхности?) данной ископаемой почвы. Можно надеяться, что при продолжении раскопок удастся выяснить точное стратиграфическое положение культурного слоя, связанного с ископаемой почвой. В данном случае речь

идет лишь о четко выраженном горизонте с немногочисленными находками. Правда, следует иметь в виду, что раскоп захватил незначительную периферийную часть предполагаемой стоянки. Залегание находок единым горизонтом указывает на их гомогенность и удовлетворительную сохранность культурного слоя. Очень важным представляется отсутствие на поверхности карьера, где должны были бы встречаться предметы из разрушенного культурного слоя, каких-либо неокатанных каменных изделий и костей животных. Непосредственно в культурном слое вместе с обломком кости ископаемого животного были найдены изделия из кремня (11 ед.) и песчаника (1 ед.).

Примерно в 45 м ниже от места раскопа в осыпи левого борта оврага обнаружена галька песчаника с отчетливыми следами оббивки на одном крае. Она была покрыта интенсивным натечком бурого цвета (ожелезнением), перекрытым явно более поздним известковистым натечком желтовато-серого цвета. Аналогичные двойные натечки имеются и на предметах из ископаемой почвы на местонахождениях Погребя и Большой Фонтан [Анисюткин, 1989, с. 127].

По совокупности различных показателей данная форма рельефа, с отложениями которой связаны слои раннего палеолита, является, как полагает А.Л. Чепалыга, VII надпойменной террасой Днестра. Палеомагнитными исследованиями установлена обратная намагниченность нижнего аллювия VII террасы, соответствующей эпохе Матуяма [Покатилов, Букачук, 1989, с. 84]. Граница магнитной полярности Матуяма–Брюнес выявлена в отложениях пойменного аллювия этой же террасы [Певзнер, Чепалыга, 1970; Четвертичная палеогеография..., 1996, с. 150–151]. Абсолютные даты (TL), полученные для VII террасы (с. Михайловка), показали следующие значения: ниже инверсии Брюнес–Матуяма – 900 ± 200 тыс. л.н., а выше – 670 ± 170 тыс. л.н. [Антропоген..., 1986, с. 56]. Следует отметить, что аллювий VI речной надпойменной террасы формировался в начале нижнего плейстоцена, а VII – в эоплейстоцене [Чепалыга, 1982, с. 224; Четвертичная палеогеография..., 1996; Билинчис, 1989].

Подлинную же дату комплекса из культурного слоя еще предстоит установить. Можно указать на связь культурного слоя с раннеплейстоценовой ископаемой почвой, которая лежит непосредственно на поверхности пойменных отложений, т.е. здесь она является нижней.

Описание каменных изделий стоянки

Артефакты из камня найдены как в сохранившемся культурном слое, так и в галечнике, где они залегали в переотложенном положении, поэтому целесообразно, на наш взгляд, в описании использовать понятие «ком-

плекс». Предметы из верхов ископаемой почвы мы предлагаем называть комплексом из культурного слоя, а из лежащего ниже — аллювиальным комплексом.

Аллювиальный комплекс. Коллекция включает семь артефактов, обнаруженных на относительно небольшом пространстве в горах галечника, приуроченного к левому борту обширной балки Байраки. Данные изделия отличаются от подавляющего большинства кремневых предметов из культурного слоя значительной окатанностью и люстражем поверхностей.

Крупное галечное орудие размерами $155 \times 105 \times 40$ мм представлено уплощенной галькой из косоуцкого песчаника с несколькими соприкасающимися разновеликими выемками вдоль левого края, формирующими зубчатое лезвие, а также с элементами отвесной ретуши вдоль значительной части правого края. Фасетки ретуши по причине их значительной заглаженности не всегда читаются четко. Тем не менее определенная последовательность нанесения сколов очевидна. На противоположной (вентральной) стороне орудия имеются три-четыре выщерблины. Они приурочены к вершинам выступов, образованных выемками, которые можно воспринимать как следы активной утилизации. Обработанные подобным образом

сходящиеся ретушированные края образуют острие, благодаря которому изделие предстает выразительным комбинированным орудием (рис. 4).

Галечное орудие размерами $112 \times 95 \times 26$ мм изготовлено на более уплощенной (по сравнению с предыдущей находкой) гальке косоуцкого песчаника, имеет хорошо выделенный ретушью выемчатый рабочий край (рис. 4, 3). Выемка и примыкающий к ней слева намеренный (?) облом образуют заостренный конец с признаками «свежего» повреждения. Наиболее обоснованно определить данную форму как атипичный одно-сторонний чоппер с вогнутым рабочим краем.

Галечное орудие размерами $115 \times 113 \times 60$ мм изготовлено также из косоуцкого песчаника, более совершенное по сравнению с вышеописанными артефактами, имеет ключевое значение для привязки всех рассматриваемых форм к аллювию данной террасы (рис. 4, 1). На нижней стороне чоппера сохранен участок припаянного конгломерата, представленного песчано-гравийным заполнителем и карбонатным цементом. Данное массивное и крупное орудие имеет отчетливые следы бокового снятия, благодаря которому заготовка уменьшилась в размерах и приобрела четырехугольную форму. Чрезвычайно сильный удар был нанесен тяжелым и твердым отбойником: на галечной поверхности прослеживается заметная вмятина. Поверхность раскалывания четко выражена. Поперечный рабочий край изделия имеет вогнутую форму; она образована тремя последовательными крупными сколами. На кромке лезвия читаются также более мелкие и плоские фасетки дальнейшей ретуши. Левый угол орудия (выделен выемкой) представляет собой заостренный «носик», усеченный сколом и мелкими фасетками ретуши. В целом данный предмет можно описать как типичный односторонний чоппер с выемчатым рабочим краем и элементами дополнительной отделки заостренного выступа.

Подобные чопперы весьма распространены в раннем палеолите. Похожая форма из кремневой гальки найдена на местонахождении Погребя [Анисюткин, 2010, с. 183]. Среди многочисленных аналогов — разнообразные олдуванские чопперы Южной Аравии (многие из которых выполнены на обломках, их боковые грани укорочены с целью придания орудиям нужной формы [Амирханов, 1991]), а также Алтая (Карамы), Северного Кавказа и Тамани [Стоянка раннего палеолита Карамы..., 2005; Амирханов, 2007; Щелинский, 2010].

В аллювии стоянки Байраки преобладают мелкие и мельчайшие гальки, в т.ч. различным образом окатанные обломки кремня. Более крупные предметы, обнаруженные в глыбах конгломерата, немногочисленны. Это в основном сильно окатанные обломки преимущественно косоуцкого песчаника. Среди значительного количества подобных галек, встреченных

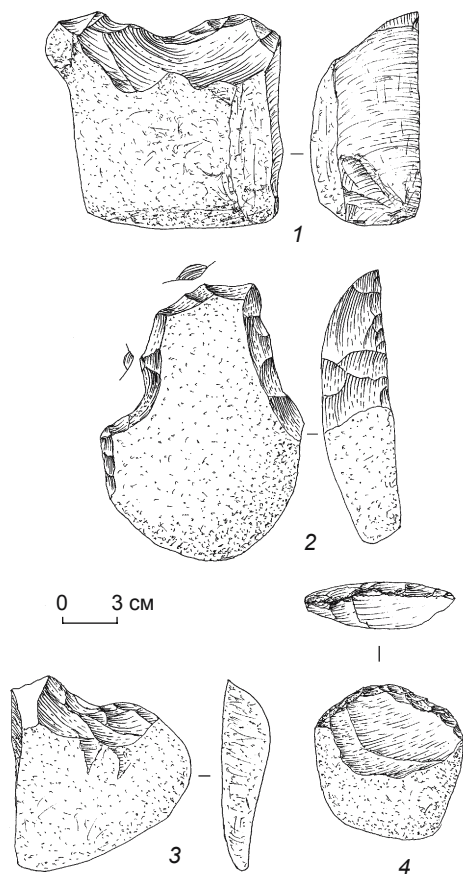

Рис. 4. Галечные орудия стоянки Байраки.
1–3 – из аллювия; 4 – из ископаемой почвы.

на всей площади террасы, цоколем которой является достаточно прочный известняк, выявлены только три описанных выше артефакта. Остальные гальки не имели следов обработки. Можно отметить лишь весьма крупную гальку косоуцкого песчаника, на поверхности которой прослеживается отчетливый скол от бесспорного снятия отщеп.

При тщательном анализе рассеянных в галечнике многочисленных кремневых предметов, в т.ч. со следами псевдосколов, удалось выделить дополнительно три изделия, возможно, относящихся к артефактам. Для них типичны значительная окатанность и характерный блеск поверхности (люстраж). Данные признаки обычны для изделий из аллювиальных отложений. Эти артефакты не имеют патины и, на наш взгляд, обладают необходимой совокупностью признаков намеренной обработки их древним человеком.

Одно изделие можно отнести к ножам с частичной ретушированным обушком и выделенным острием (рис. 5, 3). Данное комбинированное орудие относительно небольшое по размерам (31×75×14 мм), изготовлено на укороченном отщепе черного кремня с ярко выраженной нижней поверхностью, заполненной рельефными волнами, и частично сохранившимся ударным бугорком. Ударная площадка отсутствует: она удалена негативом скола в приплощадочной части артефакта. Последний образовался на месте трещины, появившейся в результате нанесенного ранее удара, который оказался недостаточным для получения массивного отщеп. Цель была достигнута благодаря следующему снятию, но имевшаяся трещина стала причиной отчленения приплощадочного сегмента, в т.ч. ударной площадки отщепе. Произошло ли это непосредственно при раскалывании или позднее при перемещении в галечнике – неясно. Острие выделено сочетанием элементов крутой ретуши, а также двух удлиненных и плоских фасеток. Для обушка характерна частичная крутая ретушь. На лезвии ножа прослеживаются отчетливая клектонская выемка и мелкие фасетки ретуши, которые могут быть не только следами утилизации.

Второе изделие небольших размеров (45×44×23 мм) изготовлено на окатанном естественном обломке черного кремня (рис. 5, 4). Крутой отвесной ретушью, представленной рядом соприкасающихся фасеток удлиненной формы, четко выделен скребковый рабочий край, занимающий около половины изделия. Справа к скребковому краю примыкает небольшое атипичное острие. Данное орудие может быть отнесено к выразительным скребкам типа рабо, которые обычны в раннем палеолите и представлены серий в коллекции Большого Фонтана. Его размеры обусловлены особенностями кремневого сырья: окатанные обломки преимущественно небольших размеров. Данным формам в отечественной научной литературе посвящена специальная статья В.П. Любина и Е.В. Беляевой [2004а].

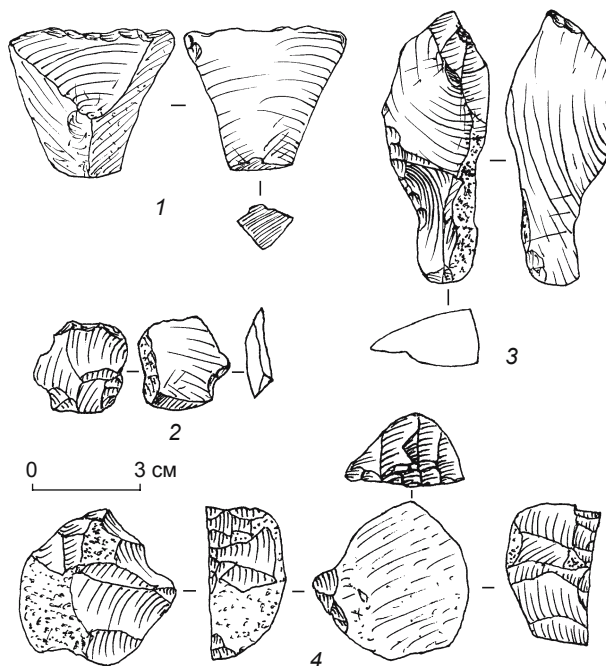

Рис. 5. Кремневые изделия аллювиального комплекса стоянки Байраки.

1 – отщеп; 2 – отщеп оббивки; 3 – комбинированное орудие; 4 – скребок-рабо.

Третье изделие, изготовленное из желтовато-серого кремня, является типичным мелким отщепом, который появился в результате оббивки и ретуширования (*Eclats de taille et retouche*). Артефакт извлечен из глыбы конгломерата (23×24×9 мм). На спинке отчетливо прослеживаются негативы плоских сколов, характерные для бифасов. Имеется слабо выделяющийся ударный бугорок (рис. 5, 2). Весьма интересно, что отщеп из кремня очень хорошего качества – единственный среди огромного количества кремневых предметов черного цвета. Данный отщеп мог быть получен при изготовлении ручного рубила, превосходный образец которого относительно недавно найден в Нижнем Приднестровье [Коваленко, Пущунтикэ, 2005].

Следует упомянуть также массивный кремневый отщеп, найденный вне скопления галечника на юго-западной окраине карьера. По сохранности поверхностей он не отличается от описанных выше предметов (рис. 5, 1). Его связь с аллювиальным комплексом вполне вероятна, хотя формально и не бесспорна.

Комплекс из культурного слоя. Коллекция невелика, что отчасти можно объяснить небольшой площадью расчистки. Показательно отсутствие каких-либо кремневых предметов, сопоставимых по сохранности поверхностей с изделиями рассматриваемого комплекса, которые указывали бы на заметное разрушение культурного слоя.

Как отмечалось, во время раскопок первым было обнаружено долотовидное орудие, изготовленное на окатанной кремневой галечке мелких размеров (35×35×12 мм). У изделия выступ в виде «носика» выделен сбоку четкими фасетками крутой ретуши, рабочий край имеет признаки двусторонней обработки – глубокую выемку с одной стороны и три мельчайшие и плоские фасетки – с другой (рис. 6, 3). Орудие, обычное для раннего палеолита, найдено над культурным слоем, в нижней части слоя 4, на глубине 1,5 м от современной дневной поверхности. Оно заметно окатано и явно переотложено.

Коллекция культурного слоя включает три орудия, два нуклеуса, галечное изделие из песчаника (отбойник), отщеп, пять чешуек, а также два обломка со следами утилизации (?) разной сохранности. Патина имеется только на трех предметах – скребле, отщепе и обломке кремня. Следует отметить, что не все артефакты залежали в культурном слое.

Среди орудий особое место занимает найденное в кровле ископаемой почвы превосходное скребло, выполненное на заготовке галечного кремня темного

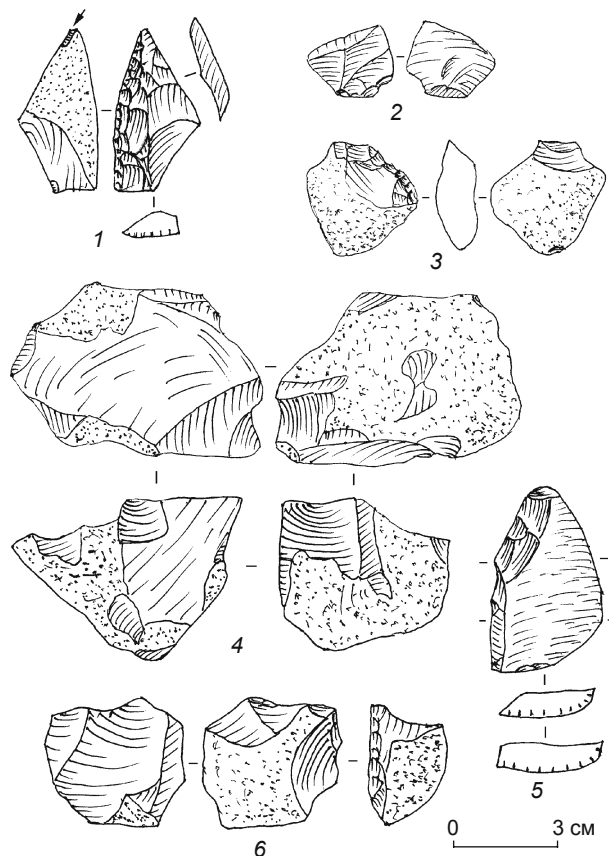

Рис. 6. Кремневые изделия из культурного слоя стоянки Байраки.

1 – скребло; 2 – отщеп; 3 – клювовидное орудие из делювиального слоя; 4, 6 – нуклеусы; 5 – скребло на расколотой галечке песчаника.

цвета (рис. 6, 1). Его вентральная часть не является нижней поверхностью скола и полностью сохраняет полированную поверхность кремневой гальки. Орудие, явно фрагментированное в древности, покрыто белой патиной. Фрагментация, если судить по негативам слома в нижней части, обусловлена, скорее всего, трещиноватостью кремневой гальки. Скребло, вероятно, разбилось при падении, но его продолжали использовать: на верхнем заостренном конце имеется микрорезцовый скол. Слабовыпуклый рабочий край обработан ступенчатой ретушью полукина (demi-Quina). Противолежащий лезвию облом, образующий острие, скорее всего, был намеренным; он выполнял функцию обушка. Скребла данного типа не известны в региональном мустье, но вполне обычны в раннем палеолите. Образцы со следами аналогичной ретуши, в т.ч. унифас, сохранившие на вентральной поверхности корку, имеются в коллекциях Большого Фонтана и Погреба. К сожалению, на специфику подобных форм исследователи палеолита почти не обращали должного внимания. Так, Н.Д. Праслов, описывая сходное орудие из кварцита, обнаруженное в раннем комплексе местонахождения Хрящи (нижнее течение Северского Донца), справедливо указал, что оно изготовлено не из отщепе, а из плитки [1968, с. 33].

Два остальных орудия по сравнению с описанным не столь выразительны. Одно изготовлено на небольшой расколотой галечке песчаника; у него элементы вторичной обработки по причине низкого качества выделяются не четко. Орудие можно описать как скребло с естественным обушком. Обработке подверглась вентральная поверхность, дорсальная сплошь покрыта коркой. Читаемые фасетки однорядной ретуши прослеживаются вдоль трети левого края скребла (рис. 6, 5).

Изделие со следами вторичной обработки края, изготовленное на окатанном обломке черного кремня, имеет достаточно свежие фасетки зубчатой ретуши. Оно найдено на поверхности отвала, поэтому связь его со слоем формально не является бесспорной.

Один нуклеус обнаружен непосредственно в обнажении, в верхней части ископаемой почвы. Он изготовлен на обломке желвачного кремня черного цвета весьма плохого качества. Имеются следы двух четких снятий небольших отщепов и незначительной подправки на площадке. Нуклеус не покрыт патиной и имеет острые края. Это пренуклеус или нуклеус начальной стадии расщепления (рис. 6, 4).

Второй нуклеус изготовлен из желвачного кремня темно-серого цвета без патины и формально относится к одноплощадочным с плоскостным скалыванием. Он меньше по размерам, чем первый. В качестве ударной площадки использовались три предшествующих радиально ориентированных негатива. На рабочей поверхности четко прослеживаются негативы трех сколов (рис. 6, 6).

Интерес представляет орудие из гальки относительно «мягкого» песчаника, обнаруженное примерно в 50 м ниже раскопа. Предмет находился под обнажением левого борта оврага в осыпи, на уровне нижней части ископаемой почвы, которая хорошо прослеживается на значительном пространстве высокой террасы. Галька покрыта мощным двойным наемом, который типичен для предметов из древних ископаемых почв (см. рис. 4, 4). Она имеет округлую форму и относительно небольшие размеры (90×86×19 мм). На участке выпуклого края прослеживаются фасетки ретуши, которые примерно на половине «лезвия» превращены в сплошную забитость, что объясняется, вероятно, интенсивностью использования изделия. Половина обработанной поверхности предмета занята двумя негативами более ранних обширных снятий*.

Единственный типичный отщеп покрыт незначительной патиной. Он небольших размеров (24×26×5 мм), имеет обширный рельефный ударный бугорок. Ударная площадка скошенная, гладкая, края естественно острые (рис. 6, 2).

Среди чешуек две окатанные и три неокатанные. Последние – из кремня черного цвета и лишены патины. Наличие в слое кремневых чешуек может указывать на его вполне удовлетворительную сохранность.

Предварительная оценка материалов

Немногочисленная кремневая индустрия из культурного слоя достаточно показательна для раннего палеолита. В первую очередь это касается типичного скребла на кремневой гальке. Аналогичные формы с элементами ретуши полукина и кина весьма характерны прежде всего для коллекций местонахождений Большой Фонтан и Погребя. Они включают скребла, лимасы и унифасы, обычные для раннего палеолита. Данные формы орудий постоянно присутствуют, например, в ашельских слоях ряда пещерных стоянок Кавказа [Любин, Беляева, 2004б; Треугольная пещера..., 2007].

Что же касается немногочисленной коллекции аллювиального комплекса, то она также достаточно выразительна. В ней сочетаются мелкие орудия из кремня и крупные из косоуцкого песчаника. Подобная дихотомия, отражающая особенности сырья, обычна для раннего палеолита [Crovetto, 1993, p. 53]. Достаточно вспомнить классические материалы из Олдува (Bed II) [Григорьев, 1977, с. 72–73].

Для рассматриваемого комплекса показательными являются чопперы, отщеп оббивки и скребок высокой формы (рабо). Последний по морфологии соответ-

ствует нуклевидным скребкам раннего палеолита, но отличается размерами, что обусловлено особенностями сырья. Наличие отщепа косвенно указывает на возможность присутствия в коллекции бифасов, а скребка высокой формы – на связь с индустрией Большого Фонтана, для которой такие формы характерны. Подобные скребки рабо обнаружены не только в Африке, Аравии, Леванте и на Кавказе [Любин, Беляева, 2004а, 163], но и на других территориях, включая Нижнее Приднестровье, Центральную Азию. Выразительная серия данных орудий найдена, например, в раннепалеолитических слоях пещерной стоянки Сельунгур [Анисюткин, Вишняцкий, 2002, рис. 8, 3, 5]. Типичный нуклевидный скребок обнаружен нами на раннепалеолитической стоянке Каратау-1 в Таджикистане. В целом можно полагать, что подобные формы, размеры которых обусловлены спецификой сырья, широко распространены прежде всего в раннем палеолите.

Заключение

Комплекс кремневых изделий раннего палеолита стоянки Байраки с сохранившимся культурным слоем впервые найден в аллювии и красноцветных древних почвах высоких террас Днестра. Это древнейшие каменные орудия, обнаруженные на территории Молдовы, Украины и юга России. До сих пор исследователей палеолита интересовали низкие участки долины Днестра, прежде всего карьер в Колкотовой балке с остатками ископаемой фауны раннего плейстоцена [Кетрару, 1973; Береговая, 1984, с. 6]. Очень важно, что ранее они довольно основательно были изучены геологами [Чепалыга, 1962]. Эти исследования, в т.ч. комплексные, позволили детально разработать стратиграфию речных террас и геохронологию четвертичных отложений. Найденные в указанной зоне палеолитические объекты (как связанные с ископаемыми почвами, так и происходящие из аллювия) имеют вполне надежную геохронологическую позицию.

В этом плане связь анализированных комплексов с тем или иным подразделением раннего плейстоцена более чем вероятна. Важно отметить, что знаменитый тираспольский фаунистический комплекс, сопоставимый с миндельской и кромерской фауной Европы, относится к аллювию V террасы, т.е. он моложе раннего комплекса из руслового аллювия высокой VII надпойменной террасы Днестра, на которой расположена стоянка Байраки.

Новые материалы хорошо соотносятся с уже известными коллекциями раннепалеолитического облика местонахождений Большой Фонтан и Погребя. Артефакты данных объектов характеризуются небольшими размерами, такими редкими формами, как скребло-унифас с типичной ступенчатой ретушью полукина.

*По предварительному определению В.Е. Щелинского, данный предмет использовался в качестве «мягкого» отбойника.

Благодарности

Выражаем признательность акад. Анатолию Пантелеевичу Деревянко за доверие и неоценимую помощь в организации разведывательных работ экспедиции. Необходимо поблагодарить администрацию Тираспольского университета им. Т.Г. Шевченко, в первую очередь зав. научно-исследовательской лабораторией «Археология» канд. ист. наук Н.П. Тельнова, доброжелательное содействие и поддержка которых существенно способствовали успешным исследованиям экспедиции.

Список литературы

- Амирханов Х.А.** Палеолит юга Аравии. – М.: Наука, 1991. – 344 с.
- Амирханов Х.А.** Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – С. 21–34.
- Анисюткин Н.К.** Домустерское местонахождение у села Погреба на Нижнем Днестре и положение его индустрии в раннем палеолите европейской части СССР и сопредельных территорий // Четвертичный период. Палеонтология и археология. – Кишинев: Штиинца, 1998. – С. 124–137.
- Анисюткин Н.К.** Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины // Археол. вести. – 1994. – № 3. – С. 6–16.
- Анисюткин Н.К.** Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. – СПб.: ИИМК РАН, 2010. – С. 172–187. – (Тр. ИИМК РАН; т. XXXV).
- Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б.** Древнейшие палеолитические памятники Северо-Западного Тянь-Шаня // Stratum plus. – 2002. – № 1. – С. 398–414.
- Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья:** путеводитель экскурсий Всесоюз. совещ. по изуч. четвертич. периода. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 154 с.
- Береговая Н.А.** Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970). – Л.: Наука, 1984. – 170 с.
- Билинкис Г.М.** История развития рельефа Молдавии // Четвертичный период (палеогеография и литология). – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 57–66.
- Григорьев Г.П.** Палеолит Африки. Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. – М.: Наука, 1977. – 212 с.
- Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае** / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чирякин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 86 с.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В.** Дарвагчай-залив – новый многослойный палеолитический памятник в Юго-Восточном Дагестане // Исследования первобытной археологии Евразии. – Махачкала: Наука ДНЦ РАН, 2010. – С. 114–124.
- Треугольная пещера.** Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы / В.Б. Дороничев, Л.В. Голованова, Г.Ф. Барышников, Б.А.Б. Блэквелл, Н.В. Гарутт, Г.М. Левковская, А.Н. Молодьков, С.А. Несмеянов, Г.А. Поспелова, Д.Ф. Хоффекер. – СПб.: Островитянин, 2007. – 270 с.
- Кетрару Н.А.** Памятники эпох палеолита и мезолита // Археологическая карта Молдавской ССР. – Кишинев: Штиинца, 1973. – Вып. 1. – 175 с.
- Коваленко С., Пуцунтик С.** Раннепалеолитическая находка из Кошницы // Rivista Arheologica. Serie nova. – 2005. – Vol. 1, № 1: Chisinau. – P. 168–169.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Нуклеидные скребки раннего палеолита // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004а. – С. 159–164.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо-1 (Центральный Кавказ). – СПб.: ИИМК РАН, 2004б. – 272 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. XIII).
- Негадаев-Никонов К.Н., Яновский П.В.** Четвертичные отложения Молдавской ССР. – Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1969. – 91 с.
- Певзнер М.А., Чепалыга А.Л.** Палеомагнитные исследования плиоцен-четвертичных террас Днестра // Докл. АН СССР. – 1970. – Т. 194. – С. 1142–1144.
- Покатилов В.П., Букатчук П.Д.** Эоплейстоценовые и плейстоценовые террасы бассейна Днестра и их палеогеография // Четвертичный период (палеогеография и литология). – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 81–91.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. – Л.: Наука, 1968. – 154 с. – (МИА; № 157).
- Степанчук В.Н.** Нижний и средний палеолит Украины. – Черновцы: Зелена Буковина, 2006. – 463 с.
- Чепалыга А.Л.** О четвертичных террасах долины Нижнего Днестра // Бюл. Конгресса по изуч. четвертич. периода. – 1962. – № 27. – С. 61–71.
- Чепалыга А.Л.** История развития фауны, флоры и человека в четвертичном периоде (Пресноводные моллюски) // Четвертичная система. Стратиграфия СССР. – М.: Недра, 1982. – Полутом 1. – С. 216–226.
- Четвертичная палеогеография.** Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра / О.М. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осипук, Ж.Н. Матвишина, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Н.А. Сиренко, А.В. Чернюк. – Киев: Феникс, 1996. – 200 с.
- Четвертичная система.** Стратиграфия СССР. – М.: Недра, 1982. – Полутом 1. – 337 с.
- Щелинский В.Е.** Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: Наследие, 2010. – С. 57–77.
- Crovetto C.** La Paléolithique inferieur de Loreto // Bull. du Musée d'anthropologie Préhistorique de Monaco. – 1993. – N 36. – P. 31–56.

Материал поступил в редколлегию 01.02.11 г.

УДК 902/903

**К.А. Колобова¹, А.И. Кривошапкин¹, К.К. Павленок¹, Д. Флас²,
А.П. Деревянко¹, У.И. Исламов³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: kolobovak@yandex.ru

shapkin@archaeology.nsc.ru

derev@archaeology.nsc.ru

² Department of Prehistory University of Liège
Place du XX Aout, 7, Bat. A1 4000 Liège Belgium

E-mail: damienflas@yahoo.com

³ Институт археологии АН Республики Узбекистан
ул. Академика В. Абдуллаева, 3, Самарканд, 140051, Узбекистан

E-mail: utkur_islamov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ФАЦИИ ЗУБЧАТОГО МУСТЬЕ НА МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ*

В статье рассматривается правомерность выделения фации зубчатого мустье для территории Узбекистана на основе изучения среднепалеолитической коллекции с опорного многослойного памятника Кульбулак. Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что главный маркирующий признак комплекса, отнесенного к зубчатому мустье, – зубчатый контур изделий – является результатом действия естественных процессов. Соответственно, выделение данной фации на материалах стоянки Кульбулак необоснованно, проблематично оно и для всей территории Средней Азии.

Ключевые слова: средний палеолит, фация зубчатого мустье, тафономическая ретушь, Средняя Азия.

Введение

Фациальная дифференциация среднепалеолитических комплексов впервые была предложена Ф. Бордом в начале 60-х гг. XX в. для более полного отражения культурной вариативности мустьерских индустрий Франции [Bordes, 1961]. Для выделения фаций, существовавших в среднем палеолите, французский

исследователь применил типологический подход, в рамках которого индустрии изучались и сопоставлялись на основе использования единого тип-листа нуклеусов и орудий (тип-лист Ф. Борда), а также унифицированных типологических и технологических индексов (индекс леваллуа, индекс пластинчатости, индекс скребел и т.д.). Выявленная в результате введения единых стандартов описания и сравнения каменного инвентаря вариативность среднего палеолита Франции привлекла исследователей каменного века возможностью объективного сопоставления палеолитических индустрий географически отдаленных друг от друга регионов. Таким образом, схема культурного развития, предложенная для объяснения вариативности мустьерских индустрий обитателей территории Южной Франции, была перенесена на другие регио-

*Работа выполнена в рамках ГК № 02.740.11.0353 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проекта программы РАН № 28.1.9 «Культура первобытного населения Северной Азии на рубеже среднего и верхнего палеолита», проекта РФФИ № 11-06-12003 офи-м.

Иллюстрации каменных артефактов сделаны ведущим художником ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной.

ны Старого Света и успешно используется многими археологами вплоть до настоящего времени. Тем не менее в некоторых случаях попытки создания подобных региональных схем в полном соответствии с европейской культурной последовательностью могут иметь формальный характер и приводить к ошибочной интерпретации особенностей и взаимосвязей различных этапов локальной эволюции культуры древнего человека.

В рамках данной работы мы рассматриваем правомерность выделения фации зубчатого мустье для территории Узбекистана на основе изучения среднепалеолитической коллекции опорного многослойного памятника Кульбулак.

Фация зубчатого мустье

Впервые зубчатое мустье как отдельный вариант среднего палеолита выделил Ф. Борд в 1953 г. в рамках идентификации и сопоставления мустьерских фаций Юго-Западной Франции, а полное технико-типологическое обоснование этого варианта (равно как и пяти других фаций) он дал в 1961 г. [Bordes, 1961]. Разделение технокомплексов по различным фациям было сделано на основе статистически верифицируемых типологических и технологических индексов индустрий. Согласно данным индексам (индексы леваллуа, фасетированности, скребел и т.д.), среднепалеолитические памятники, отнесенные к зубчатому мустье, характеризовались нелеваллуазским (типологически и технологически) характером, незначительным индексом фасетирования ударных площадок, небольшим количеством скребел, бифасов и ножей с обушком при преобладании зубчатых и выемчатых орудий [Bordes, 1961; Dibble, Rolland, 1992].

Предложенное Ф. Бордом фациальное членение каменных индустрий с выделением отдельного зубчатого варианта становится ведущим трендом в палеолитоведении и практически сразу начинает применяться для анализа палеолитических комплексов на пространстве Евразии, в т.ч. и на территории бывшего Советского Союза. Так, в 1965 г. В.П. Любин предложил выделить фации зубчатого и типичного мустье в среднем палеолите Кавказа [1977]; В.П. Григорьев – наряду с ябрудийским, ашело-леваллуазским, леваллуазским и амудийским микрозубчатый вариант мустьерских индустрий Передней Азии [1965]. В 1966 г. И.И. Коробков на территории Сочинско-Сухумского Причерноморья выделил две различные мустьерские индустрии: тейякско-зубчатую и леваллуа-мустьерскую [Коробков, Мансуров, 1972; Любин, 1977]. В том же году В.Н. Гладылин на основе изучения коллекций среднего палеолита Русской равнины и Крыма выявил шесть технических вари-

антов: зубчатый, микромустьерский, микромустьерский с ашельской традицией, мустье с ашельской традицией, леваллуа-мустьерский, леваллуа-мустье с ашельской традицией [1966]. В дополнение к бордовским характеристикам зубчатого мустье он обратил внимание на размерность каменных орудий. К зубчатому варианту индустрий В.Н. Гладылин отнес комплексы с низкими показателями двусторонней отделки и преобладанием в орудийном наборе зубчато-выемчатых изделий, при этом в индустрии в целом должны были доминировать изделия крупных и средних (более 5 см) размеров [1976].

Исследователи, занимавшиеся проблемами палеолита Средней Азии, не остались в стороне от моды на «мустьерскую фациальность». В.А. Ранов первым предпринял попытку фациального разделения среднепалеолитических памятников данного региона и выделил следующие локальные группы: леваллуазскую, леваллуа-мустьерскую, мустьерскую и мустьеро-соанскую [1968]. О выделении отдельного зубчатого варианта мустье в регионе (и конкретно в Узбекистане) впервые заявил М.Р. Касымов, основываясь на изучении коллекций каменных изделий с многослойной стоянки Кульбулак [История..., 1967; Ранов, Несмеянов, 1973]. Свой взгляд на внутреннее подразделение среднеазиатского мустье был предложен Р.Х. Сулеймановым [1972]. По его мнению, можно выделить две большие группы: комплексы, для которых характерны зубчато-выемчатые формы, дисковидные нуклеусы, скребла, резцы, струги, и памятники обирахматской культуры. Эталонном для выделения зубчатых индустрий Р.Х. Сулейманов, вслед за М.Р. Касымовым, называет стоянку Кульбулак. Позднее он говорит уже не о фациях, а о путях развития среднепалеолитических культур региона, выделяя два: леваллуазский и зубчатый [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980]. Т. Оманжулов в кандидатской диссертации, посвященной мустьерским памятникам Ташкентского оазиса, также разделяет их на две группы: с тейякско-зубчатыми индустриями (куда, помимо Кульбулака, он включает стоянки Бозсу-1 и -2, Кухисимская и Бургулюксай) и относящиеся к обирахматской культуре. В долине р. Зеравшан он выделяет еще и вариант атипичного зубчатого мустье, представленный материалами памятников Кутурбулак и Зирабулак. Атипичность исследователь видит в том, что, несмотря на преобладание в орудийном наборе зубчато-выемчатых изделий, технологическая основа этих индустрий пластинчатая и леваллуазская (что сближает их с комплексами обирахматской культуры), в то время как типичные зубчато-тейякские индустрии базируются на отщепных техниках расщепления [Оманжулов, 1984]. Л.И. Кулаковская, проанализировав опубликованные данные по среднепалеолитическим памятникам Средней Азии, также

выделила два варианта: обыкновенное и зубчатое мустье [1990], причем последнее – преимущественно на материалах стоянки Кульбулак.

Таким образом, при классификации среднеазиатских индустрий среднего палеолита неизменным остается выделение варианта зубчатого мустье, определяемого на основе одного эталонного стратифицированного памятника Кульбулак, расположенного на территории Узбекистана. Остальные стоянки, относимые разными авторами к этому варианту, являются либо памятниками с экспонированным археологическим материалом (Бозсу-1 и -2, Бургулюксай), либо стоянками, непотревоженное стратифицированное положение каменных артефактов которых вызывает серьезные возражения (Кухисимская, Кутурбулак, Зирабулак) (рис. 1).

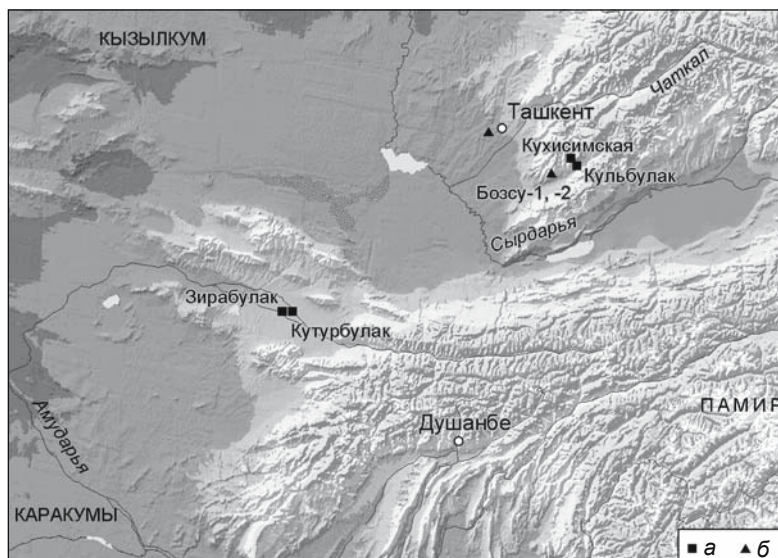

Рис. 1. Расположение памятников Средней Азии, относимых к фации зубчатого мустье (по: [Касымов, 1990; Оманжулов, 1984]).
а – стоянки с проблемной стратиграфией; б – стоянки с экспонированными материалами.

Среднепалеолитические материалы стоянки Кульбулак

История и проблемы изучения

Многослойная стоянка открытого типа Кульбулак (41°00'31" с.ш., 70°00'22" в.д.) находится на юго-восточных склонах Чаткальского хребта в Ташкентской обл. Республики Узбекистан. Она расположена на длинном мысу на правом берегу устья Джар-сай, впадающего в р. Кызылалма, правый приток р. Ахангаран. Стоянка была открыта в 1962 г. О.М. Ростовцевым. Стационарные раскопки памятника велись с перерывами в 1963–1984 гг. Была вскрыта толща четвертичных отложений мощностью 19 м [Касымов, 1990]. За эти годы общая площадь раскопок (более десяти раскопочных участков) превысила 600 м². В начале 90-х гг. XX в. рядом исследователей были предприняты попытки возобновить работы на стоянке, изучались преимущественно верхнепалеолитические слои памятника, однако масштабного развития начатые проекты не получили [Новые исследования..., 1995].

По мнению М.Р. Касимова – основного исследователя памятника в 60–80 гг. XX в., – на стоянке Кульбулак можно выделить 22 культурных слоя нижнего палеолита, 24 – среднего и 3 – верхнего. Соответственно, культурно-стратиграфическая колонка памятника отражает все этапы освоения палеолитическим человеком северо-западных отрогов Тянь-Шанского хребта, демонстрируя эволюционное автохтонное развитие

материальной культуры [Касымов, 1990]. В частности, массовый археологический материал, содержащийся в среднепалеолитических слоях, позволил М.Р. Касимову выделить региональный вариант среднего палеолита – среднеазиатское зубчатое мустье. Главным основанием для данной культурной дефиниции послужило присутствие в большом количестве орудий, имеющих неровные зазубренные или выемчатые края. В качестве дополнительных признаков, характеризующих данный локальный вариант, исследователем были названы обилие массивных сколов с радиальной либо конвергентной огранкой дорсальных поверхностей и наличие фасетированных ударных площадок при общем незначительном присутствии леваллуазской техники. Орудийный набор, характерный для выделяемого варианта зубчатого мустье, очень разнообразен и, помимо различных типов зубчатых орудий (скребла с зубчатым краем, зубчатые и выемчатые орудия, тейякские острия), включает еще ок. 40 наименований [Там же].

Основанием для выводов М.Р. Касимова об эволюционности и преемственности каменных индустрий Кульбулака послужила заявленная исследователем непотревоженность всех культурных слоев памятника, включенных в литологические отложения, сформировавшиеся в результате спокойного осадконакопления [1972]. Данную точку зрения на седиментационную историю стоянки оспорили В.А. Ранов и С.А. Несмеянов, интерпретировавшие часть отложений (слои 4–6, а возможно, и ниже) как осадки пролювиально-селевого происхождения [1973]. Вывод был сделан на ос-

нове геоморфологических и стратиграфических наблюдений, а также отмеченного авторами различия в сохранности обнаруженного археологического материала (разная степень патинизации артефактов, как при сопоставлении между слоями, так и в контексте одного слоя, и нередкая их окатанность). В.А. Ранов и С.А. Несмеянов утверждали, что непосредственно со стоянкой связаны лишь артефакты из верхнепалеолитических слоев, а изделия, по крайней мере, из верхних мустьерских слоев были переотложены с камнеобрабатывающих мастерских, приуроченных к гряде палеогеновых известняков, расположенных в нескольких километрах к северу от Кульбулака: археологический материал транспортировался периодическими селевыми потоками, проходившими по устью временного водотока Джар-сай. Русло ручья возле стоянки делает крутой изгиб, в результате чего, по мнению авторов гипотезы, именно на данном участке и происходила аккумуляция пролювия, содержащего помимо галечно-щебнистой матрицы и перемещаемые артефакты. Развернувшаяся между основными оппонентами в последующие годы дискуссия о генезисе культуровмещающих отложений стоянки не привела к выработке единого мнения [Ранов, Несмеянов, 1973; Несмеянов, 1978; Касымов, Тетюхин, 1981; Касымов, Годин, 1984; Ранов, 1988; Касымов, 1990]. В начале 90-х гг. XX в. точка зрения В.А. Ранова и С.А. Несмеянова получила частичное подтверждение в результате полевых исследований Н.К. Анисюткина, которым в 1994 г. в содружестве с сотрудниками Института археологии АН РУз в южной части стоянки на площади 30 м² были раскопаны литологические слои 1–4 (номенклатура М.Р. Касымова) [Новые исследования..., 1995]. Вскрытые отложения содержали как верхнепалеолитические (слои 1–2), так и среднепалеолитические (слои 3–4) культурные остатки. Н.К. Анисюткин сделал вывод об относительной непотревоженности верхнепалеолитических слоев (с возможным незначительным плоскостным перемещением в пределах стоянки) и о селевом происхождении слоя 4, включающего в себя археологический материал, транспортированный природными процессами со стоянок, расположенных на прилегающих к Кульбулаку холмах. Он также отметил свидетельства повторного использования верхнепалеолитическими обитателями стоянки более древних (окатанных) каменных изделий и предположил, что деформированные в той или иной степени отложения (преимущественно селевого характера) могут быть и ниже по разрезу [Там же].

В 2007 г. в рамках договора о сотрудничестве между Институтом археологии АН РУз (г. Самарканд, Узбекистан), Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия) и Королевским музеем искусств и истории (г. Брюссель, Бельгия) археологи-

ческие работы на памятнике были возобновлены. Основная цель нового этапа изучения, продолжавшегося до 2010 г., – верификация заявленного в результате предыдущих исследований культурно-хронологического диапазона стоянки. Для достижения этой цели были поставлены задачи по уточнению стратиграфии памятника, получению контрольных археологических коллекций и выполнению абсолютного датирования культуросодержащих отложений. Раскопочные работы велись на трех участках. На первом, примыкающем к западной стенке шурфа № 3 М.Р. Касымова, на площади 6 м² вскрывалась верхняя часть среднепалеолитических отложений (слой 3 по номенклатуре 2007 г., слой 4 по колонке М.Р. Касымова). Вскрытие сохранившихся верхнепалеолитических отложений (слой 2 согласно стратиграфической схеме 2007 г.) проводилось на втором участке площадью 21 м², расположенном севернее шурфа № 3 М.Р. Касымова. Третий раскопочный участок первоначально представлял собой зачистку западной стенки этого шурфа. Благодаря тому, что раскопки в 80-х гг. XX в. проводились ступенчато, с уменьшением площади раскопа по мере его углубления, в процессе работ 2007–2010 гг. в северо-западном углу шурфа № 3 М.Р. Касымова на площади в 6 м² были вскрыты и изучены непотревоженные предыдущими работами отложения (литологические слои 11–24 согласно номенклатуре 2007–2010 гг.), представляющие, по схеме 1984 г., ашельский (раннепалеолитический) период заселения человеком стоянки Кульбулак.

В целом стратиграфическая колонка 2007–2010 гг. [Колобова и др., 2010] соответствует принципиальной схеме 60–80-х гг. XX в. Имеющиеся несовпадения объясняются преимущественно тем, что колонка М.Р. Касымова представляет собой сводную схему отложений, вскрытых на разных участках памятника. Соответственно, ряд присутствующих в ней слоев (как литологических, так и археологических) не наблюдается в разрезах 2007–2010 гг. В частности, во время последних исследований памятника археологический материал был обнаружен лишь в десяти литологических слоях (2, 3, 12–18 и 23). Слои 4–11 (по результатам зачистки) и 19–22 (по результатам раскопок) не содержали артефактов. Тем не менее, учитывая непосредственную приуроченность раскопок 2007–2010 гг. (в особенности третьего участка) к шурфу № 3 80-х гг. XX в., можно утверждать, что материалы исследования представляют все этапы осадконакопления и периоды заселения территории памятника, выделенные М.Р. Касымовым.

По результатам проведенных в 2007–2010 гг. геоморфологических, седиментологических и стратиграфических исследований [Там же] можно утверждать, что стратиграфия изученного участка отражает ритмичное чередование двух основных циклов аккумуля-

ции отложений. Один характеризуется относительно спокойным накоплением осадков преимущественно эолового генезиса, переработанных склоновыми и субаквальными процессами. Субаквальный характер отложений обусловлен действием восходящего источника подземных вод, вытекающего из него маломощного ручья и существовавшими временными запрудами. Другой цикл аккумуляции осадков связан с их быстрым (катастрофическим) накоплением в результате захлестывания на территорию расположения памятника грязекаменных селевых потоков, проходивших по руслам Джар-сая и Кызылалма-сая.

Учитывая различия в генезисе отложений, содержащих археологические находки, можно говорить о том, что верхнепалеолитические материалы, залегающие в литологическом слое 2 (культурные слои 2.1 и 2.2), находятся в относительно непотревоженном контексте. Также со спокойным осадконакоплением связаны литологические слои 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17.2, 18–23. Содержащийся в некоторых из них археологический материал (наиболее представительный в слоях 16 и 23) демонстрирует относительную неповрежденность культурного слоя. Об этом свидетельствуют данные планиграфических наблюдений, присутствие в коллекции мелкогабаритных артефактов и апплицируемых изделий. Аллювиально-пролювиальный (селевый) генезис в разрезе 2007–2010 гг. имеют литологические слои 3–8, 11, 14, 17.1 и 17.3. Соответственно, встречающийся в некоторых из них археологический материал демонстрирует переотложенный характер («взвешенное» положение в слое, различная степень сохранности поверхности и зачастую сильная окатанность).

Таким образом, результаты исследования стоянки Кульбулак в 2007–2010 гг. свидетельствуют о несомненном обитании древнего человека на этой территории в верхнепалеолитическое время (слой 2 раскопок 2007–2010 гг., 1, 2 раскопок 1994–1995 гг.), а также в определенные периоды предшествующих этапов каменного века (слои 16 и 23). Большинство археологических находок из других стратиграфических подразделений (прежде всего из средней части разреза, содержащей среднепалеолитический материал), вероятнее всего, попали на стоянку в составе селевых потоков.

Индустрия слоя 3

В результате раскопок 2007–2010 гг. наиболее массовый археологический материал для среднепалеолитической части разреза стоянки был получен из слоя 3 (слой 4 согласно схеме М.Р. Касимова). В нем представлено большое количество орудий, оформленных ретушью различных типов, образовывавшей преимуще-

ственно зубчатый контур. Данное наблюдение согласуется с выводами М.Р. Касимова, определявшего весь средний палеолит на памятнике Кульбулак (включая самые верхние мустьерские слои) как зубчатый вариант мустье Средней Азии. Таким образом, археологические находки из слоя 3 можно использовать для верификации культурной дефиниции среднепалеолитических материалов стоянки.

В 2007–2010 гг. в слое 3 был найден 3 271 артефакт. Большая часть находок (2 410 экз., 74 %) представлена отходами производства в виде обломков (883 экз., 27 %), неопределимых фрагментов сколов (276 экз., 8 %) и чешуек (1 251 экз., 38 %).

Первичное расщепление. Нуклевидные изделия насчитывают 97 экз. (3 %). Данная категория включает в себя типологически определимые (69 экз.) и неопределимые истощенные (23 экз.) ядрища, нуклевидные обломки (3 экз.) и заготовки нуклеусов (2 экз.).

Для производства отщепов использовались первичные и вторичные (выполненные на сколах) ядрища (43 экз.), в большинстве случаев с необъемными рабочими поверхностями. Заготовки с пропорциями и морфологическими признаками пластин получали с монофронтальных уплощенных плоскостных нуклеусов параллельного принципа скалывания продольной (2 экз.) и поперечной (1 экз.) ориентации и торцовых клиновидных ядрищ (2 экз.).

В коллекции представлены нуклеусы, утилизация которых была направлена на получение мелких пластинчатых заготовок (11 экз.): торцовые (2 экз.), торцовый клиновидный и кареноидные (монофронтальные – 3 экз., бифронтальный – 1 экз.). Пластинки получали также с одно- и двухплощадочных ядрищ параллельного принципа расщепления с разной степенью выпуклости рабочей поверхности. Представительна группа нуклеусов, с которых одновременно получали сколы с пропорциями как отщепов, так и пластин (4 экз.) или пластин и пластинок (6 экз.).

Сколы (764 экз.) составляют 23 % всей коллекции. Они представлены отщепами (635 экз., 83 % от всех сколов), пластинами (42 экз., 5 %), пластинками (6 экз., 1 %) и техническими сколами (81 экз., 11 %). Последние включают в себя первичные (24 экз., 29,6 %) и вторичные (22 экз., 27,2 %) сколы декоративации, краевые (13 экз., 16,0 %), полуреберчатые (11 экз., 13,6 %), реберчатые (2 экз., 2,5 %) сколы, частичные таблетки (5 экз., 6,2 %), сколы подправки дуги скалывания (3 экз., 3,7 %) и скол, удаливший терминальное основание ядрища (1,2 %).

В целом для индустрии характерна достаточно грубая подработка ударной площадки. У сколов доминируют гладкие остаточные ударные площадки, созданные одним снятием, достаточно хорошо представлены двугранные (симметричные и асимметричные) и многогранные. Линейные и точечные ударные

площадки, равно как и фасетированные, практически отсутствуют. Поддержание необходимого угла скалывания посредством снятия карниза фиксируется лишь у нескольких экземпляров. Судя по отсутствию сколов с расплывчатым ударным бугорком и вентральным карнизом, для скалывания применялся исключительно твердый отбойник.

Анализ огранок дорсальной поверхности сколов свидетельствует о преимущественном использовании параллельного способа расщепления. В рамках этого способа наиболее часто применялся прием продольного скалывания. Использование приемов поперечного, встречного и ортогонального расщепления фиксируется в индустрии стоянки значительно реже. Помимо этого, в коллекции присутствует большое количество сколов с гладкой дорсальной поверхностью, а также немногочисленные изделия с центростремительной и конвергентной огранкой.

Орудийный набор. При изучении коллекции стало очевидно, что у большинства изделий с ретушью она со значительной долей вероятности имеет естественное происхождение. Внешний вид большого количества артефактов (забитость, «рваные» края, окатанность различной степени) говорит о том, что они претерпели достаточно сильное воздействие. Поскольку изделия с фасетками предположительно неантропогенного происхождения извлечены из литологического тела, сформированного в результате селевой активности, следы деструкции сколов могли появиться вследствие взаимодействия артефактов друг с другом и с обломочным заполнением литологического тела в ходе совместной транспортировки на место аккумуляции. Соответственно, при описании орудийного набора артефакты были разделены на две группы: с преднамеренной вторичной обработкой и с деструкцией краев, обусловленной естественными процессами. При отнесении изделий к первой группе использовались признаки, характерные для элементов вторичной обработки, созданных преднамеренно [Колобова, 2006]. В рамках второй группы были учтены артефакты, вероятнее всего, являющиеся псевдоорудиями и имеющие следы ретуши тафономического происхождения. Такая псевдоретушь отличается распространением по всему периметру орудия, чередующимся и перемежающимся характером, крутым или отвесным углом нанесения, разнофасеточностью, она сминает, раздавливает или забивает края изделия [Щелинский, 1983]. Наличие подобных множественных повреждений сколов говорит преимущественно о воздействии геологических процессов, т.е. о появлении такого рода «ретуши» в результате движения геологических (литологических) тел [Gifford-Gonzalez et al., 1985]. В основном это сели, процессы солифлюкции, проседания и давления щебенки [Щелинский, 1983]. В результате воздействия тафономи-

ческого характера края сколов, как самые тонкие и уязвимые, претерпевают наибольшую модификацию («ретушируются») [Dibble et al., 2006], а остальные части (ударная площадка, дорсальная и вентральная поверхности) обычно несут лишь следы забитости; скол в целом приобретает признаки окатанности. Поскольку при изучении таких следов деструкции невозможно проведение подтверждающих их происхождения экспериментов (в отличие, например, от ретуши вытапывания) [McBrearty et al., 1998], в качестве доступного метода исследования выступает морфотипологический анализ характеристик псевдоорудий и их сопоставление с признаками изделий, созданных преднамеренно.

Группа бесспорных орудий. Ее составляют 14 изделий, большинство из которых относятся к категориям скребущих орудий. *Одинарные продольные прямые скребла* представлены 4 экз. Заготовкой первого орудия послужила массивная и многогранная в поперечном сечении изогнутая в профиль пластина. Рабочий участок занимает левый продольный край заготовки, захватывая часть дистального. Ретушь дорсальная, распространенная, крутая, постоянная, сильномодифицирующая, чешуйчатая, создающая зубчатый контур. Противоположная грань образует обушок. На плоскости поперечного слома скола морфологический облик фасеток меняется, они становятся отвесными (соответствуя углу слома), эпизодическими и слабо-модифицирующими. Этот участок, вероятнее всего, является следствием механических повреждений (рис. 2, 3). Второе орудие оформлено на массивном в поперечном сечении треугольном сколе, снявшем значительную часть ударной площадки нуклеуса. Правый продольный край изделия преобразован в лезвие посредством нанесения на дорсальную плоскость распространенной крутой постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой ретуши с фасетками размером 4–6 мм, образующими волнистый рабочий край (рис. 2, 4). Третье орудие изготовлено из расслоившейся гальки эффузивной породы. Ретушь локализована на одном из протяженных участков изделия. Она крутая, постоянная, сильномодифицирующая, крупнофасеточная, чешуйчатая (рис. 2, 10). Четвертое скребло оформлено на небольшом прямоугольном медиально-дистальном фрагменте скола, снявшем основание нуклеуса. Преднамеренная вторичная обработка изделия включала ретуширование левого продольного края краевой крутой постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой ретушью, образующей волнистый рабочий край. Со стороны спинки на дистальном конце изделия rozpoзнаются фасетки эпизодической крутой псевдоретуши. *Конвергентное скребло* изготовлено из подтреугольного в плане и в поперечном сечении отщепы средних размеров. Ретушь распространяется на 3/4 периметра изделия, занимая дистальный и про-

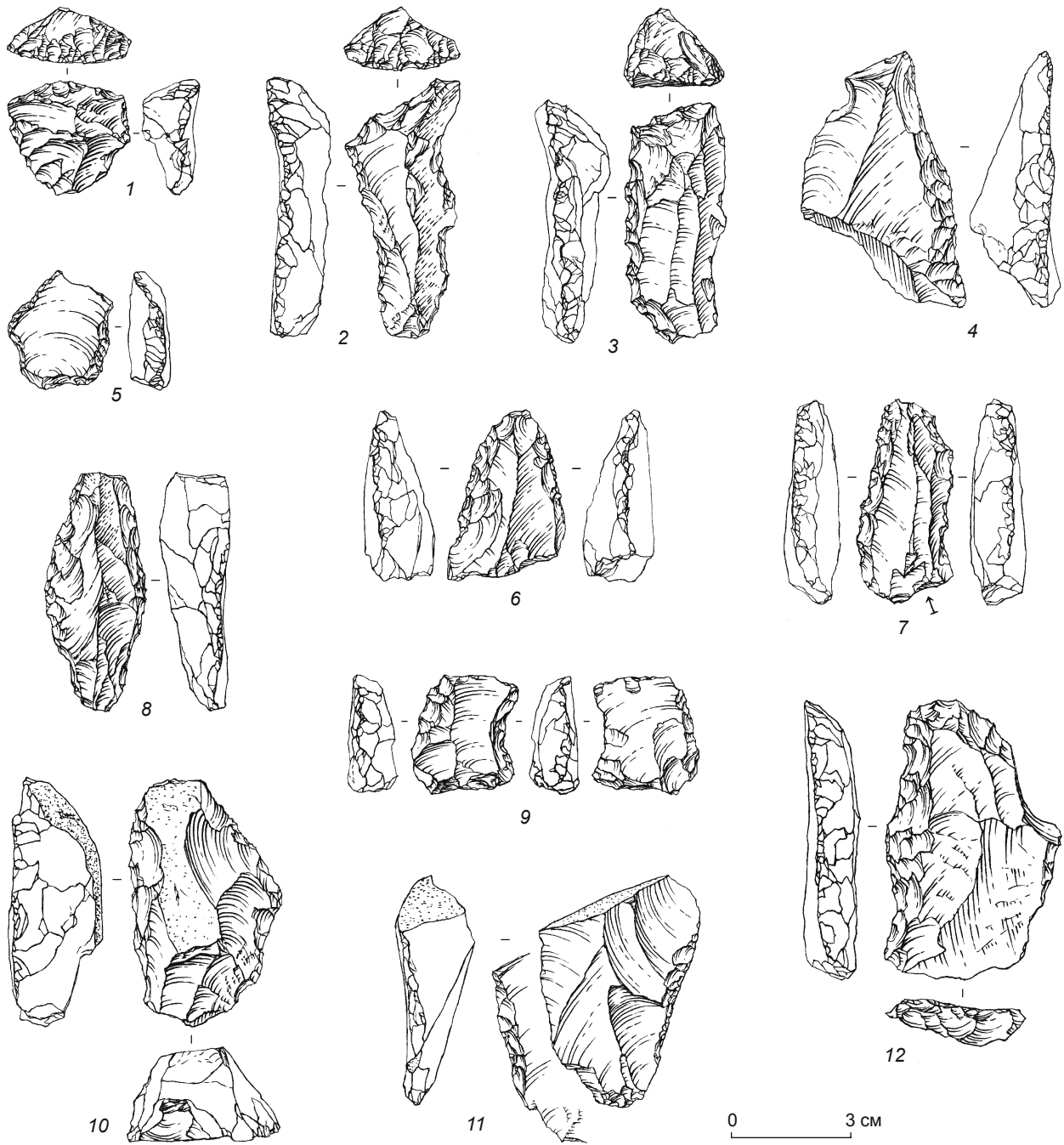

Рис. 2. Изделия, произведенные преднамеренно, из комплекса слоя 3 стоянки Кульбулак (раскопки 2007–2010 гг.).

дольные края заготовки. На левом крае она дорсальная, распространенная, крутая, постоянная, сильно модифицирующая, ступенчатая, многорядная, образующая волнистый контур; на правом – краевая, дорсальная, постоянная, среднемодифицирующая, чешуйчатая, создающая прямой контур (рис. 2, 6). Двойное продольное скребло оформлено на овальной в плане пластине. Два рабочих участка локализованы на продольных краях заготовки. Оба обработаны

дорсальной распространенной крутой постоянной сильно модифицирующей субпараллельной ретушью, образующей зубчатый контур. На дистальном окончании изделия фиксируются четкие следы механических повреждений (рис. 2, 7). Двойное продольное двояковыпуклое скребло изготовлено из листовидной пластины средних размеров. Рабочий участок занимает 1/2 периметра заготовки и распространяется на оба продольных края. Правый оформлен дорсальной рас-

пространенной крутой постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой крупнофасеточной ретушью; левый – дорсальной заполняющей отвесной постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой крупнофасеточной (рис. 2, 8). *Продольно-поперечное двояковыпуклое скребло* выполнено на крупном уплощенном отщепе из эффузивной породы. На остаточной ударной площадке и проксимальном участке правого продольного края фиксируются фасетки чередующейся постоянной отвесной зубчатой псевдоретуши. Рабочий участок, занимающий половину периметра заготовки, локализован на левом продольном и дистальном краях скола. Вторичная обработка осуществлялась нанесением на дорсальную плоскость фасеток заполняющей крутой постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой ретуши (рис. 2, 12).

Концевые скребки представлены 2 экз. Первое оружие (рис. 2, 1) оформлено на мелком отщепе трапециевидной формы с продольной огранкой дорсальной поверхности. Рабочий участок на дистальном крае сформирован дорсальной краевой отвесной постоянной сильномодифицирующей субпараллельной ретушью, образующей гладкий рабочий край. Помимо преднамеренной обработки, на обоих продольных краях изделия фиксируются фасетки постоянной дорсальной крутой псевдоретуши. Второе оружие (рис. 2, 2) оформлено на крупном краевом сколе, снявшем базальную часть нуклеуса. Рабочий участок сформирован дорсальной краевой отвесной постоянной сильномодифицирующей субпараллельной ретушью. Оба продольных края изделия покрыты фасетками постоянной чередующейся крутой зубчатой псевдоретуши. *Боковых скребков* 2 экз. Первый выполнен на мелком прямоугольном отщепе. Прямое скребковое лезвие оформлено на левом продольном крае заготовки дорсальной краевой крутой постоянной сильномодифицирующей чешуйчатой ретушью, образующей зубчатый контур. На противоположном крае фиксируется дорсальная постоянная отвесная сильномодифицирующая псевдоретушь, создавшая вогнутый контур (рис. 2, 9). Второй скребок оформлен на мелкой подпрямоугольной кремневой заготовке с пропорциями отщепа. Правый продольный край изделия несет четкие фасетки дорсальной постоянной отвесной среднемодифицирующей чешуйчатой ретуши. Скребковое лезвие сформировано в медиально-дистальной части левого продольного края на вентральной плоскости заготовки. Рабочий участок оформлен мелкофасеточной краевой отвесной постоянной сильномодифицирующей субпараллельной ретушью (рис. 2, 5).

Пластинчатый отщеп с ретушью – прямоугольный скол средних размеров с пропеллерообразным профилем. Преднамеренно обработанный участок занимает правый продольный край заготовки. Ретушь дорсальная, краевая, отвесная, постоянная, среднемодифицирующая, чешуйчатая, образующая зубчатый контур.

На левом продольном крае изделия фиксируются фасетки постоянной крутой зубчатой среднемодифицирующей псевдоретуши. *Отщеп с ретушью* – трапециевидный скол средних размеров, у которого продольные края покрыты фасетками противоположащей ретуши. Левый обработан полукрутой постоянной среднемодифицирующей чешуйчатой дорсальной ретушью, формирующей прямой рабочий край с ровным контуром; а дистальная зона правого – аналогичной вентральной (рис. 2, 11).

Группа изделий со следами псевдоретуши. Она насчитывает 326 экз. (кремневые сколы – 199 экз., сколы из эффузивных пород – 127 экз.), что составляет почти половину общего числа сколов в коллекции (47,7 %, без учета технических сколов). Среди сколов со следами механических повреждений была выделена подгруппа артефактов (33 экз.) с наиболее яркими проявлениями деструкции на поверхностях, позволяющими формально отнести эти изделия к орудиям.

«Ножи с обушком» – 2 экз. В роли «заготовок» псевдоорудий этого типа выступили два удлинённых отщепа средних размеров. Обушковые сколы имеют в одном случае прямоугольную, в другом – треугольную форму. На одном изделии механические повреждения краев захватывают 1/2 периметра, на другом – 3/4. Псевдоретушь, создающая «ножевое лезвие», занимает один из продольных краев. У обоих изделий она чередующаяся, постоянная, зубчатая, отличается лишь показателями углов наклона: у одного – отвесная, у другого – крутая (рис. 3, 3).

«Тейяжские острия» – 3 экз. К данной категории отнесены два кремневых отщепа и один листовидный отщеп из эффузивной породы. На двух изделиях псевдоретушь покрывает 3/4 периметра, а на одном – весь. В двух случаях она дорсальная, прерывистая, крутая, зубчатая; в одном – чередующаяся и постоянная. Заслуживает внимания то обстоятельство, что все три изделия имеют разную степень окатанности (слабая, средняя и сильная соответственно) (рис. 3, 4, 5). *«Концевые скребки»* – 5 экз. В четырех случаях сколы имеют пропорции отщепов, и только в одном «заготовкой» послужила пластина, представленная медиально-дистальным фрагментом. У одного изделия «обработанный» участок занимает менее 1/2 периметра, у трех – 3/4 и у одного охватывает весь периметр. На четырех сколах псевдоретушь располагается поочередно на участках вентральной и дорсальной плоскостей, в одном случае зафиксирована только на дорсальной. Почти на всех изделиях (4 экз.) механические повреждения изменяют морфологию края без видимых перерывов. Псевдоретушь крутая и отвесная. На одном изделии поврежденный участок представляет собой «рабочий край», полностью покрытый зубцами, на другом он имеет ровный

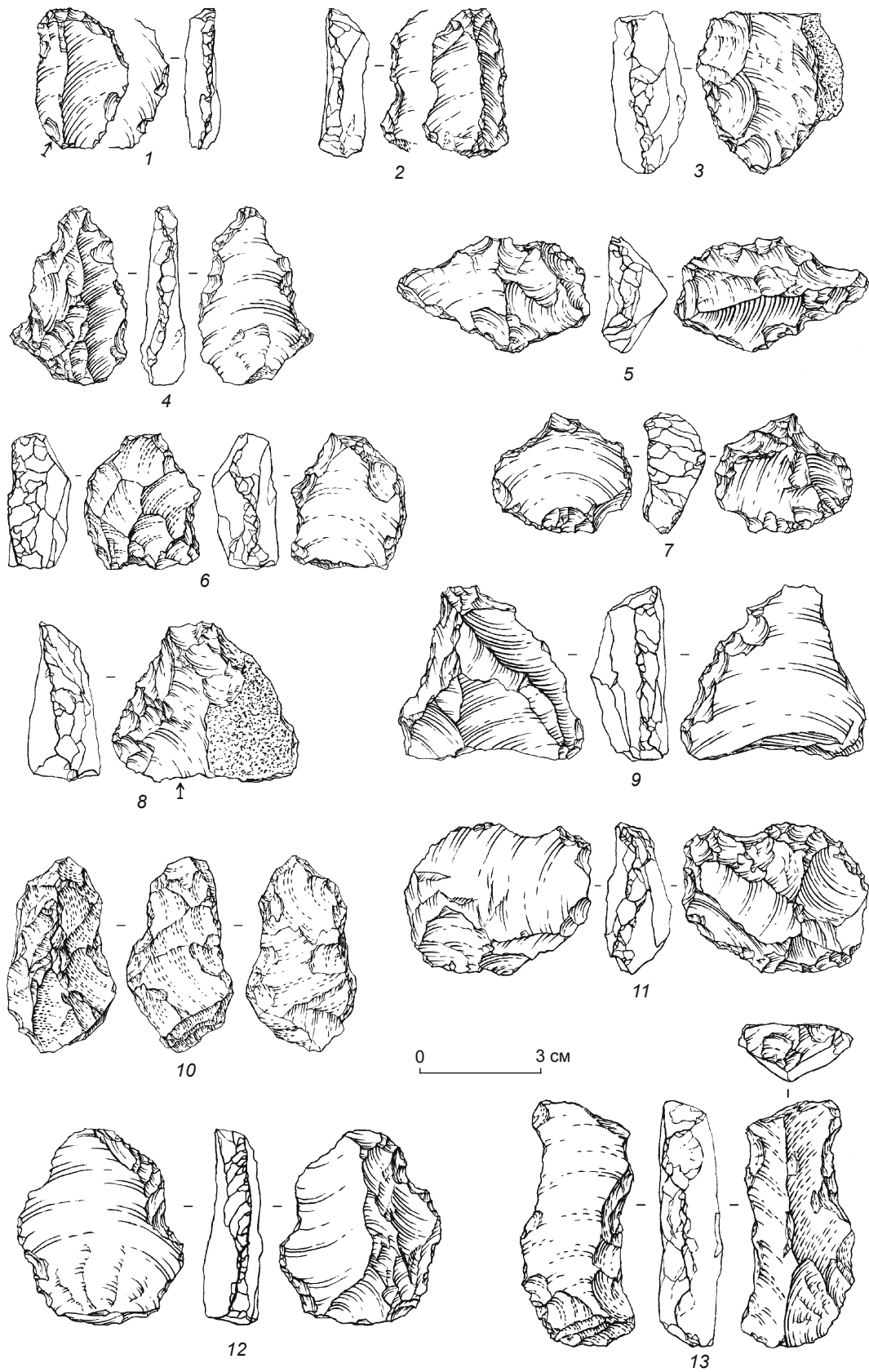

Рис. 3. Изделия со следами тафономической деструкции из комплекса слоя 3 стоянки Кульбулак (раскопки 2007–2010 гг.).

контур, в двух случаях зубчатые и гладкие участки чередуются (рис. 3, 1, 2). «Скребки с ретушью по периметру» – 4 экз. У этих изделий «скребковое лезвие» занимает весь периметр. На трех артефактах фасетки псевдоретуши фиксируются на дорсальной и вентральной плоскостях поочередно (на одном из них также встречаются небольшие участки с бифасиальной «обработкой»), на четвертом – только на дорсальной. Морфологические характеристики механических повреждений на сколах не одинаковы. В одном случае характер псевдоретуши прерывистый, в остальных – постоянный. На одном изделии фасетки создают зубчатый контур «рабочего края», на другом зубчатые и гладкие участки чередуются, на двух контур остается ровным. Во всех случаях псевдоретушь отвесная (рис. 3, 6, 7). Лезвие «бокового скребка» определено на участке одного из продольных краев массивного трапециевидного скола из эффузивной породы, где фиксируются фасетки дорсальной постоянной крутой зубчатой псевдоретуши.

«Одинарные продольные прямые скребла» – 3 экз. На двух изделиях фасетки псевдоретуши занимают 3/4 периметра заготовки, а на третьем они располагаются лишь на одном участке продольного края. В двух случаях негативы механических сломов фиксируются на дорсальной плоскости, в одном – на дорсальной и вентральной поочередно. Морфологические характеристики псевдоретуши разнятся на всех трех изделиях: на одном сколе она зубчатая отвесная, на втором – отвесная незубчатая, на третьем – зубчатая крутая (рис. 3, 8). «Одинарные продольные выпуклые скребла» – 3 экз. В одном случае псевдоретушь локализована на непротяженном участке (1/4 периметра), в двух других фиксируется по всему периметру. Ее расположение на плоскостях отличается у всех изделий (на дорсальной, вентральной и поочередно на обеих плоскостях соответственно). В двух случаях псевдоретушь крутая, в одном – отвесная. У двух изделий ее фасетки сформировали зубчатый контур ложного рабочего края, у одного он остался ровным (рис. 3, 9). «Одинарное продольное вогнутое скребло» определено на крупном угловатом отщепе из эффузивной породы. Один продольный край несет четкие следы механических повреждений в виде глубоких фасеток дорсальной постоянной крутой незубчатой псевдоретуши, формирующей ложный рабочий участок. «Скребла продольно-поперечные» – 2 экз. Изделия прямоугольной формы из кремня и эффузивной породы. В одном случае фасетки псевдоретуши занимают половину периметра, в другом – весь. Наиболее заметные механические повреждения, формирующие ложный рабочий край, локализованы на дистальных концах сколов и одной его продольной стороне. Дорсальная либо чередующаяся постоянная отвесная псевдоретушь образует зубчатый контур.

«Лимас» – массивный в сечении удлинённый кремневый отщеп треугольной формы, покрытый по всему периметру фасетками дорсальной прерывистой крутой (местами отвесной) незубчатой псевдоретуши, сильно видоизменяющей изначальную форму заготовки. Изделие сильно окатанное (рис. 3, 10).

«Выемчатые орудия» – 7 экз. Механические повреждения на этих изделиях занимают от четверти до полного периметра. В двух случаях изменения затронули только одну из плоскостей, а в остальных пяти – псевдоретушь чередующаяся. У четырех изделий она носит прерывистый характер, у трех – постоянный. Псевдоретушь крутая и отвесная. Механические повреждения достаточно сильно изменили изначальную форму краев пяти сколов, придав им зубчатые очертания. У двух изделий чередуются участки зубчатой и незубчатой псевдоретуши. Основные рабочие элементы – ретушированные анкоши – фиксируются на различных плоскостях (рис. 3, 11–13).

«Шиповидные орудия» (2 экз.) – сколы прямоугольной и овальной формы из эффузивной породы. Распространенность механических повреждений одинаковая (3/4 периметра). В обоих случаях шип выделен чередующейся прерывистой зубчатой ретушью. Единственное отличие между характеристиками ложной вторичной обработки изделий заключается в разной степени скошенности фасеток: в одном случае ретушь крутая, в другом – отвесная.

Обсуждение

При изучении индустрии слоя 3, равно как и при работе с коллекциями из других среднепалеолитических слоев памятника, включенных в отложения селево-пролювиального генезиса, бросается в глаза большая доля орудий относительно как общего количества артефактов, так и сколов. В материалах 2007–2010 гг. они составляют 51 % всех сколов. В коллекциях, полученных в 1962–1985 гг., М.Р. Касымов отмечал большую долю орудий относительно всех находок, колеблющуюся от 26 % (слой 9) до 58 % (слой 126). С нашей точки зрения, такой высокий показатель, если он не является следствием функционального своеобразия стоянки [Рыбин, Колобова, 2005], может быть поводом для особенно настороженного отношения исследователя к орудийному набору и выделения группы псевдоорудий.

Как показал анализ орудий и псевдоорудий из слоя 3 стоянки Кульбулак, следы тафономической деформации сколов легко могут быть интерпретированы в рамках широкого спектра орудийных форм, причем не только зубчато-выемчатой группы. Тем не менее удалось выявить определенные различия между характеристиками преднамеренной вторичной обработки и псевдоретушью: 1) псевдоретушь, в отличие от

преднамеренной, зачастую образует зубчатый рабочий край; 2) по расположению на плоскостях орудий она в большинстве случаев является чередующейся; 3) по углу наклона псевдоретушь преимущественно определяется как крутая и отвесная; 4) часто следы деструкции распространены более чем на половине периметра скола. Однако, на наш взгляд, выявленные отличия не являются присущими исключительно только псевдоорудиям; среди изделий с преднамеренной вторичной обработкой также есть экземпляры с сильномодифицирующей крутой ретушью, образующей зубчатый контур.

С целью выявления закономерностей, определяющих исключительно лишь следы «естественной» деструкции сколов, мы проверили ряд характеристик самих псевдоорудий. Прежде всего было рассмотрено соотношение между степенью окатанности изделий и степенью модификации их поверхности фасетками ретуши (рис. 4). Анализ выявил прямую зависимость между этими показателями: с возрастанием первого растет и второй.

Было изучено также соотношение между степенью модификации краев изделия ретушью и типами их кон-

тура (рис. 5). Анализ показал: чем выше степень модификации, тем больше изделий с зубчатым контуром.

Проверка соотношения между контуром края, характером расположения псевдоретуши и степенью окатанности скола продемонстрировала преобладание зубчатого контура у изделий практически всех степеней окатанности. Исключение составляют только сильноокатанные артефакты из кремня, у которых волнистый край встречается немного чаще, чем зубчатый (рис. 6).

Анализ соотношения между контуром края, образованного фасетками, и их расположением на плоскостях изделия выявил преобладание чередующейся псевдоретуши у сколов с зубчатым краем. Подсчеты также показали, что на изделиях всех морфологических группировок доминирует постоянная псевдоретушь.

Проиллюстрированные зависимости, на наш взгляд, свидетельствуют о естественном характере повреждения краев анализируемых артефактов из слоя 3 стоянки Кульбулак, поскольку характеристики ни одной искусственно созданной серии изделий не могут зависеть от постдепозиционной окатанности, как и контур рабочего края от степени модифика-

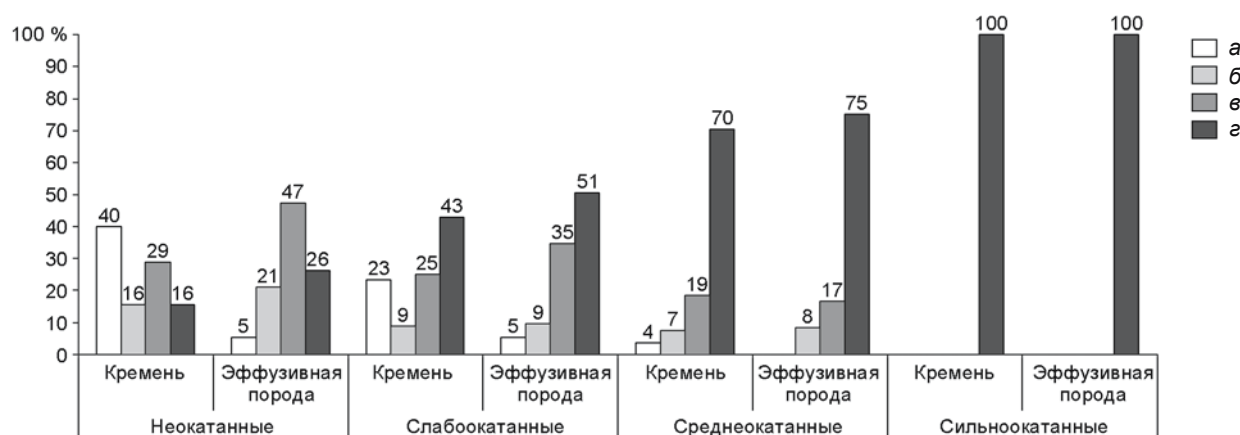

Рис. 4. Зависимость степени модификации поверхности тафономической ретушью от степени окатанности сколов. а – немодифицирующая; б – слабомодифицирующая; в – среднемодифицирующая; г – сильномодифицирующая.

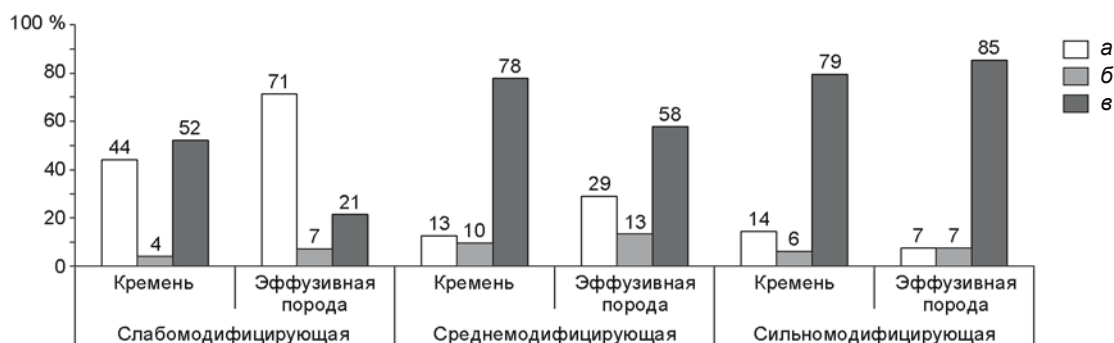

Рис. 5. Зависимость типов контуров краев, образованных тафономической ретушью, от степени модификации этой ретушью.

а – незубчатый край; б – зубчатый иррегулярный; в – зубчатый.

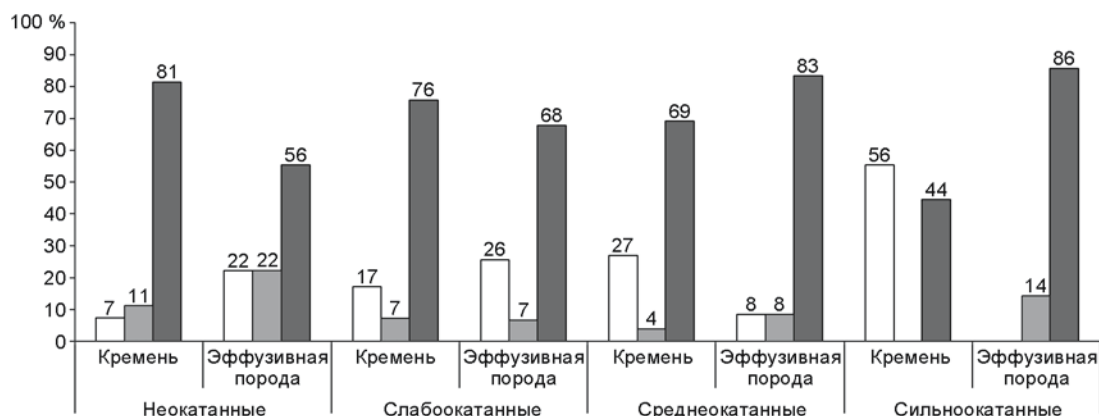

Рис. 6. Зависимость типов контуров краев, образованных тафономической ретушью, от степени окатанности сколов.

Усл. обозн. см. на рис. 5.

ции краев ретушью. Таким образом, в данной индустрии наблюдаются определенные различия между преднамеренной и тафономической ретушью, что требует раздельного анализа изделий, дифференцированных в зависимости от преднамеренного или тафономического характера модификации их краев.

При изучении коллекции мы также обратили внимание на присутствие в ней изделий с разной степенью окатанности. Для объяснения данного факта можно предложить две гипотезы: 1) различные типы сырья обладают разной сопротивляемостью геохимическим и механическим процессам в литологическом слое; 2) в состав изучаемого археологического комплекса входят разновременные элементы. Для проверки первого предположения при анализе как первичного расщепления, так и орудийного набора материал слоя 3 учитывался по двум основным категориям исходного сырья (кремнь и эффузивные породы) [Деревянко и др., 2008]. Полученные результаты однозначно показали отсутствие зависимости степени окатанности изделия от типа каменного сырья (рис. 4–6), что, на наш взгляд, свидетельствует в пользу разновременности компонентов комплекса слоя 3.

Заключение

В последнее десятилетие тенденция пересмотра комплексов, отнесенных ранее к фации зубчатого мустье или к памятникам тейякской культуры, проявляется все отчетливее [Колесник, 2003; Dibble et al., 2006]. Дело в том, что при переносе предложенной Ф. Бордом для среднего палеолита Южной Франции модели классификации на другие территории выделение варианта зубчатого мустье постепенно теряло четкость определения. В конце концов единственной чертой, объединявшей все зубчатые варианты

среднего палеолита различных территорий, осталось лишь преобладание различных модификаций зубчатых орудий, нередко определенных в очень широких морфологических рамках. Более того, зачастую не рассматривалось происхождение ретуши на таких «орудиях», а к характеристикам выделяемых зубчатых вариантов добавлялись новые, часто не имеющие ничего общего с классическими признаками мустье зубчатого типа.

Исходя из проведенного нами анализа индустрии слоя 3 стоянки Кульбулак, можно говорить, что основной маркирующий признак комплекса, отнесенного к зубчатому мустье, – зубчатый контур изделий – является результатом действия естественных процессов, связанных с транспортировкой и аккумуляцией селево-пролювиальных отложений. По нашему мнению, этот комплекс включает разновременные материалы, захваченные селем при его перемещении по направлению к территории памятника. Соответственно, он не может быть эталоном для выделения каких-либо культурно-технологических вариантов.

Учитывая, что стратиграфическая колонка памятника на исследованной площади представляет периодическое чередование фаз селевой активности, следует со значительной долей скептицизма рассматривать все комплексы среднего палеолита, отнесенные в предыдущий период исследования стоянки к фации зубчатого мустье. По нашему мнению, выделение этой фации на материалах Кульбулака необоснованно, что требует более общей (средний палеолит) культурной атрибуции средней пачки культуросодержащих отложений памятника. В таком случае выделение фации зубчатого мустье проблематично и для всей территории Средней Азии, поскольку именно среднепалеолитический комплекс стоянки Кульбулак являлся эталонным, позволявшим выделять данное культурное подразделение в исследуемом регионе.

Список литературы

- Гладилин В.Н.** Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР (тез. докл.) // VII Междунар. конгр. доисториков. – М.: Наука, 1966. – С. 14–18.
- Гладилин В.Н.** Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 228 с.
- Григорьев Г.П.** Начало верхнего палеолита и возникновение *Homo sapiens* в Европе и на Ближнем Востоке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1965. – 35 с.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А.** Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 13, ч. 1. – С. 83–89.
- История Узбекской ССР.** – Ташкент: Фан, 1967. – Т. 1. – 620 с.
- Касымов М.Р.** Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований) // Палеолит и неолит СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1972. – Т. 7. – С. 111–119. – (МИА; № 185).
- Касымов М.Р.** Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.
- Касымов М.Р., Годин М.Х.** Важнейшие результаты исследований многослойной палеолитической стоянки Кульбулак (по данным раскопок 1980–1981 гг.) // История материальной культуры Узбекистана. – 1984. – Вып. 19. – С. 3–18.
- Касымов М.Р., Тетюхин Г.Ф.** К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // История материальной культуры Узбекистана. – 1981. – Вып. 16. – С. 7–17.
- Колесник А.В.** Средний палеолит Донбасса. – Донецк: Лебедь, 2003. – 318 с.
- Колобова К.А.** Приемы оформления каменных орудий в палеолитических комплексах Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.
- Колобова К.А., Фляс Д., Кривошапкин А.И., Павленок К.К.** Новый этап исследования стоянки Кульбулак (по материалам раскопок 2009 г.) // Исследования первобытной археологии Евразии. – Махачкала: Наука ДНЦ РАН, 2010. – С. 177–190.
- Коробков И.И., Мансуров М.М.** К вопросу о типологии тейяко-зубчатых индустрий // Палеолит и неолит СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1972. – Т. 7. – С. 55–67. – (МИА; № 185).
- Кулаковская Л.В.** Мустье Азии: взгляд из Европы // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1990. – С. 210–214.
- Любин В.П.** Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 224 с.
- Несмеянов С.А.** К геологии открытых стоянок каменного века Средней Азии // Жизнь Земли. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1978. – Вып. 13. – С. 103–111.
- Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан)** / Н.К. Анисюткин, У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Б. Сайфулаев, Н.О. Хушваков. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – 40 с. – (Археологические изыскания; вып. 28).
- Оманжулов Т.** Мустьерские памятники Ташкентского оазиса: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 17 с.
- Ранов В.А.** О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук. – 1968. – № 3. – С. 3–11.
- Ранов В.А.** Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А.** Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1973. – 162 с.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 380–394.
- Сулейманов Р.Х.** Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – 165 с.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х.** Древние палеолитические культуры долины Зеравшана. – Ташкент: Фан, 1980. – 101 с.
- Щелинский В.Е.** К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 72–116.
- Bordes F.** Mousterian Cultures in France // Sciences. – 1961. – Vol. 134, N 3482. – P. 803–804.
- Dibble H., McPherron S., Chase P., Farrand W., Debénath A.** Taphonomy and the concept of Paleolithic cultures: The case of the Tayacian from Fontéchevade // PaleoAnthropology. – 2006. – Vol. 1. – P. 1–21.
- Dibble H., Rolland N.** On Assemblage Variability in the Middle Palaeolithic of Western Europe: History, perspectives and a new synthesis // The Middle Palaeolithic: Adaptation, Behaviour and Variability. – 1992. – Vol. 72. – P. 1–28.
- Gifford-Gonzalez D.P., Damrosch D.B., Damrosch D.R., Pryor J., Thunlen R.** The Third Dimension in Site Structure: An Experiment in Trampling and Vertical Dispersal // American Antiquity. – 1985. – Vol. 50. – P. 803–818.
- McBrearty S., Bishop L., Plummer T., Dewar R., Conard N.** Tools underfoot: human trampling as an agent of lithic artifact edge modification // American Antiquity. – 1998. – Vol. 63, N 1. – P. 108–129.

Материал поступил в редколлегию 15.04.11 г.

УДК 903-03

М.-Э. Монсель¹, Л. Кьотти², К. Гайяр¹, Ж. Оноратини¹, Д. Плердо¹¹Национальный Музей естествознания, Париж, Франция

Département de Préhistoire, Muséum national d'Histoire Naturelle, Paris, 75013, France

E-mail: moncel@mnhn.fr

gaillacl@mnhn.fr

gonorati@numericable.fr

dpleurdeau@mnhn.fr

²Музей Абри Пато, Лез-Эйзи; Национальный Музей естествознания, Франция

Museum of Abri Pataud, Les Eyzies, France

КАМЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ НЕУТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ, НАЙДЕННЫЕ НА ЕВРОПЕЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Впервые публикуемые сведения о палеолитических каменных предметах неутилитарного назначения сопоставляются с данными о других подобных предметах с территории Европы. В современной археологии такие находки (многие обработанные) с верхне- и среднепалеолитических памятников чаще всего признаются свидетельствами символической деятельности, связанной с появлением вида *Homo sapiens*. Однако присутствие и на гораздо более древних стоянках предметов неутилитарного назначения свидетельствует в пользу такой интерпретации. Не касаясь вопроса об их предназначении (оно нам неизвестно), мы рассматриваем их видоизменение и прослеживаем эволюцию. Предметы, не имеющие видимой связи с какой-либо утилитарной деятельностью, обнаружены даже в древнейших палеолитических отложениях. Начиная с эпохи ашеля их присутствие становится явным, а в верхнем плейстоцене они приобретают широкое распространение. Учет и классификация таких находок по материалу, цвету, форме, степени обработанности и т.д., а также изучение их хронологического, стратиграфического и геологического контекстов помогают реконструировать деятельность ранних гоминидов. Видимо, эти предметы имели символическое значение, их присутствие на памятниках свидетельствует о проведении каких-то неутилитарных действий.

Ключевые слова: неутилитарный, Европа, нижний палеолит, средний палеолит, верхний палеолит, каменные изделия.

Введение

Недавно в процессе раскопок и изучения музейных коллекций в научный оборот было введено несколько необычных каменных изделий [L'homme..., 2009]. Эти экспонаты находятся в Национальном музее естествознания (Музей человека в Париже и Музей Абри Пато в Лез-Эйзи), Институте палеонтологии человека в Париже, Музее антропологии и первобытной истории в Монако и Музее Сен-Рафаэля. В данной работе публикуются описания некоторых каменных предметов неутилитарного назначения и дается их анализ в контексте подобных находок с палеолитических памятников Европы.

Большая часть предметов неутилитарного назначения со стоянок среднего или верхнего палеолита рассматривалась с точки зрения появления символической деятельности, но функцию таких изделий в контекстах нижнего палеолита сложно установить [D'Errico et al., 2003]. Тезис об отсутствии устойчивого умения обрабатывать стойкие к разложению материалы ранее 75 тыс. л.н. поддерживается утверждениями некоторых исследователей о появлении символической деятельности вместе с *Homo sapiens*. Однако высказывается мнение и о том, что символическая деятельность, в частности, использование украшений, имела место и ранее 75 тыс. л.н. [Ibid.; Wynn, 2002]. Как считают некоторые ученые, напри-

мер Ч. Дарвин [Darwin, 1871], чувство прекрасного есть и у животных, особенно у птиц и млекопитающих. Хотя восприятие красоты свойственно исключительно человеческой природе, что отмечает П. Торт [Tort, 2008], этот ментальный процесс понимания эстетики или по меньшей мере реакция на яркое может иметь глубокие корни в животном мире при выборе партнера и создании пары. Возможно, это чувство сопровождало эволюционное развитие социальной природы и симпатии, которые достигли своего максимального развития в человеческом обществе.

Необычные каменные изделия неутилитарного назначения, встречающиеся на палеолитических стоянках, указывают на проявление к ним интереса со стороны гоминидов. Эти предметы демонстрируют особое отношение к себе как минимум с момента, когда их нашли и принесли на стоянку. Поскольку данные находки связаны с некими действиями, не имеющими отношения к поддержанию жизнедеятельности, они очень значимы для понимания повседневной жизни палеолитического человека.

Причину сбора необычных предметов как ранними гоминидами, так и современными людьми объяснить сложно. Человек подбирал необычный камень и приносил его «домой», возможно, неосознанно, а может быть, руководствуясь различными личными или коллективными интересами, такими как игра, эстетическое ощущение, эмоция, символическое общение, магическая или религиозная практика и т.д.

Обладание подобными предметами у членов группы или сообщества могло ассоциироваться с властью, поэтому необычные и редкие камни обретали особую ценность. Сознательная их обработка или тщательное оформление могли усиливать необычность формы или цвета сырья. Например, некоторые мастерски изготовленные палеолитические орудия из нетипичного сырья, бесспорно, особо ценились не только из-за их функциональной эффективности. Понятие «ценности» субъективно [Exchange systems..., 1977] не только для *Homo sapiens*, но и, возможно, для других, более ранних видов гоминидов. В данной работе мы попытаемся определить отношение ранних гоминидов к имевшимся у них ценным предметам [Rossano, 2009]. По предположению М. Элиаде [Eliade, 1987, 1989], начиная с периода нижнего палеолита некоторые объекты имели особое значение или смысл с точки зрения как умственного, так и зрительного восприятия.

У более поздних *Homo sapiens* эпохи палеолита символизм чаще всего ассоциировался с необычным сырьем. Насколько это было актуально для более ранних видов гоминидов? Отсутствие контекстуальных данных не позволяет дать точный ответ, хотя истоки символизма достаточно широко обсуждались (см.: [D'Errico et al., 2003]). Положение об обязательной связи символизма с языком может быть оспорено,

но в любом случае сложно представить, что эти удивительные предметы совсем не имели никакого значения для сапиенсов.

Одна из задач данной публикации – представить модель поведения гоминидов, основываясь на коллекциях необычных камней неутилитарного назначения [Chase, Dibble, 1987; Кугиасоу, 2009]. В статье описываются многочисленные подобные предметы и эволюция их значения для человека эпохи палеолита Европы.

От первых *Homo* к неандертальцам

В публикациях, посвященных нижнему и среднему палеолиту Евразии и раннему каменному веку Африки, упоминается несколько находок, выделяющихся своим очевидным неутилитарным назначением и особенностями [Stringer, Gamble, 1993; Edwards, 1978; Chase, Dibble, 1987; Nowell, D'Errico, Hovers, 2001]. Среди них – предметы, сохранившие свою первоначальную форму, а также видоизмененные человеком.

В данной работе рассматриваются только предметы неутилитарного назначения из минералов и минерализованных материалов, относящиеся к нижнему палеолиту Европы. Обработанные человеком и оригинальные находки можно разделить на несколько типов: 1) окаменелости, 2) кристаллы кварца и других минералов, 3) камни с выемками, 4) предметы антропоморфной формы, 5) артефакты, изготовленные из редких или необычных пород камня.

В статье обсуждаются не только окрашенные или пигментированные предметы. На 40 мустьерских памятниках, в частности, Пэш де л'Азе I (Франция), были найдены различные красящие материалы – гематит, охра, марганец, чьи физические и химические свойства не совсем востребованы в повседневной жизни [D'Errico, Soressi, 2006; Soressi et al., 2008]. Собранные гоминидами подобные материалы находили на ашельских памятниках, например, Амброн в Испании [Edwards, 1978]. Как показал трасологический анализ предмета со стоянки Терра Амата во Франции, он использовался для рисования по телу [Ibid.; Terra..., 2009]. Аналогичные находки отмечены на Хунsgi в Индии [Paddayya, 1979] и на стоянках формации Каптурин начала среднего каменного века (переход от ашеля к среднему каменному веку) в Кении [Edwards, 1978; Tryon, McBrearty, 2002].

Считается, что начало использованию пигментов положили поздние *Homo sapiens*. Однако недавно обнаруженные остатки таких веществ периода среднего палеолита в Африке свидетельствуют о том, что у людей современного физического облика символическая деятельность появилась очень рано. В пещере Бломбос в Южной Африке были найдены фрагменты охры, на поверхности которых имелись изображения, датируе-

мые 75 тыс. л.н. [Marshack, 1981; D'Errico et al., 2003; Hovers et al., 2003; Bartham, 1998]. Многочисленные кости и камни с нанесенными на поверхность знаками известны по материалам стоянок Бильдингслебен (Германия), Тата (Венгрия), Темната (Болгария, MIS 4), Вертешсёлэш (Венгрия, MIS 9), Сэнт-Анн I (MIS 6), Абри Суар (MIS 6-5), Пэш де л'Азе II (MIS 4), Ля Кина (Франция), Бачо Киро (Болгария) и Рипаре Тагльенте (Италия, MIS 3) [Mania D., Mania U., 1988; Bednarik, 1990; Cremades et al., 1995; D'Errico et al., 2003; D'Errico, Sorressi, 2006]. Такие отметки или следы дополнительной обработки могли появиться в результате разделки туши, жизнедеятельности хищников или в процессе тафономии [Bordes, 1969; Marshack, 1976; Raynal, Ségué, 1986; Cremades, 1996; Wolpoff, 1996].

Окаменелости. Обработанные и оригинальные окаменелости, представленные в археологических материалах, возможно, являются свидетельствами деятельности неутилитарного характера ранних первобытных людей или же как минимум их интереса к необычным предметам (табл. 1, рис. 1), что допускал А. Леруа-Гуран [Leroy-Gourhan, 1961, 1964]. Окаменелости часто находят на стоянках среднего палеолита Европы; обычно это единичные образцы, залегающие в культурных горизонтах. Окаменелости иногда

оформляли. Примером может служить зуб мамонта с насечками со стоянки Тата в Венгрии [Tata..., 1964]. Как показывают исследования, такие окаменелости не могли появиться на стоянках лишь в результате природных процессов [Meignen, 1993; Taborin, 1993]. Это относится и к ранее неопубликованной окаменелости морского ежа со стоянки Сандун-Табатери во Франции. Подобные предметы встречаются на различных местонахождениях Западной Европы начиная с ашеля. Они найдены на стоянках на Ближнем Востоке, например, окаменелости с просверленными отверстиями в Гешер Бенот Яков в Израиле (0,7 млн л.н.) [Goren-Inbar, Lewy, Kislev, 1991].

Кристаллы кварца и других минералов. В Европе на среднепалеолитических стоянках неандертальцев встречаются кристаллы кварца и других минералов (церуссит, железный колчедан, кальцит, галенит), а также принесенные сюда (Каналетт, Грот Гиены во Франции, Чоарей-Бороштени в Румынии) необработанные обломки породы [Leroy-Gourhan, 1961, 1964; Poplin, 1988; Meignen, 1993; Demnard, Neraudeau, 2001; Carciumaru et al., 2002]. Подобное отмечено и на недавно открытых стоянках Пэйр и Абри де Пэшер в Юго-Восточной Франции [Moncel, 2003; Moncel et al., 2009]. Большинство таких находок не имеет

Таблица 1. Окаменелости, принесенные на стоянки палеолитическими людьми – предшественниками *Homo sapiens*

Находки	Стоянка	Эпоха, культура	Источник
Rhynchonellidae (Taraebratulina) sp.	Комб-Греналь (Франция)	Южный ашель (уровень 61)	[Bordes, 1969]
Необработанные ростры белемнитов	Каналетт (Франция)	Средний палеолит (леваллуа). MIS 5–4	[Meignen, 1993]
Зуб мамонта с насечками	Тата (Венгрия)	Таубах. MIS 5	[Tata..., 1964]
Нуммулит (<i>Nummulites perforatus</i>) с вырезанным на поверхности крестом	» »	» »	[Ibid.]
Необработанные окаменелости – гастропод и сферический полипняк	Грот Гиены (Франция)	Средний палеолит. MIS 5–4	[Leroy-Gourhan, 1961, 1964]
Zeillzrinae (Taraebratulina)	Комб-Греналь (Франция)	Мустье типа кина (уровень 24)	[Bordes, 1969]
Верхний моляр окаменелого <i>Dicerhorinus mercki</i> , преднамеренно или естественным образом обломанный	Ортю (Франция)	Средний палеолит. MIS 4–3	[La grotte..., 1972]
Раковина маастрихтского моллюска <i>Glyptotactis</i> (<i>Baluchicardia</i>) sp.	Ше-Пурпе-ше-Конт	Средний палеолит	[Lhomme, Freneix, 1993]
Необработанный окаменелый морской еж	Сандунь-Табатери (Франция)	» »	Национальный музей естествознания, Париж (не опубликовано)
Окаменелость <i>Rhynchonella</i> с высверленным отверстием для подвешивания	Грот-дю-Ренн (Франция)	Шательперрон	[White, 2002, 2007a, б]
Окаменелая морская лилия (центральное отверстие расширено)	» »	»	[Ibid.]
Ростры белемнитов	» »	»	[Taborin, 1993]

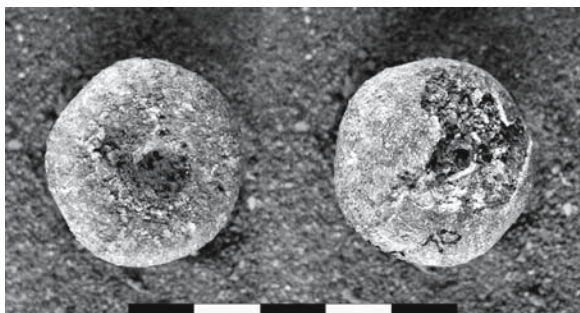

Рис. 1. Окаменелый морской еж. Сандунь-Табатери (Дордонь, Франция). Коллекция Национального музея естественной истории, Париж. Фото Э. Гонтье.

следов обработки и использования. Их появление не обусловлено нехваткой сырья в непосредственной близости от стоянок.

Коллекции кристаллов кварца ранних гоминидов впервые были отмечены на памятниках ашеля. Например, в Индии на стоянке Синги Талав в Раджастане (0,8 млн л.н.) обнаружены необработанные монопирамидальные кристаллы кварца (шесть образцов, из них один со следами утилизации), источник которых находился в нескольких километрах от памятника [D'Errico, Gaillard, Misra, 1989] (рис. 2). На Ближнем Востоке на стоянке Гешер Бенот Яков (0,7 млн л.н.) также обнаружены необработанные кристаллы кварца [Goren-Inbar, Lewy, Kislev, 1991]. В Китае на стоянке Чжоукоудянь необработанные кристаллы кварца (ок. 20 ед. размером в среднем ок. 6 см) залегали в слоях нижнего палеолита [Pei, 1931].

Камни с выемками. Некоторые находки типологически не соответствуют археологическим коллекциям и выделяются необычной формой или признаками нестандартной обработки. На стоянке Ля Ферраси во Франции на могильнике 6 была найдена крупная плитка с 18 естественными (или намеренно сделанными) выемками [Reugony, 1934]. Парное расположение выемок, возможно, имеет какое-то особое значение.

Камни с естественными выемками (3–2 млн л.н.) обнаружены в Африке [Leakey, 1971; Bednarik, 1998]. Галька с выемкой в центре с каждой стороны могла появиться на стоянке в ущелье Олдувай в Танзании, только будучи принесенной человеком. Невозможно точно определить, была ли она отобрана только из-за своей формы (на ней нет следов использования или дополнительной обработки).

Предметы, имеющие антропоморфную форму.

Такие сростки минералов, кремня и кости встречаются на стоянках среднего палеолита Евразии (Рош Котар во Франции и Србско в Чехии). Несмотря на неопределенность назначения, они входят в число предметов, принесенных на стоянку сознательно [Harrod, 1992; Marquet, Lorblanchet, 2003]. В литературе подобные

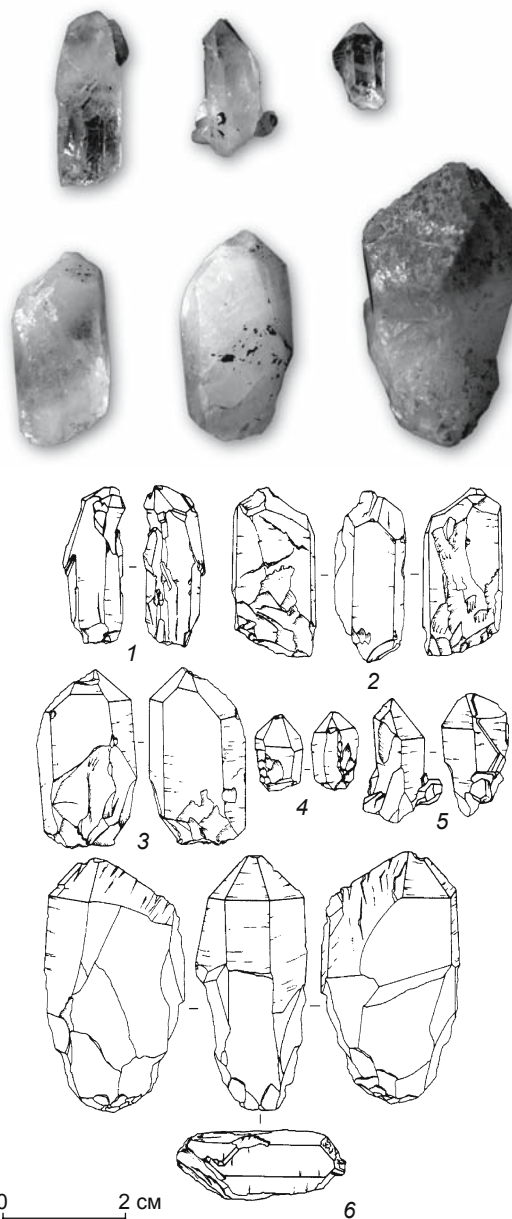

Рис. 2. Кристаллы кварца без признаков утилизации (1, 3–6) и с микроследами использования на острие (2). Синги Талав в Дидване (Раджастан, Индия), ашель (0,8 млн л.н.). Коллекция колледжа Деккан, Пуна, Индия. Длина кристаллов: 26,8; 19,4; 18,6; 17,3; 12,8 и 8,3 мм. Рисунок Ф. Д'Эррико, фото Н. Оссейн Терани.

находки часто описываются как проявления раннего символического поведения. В качестве примеров можно назвать яшму с выемками, по форме напоминающую фигуру человека, с местонахождения Макапансгат в Южной Африке (3,0–2,5 млн л.н.) [Leakey, 1971; Bednarik, 1998], грубо обработанный предмет антропоморфной формы из базальта с ашельской стоянки Берехат Рам в Израиле (233–470 тыс. л.н.) [Goren-Inbar, 1986; Pelcin, 1994; Marschack, 1976], грубо обработан-

ный антропоморфный предмет из кварцита со следами красного красящего вещества со стоянки Тан Тан в Марокко [Bednarik, 2001, 2003]. Некоторые специалисты считают их результатом комплекса постдепозиционных процессов [Pelcin, 1994; D'Errico, Nowell, 2000; Nowell, D'Errico, Hovers, 2001].

Артефакты, изготовленные из необычных пород камня или окаменелостей. Необычными считаются не только предметы из сырья, источник которого находится на значительном расстоянии от места обитания, но и камни, выделяющиеся по цвету и текстуре [Poplin, 1988; Texier et al., 2005]. Необычные камни встречаются уже на ашельских памятниках. Например, на стоянках Кариандуси в Кении или Гадеб и Мелка-Контуре в Эфиопии обнаружены рубила из обсидиана (коллекция Национального музея естествознания, Франция) [Piperno et al., 2008]. Известные по материалам многих памятников среднего палеолита Европы, такие камни, принесенные из отдаленных источников сырья, свидетельствуют о степени подвижности групп людей.

В пещере Сима-де-лос-Уэсос (Атапуэрка, Испания) найдено тщательно обработанное ручное рубило без следов утилизации из разноцветного кварцита; оно находилось в непосредственной близости от скелетов более 30 гоминидов, датируемых ок. 400–500 тыс. л.н. [Carbonell et al., 2003; Bischoff et al., 2003]. На этом памятнике рубило – единственный артефакт, который, видимо, был намеренно помещен вместе с телами. Возможно, это одно из ранних захоронений [Carbonell et al., 2003].

Известны и другие находки такого рода (с включениями в виде окаменелостей с отверстиями) [Oakley, 1965, 1971; Demnard, Neraudeau, 2001], которые транспортировались на большое расстояние или даже участвовали в обмене между группами (табл. 2). Примером тому может служить бифас из горного хрусталя с местонахождения Кульна (Чехия) таубахской культуры, большая часть артефактов которого была изготовлена из местных метаморфических или вулканических пород [Valoch, 1988; Patou-Mathis et al., 2005]. Использование здесь кремня с включениями не может быть связано с упрощением способов расщепления.

Таблица 2. Орудия из необычных пород и минералов, изготовленные палеолитическими людьми – предшественниками *Homo sapiens*

Находки	Стоянка	Эпоха, культура	Источник
Хорошо оформленное рубило (единственный артефакт на стоянке). Красный и розовый кварцит	Сима де лос Уэсос (Испания)	Ашель, 400–500 тыс. л.н.	[Carbonell et al., 2003; Bischoff et al., 2003]
Рубила с отверстиями в центре. Кремни с полостями	Блевиль, Бонней, Бокен (Франция)	Ашель	Национальный музей естествознания, Париж (не опубликовано)
Рубило с округлым включением в центре. Кремень с инородным включением	Ля Морандьер (Франция)	»	[Despriée, Gageonnet, 2000]
Рубило с выступом в основании. Кремень с трубчатой окаменелостью	Каньи-Рут-де-Бов (Франция)	»	Национальный музей естествознания, Париж (не опубликовано)
Рубило с окаменелостью в центре. Кремень с окаменелостью (<i>Spondylus spinosus</i>)	Норфолк (Великобритания)	» 100 тыс. л.н.	[Oakley, 1965, 1971]
Орудия различных типов. Кремень с окаменелостями (<i>Spondylus spinosus</i>)	Волверкот и Суонскоум (Великобритания)	Нижний и средний палеолит	[Oakley, 1971]
Орудия различных типов. Кремень с окаменелостями	Швенскопф и Камеленген (Германия)	Средний палеолит. MIS 6	[Oakley, 1965, 1971]
Скребло. Кремень с окаменелостью (эхиноид мелового периода)	Сэн-Жюс ле Марэ (Франция)	MIS 5	[Demnard, Neraudeau, 2001]
Бифас. Кристалл кварца	Кульна, слой 11 (Чехия)	Таубах. MIS 5	[Valoch, 1988; Patou-Mathis et al., 2005]
Крупный отщеп. Красный силекрет с белыми пятнами	Ля Комбет (Франция)	Средний палеолит. MIS 4	[Texier et al., 2005]
Орудие. Кремень с окаменелостью (<i>Micraster</i>)	Терси (Франция)	Средний палеолит	[Demnard, Neraudeau, 2001]
Расколотые или использовавшиеся в качестве отбойников окаменевшие морские ежи	Рош-о-Лу (Франция)	Шателлерперрон	[Poplin, 1988; Demnard, Neraudeau, 2001]

Ручное рубило со стоянки Ля Морандьер во Франции имеет «глазок» в центре [Despré, Gageonnet, 2000]. На стоянке Блевиль во Франции ручное рубило было изготовлено так, что полость внутри кремня оказалась в центральной части орудия.

Люди современного типа в период верхнего палеолита

В конце среднего и в период верхнего палеолита люди современного типа, начав придавать необычным материалам форму, совершили когнитивный скачок. Тогда же они стали создавать символические изделия (украшения, фигурки), усиливая их значение за счет качества используемого сырья, даже если некоторые из них не подлежали длительному хранению.

Наборы минералов. В верхнем палеолите люди использовали широкий спектр минералов, имеющих как утилитарное, так и декоративно-художественное значение. Одни из них могли иметь двойную функцию, другие – лишь символическую нагрузку (табл. 3). Кроме каменной индустрии на верхнепалеолитических стоянках часто находят гальки. Как правило, это кварц, но встречаются и другие породы из доступной сырьевой базы [De Beaune, 1997]. Гальки обычно приносили на стоянку либо как украшения, либо для неизвестных, но, очевидно, не утилитарных целей.

Наличие на стоянках гематита и охры обычно объясняется их красящими свойствами и, следовательно, символической нагрузкой (наскальная живопись, захоронения и др.). Возможно, они служили антисептиками или выполняли защитные функции. Гематит и

охра могли использоваться при изготовлении замазки (для рукояток) или в качестве абразивов [Groenen, 1991; Couraud, 1983], иногда из них делали украшения или предметы мобильного искусства (табл. 3). Кусочки гематита и охры с отверстиями или желобками, например, из Истюриц, Ложери-От или Грот Лез-Эйзи во Франции могли являться подвешиваемыми «карандашами», а не подвесками [Capitan, Breuil, Peyrony, 1910].

Украшения и предметы мобильного искусства делали, как правило, из талька (или его разновидности стеатита), янтаря и лигнита. Могли становиться украшениями и некоторые окаменелости. Собирали и обрабатывали и другие горные породы – горный хрусталь, серпентинит, халцедон, пирит, галенит, флюорит и др. (табл. 3).

Янтарь. Это окаменевшая смола разных видов деревьев. Цвет, прозрачность, светлый оттенок, легкость раскалывания и полировки делают янтарь великолепным материалом для изготовления предметов мобильного искусства и украшений. Его активно использовали в период неолита и в бронзовом веке, этот материал встречается и на стоянках верхнего палеолита начиная с ориньякских слоев (табл. 4). Сначала янтарь в виде необработанных фрагментов находили в основном в районах Басконии и Кантабрии (Юго-Восточная Франция и Северная Испания), а также на стоянках в Центральной Европе. На испанских памятниках представлен янтарь местного происхождения. Источник янтаря, обнаруженного на стоянках во Франции, пока неизвестен. Янтарь, найденный в Швейцарии, – возможно, с побережья Балтийского моря. В период мадленской культуры предметы из янтаря получили

Таблица 3. Минералы, собранные европейскими сапиенсами, и изготовленные из них изделия не утилитарного назначения

Минерал	Изделия	Стоянка	Эпоха, культура	Источник
1	2	3	4	5
Гематит	Две женские фигурки	Петржковице (Чехия)	Павлов (граветт)	[Klima, 1995]
»	Статуэтка в виде головы медведя	Труа Фрер (Франция)	Мадлен	[Bégouen, 1951]
»	Две пластинки с выгравированными фигурами лошадей	Луменча, Уртьяга (Франция)	Поздний мадлен	[San Juan, 1990; Groenen, 1991]
»	Две пластинки с гравировками	Ложери-От Эст, Ля-Мадлен (Франция)	Поздний граветт	[San Juan, 1990]
»	Плитка с геометрическим узором по краям	Костенки-21 (Россия)	16 960 ± 300 – 22 270 ± ± 150 л. до н.э.	[Abramova, 1995]
Охра	Две бусины	Истюриц (Франция)	Средний граветт	[Saint-Périer, Saint-Périer, 1952]
»	Подвески	Истюриц, Абри Гандиль (Франция)	Мадлен	[Saint-Périer, 1930; Laidier, Welte, 1993]

1	2	3	4	5
Глинистая охра	Несколько бусин и амулет (фаллос?), моделированы	Гурдан (Франция)	Мадлен	[Piette, 1874; Groenen, 1991]
Лимонит	Тщательно отшлифованная бусина	Истюриц (Франция)	»	[Saint-Périer, 1936]
Пиролюзит	Три предмета с просверленными отверстиями	Рок де Сер (Франция)	Солютре	[Tymula, 2005]
Пирит	Следы обработки отсутствуют (огниво?)	Грот дю Ренн (Франция)	Ориньяк	[De Beaune, 2002]
»	То же	Тру де Шале (Бельгия)	Мадлен	[Otte, 1994]
Галенит	Следы обработки отсутствуют	Абри Пато (Франция)	Средний граветт	[David, 1995]
»	Сорок четыре необработанных фрагмента общим весом 4 кг (для приготовления красителя?)	Тру Валу (Бельгия)	Ориньяк	[Dewez, 1987, 1993]
Флюорит	Три предмета с не до конца просверленными отверстиями, четыре шлифованных предмета и шлифованный спил (общий вес 1 кг)	Тру де Шале (Бельгия)	Мадлен	[Otte, 1994; Guide..., 2001; Dewez, 1987; Moreau, 2003]
»	Скол с просверленным отверстием	Тру дю Фронталь (Бельгия)	»	[Lejeune, 1987]
Кальцит (сталактит)	То же	Грот дю Ренн (Франция)	Ориньяк	[White, 2002]
»	»	Бороштени (Румыния)	Граветт	[Beldiman, 2005]
Змеевик	Подвеска	Пещера Лез Эспелюг (Франция)	Мадлен	[Piette, 1907]
»	Несколько цилиндрических бусин	Капова пещера (Россия)	Соотносится с наскальной живописью, близкой к раннемадленской	[Abramova, 1995]
»	Женская статуэтка, продолговатая подвеска, несколько прямоугольных пуговиц	Буреть (Россия)	21 190 ± 100 л.н	[Ibid.]
»	Женская статуэтка	Савиньяно (Италия)	Граветт (?)	[Mussi, 1996]
»	Две женские статуэтки	Гротт дю Пренс (Италия)	Граветт	[White, Bisson, 1998; Bisson, Bolduc, 1994; Bolduc et al., 1996]
Горный хрусталь	Фрагмент кристалла в погребении	Грот Детей (Италия)	»	[Cartailhac, 1912]
Дымчатый кварц	Два необработанных шестигранных кристалла	Ложери-От Эст (Франция)	Финальный граветт (протомадлен)	Национальный музей доистории (не опубликовано)
Окаменевшее дерево	Несколько бусин	Майнц Линзенберг (Германия)	Граветт	[Desbrosse, Koslowski, 1988]
Халцедон	Необработанный фрагмент	Ложери-Бас (Франция)	Мадлен	Национальный музей естествознания, Париж (не опубликовано)
Алеврит	Несколько дисков с просверленными отверстиями (диаметр ок. 20 см)	Пржедмости, Павлов I, погребение Брно II (Чехия)	Павлов (Граветт)	[Svoboda, 1995]

Таблица 4. Кусочки янтаря и янтарные предметы неутилитарного назначения со стоянок сапиенсов в Европе

Находки	Стоянка	Эпоха, культура	Источник
Необработанные фрагменты	Брасов (Румыния); Пржедмости (Чехия); Поппенбург (Германия); Лангманнерсдорф (Австрия); Куэва Морин и Лабеко Коба (Испания)	Протоориньяк и ранний ориньяк	[Arrizabalaga, 2000; Arrizabalaga et al., 2003; Álvarez Fernández, 2006]
Подвески и необработанные фрагменты (некоторые с царапинами)	Истюриц (Франция)	Ранний ориньяк	[Normand, 2005; Saint-Perier, Saint-Perrier, 1952; White, 2007a, б]
Цилиндрическо-конический фрагмент с мелкими пересекающимися насечками	Гатсарриа (Франция)	Ориньяк	[Sáenz de Buruaga, 1991]
Необработанные фрагменты	Эль Пендо (Испания)	Типичный ориньяк	[Álvarez Fernández, 2006]
То же	Ла Гарма А (Испания)	Граветт	[Peñalver et al., 2007]
Бусины	Истюриц (Франция)	»	[Saint-Périer, Saint-Perrier, 1952]
Необработанные фрагменты	» »	Солютре	[Passemar, 1913]
Пуговица с отверстием	Антолинья (Испания)	»	[Álvarez Fernández, 2006]
Дисковидные бусины	Кова Роса (Испания)	»	[Ibid.]
Необработанные фрагменты, жемчужины, подвески (348 ед.)	Межиричи (Украина)	Эпиграветт	[Soffer, 1985; Soffer et al., 1997; Kozłowski, 1988]
Бусины, подвески, антропоморфная статуэтка	Добраничевка (Чулатово II); Гонцы, Мезин (Украина)	»	[Soffer et al., 1997; Desbrosse, Kozłowski, 1988; Abramova, 1995]
Обработанные и необработанные фрагменты	Орансан, Грот де Ромэн (Франция); Книегротте (Германия); Гуденус (Австрия); Отрив-Шанревейр, Мосбюль (Швейцария); Лас Кальдас (Испания); Пекарна, Житны, Кульна (Моравия)	Мадлен	[Skutil, 1928; Beck et al., 1987; Valoch, 1992; Leesch, 1997; Álvarez Fernández, 2005]
Бусины, статуэтка в виде головы лошади	Анлен, Ма д'Азил, Истюриц (Франция)	»	[Saint-Périer, 1930, 1935, 1936; Tymula, 1996]
Предмет с высверленным отверстием и гравировкой (лошадь?)	Мейендорф (Германия)	Гамбургская культура	[Hahn, 1988; Terberger, 2006]
Бусины	Седлница-17 (Польша); Аренсхёфт (Германия)	То же	[Kozłowski, 1988, Terberger, 2006]
Янтарные гальки, бусина с Балтийского моря	Пещера Гоф (Великобритания)	Кресвельская культура	[Currant, Jacobi, Stringer, 1989; Tratman, 1953; Charles, 1991]
Зооморфная статуэтка (разбитая), бусина	Вайче (Германия)	Группа Федермесер	[Veil, Breest, 1997a, б]
Подвески	Могильник Ушки I (Россия)	10 360 ± 350 и 10 760 ± 110 л.н.	[Abramova, 1995]

распространение по всей Европе (рис. 3). Янтарь мог использоваться как компонент красителей, например, в Альтамире [Cabrera Garrido, 1978].

Черные породы (окаменевшие органические вещества): лигнит, гагат, графит. Лигнит – вид бурого угля, сохранивший легко определяемую древесную структуру и состоящий на 70–75 % из углерода. Гагат – это черная и блестящая разновидность бурого

угля, хорошо полируется и легко обрабатывается [Ligouis, 2006]. Графит – чистый самородный углерод, имеющий гексагональную кристаллическую решетку; встречается в виде мягких черных кусков в метаморфических породах в каменноугольных отложениях. Использование этих полезных ископаемых для изготовления предметов мобильного искусства и украшений началось в начале верхнего палеолита и

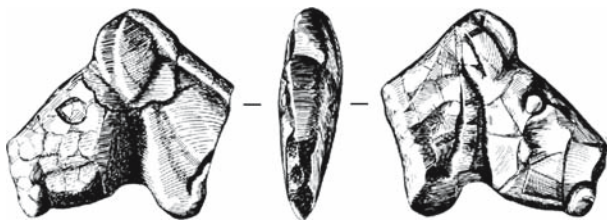

Рис. 3. Голова лошади из янтаря (по: [Saint-Périer, 1935]).
Истюриц (Пиренеи Атлантические, Франция), мадлен.

Рис. 4. Необычный предмет предположительно из лигнита. Грот Детей, Бальци Росси (Италия), зал Г, граветт. Коллекция Музея антропологии и древней истории, Монако.
Фото Ж. Пейре.

стало особенно широким в период мадленской культуры (табл. 5). Наиболее богаты лигнитом юг Германии и север Швейцарии [Álvarez Fernández, 2005]. Из лигнита изготавливали разные бусины или небольшие фигурки животных и людей, часто с отверстием для подвешивания (рис. 4). Многие изображения представителей фауны (особенно насекомых) входят в число бестиария мадленской культуры (табл. 5). Женские фигурки встречаются в основном на двух стоянках – Петерфельс и Монруз на юге Германии – и соответствуют стилю гёнерсдорф (отсутствие головы, изящное туловище и моделированная нижняя часть). Лигнит служил не только в качестве поделочного материала, но и топлива, о чем свидетельствуют материалы нескольких стоянок Европы [Théry et al., 1995; Koslowski, 1988].

Стеатит. Это твердая разновидность талька. Его активно использовали для изготовления предметов мобильного искусства и украшений в период верхнего палеолита, возможно, из-за внешнего вида и простоты обработки (1 по шкале твердости Мооса). Стеатит можно отполировать всего за несколько часов с помощью кожи. В пещерах Гримальди (или Бальци Росси в Италии) найде-

на самая большая верхнепалеолитическая коллекция предметов из стеатита: она включает подвески с отверстиями и насечками, женские статуэтки [Bonfils, Smyers, 1872; Cartailhac, 1912; Rivière, 1877; Mussi, 1991; White, Bisson, 1998] (рис. 5). На ориньякских стоянках Западной Европы обнаружены многочисленные бусины из стеатита начала верхнего палеолита. Обычно их делали таким же способом, что и бусины из слоновой кости. Однако, как установлено анализом корзинковидных бусин из Юго-Западной Франции, перфорирование обычно осуществлялось путем вращения, что не характерно для бусин из слоновой кости, их материал тверже (5 по шкале твердости Мооса). На некоторых стоянках, таких как Эль Пендо (Испания) и Фосселоне (Италия), из стеатита изготавливали точные копии рудиментарных клыков оленей. Позже, в основном на территории Италии, в культурах граветт и эпиграветт из стеатита делали женские фигурки. Очевидно, этот материал высоко ценился у граветтских охотничьих групп [Onorati, 2009]. На юго-востоке Франции преимущественно из него изготавливали предметы мобильного искусства. Примером могут служить коллекции с аренских стоянок Ля Бувери и Грот Райнод-1 (рис. 6). Загадочный предмет из стеатита был найден на стоянке Ле Гашет в Юго-Восточной Франции. На его обеих сторонах с помощью насечек была нанесена решетка, имелись раковидная кромка и три глухих отверстия. Подобное оформление отмечено на стеатитовых подвесках из гротов Флорестан, Гримальди [Bonfils, Smyers, 1872] и Гаворрано в Тоскане (Италия) [Bartoli, Galiberti, Gorini, 1977], которые сравнивают с антропоморфными объектами из Гротт-дю-Пренс в Гримальди [Mussi, 1991]. В юго-западной части Франции стеатит широко представлен на стоянках культуры мадлен, хотя это не единственный поделочный материал. Изделия из стеатита обнаружены на местонахождениях Шэр-а-Кальвин (девять подвесок и ковшик), Истюриц (четыре подвески) [Saint-Périer, 1930], Сен-Жермен-ля-Ривьер (несколько бусин) [Vanhaeren, D'Errico, 2003].

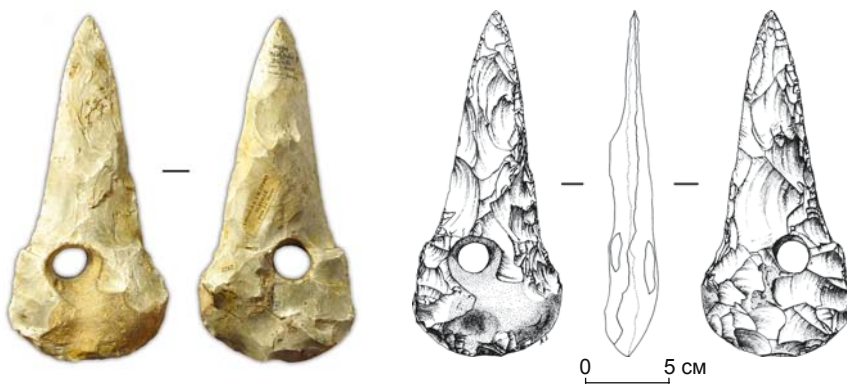

Рис. 5. Загадочный предмет из стеатита. Раскопки С. Бонфис. Грот де Флорестан, Бальци Росси (Италия). Фото Ф. Пуварель.

Таблица 5. Предметы из черных органических пород (лигнит, гагат, графит) на европейских стоянках эпохи верхнего палеолита

Материал	Изделия	Стоянка	Эпоха, культура	Источник
Лигнит	Украшение	Брассампуи (Франция); Гейссенклёстерле (ФРГ)	Ориньяк	[White, 1993; Álvarez Fernández, 2006]
Гагат	Бусины (одна шлифованная, с насечками)	Истюриц (Франция)	Средний граветт	[Saint-Périer, Saint-Perrier, 1952]
Лигнит	Плоская бусина	Ложери-От (Франция)	Поздний граветт (протомадлен)	[Bordes, 1978]
»	Украшения	Майнц-Линзенберг (Германия)	Граветт	[Álvarez Fernández, 2006]
Смесь графита и угля	Цилиндрическое изделие с отверстием в центре	Грот Детей (Гримальди, Италия)	Средний граветт	Музей в Монако (не опубликовано)
Лигнит	Дисковидная бусина	Лас-Кальдас (Испания)	Солютре	[Álvarez Fernández, 2006]
Лигнит, графит	Подвески (одна с выгравированным изображением оленя)	Рок-де-Сер, Фурно дю Дьябль (Франция)	»	[Peyrony, 1932; Tymula, 2005]
Лигнит	Три женские статуэтки, маленькие бусины, пластинки с двумя отверстиями, рабочие сколы	Монрюз (Швейцария); Рок-ля-Тур (Бельгия); Фонтале, Пэнсеван (Франция)	Мадлен	[Leroy-Gourhan, Brézillon, 1966; Ladier, Welte, 1993; Le Tensorer, 1998; Bullinger, 2006]
»	Прямоугольные и каплевидные бусины, мелкие бусины, женские статуэтки, пластинки с парными отверстиями	Гённерсдорф, Петерсфель (Германия)	»	[Bahn, Butlin, 1990; Le Tensorer, 1998; Álvarez Fernández, 2005, 2006; Bullinger, 2006]
»	Мелкие дисковидные бусины, прямоугольные бусины	Мосбюль (Швейцария); Кауферсберг, Кесслерлох (Германия)	»	[Bullinger, 2006]
»	Пластинки с двумя отверстиями	Тру-де-Шалё (Бельгия); Гнирсхёле (Германия)	»	[Dewez, 1987; Bullinger, 2006; Álvarez Fernández, 2005]
»	Скульптурные изображения головы лошади (с просверленным отверстием и без него)	Пещера Тейжа, Ма д'Азиль (Франция)	»	[Piette, 1907; Álvarez Fernández, 2005]
»	Фигурка жука (с просверленным отверстием)	Пещеры Трилобит, Фонтале (Франция)	»	[Baffier, 1995; Ladier, Welte, 1993]
»	Личинка подкожного овода (<i>Oedemagna tarandi</i>), неопределимое насекомое, окаменелость с отверстием	Кляйне Шойр им Розенштайн (Германия); Кесслерлох (Швейцария)	»	[Álvarez Fernández, 2005; Bahn, Butlin, 1990; Le Tensorer, 1998]
»	Женская статуэтка (?)	Швайцербильт, Холленберг-Хёле-3, Мосбюль (Швейцария); Хоз Фельс (Германия)	»	[Le Tensorer, 1998; Bullinger, 2006]
Гагат	Немодифицированные фрагменты, изделия криволинейной формы (некоторые похожи на женский профиль)	Мосбюль, Кесслерлох (Швейцария); Петерсфельс (Германия)	»	[Bullinger, 2006]
»	Подвеска в виде насекомого или женская статуэтка	Фонтале (Франция)	»	[Ladier, Welte, 1993]
»	Диски	Холленберг Хёле-3, Швайцерсбильт, Фрейденталь (Швейцария); Охоз (Чехия)	»	[Álvarez Fernández, 2005; Valoch, 1992]

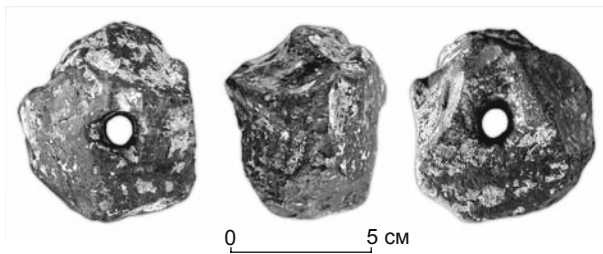

Рис. 6. Бусины из стеатита (12, 14 и 26 мм). Грот Ренод-1 (Вар, Франция), поздний этап аренской культуры. Коллекция Музея Сен-Рафаэля. Фото М. Мираглио.

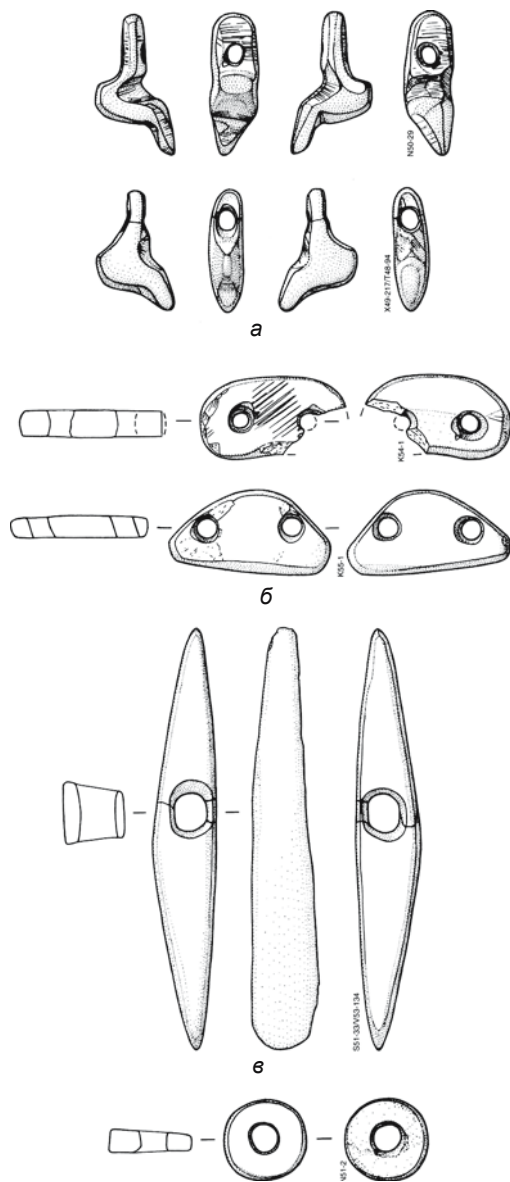

Рис. 7. Изделия из ископаемых ростров белемнитов. а – Абри Пато (Дордонь), средний граветт. Раскопки Х.Л. Мовиуса. Коллекция Национального музея естествознания (Абри Пато) Лез-Эйзи. Фото Л. Кыотти; б – Ля Сальпетриер (Гар, Франция), сальпетр/верхнее солотре. Раскопки М. Эскалон де Фонтон. Фото Ф. Поварел; в – Абри де Ложери-От (Дордонь, Франция), солотре (по: [Giraux, 1907]).

Оригинальные и обработанные окаменелости.

Как в период среднего палеолита, так и в эпоху верхнего палеолита Европы человек собирал большое количество окаменелостей, которые иногда (проделав в них отверстие) использовал в качестве украшений (рис. 7, 8). Такие окаменелости даже без отверстия приносили на место обитания с близлежащих и отдаленных мест, что свидетельствует о придании находкам особой значимости. Чаще всего это были окаменелости третичного периода, а также раковины морских моллюсков. Окаменелости первичного и вторичного геологических периодов, как и окаменелости белемнитов на стоянке Абри Пато (средний граветт), редки.

Почти 100 окаменевших морских ежей с отверстиями и без них обнаружены на верхнепалеолитических памятниках (например, Костенки-17 (Россия) и пещеры Трилобитов Сальпетриер, Абри Пато во Франции [Escalon de Fonton, 1964; San Juan, 1990; Taborin, 1993; Baffier, 1995; David, 1995; White, 1993, 1995; Demnard, Néraudeau, 2001]). В Юго-Западной Франции они встречаются в отложениях ориньякской и мадленской культур, но наиболее широко представлены в материалах солотрейской культуры [Taborin, 1993]. Другие виды окаменелостей (например, рудисты, кораллы, аммониты, белемниты, трилобиты) также превращали в украшения путем высверливания отверстий или на-

Рис. 8. Перфорированные аммониты. Абри Пато (Дордонь, Франция), средний граветт. Раскопки Х.Л. Мовиуса. Коллекция Национального музея естествознания (Абри Пато) Лез-Эйзи. Фото Л. Кыотти.

Рис. 9. Изделия из принесенных на стоянку желваков железа. Абри Пато (Дордонь, Франция), средний граветт. Раскопки Х.Л. Мовиуса. Коллекция Национального музея естествознания (Абри Пато) Лез-Эйзи. Фото Л. Кыотти.

несения круговых насечек [Abramova, 1995; Taborin, 1993; Giraux, 1907]. Четыре бусины из белемнита со стоянки Костенки-17 являются образцами тщательной обработки белемнита: окаменелости разрезали на сегменты, затем раскололи по центру и придали полуцилиндрическую форму. Наконец, на краю каждого сегмента проделали отверстие и отшлифовали концы и кромки [White, 1995].

Являлись ли гальки предметами символической деятельности? На многих верхнепалеолитических памятниках встречаются гальки определенной формы и/или цвета, обычно небольшого размера. Они отличаются от более крупных галек, имевших утилитарное назначение (отбойники, например). Некоторые небольшие гальки превращали в украшения или помещали в захоронения. На отдельных стоянках в большом количестве встречаются подобные гальки, не имеющие признаков особого назначения или функциональной нагрузки.

Гальки-украшения. В период верхнего палеолита гальки наиболее часто использовались для изготовления украшений. Их декорировали, в них проделывали отверстия. Такие находки очень многочисленны, украшения этого типа обнаружены, например, в пещерах Истюриц, Абри Пато, Ложери-От [Giraux, 1907; Saint-Périer, Saint-Périer, 1952; Delluc B., Delluc G., 2004].

Гладкие гальки. В гроте Абри Пато в Лез-Эйзи (Франция) в слое 4, соответствующем среднему граветту [Movius, 1977; Pottier, 2005], было найдено 366 артефактов не из кремня (рис. 9). Из них лишь 38 находок утилитарного назначения или со следами использования (в функции отбойников, наковален, терочников), три изделия являются украшениями или предметами искусства [Delluc B., Delluc G., 2004], два образца, возможно, имеют гравировки. Остальные – маленькие гладкие гальки (длиной обычно 3–5 см) различных пород без признаков использования или обработки. Подобные необработанные гальки без следов утилизации встречаются и на других верхнепалеолитических стоянках в Юго-Западной Франции: Абри Бланшар в коммуне Сержак (ориньяк) [White, 1992], Ложери-От в Лез-Эйзи (солютре) [Peyrony D., Peyrony E., 1938], Бадегуль (солютре) [Cheynier, 1949; Peyrony, 1908]. Учитывая многочисленность, эстетичность и однородность некоторых коллекций, можно предположить, что гальки собирали с неутилитарной целью.

Гальки из захоронений. В Средиземноморье обнаружены свидетельства использования в период верхнего палеолита плоских галек в погребальных обрядах. Так, в Гроте Детей в Гримальди в парном захоронении периода раннего граветта находились небольшие, тщательно подобранные по форме и цвету плоские гальки серпентинита. Некоторые из них были положены в рот умершего [Verneau, 1906]. Пожертвования в виде галек очень часто фиксируются в культурах конца верхнего палеолита (конец эпиграветта) и мезолита. Примером

могут служить находки из пещеры Арене Кандиде в Лигурии (Италия). Во многих погребениях эпохи мезолита имеются следы красной охры и многочисленные раковины с перфорированными отверстиями, фрагменты раковин гребешков, рога лося, рудиментарные клыки оленей, красящие минералы и иногда раскрашенные гальки. Были окрашены концы двух галек западной азильской культуры из самых ранних захоронений [Cardini, 1980]. Таким образом, в период культуры граветта в Лигурии люди практиковали жертвоприношение галек, эти традиции сохранялись до эпохи мезолита, когда цветные гальки сменились раскрашенными.

Выводы

Предметы, которые, очевидно, не имели никакого отношения к повседневной бытовой деятельности древних людей, представлены уже на палеолитических стоянках. К самым ранним подобным находкам относятся несколько предметов эпохи нижнего палеолита, трудно поддающихся интерпретации; они многочисленны в коллекциях периодов среднего и верхнего палеолита. О том, что этим вещам придавалось символическое значение, можно судить по их необычному внешнему виду, археологическому контексту или количеству. Однако зачастую сложно интерпретировать самые ранние из них предметы и выявить причины их появления на стоянках. Их количество существенно увеличивается с появлением *Homo sapiens*; они заметны на стоянках ранних гоминидов и неандертальцев. Наличие предметов неутилитарного назначения в местах обитания доисторических людей, возможно, обусловлено постепенным развитием когнитивных способностей.

У ранних гоминидов это выражалось в выборе странных, необычных, экстраординарных предметов, собранных во время поиска материалов, необходимых для поддержания жизнедеятельности. Подобное поведение не характерно для приматов, хотя они использовали деревянные и каменные орудия, а также играли с камнями [Goodall, 1989; Joulain, 2005; Morgan, Abwe, 2006; Mercader et al., 2007].

С самого начала истории человека (после 0,8 млн л.н., достоверность более ранних находок необходимо установить) необычные предметы подбирались преимущественно по цвету, прозрачности, форме, текстуре поверхности и т.д. Эти находки иногда дополнительно обрабатывали. Известны орудия из необычного каменного материала. Они были изготовлены с особой тщательностью, что свидетельствует об их исключительной значимости.

Homo sapiens также собирал необычные предметы, такие как окаменелости, камни редких оттенков или структуры, небольшие окрашенные гальки. Он использовал необычное сырье для изготовления предме-

тов, имеющих символическое и эстетическое значение. В начальный период верхнего палеолита состав наборов определялся сырьевыми возможностями занимаемой местности; в последующем стремление к обладанию высоко ценившимися необычными материалами заставляло его расширять территорию поиска. По-прежнему определяющим признаком являлся цвет, большее значение уделялось прозрачности или блеску, а также степени податливости материала при обработке (например, янтарь, лигнит, стеатит). Такие материалы обрабатывали либо прямо у источника добычи сырья, либо после транспортировки на место стоянки. Их часто находят на стоянках, а также в захоронениях конца эпохи верхнего палеолита. Все эти предметы, несомненно, собирали с определенным смыслом не только *Homo sapiens*, но и представители ранних видов гоминидов. Их присутствие на древних стоянках, вероятно, связано с природными, демографическими и социальными факторами. Эти находки были результатом целенаправленного поиска [D'Errico, Soressi, 2006]. Многочисленность таких предметов, многообразие сырья и более интенсивная обработка материала, возможно, были обусловлены развитием наскального искусства, появившегося в Европе приблизительно 35 тыс. л.н. В этом контексте символическое значение рассматриваемых предметов становится более понятным. Со времен ашеля предметы неутилитарного назначения становятся частью быта гоминидов. Они приобретают особое значение для гоминидов, что может указывать на наличие символической деятельности.

Благодарности

Данное исследование выполнено в рамках мультидисциплинарного проекта с участием археологов, геологов и физиков, направленного на изучение связи между человеком и драгоценными камнями начиная с древних времен и до наших дней. Авторы выражают благодарность Министерству науки Франции за поддержку, а также признательность Национальному музею естествознания, Институту палеонтологии человека, Музею антропологии и первобытной истории (Монако), Музею Сен-Рафаэля, колледжу Деккан (Индия), позволившим изучить оригинальные и неопубликованные предметы из их фондов.

Список литературы

- Abramova Z.A.** L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. – Grenoble: Jérôme Millon, 1995. – 367 p.
- Álvarez Fernández E.** Eloignés mais pas isolés: la parure hors de la «frontière française» pendant le Magdalénien // Dujardin V. Industrie osseuse et parures du Solutrén au Magdalénien en Europe. – P.: Société Préhistorique Française, 2005. – P. 25–38. – (Mémoires de la Société Préhistorique française; [vol.] XXXIX).
- Álvarez Fernández E.** Los objetos de adorno-colgantes del Paleolítico superior y del Mesolítico en la cornisa Cantábrica y en el Valle del Ebro: Una visión Europea. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 2006. – 1333 p.
- Arrizabalaga A.** Los tecnocomplejos líticos del yacimiento arqueológico de Labeko Koba (Arrasate, País Vasco) // Munibe (Antropología–Arkeologia). – 2000. – Vol. 52. – P. 193–343.
- Arrizabalaga A., Altuna J., Areso P., Elorza M., García M., Iriarte M.J., Marriekhurrena K., Mujika J., Pemán E., Tarriño A., Uriz A., Viera L., Straus L.G.** The Initial Upper Paleolithic in Northern Iberia: New Evidence from Labeko Koba // Current Anthropology. – 2003. – Vol. 44(3). – P. 413–421.
- Baffier D.** Les pendeloques magdaléniennes de la grotte du Trilobite // Gallia préhistoire. – 1995. – [Vol.] 37. – P. 106–108.
- Bahn P.G., Butlin R.K.** Les insectes dans l'art paléolithique: quelques observations nouvelles sur la sauterelle d'Enlène (Ariège) // L'art des objets au Paléolithique / ed. J. Clottes. – Foix; Le Mas-d'Azil, 1990. – [Vol.] 8(1). – P. 247–253.
- Bartham L.S.** Possible Early Pigment Use in South-Central Africa // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39(5). – P. 703–710.
- Bartoli G., Galiberti A., Gorini P.** Oggetti d'arte mobiliare rinvenuti nelle province di Grosseto e Pisa // Rivista di Scienze Preistoriche, Firenze. – 1977. – Vol. XXXII (1/2). – P. 193–218.
- Beck C.W., Chantret F., Sacchi D.** L'Ambre paléolithique de la grotte d'Aurensan (Hautes Pyrénées) // L'Anthropologie. – 1987. – Vol. 91(1). – P. 259–262.
- Bednarik R.G.** An Acheulian haematite pebble with striations // Rock Art Research. – 1990. – Vol. 7. – P. 75.
- Bednarik R.G.** The «australopithecine» cobble from Makapansgat, South Africa // South African Archaeological Bull. – 1998. – Vol. 53. – P. 4–8.
- Bednarik R.G.** An Acheulian figurine from Morocco // Rock Art Research. – 2001. – Vol. 18. – P. 115–116.
- Bednarik R.G.** A figurine from the African Acheulian // Current Anthropology. – 2003. – Vol. 44(3). – P. 405–413.
- Bégouen H.** Un «Objet Orné» en forme de tête d'ours provenant de la grotte des Trois-Frères // Préhistoire et spéléologie ariégeoises. – 1951. – Vol. VI. – P. 31–32.
- Beldiman C.** Parures paléolithiques et épipaléolithiques de Roumanie (25 000–10 000 BP): typologie et technologie // Industrie osseuse et parures du Solutrén au Magdalénien en Europe / ed. V. Dujardin. – Angoulême, 2005. – P. 39–71. – (Mémoires de la Société préhistorique française; [vol.] XXXIX).
- Bischoff J.L., Shamp D.D., Aramburu A., Arsuaga J.L., Carbonell E., Bermudez De Castro J.M.** The Sima de los Huesos Hominids Date to Beyond U/Th Equilibrium (>350 kyr) and perhaps to 400–500 kyr: New Radiometric Dates // J. of Archaeological Science. – 2003. – Vol. 30. – P. 275–280.
- Bisson M.S., Bolduc P.** Previously Undescribed Figurines From the Grimaldi Caves // Current Anthropology. – 1994. – Vol. 35 (4). – P. 458–468.
- Bolduc P., Cinq-Mars J., Mussi M.** Les figurines des Balzi Rossi (Italie): une collection perdue et retrouvée // Préhistoire ariégeoise: Bull. de la Société préhistorique de l'Ariège. – 1996. – Vol. LI. – P. 15–53.
- Bonfils S., Smyers L.** Recherches sur les outils en silex des troglodytes et sur la manière dont ils les fabriquaient. Typ. V.E. – Nice: Gauthier et Compagnie, 1872. – 19 p.

- Bordes F.** Os percé moustérien et os gravé acheuléen du Pech de l'Azé II // *Quaternaria*. – 1969. – Vol. 11. – P. 1–6.
- Bordes F.** Le Protomagdalénien de Laugerie-Haute-Est (fouilles F. Bordes) // *Bull. de la Société préhistorique française*. – 1978. – Vol. 75 (11/12). – P. 501–521.
- Bullinger J.** Le jais // Le site Magdalénien de Monruz 1. Premiers éléments pour l'analyse d'un habitat de plein air / eds. J. Bullinger, D. Leesch, N. Plumettaz. Neuchâtel: Musée Cantonal d'Archéologie, 2006. – P. 158–164. – (Archéologie neuchâteloise; [vol.] 33).
- Cabrera Garrido J.M.** Les matériaux de peinture de la caverne d'Altamira // Actes de la 5e réunion triennale du comité de conservation de l'ICOM. – Zagreb: [s.n.], 1978. – P. 1–9.
- Capitan L., Breuil H., Peyrony D.** La caverne de Font-de-Gaume aux Eyzies (Dordogne). – Monaco: Imp. Ve A. Chêne, 1910. – 271 p.
- Carbonell E., Mosquera M., Ollé A., Rodriguez X.P., Sala R., Verges J.M., Arsuaga J.L., Bermudez De Castro J.M.** Les premiers comportements funéraires auraient-ils pris place à Atapuerca, il y a 350 000 ans? // *L'Anthropologie*. – 2003. – Vol. 107. – P. 1–14.
- Carciumaru M., Moncel M.H., Angelhicu M., Carciumaru R.** The Borosteni-Cioarei Cave (Carpathian Mountains, Romania). Middle archaeological finds and technological analysis of the lithic assemblages // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76. – P. 681–690.
- Cardini L.** La Nécropole mésolithique d'Arene Candide en Ligurie // *Memorie dell'Istituto Italiano di Paleontologia Umana*. – 1980. – Vol. VIII (3). – P. 9–31.
- Cartailhac E.** Les grottes de Grimaldi (Baoussé-Roussé) // *Archéologie*. – 1912. – T. II (2). – P. 215–324.
- Charles R.** Note sur la découverte de nouvelles incisions rythmiques du Paléolithique supérieur provenant de Gough's Cave, Somerset, Angleterre // *Bull. de la société préhistorique française*. – 1991. – Vol. 88(2). – P. 45–48.
- Chase P.G., Dibble H.L.** Middle Palaeolithic symbolism: A review of current evidence and interpretations // *J. of Anthropological Archaeology*. – 1987. – Vol. 6. – P. 263–296.
- Cheynier A.** Badegoule, station solutréenne et protomagdalénienne. – P.: Masson, 1949. – 230 p. – (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine; [vol.] 23).
- Couraud C.** Pour une étude méthodologique des colorants préhistoriques // *Bull. de la Société préhistorique française*. – 1983. – Vol. 80 (4). – P. 104–110.
- Cremades M.** L'expression graphique au Paléolithique inférieur et moyen: l'exemple de l'abri Suard (La Chaise-de-Vouthon, Charente) // *Bull. de la Société préhistorique française*. – 1996. – Vol. 93 (4). – P. 494–501.
- Cremades M., Laville H., Sirakov N., Kozłowski J.K.** Une pierre gravée de 50 000 ans B.P. dans les Balkans // *Paléo*. – 1995. – Vol. 7. – P. 201–209.
- Currant A.P., Jacobi R.M., Stringer C.B.** Excavations at Gough's Cave, Somerset 1986-7 // *Antiquity*. – 1989. – Vol. 63. – P. 131–136.
- Darwin C.** The Descent of Man and Selection in Relation to Sex. – L.: John Murray, 1871. – Vol. 1. – 423 p.; Vol. 2. – 475 p.
- David N.C.** Le Noaillien («Périgordien Vc») de l'abri Pataud niveau 4, éboulis 3/4: moyen + inférieur, niveau 4a // Bricker H.M. Le Paléolithique supérieur de l'abri Pataud, Dordogne. Les Fouilles de H.L. Movius Jr. – P.: Maison des Sciences de l'Homme, 1995. – P. 105–131. – (Documents d'archéologie française; [vol.] 50).
- De Beaune S.** Les galets utilisés au Paléolithique supérieur. – P.: CNRS, 1997. – 298 p. – (Suppl. à Gallia Préhistoire; [vol.] XXXII).
- De Beaune S.** Les fossiles et autres curiosa // Schmitter B. L'Aurignacien de la Grotte du Renne. Les fouilles d'André Leroi-Gourhan à Arcy-sur-Cure (Yonne). – P.: CNRS, 2002. – P. 257–266 (Suppl. à Gallia Préhistoire; [vol.] XXXIV).
- D'Errico F., Gaillard C., Misra V.N.** Collection of non-utilitarian objects by Homo erectus in India, Hominidae // Hominidae / ed. G. Giacobini. – Milan: Jaca Book, 1989. – P. 237–239. – (Proceedings of the second International Congress of Human Palaeontology).
- D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M.** Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music-An Alternative Multidisciplinary Perspective // *J. of World Prehistory*. – 2003. – Vol. 17 (1). – P. 1–70.
- D'Errico F., Nowell A.** A new Look at the Berekhat Ram figurine: implications for the origins of symbolism // *Cambridge Archaeological J.* – 2000. – Vol. 10. – P. 123–167.
- D'Errico F., Soressi M.** Une vie en couleurs // Les dossiers de la Recherche. – 2006. – Vol. 24. – P. 84–87.
- Delluc B., Delluc G.** L'art à l'abri Pataud (Les Eyzies, Dordogne) // Lejeune M. L'art pariétal paléolithique dans son contexte naturel: actes du colloque 8.2, congrès de l'UISPP, Liège, 2–8 sept. 2001. – Liège, 2004. – P. 87–94. – (ERAUL; [vol.] 107).
- Demnard F., Neraudeau D.** L'utilisation des oursins fossiles de la Préhistoire à l'époque gallo-romaine // *Bull. de la société préhistorique française*. – 2001. – Vol. 98 (4). – P. 693–715.
- Desbrosse R., Kosłowski J.K.** Hommes et climats à l'Age du Mammouth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie centrale. – P.: Masson, 1988. – 144 p.
- Despriée J., Gageonnet R.** La nappe alluviale de 10 mètres d'altitude relative dans la vallée du Cher à Gièvres (Loir-et-Cher) et son biface à ocelle // *Préhistoire, Histoire et Patrimoine en Loir-et-Cher*. – 2000. – Vol. 2. – P. 19–34.
- Dewez M.** Le Paléolithique supérieur récent dans les grottes de Belgique. – Louvain-La-Neuve: Société wallonne de Paléontologie ASBL, 1987. – 466 p.
- Dewez M.** Matériel lithique en roche autre que le silex de la couche C6 de la grotte Walou à Trooz (Province de Liège, Belgique) // *Recherches à la grotte Walou à Trooz (Province de Liège, Belgique)*. Premier rapport de fouille, Société wallonne de Paléontologie – [S.l.]: [s.n.], 1993. – Mémoire 17. – P. 79–80.
- Edwards S.W.** Non-utilitarian Activities in the Lower Palaeolithic: A look at the two kinds of Evidence // *Current Anthropology*. – 1978. – Vol. 19. – P. 135–137.
- Eliade M.** Le sacré et le profane. – P.: Payot, 1987. – 184 p.
- Eliade M.** Histoire des croyances et des idées religieuses. De l'âge de la Pierre aux mystères d'Eleusis. – P.: Payot, 1989. – 504 p.
- Escalon De Fonton M.** Un nouveau faciès du Paléolithique supérieur dans la grotte de la Salpêtrière (Remoulins, Gard) // *Miscelanea en Homenaje Al Abate Henri Breuil*. – Barcelona: Istituto de Prehistoria Y Arqueologia, 1964. – P. 405–421.

Exchange systems in Prehistory / eds. T.K. Earki, J.E. Ericsson. – N.Y.; L.: Academic Press, 1977. – 446 p.

Giraux L. Objets de parures solutréens provenant de Laugerie-Haute (Dordogne) // *Bull. de la Société préhistorique française*. – 1907. – Vol. IV. – P. 213–218.

Goodall J. Glossary of chimpanzee behaviors. – Tucson: Jane Goodall Institute, 1989.

Goren-Inbar N. A figurine from the Acheulian site of Berekhat Ram // *Mi'tekufat Ha'even*. – 1986. – Vol. 19. – P. 7–12.

Goren-Inbar N., Lewy Z., Kislev M.E. Bead-like fossils from an Acheulian occupation site, Israël // *Rock Art Research*. – 1991. – Vol. 8. – P. 133–136.

Groenen M. Présence de matières colorantes dans l'Europe paléolithique // *Bull. de la Société royale belge d'Anthropologie et de Préhistoire*. – 1991. – Vol. 102. – P. 9–25.

Guide des sites préhistoriques et protohistoriques de Wallonie / eds. C. Bellaire, J. Moulin, A. Cahen-Delhay. – [S.l.]: [s.n.], 2001. – 152 p. (Vie archéologique: *Bull. de la Fédération des archéologues de Wallonie asbl*; numéro special).

Hahn J. Meiendorf, Ahrensburg, Kreis Stomarn, Schleswig-Holstein, Allemagne // *Dictionnaire de la Préhistoire* / ed. A. Leroi-Gourhan. – P.: Presses universitaires de France, 1988. – 708 p.

Harrod J.B. Two million years ago: the origin of art and symbol // *Continuum*. – 1992. – Vol. 2 (1). – P. 4–29.

Hovers E., Ilani S., Bar-Yosef O., Vandermeersch B. An Early Case of Color Symbolism // *Current Anthropology*. – 2003. – Vol. 44(4). – P. 491–522.

Joulian F. Significant tools and signifying monkeys: the question of body techniques and elementary actions on matter among apes and early hominids // D'Errico F., Backwell L. *From Tools to Symbols*. – Johannesburg: Witwatersrand University Press, 2005. – P. 52–82.

Klima B. Les figurations paléolithiques féminines en Moravie // Delporte H., La Dame de Brassempouy / ed. H. Delporte. – Liège: ERAUL, 1995. – P. 129–132.

Koslowski J. K. Siedlnica, voïvodie de Leszno, Pologne // Leroi-Gourhan A. *Dictionnaire de la Préhistoire*. – P.: Presses universitaires de France, 1988. – 1013 p.

Kyriacou A. Innovation and creativity: A Neuropsychological perspective // *Cognitive Archaeology and Human Evolution* / eds. S. De Beaune, F.F. Coolidge, T. Wynn. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 15–25.

Ladier E., Welte A.-C. Les objets de parure de la vallée de l'Aveyron. Fontalès, Abris de Bruniquel (Plantade, Lafaye, Gandil) // *Paléo*. – 1993. – Vol. 5. – P. 281–317.

La grotte de l'Hortus / ed. H. de Lumley. – [S.l.]: Université de Provence, 1972. – 668 p.

Leakey M.D. Olduvai Gorge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. 3: Excavations in Beds I and II 1960–1963. – 306 p.

Leesch D. Hauterive-Champréveyres 10: Un campement magdalénien au bord du lac de Neuchâtel. Cadre chronologique et culturel, mobilier et structures, analyse spatiale (secteur 1). – Neuchâtel: Musée Cantonal d'Archéologie, 1997. 270 p. – (Archéologie neuchâteloise; [vol.] 19).

Lejeune M. L'art mobilier Paléolithique et Mésolithique en Belgique. Artefacts, 4, Treignes-Viroinval. – [S.l.]: Editions du Centre d'études et de documentation archéologiques, 1987. – 82 p.

L'homme et le précieux. Matières minérales précieuses de la Préhistoire à aujourd'hui / eds. M.-H. Moncel, F. Frölich. – Oxford, BAR, 2009. – 314 p. – (BAR International Series; [vol.] 1934).

Lhomme V., Freneix S. Un coquillage de bivalve du Maastrichtien-Paléocène Glyptoactis (Baluchicardia) dans la couche inférieure du gisement moustérien de «Chez-Pourréchez-Comte» (Corrèze) // *BSF*. – 1993. – Vol. 90 (4). – P. 303–306.

Leroy-Gourhan A. Les fouilles d'Arcy-sur-Cure (Yonne) // *Gallia Préhistoire*. – 1961. – Vol. IV(2). – P. 3–16.

Leroy-Gourhan A. Les religions de la Préhistoire (Paléolithique). – P.: Presses universitaires de France, 1964. – 154 p.

Leroy-Gourhan A., Brezillon M. L'habitation magdalénienne n°1 de Pincevent-près-Montereau (Seine-et-Marne) // *Gallia Préhistoire*. – 1966. – Vol. 9(2). – P. 263–385.

Le Tensorer J.-M. Le Paléolithique en Suisse / ed. J. Milon. – Grenoble: [s.n.], 1998. – 499 p. – (Collection L'Homme des origines, série Préhistoire d'Europe; [vol.] 5).

Ligouis B. Jais, lignite, charbon et autres matières organiques fossiles: application de la pétrologie organique à l'étude des éléments de parure et des fragments bruts // *Le site Magdalénien de Monruz 1. Premiers éléments pour l'analyse d'un habitat de plein air* / eds. J. Bullinger, D. Leesch, N. Plumettaz. – Neuchâtel: Musée Cantonal d'Archéologie, 2006. – P. 197–215. – (Archéologie neuchâteloise; [vol.] 33).

Mania D., Mania U. Deliberate engravings on bone artefacts of Homo erectus // *Rock Art Research*. – 1988. – Vol. 5. – P. 91–107.

Marquet J.-C., Lorblanchet M. A Neanderthal face? The proto-figurine from La Roche-Cotard, Langeais (Indre-et-Loire, France) // *Antiquity*. – 2003. – Vol. 77. – P. 661–670.

Marshack A. Some Implications of the Paleolithic Symbolic Evidence for the Origin of Language // *Current Anthropology*. – 1976. – Vol. 17(2). – P. 274–282.

Marshack A. On Paleolithic Ochre and the Early Uses of Color and Symbol // *Current Anthropology*. – 1981. – Vol. 22(2). – P. 188–191.

Meignen L. L'abri des Canalettes. Un habitat moustérien sur les grands Causses (Nant, Aveyron). Fouilles 1980–1986. – Sophia: CNRS, 1993. – 364 p. – (CRA; [vol.] 10).

Mercader J., Barton H., Gillespie J., Kuhn S., Tyler R., Boesch C. 4,300-Year-old Chimpanzee sites and the origins of percussive stone technology // *PNAS*. – 2007. – Vol. 104. – P. 3043–3048.

Moncel M.-H. L'exploitation de l'espace et la mobilité des groupes humains au travers des assemblages lithiques à la fin du Pléistocène moyen et au début du Pléistocène supérieur. La moyenne vallée du Rhône entre Drôme et Ardèche. – Oxford: BAR, 2003. – 179 p. – (BAR International Series; S1184).

Moncel M.-H., Chiotti L., Gaillard C., Onoratini G., Pleurdeau D. Émergence de la notion de précieux: objets insolites et extra-ordinaires au paléolithique // Moncel M.-H., Frölich F. *L'homme et le précieux. Matières minérales précieuses de la Préhistoire à aujourd'hui*. – Oxford: BAR, 2009. – P. 13–37. – (BAR International Series; [vol.] 1934).

Moreau L. Les éléments de parure au Paléolithique supérieur en Belgique // *L'anthropologie*. – 2003. – Vol. 107 (5). – P. 603–614.

Morgan B.J., Abwe E.E. Chimpanzees use stone hammers in Cameroon // *Current Biology*. – 2006. – Vol. 16. – P. 632–633.

Movius H.L.Jr. Excavation of the abri Pataud, Les Eyzies (Dordogne): Stratigraphy. – Cambridge: Peabody Museum; Massachusetts: Harvard University, 1977. – 167 p. – (American School of Prehistoric Research; [vol.] 31).

Mussi M. L'utilisation de la stéatite dans les grottes des Balzi Rossi (ou grottes de Grimaldi) // *Gallia Préhistoire*. – 1991. – Vol. 33. – P. 1–16.

Mussi M. Problèmes récents et découvertes anciennes: la statuette de Savignano (Modène, Italie). *Préhistoire ariégeoise* // *Bull. de la Société préhistorique de l'Ariège*. – 1996. – Vol. LI. – P. 55–79.

Normand C. Les occupations aurignaciennes de la grotte d'Isturitz (Saint-Martin-d'Arberoue; Pyrénées-Atlantiques; France): synthèse des données actuelles // *Munibe (Antropologia-Arkeologia)*. – 2005. – Vol. 57. – P. 119–129.

Nowell A., D'Errico F., Hovers E. The origin of symbolism in the Near East: Implications for the evolution of human cognition. Poster presented at the 66th Annual Meeting of the Society of American Archaeology. – New Orleans: [s.n.], 2001. – 290 p.

Oakley K. Folklore of fossils // *Antiquity*. – 1965. – Vol. 39. – P. 9–16.

Oakley K. Fossils collected by the earliest palaeolithic men // *Mélanges de Préhistoire, d'archéocivilisation et d'ethnologie offerts à André Varagnac*. – P.: Seupen, 1971. – P. 581–584.

Onoratini G. La stéatite dans l'art mobilier du paléolithique supérieur de Grimaldi (Ligurie, Italie) au massif de l'Estérel (Var, France). *Minéralogie, gîtes et contexte culturel* // *L'homme et le précieux. Matières minérales précieuses de la Préhistoire à aujourd'hui* / eds. M.-H. Moncel, F. Frölich. – Oxford: BAR, 2009. – P. 119–132. – (BAR International Series; [vol.] 1934).

Otte M. Le Magdalénien du Trou de Chaleux (Hulsonniaux – Belgique). – Liège: [s.n.], 1994. – 255 p. – (ERAUL; [vol.] 60).

Paddayya K. On Evidence for Nonutilitarian Activities in Lower Palaeolithic Man // *Current Anthropology*. – 1979. – Vol. 20. – P. 417.

Passemard E. Fouilles à Isturitz (Basses-Pyrénées) // *Bull. de la Société préhistorique française*. – 1913. – Vol. X. – P. 647–649.

Patou-Mathis M., Auguste P., Bocherens H., Condemmi S., Michel V., Moncel M.-H., Neruda P., Valoch K. Les occupations du Paléolithique moyen de la grotte de Kůlna (Moravie, République Tchèque): nouvelles approches, nouveaux résultats // *Colloque: Paléoenvironnement et hominidés, Poitiers, 2000*. – Oxford: BAR, 2005. – P. 69–94. – (BAR International Series; [vol.] 1352).

Pei W.C. Notice of the discovery of quartz and other stone artefacts in the lower Pleistocene hominid-bearing sediments of the Choukoutien cave deposit // *Bull. of the Geological Society of China*. – 1931. – Vol. 11(2). – P. 109–146.

Pelcin A. A Geological Explanation for the Berekhat Ram Figurine // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35(5). – P. 674–675.

Peñalver E., Álvarez-Fernández E., Arias P., Delclòs X., Ontañón R. Local amber in a Palaeolithic context in Cantabrian Spain: the case of La Garma A.J. of *Archaeological Science*. – 2007. – Vol. 34. – P. 843–849.

Peyrony D. Nouvelles fouilles à Badegoule // *Revue préhistorique*. – 1908. – Vol. 3. – P. 5–24.

Peyrony D. Les gisements préhistoriques de Bourdeilles (Dordogne). – P.: Masson, 1932. – 98 p. – (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine).

Peyrony D. La Ferrassie. – P.: [s.n.], 1934. – 92 p. – (Préhistoire; [vol.] 3).

Peyrony D., Peyrony E. Laugerie-Haute près des Eyzies. – P.: Masson, 1938. – 84 p. – (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine; [vol.] 19).

Piette E. La grotte de Gourdan pendant l'âge du Renne // *Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'Homme (2ème série)*. – [S.n.], 1874. – [Vol.] 9. – P. 53–79.

Piette E. L'art pendant l'Age du Renne. – P.: Masson et Cie, 1907. – 112 p.

Piperno M., Collina C., Galloti R., Raynal J.-P., Kieffer G., Le Bourdonnec F.-X., Poupeau G., Geraads D. Obsidian Exploitation and Utilisation during the Oldowan at Melka-Kunturé (Ethiopia) // *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan* / eds. E. Hovers, D.R. Braun. – N.Y.: Springer, 2008. – P. 111–129.

Poplin F. Aux origines néandertaliennes de l'art. Matière, formes, symétries. Contribution d'une galène et d'un oursin fossile taillé à Merry-sur-Yonne (France) // *L'Homme de néandertal, 5, La pensée*. – Liège: ERAUL, 1988. – Vol. 32. – P. 109–116.

Pottier C. Le Gravettien moyen de l'abri Pataud (Dordogne, France): le niveau 4 et l'éboulis 3/4. Etude technologique et typologique de l'industrie lithique: Thèse de doctorat, Muséum national d'histoire naturelle. – P., 2005. – 393 p.

Raynal J.-P., Seguy R. Os incisé acheuléen de Sainte-Anne I (Polignac, Haute-Loire) // *Revue archéologique du centre de la France*. – 1986. – Vol. 25. – P. 79–80.

Rivière M.E. Sur une amulette en schiste talqueux trouvée dans les grottes de Menton // *Bull. de la Société d'anthropologie de Paris*. – 1877. – T. 12. – P. 296–301.

Rossano M.J. The archaeology of consciousness // *Cognitive Archaeology and Human Evolution* / eds. S. De Beaune, F.F. Coolidge, T. Wynn. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 25–37.

Sáenz De Buruaga A. El Paleolítico superior de la Cueva de Gatzarria. – País Vasco: Instituto de Ciencias de la Antigüedad: Universidad del País Vasco, 1991. – 426 p. – (Anejos de Veleia, Series Maior; [t.] 6).

Saint-Perier de R. La grotte d'Isturitz I. Le Magdalénien de la salle Saint-Martin. – P.: Masson, 1930. – 124 p. – (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine; [vol.] 7).

Saint-Perier de R. Sculpture paléolithique en amber // *L'Anthropologie*. – 1935. – Vol. 45. – P. 365–368.

Saint-Perier de R. La grotte d'Isturitz II. Le Magdalénien de la Grande salle. – P.: Masson, 1936. – 140 p. – (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine; [vol.] 17).

Saint-Perier de R., Saint-Perrier S. La grotte d'Isturitz III. Les Solutréens, les Aurignaciens et les Moustériens. – P.: Masson, 1952. – 265 p. – (Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine; [vol.] 25).

San Juan C. Les matières colorantes dans les collections du Musée national de Préhistoire des Eyzies // *Paléo*. – 1990. – Vol. 2. – P. 229–242.

Skutil J. Les trouvailles d'obsidienne et d'ambre dans les stations paléolithiques // *L'Homme préhistorique*. – 1928. – Vol. 15. – P. 100–105.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – San Diego, California: Academic Press, 1985. – 539 p.

- Soffer O., Adovasio J.M., Kornietz N.L., Velichko A.A., Gribchenko Y.N., Lenz B.R., Suntsov V.Y.** Cultural Stratigraphy at Mezhirich, an Upper Palaeolithic site in Ukraine with Multiple Occupations // *Antiquity*. – 1997. – Vol. 71. – P. 48–62.
- Soressi M., Rendu W., Texier J.-P., Claud E., Daulny L., D'Errico F., Laroulandie V., Maureille B., Niclot M., Schwartz S., Tillier A.-M.** Pech-de-l'Azé I (Dordogne, France): nouveau regard sur un gisement moustérien de tradition acheuléenne connu depuis le XIXème siècle. – Les sociétés paléolithiques dans un grand Sud-ouest: nouveaux gisements, nouveaux résultats, nouvelles méthodes / eds. J. Jaubert, J.-G. Bordes, I. Ortega. – [S.l.], 2008. – P. 95–132. – (Mémoire de la SPF; [vol.] XLVII).
- Stringer C., Gamble C.** In Search of the Neandertals. – L.: Thames and Hudson, 1993. – 247 p.
- Svoboda J.** L'art gravettien en Moravie: contexte, dates et styles // *L'Anthropologie*. – 1995. – Vol. 99(2/3). – P. 258–272.
- Taborin Y.** La Parure en coquillage au Paléolithique. – P.: CNRS, 1993. – 538 p. – (Supplément à Gallia préhistoire; [vol.] XXIX).
- Tata.** Eine Mittelpaläolithische Travertin-Siedlung in Ungarn / ed. L. Vertes. – Budapest: Akademia Kiado, 1964. – 245 p. (Nova; [vol.] XLIII).
- Terberger T.** From the First Humans to the Mesolithic Hunters in the Northern German Lowlands – Current Results and Trends // *Across the western Baltic* / eds. K.M. Hansen, K.B. Pedersen. – Vordingborg: Sydsjællands Museum, 2006. – P. 23–56.
- Terra Amata** / ed. H. De Lumley. – Nice: CNRS, 2009. – T. 1. – 486 p.
- Texier J.-P., Brugal J.-P., Lemorini C., Thery I., Wilson L.** Abri du Pont de la Combette (Bonnieux, Vaucluse): variabilité intrasite du comportement des Néandertaliens // *Territoires, déplacements, mobilité, échanges durant la Préhistoire* / eds. J. Jaubert, M. Barbaza. – Toulouse: [s.n.], 2005. – P. 115–131.
- Thery I., Gril J., Vernet J. L., Meignen L., Maury J.** First Use of Coal // *Nature*. – 1995. – Vol. 373. – P. 480–481.
- Tort P.** L'effet Darwin – Sélection naturelle et naissance de la civilisation. – P.: Editions du Seuil, 2008. – 236 p.
- Tratman E.K.** Amber from the Palaeolithic deposits at Gough's Cave, Cheddar // *Proceedings of the University of Bristol Spelaeological Society*. – 1953. – Vol. 6(3). – P. 223–227.
- Tryon C., McBrearty S.** Tephrostratigraphy and the Acheulian to Middle Stone Age transition in the Kapthurin Formation, Kenya // *J. of Human Evolution*. – 2002. – Vol. 42. – P. 211–235.
- Tymula S.** Notices d'objets d'art mobilier du Magdalénien de Pyrénées // *L'art préhistorique des Pyrénées: catalogue d'exposition, musée des Antiquités nationales de Saint-Germain-en-Laye*, 2 avril-8 juillet 1996. – P., 1996. – P. 180–277.
- Tymula S.** Eléments lithiques perforés du Roc de Sers (Charente): outils ou parures? // *Industrie osseuse et parures du Solutréen au Magdalénien en Europe* / ed. V. Dujardin. – Angoulême: 2005. – P. 322–338 (Mémoires de la Société préhistorique française; [vol.] XXXIX).
- Valoch K.** Die Erforschung der Kůlna-Höhle 1961–1976. – Brno: Anthropos Muzeum, 1988. – Bd. 14. – 318 p.
- Valoch K.** Le Magdalénien en Moravie dans son cadre écologique // *Le peuplement Magdalénien, paléogéographie physique et humaine*. – P.: CTHS, 1992. – P. 187–201.
- Vanhaeren M., D'Errico F.** Le mobilier funéraire de la dame de Saint-Germain-la-Rivière (Gironde) et l'origine paléolithique des inégalités // *Paléo*. – 2003. – Vol. 15. – P. 195–238.
- Veil S., Breest K.** La figuration animale en ambre du gisement Federmesser de Weitsche, Basse-Saxe (Allemagne) et son contexte archéologique: Les résultats de la fouille de 1996 // *Bull. de la Société préhistorique française*. – 1997a. – Vol. 94(3). – P. 387–392.
- Veil S., Breest K.** Le gisement Federmesser de Weitsche, Ldrk, Lűchow-Dannenberg, Allemagne: structures spatiales, typologie et manifestations esthétiques // *Le tardiglaciaire en Europe du Nord-ouest* / eds. J.-P. Fagnard, A. Thevenin. – P.: CTHS, 1997b. – P. 598–609.
- Verneau R.** Les grottes de Grimaldi (Baoussé-Roussé). – Monaco: Imprimerie de Monaco, 1906. – 207 p. – (Anthropologie; T. II, fasc. 1).
- White R.** Bone, Antler and Ivory objects from Abri Blanchard, Commune de Sergeac (Dordogne), at the Logan Museum of Anthropology, Beloit College // *French Paleolithic collections in the Logan Museum of Anthropology* / eds. R. White, L.B. Breitborde. – Beloit, WI: Museums of Beloit College, 1992. – P. 67–119. – (Logan Museum Bulletin (N.S.); [t.] I, [fasc.] 2).
- White R.** Technological and Social Dimensions of «Aurignacian-Age» Body Ornaments across Europe // *Before Lascaux: The Complex Record of the Upper Paleolithic* / eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. – Boca Raton: C.R.C. Press, Inc., 1993. – P. 277–299.
- White R.** Ivory personal ornaments of Aurignacian age: Technological, social and symbolic perspectives // *Le Travail et l'Usage de l'Ivoire au Paléolithique Supérieur* / eds. J. Hahn, M. Menu, Y. Taborin, P. Walter, F. Widemann. – Ravelo: Centro Universitario europeo per i beni culturali, 1995. – P. 29–62.
- White R.** Observations technologiques sur les objets de Parure. In Schmider B., L'Aurignacien de la Grotte du Renne. Les fouilles d'André Leroi-Gourhan à Arcy-sur-Cure (Yonne) / ed. B. Schmider. – [S.n.], 2002. – P. 257–266. – (Suppl. à Gallia Préhistoire; vol. XXXIV).
- White R.** Parures aurignaciennes en Aquitaine: quelques nouvelles observations // *Les chemins de l'art aurignacien en Europe* / eds. H. Floss, N. Rouquerol. – Aurignac: Musée-forum Aurignac, 2007a. – Cah. 4. – P. 249–258.
- White R.** Systems of Personal Ornamentation in the Early Upper Palaeolithic: Methodological Challenges and New Observations // *Rethinking the human revolution* / eds. Mellars R.A., K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer. – Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2007b. – P. 287–302.
- White R., Bisson M.S.** Imagerie féminine du Paléolithique. L'apport des nouvelles statuettes de Grimaldi // *Gallia Préhistoire*. – 1998. – Vol. 40. – P. 95–132.
- Wynn T.** Archaeology and cognitive evolution // *Behavioural and Brain Sciences*. – 2002. – Vol. 25(3). – P. 389–438.
- Wolpoff M.L.** Neandertals of the Upper Paleolithic // *The Last Neandertals, the first Anatomically Modern Humans* / eds. E. Carbonell, M. Vaquero. – Tarragona: Fundacio Catalana per la Recerca, 1996. – P. 51–76.

Е.А. Кашина¹, Н.М. Чаиркина²

¹Государственный Исторический музей
Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия
E-mail: eakashina@mail.ru

²Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: chair_n@mail.ru

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ VI РАЗРЕЗА ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА*

Орнаментированные берестяные изделия, хранящиеся в фондах ГИМ, – одна из примечательных и чрезвычайно редких категорий находок на VI Разрезе Горбуновского торфяника, не имеющих аналогий в материалах других торфяниковых памятников лесной зоны Северной Евразии. В статье рассмотрены морфологическая характеристика и технология изготовления изделий, археологический контекст их обнаружения, проанализированы элементы сходства с керамической посудой эпохи ранней бронзы.

Ключевые слова: Зауралье, Горбуновский торфяник, VI Разрез, берестяные орнаментированные изделия, морфология, технология, археологический контекст, культурная принадлежность, датировка.

Введение

В 1926–1929, 1931, 1936 гг. Уральская экспедиция ГИМ под руководством Д.Н. Эдинга совместно с Нижнетагильским краеведческим музеем проводила раскопки VI Разреза Горбуновского торфяника, расположенного в Свердловской обл., в окрестностях г. Нижний Тагил. В 1948 г. работы продолжили А.Я. Брюсов и В.М. Раушенбах, в 80-х гг. XX в. – В.Ф. Старков, с 2007 г. – Н.М. Чаиркина. В результате многолетних археологических исследований вскрыто более 1500 м² площади памятника, обнаружены деревянные культовые (промысловые?) сооружения, рядом с которыми найдены антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда, средства передвижения, орудия охоты и рыбо-

ловства, выполненные из органических материалов. Коллекции находок хранятся в ГИМ, ИА РАН, ИИиА УрО РАН, НТМЗ, значительная их часть, к сожалению, не обработана и не опубликована. Результаты исследования VI Разреза Д.Н. Эдинг посвятил несколько работ [1929а, 1940а, б], в которых дана довольно подробная характеристика археологического материала, рассмотрена стратиграфия, отмечена разновременность некоторых типов вещей. Анализ основных категорий артефактов и интерпретация материала присутствуют в монографии В.М. Раушенбах [1956].

Одной из примечательных и чрезвычайно редких категорий находок на VI Разрезе, не имеющих аналогий в материалах других торфяниковых памятников лесной зоны Северной Евразии, являются орнаментированные берестяные изделия, хранящиеся в фондах ГИМ. Опубликован был только один фрагмент, найденный в 1927 г. [Эдинг, 1940б], остальные шесть – из раскопок 1929, 1931 и 1936 гг. – публикуются впервые.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «VI Разрез Горбуновского торфяника: сакральное и обывденное пространство» (№ 10–01–00216а).

Морфологическая характеристика предметов

Фрагмент 1. ГИМ 66767. Оп. А381. № 61 – по коллекционной описи, «фрагмент бересты со следами прошивки и орнаментом, рисованным бурой краской», участок 73, глубина от поверхности 2,10 м; размеры 21,0×13,3 см (в описи – 32×20 см), толщина 2,2 мм; состоит из двух фрагментов (рис. 1). Сохранность плохая, на обоих присутствуют следы реставрации: поверхность, видимо, была покрыта лаком, обломки склеены кусками материи. Чечевички коры расположены параллельно орнаментальным полосам. В 0,7 см от верхнего края фрагмента на расстоянии 0,6 см друг от друга видны сквозные отверстия линзовидной формы размером 0,2×0,1 мм, сделанные, вероятно, с неорнаментированной стороны. В 2,0 см от них на расстоянии 0,4 см друг от друга нанесены две горизонтальные покрашенные полосы шириной 1,0 и 0,8 см. На 0,7 см ниже расположено горизонтальное орнаментальное поле, заполненное чередующимися фигурами из горизонтальных и вертикальных волнистых линий шириной ок. 0,2 см. Судя по опубликованным фотографиям, размер фигур (вероятно, квадратов) ок. 4,0×4,0 см, а число линий в них – 10. Ниже расположены две горизонтальные покрашенные полосы шириной ок. 1,0 см (расстояние между ними 0,4 см), которые сейчас почти не видны, прорисованы по рисунку Д.Н. Эдинга [1940а].

Рис. 1. Фрагменты орнаментированного берестяного изделия. ГИМ 66767. Оп. А381. № 61. Фото В.А. Мочуговского.

Фрагмент 2. ГИМ 75905. Оп. А383. № 82 – «береста, орнаментированная, во фрагментах», участок 234, глубина от поверхности 1,70 м; размеры 29,8×13,7 см, толщина 2,0–2,5 мм; состоит из трех фрагментов (рис. 2). На бересте сохранились остатки бугристой поверхности коры. Орнаментированная сторона, вероятно, покрыта реставрационным лаком. Чечевички коры расположены поперек орнаментальных полос. Если ориентировать фрагменты широкой частью вверх, то последовательность элементов декора будет следующей. В 1,5 см от оборванного края на расстоянии 0,5 см друг от друга нанесены три горизонтальные покрашенные полосы шириной соответственно 1,3; 0,7 и 0,7 см. Ниже на 1,0 см расположена зигзагообразная полоса длиной 10 см, шириной 4,2 см, заполненная слегка наклонными волнистыми параллельными линиями. Снизу она ограничена тремя горизонтальными покрашенными полосами шириной соответственно 1,1; 1,2 и 1,1 см, расстояние между которыми в среднем 0,5 см. На 1,0 см ниже этой композиции нанесена, возможно, цепочка ромбов с короткой диагональю 6 см, заполненных параллельными вертикальными волнистыми линиями шириной 0,2 см.

Фрагмент 3. ГИМ 75905. Оп. А383. № 82, участок 234, глубина от поверхности 1,70 м; размеры 20,1×9,5 см, толщина 1,0–1,5 мм; состоит из трех фрагментов (рис. 3). На бересте сохранились остатки бугристой поверхности коры. Декорированная сторона, вероятно, покрыта реставрационным лаком. Чечевички

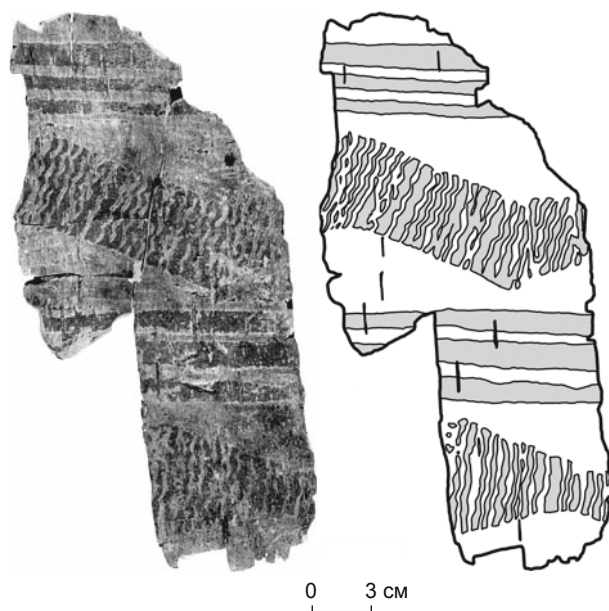

Рис. 2. Фрагменты орнаментированного берестяного изделия. ГИМ 75905. Оп. А383. № 82. Фото В.А. Мочуговского.

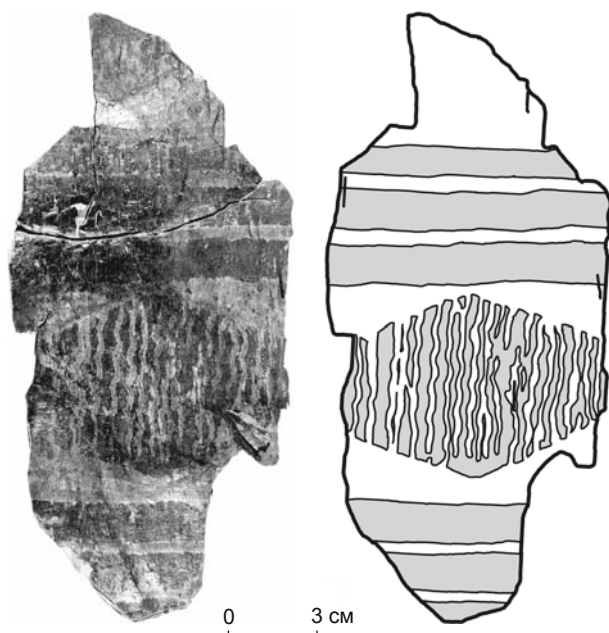

Рис. 3. Фрагменты орнаментированного берестяного изделия. ГИМ 75905. Оп. А383. № 82. Фото В.А. Мочуговского.

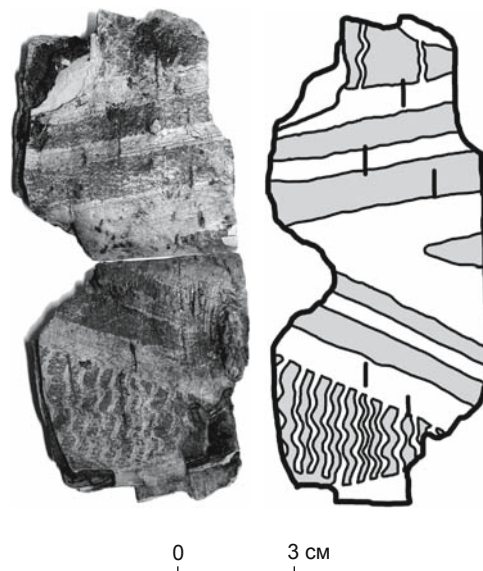

Рис. 4. Фрагменты орнаментированного берестяного изделия. Фото В.А. Мочуговского.

коры расположены поперек орнаментальных полос. В 4,7 см от края на расстоянии 0,5 и 0,4 см друг от друга нанесены три горизонтальные покрашенные полосы шириной соответственно 0,9; 1,2 и 1,3 см. Почти вплотную к ним примыкает ромб с короткой диагональю 6,5 см, заполненный вертикальными параллельными волнистыми линиями. В 0,6 см от него на расстоянии 0,4 и 0,3 см друг от друга расположены три горизонтальные полосы, ширина двух верхних 1,4 и 1,2 см.

Техника нанесения декора, направление чечевиц и орнаментальных полос, композиция и размеры элементов узора на фрагментах 2 и 3 похожи. Однако они не совмещаются, заметно различается толщина бересты. Возможно, это обломки одного изделия, но от частей, выполненных из разных кусков бересты.

Фрагмент 4. Он не имеет шифра, но хранился в одной коробке с двумя предыдущими. Размер 6,0×5,6 см, толщина 1,0 мм. Фрагмент свернут в трубку и сплюснут. Декорированная сторона покрыта лаком. Чечевицы коры расположены поперек орнаментальных полос, но с небольшим наклоном. Без реставрации бересту нельзя развернуть полностью, поэтому пока данные об орнаменте получены при рассмотрении двух видимых сторон. Верхний край обломка занимает фрагмент покрашенной фигуры (?) шириной 1,5 см с двумя (?) волнистыми вертикальными линиями шириной чуть более 0,1 см. Параллельно ей, на расстоянии 1,0 см и в 0,6–0,7 см друг от друга, нанесены две прямые покрашенные полосы

шириной 0,8 и 1,0 см. В 1,1 см от них около правого края обломка виден фрагмент покрашенного поля (фигуры?) шириной 0,6 см. Ниже на 1,3 см и в 0,5 см друг от друга нанесены две покрашенные полосы шириной 0,5 и 0,7 см, расположенные под другим наклоном (зеркально) относительно предыдущих. В 0,8 см от них сохранился, вероятно, фрагмент ромба, заполненный вертикальными параллельными волнистыми линиями шириной ок. 0,2 см (рис. 4). По технике нанесения и элементам декора этот обломок очень похож на предыдущие, однако разная толщина не позволяет уверенно считать их принадлежащими одному изделию.

Фрагмент 5. ГИМ 75907. Оп. А385. № 53 – «части сумки (?), прошитой, с расписным орнаментом», участок 264, глубина 1,85 м; размеры 17,1×16,8 см, толщина 3,0 мм; реставрирован из четырех фрагментов (рис. 5). На бересте сохранилась бугристая поверхность коры. Нижний край слегка обожжен. На фрагментах нет следов лака. По всему верхнему краю в 1,3–1,5 см от кромки имеются отверстия овальной формы размером 1,0×1,5 мм, сделанные с внешней стороны на расстоянии 0,6–0,8 см друг от друга. На кромке видны вертикальные вмятины шириной ок. 2,5 мм, возможно оставшиеся от обметки края через отверстия. Чечевицы коры расположены поперек орнаментальных полос. Верхняя, шириной 1,8–2,0 см, заполнена покрашенными наклонными волнистыми линиями. В 0,5 см от нее расположена горизонтальная покрашенная полоса шириной 0,8 см. Ниже – орна-

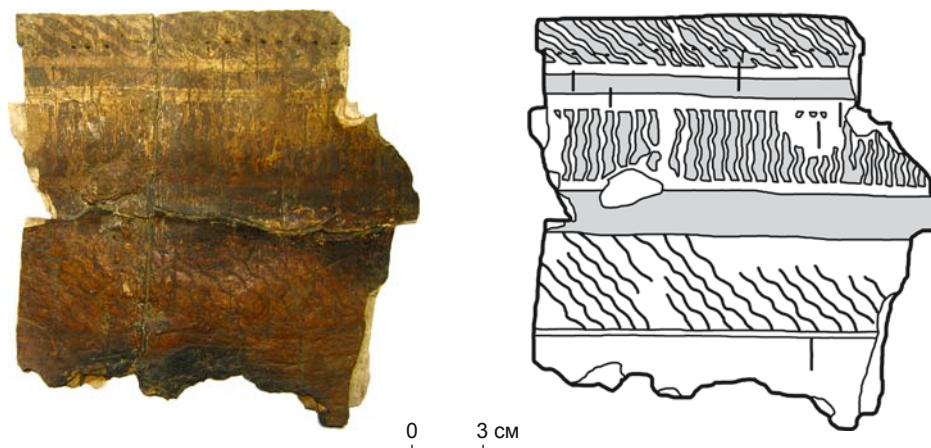

Рис. 5. Фрагменты орнаментированного берестяного изделия. ГИМ 75907. Оп. А385. № 53. Фото В.А. Мочуговского.

ментальное поле (ширина до 3,0 см), заполнено прокрашенными вертикальными волнистыми линиями шириной 0,8 см. В 0,4 см от него нанесена горизонтальная прокрашенная полоса шириной 1,3 см. Ниже следует широкая (4,8 см) непрокрашенная полоса, заполненная наклонными параллельными волнистыми линиями, отстоящими друг от друга на 0,6 см. Линии выполнены настолько четко, что возникает мысль об использовании трафарета или некой линейки с волнистым краем. Ниж-

няя граница этой полосы отмечена двумя прочерченными горизонтальными линиями на расстоянии 0,4 см друг от друга. Оставшееся поле, особенно в нижней части, обожжено, но, кажется, не орнаментировано.

Фрагменты 6 и 7. ГИМ 78629. Оп. А387. № 590, 591 – «два куса бересты с расписным орнаментом», участки 378, 379, выброс; размеры 11,8×5,0 и 6,2×3,0 см, толщина обоих фрагментов 1,5 мм (рис. 6). На бересте сохранились участки бугристой поверхности

коры. Декорированная сторона, возможно, покрыта реставрационным лаком. Оба обломка, бесспорно, относятся к одному изделию, но не совмещаются. Орнамент состоит из горизонтальных и вертикальных волнистых линий шириной 0,2 см, выполненных по прокрашенной поверхности. Наиболее протяженная из сохранившихся орнаментальных полос на фрагменте 6 (инв. № 590) параллельна чечевичкам на бересте. Если ориентировать ее по горизонтали, то расположение орнамента следующее. Вверху находится горизонтальная полоса шириной ок. 0,8 см, состоящая из шести параллельных волнистых светлых линий. Через интервалы в 0,4; 0,5 и 0,4 см нанесены еще три светлые волнистые линии. В 0,8 см от них расположена полоса шириной 0,8 см, состоящая из пяти светлых волнистых линий. В правой части фрагмента она поворачивает вверх. От нее вертикально вниз отходят три волнистые линии, отстоящие друг от друга соответственно на 0,6 и 0,3 см. Такая же линия фиксируется в правом нижнем углу (рис. 6, 1). При ориентации фрагмента 7 (инв. № 591) по чечевичкам, аналогично предыдущему, декор состоит из четырех светлых вертикальных параллельных волнистых линий, расстояние между которыми 0,2 см (рис. 6, 2).

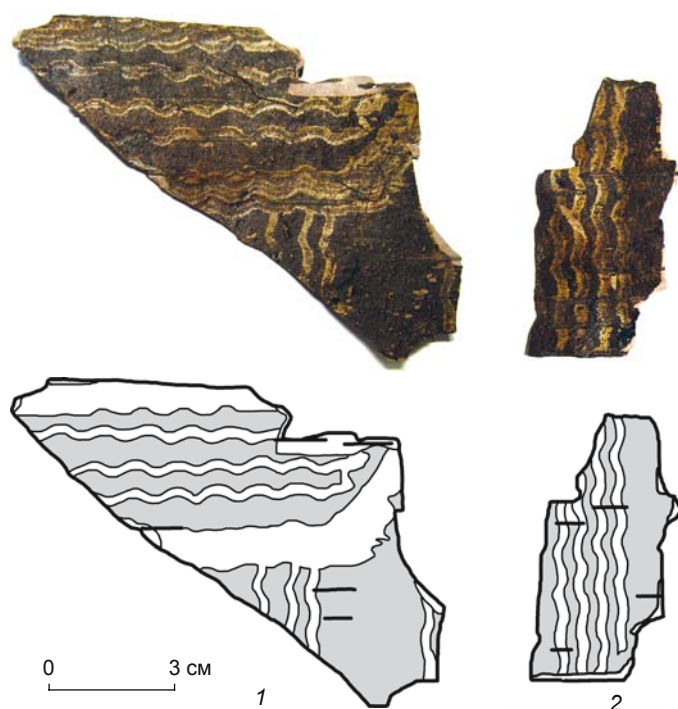

Рис. 6. Фрагменты орнаментированного берестяного изделия. ГИМ 78629. Оп. А387. № 590 (1), 591 (2). Фото В.А. Мочуговского.

В орнаменте всех изделий наряду с прямыми горизонтальными поясами, сплошь закрашенными или состоящими из волнистых линий, присутствуют геометрические фигуры – прямоугольники (квадраты?), ромбы, зигзаги, часто заполненные волнистыми линиями. Композиционно декор фрагмента 1 (см. рис. 1) воспринимается как горизонтальный пояс, состоящий из прямоугольников (квадратов?), попеременно заполненных горизонтальными и вертикальными волнистыми линиями, ограниченный сверху и снизу сдвоенными параллельными темными полосами. По наличию тонких (ок. 0,2 см) волнистых линий, расположенных вертикально и горизонтально, а также по ширине (0,8 см) покрашенных полос он сопоставим с орнаментом фрагментов 6, 7 (см. рис. 6). Кроме того, у этих предметов, в отличие от других, совпадают направления чечевичек и орнаментальных полос.

Фрагменты 2 и 3 орнаментированы несколькими горизонтальными поясами, состоящими из зигзагов и ромбов, заполненных наклонными или вертикальными волнистыми линиями. Пояса разделены тремя довольно широкими горизонтальными темными полосами. На фрагменте 4 такие же, но сдвоенные полосы, вероятно, образуют ромбы с иным заполнением.

Фрагмент 5 несколько отличается от других по композиции декора и технике его нанесения. Следы прошивки и обметки края заставляют вспомнить некоторые образцы берестяной посуды, известные по данным этнографии. Орнамент представлен несколькими горизонтальными поясами, верхний и нижний из которых состоят из наклонных параллельных волнистых линий разной толщины. Они разделены довольно широкими горизонтальными темными полосами и поясом из вертикальных параллельных линий.

Технология орнаментации

Во всех случаях декорирована только внутренняя сторона бересты и использована технология, позволяющая создавать контрастный двухцветный рисунок. Применялись два технологических приема: прокрашивание и выскабливание. Прокрашенные поверхности буро-коричневого цвета с небольшими различиями в оттенках на разных предметах. По мнению В.М. Раушенбах [1956, с. 24], фрагмент 1 окрашен темно-красно-бурой охрой, смешанной с жиром. Однако это лишь версия, химический анализ состава краски, к сожалению, пока не проведен. На всех фрагментах наблюдается сплошное прокрашивание внутренней поверхности бересты, после которого производилось выскабливание прямых и волнистых полос шириной 0,2 и 0,4 см. Таким образом создавались не только тонкие светлые линии, но и целые светлые

поля, если линии наносились вплотную друг к другу. Можно предполагать, что для этих целей использовались орудия из твердого материала с прямой уплощенной рабочей частью, вероятно с острым краем, шириной 0,2–0,5 см, которыми проводили линию нужной длины, не отрывая руки. Эта технология прослеживается на всех фрагментах. На обломке 5 волнистые линии в нижней части, по-видимому, выскаблилены по непрокрашенной поверхности. Все светлые поля имеют следы выскабливания прямыми продольными полосами шириной 0,4 см.

Таким образом, орнамент на всех фрагментах выполнен по сходной технологической схеме, что свидетельствует не только о наличии сложившейся традиции декора берестяных изделий, но и, возможно, о близком времени их бытования.

Контекст находок

Информация об исследовании участка 73, где на глубине 2,1 м найден фрагмент 1, содержится в отчете Д.Н. Эдинга [1927, л. 24]. Участки 68–76 рассмотрены им вместе. Отложения представлены торфом и подстилающим его на глубине 2,1 см от поверхности сапропелем. Первые остатки обработанного дерева (затесанного бревна) обнаружены на глубине 1,35 м под слоем пней. На отметке –1,6 м в углу участка 74 зафиксированы угольное пятно мощностью 0,11 м, размером 0,69×0,89 м, немногочисленные обломки керамики и камня, ниже (глубина 1,65–2,0 м) найдено весло. На глубине 1,95–2,10 м обнаружено скопление обломков деревянных изделий, кусков скрученной и распластанной бересты, в т.ч. со следами прошивки, а один с орнаментом, нанесенным бурой краской. На этом же уровне на участках 71 и 72 зафиксировано пятно вязкой глины синего цвета размером 1,0×1,25 м, мощностью 0,04 м. В ней также найдены куски бересты, один из которых, согнутый пополам, содержал внутри глину. На границе участков 68 и 69 (рядом с участком 73) на глубине 2,10 м на сапропеле обнаружен деревянный идол. Его «лицо» было обращено вверх, на голове лежал кусок бересты, по предположению Д.Н. Эдинга, попавший сюда случайно.

Информация об участке 234, где на глубине 1,7 м найдены фрагменты берестяных изделий 2, 3 и, возможно, 4, содержится в отчете Д.Н. Эдинга [1929, л. 6]. Участки 227–238 рассмотрены им вместе. На участке 235 зафиксирована следующая стратиграфия: торф светлый мощностью 0,85 м; слой пней и корней – 0,52 м; торф темный, плотный, светлеющий книзу мощностью 1,03 м; сапропель. В торфе до глубины 1,6 м встречаются корни и отдельные стволы, ниже до сапропеля – угольки и обгоревшее дерево.

На участках 230 и 233 на глубине 1,1–1,2 м найдены отдельные фрагменты керамики. На участке 230 и прилегающей части 229-го на глубине 1,5–1,7 м обнаружено много черепков и обломков мергеля. С отметки –1,7 м до сапропеля на всех участках, особенно на 227–234-м, найдено большое количество кусков распластанной и свернутой в трубку бересты, в т.ч. украшенной орнаментом, нанесенным бурой краской. На глубине 2,2 м на участках 233 и 234 встречена береста со следами прошивки. На отметке –1,7 м на участках 233, 234, 237, 238 обнаружены остатки настила, состоящего из одного ряда бревен, под ним – лесной и строительный мусор, а на участках 231, 232, 235, 236 – отдельные куски бревен и досок. На участке 232 на том же уровне найден, возможно, берестяной мешочек, а на глубине 2,20 м – береста со следами прошивки.

Участок 264, где на глубине 1,85 м обнаружен фрагмент 5, вероятно, вскрывался в 1931 г. Однако в научном отчете Д.Н. Эдинга [1932] за этот год, а также в более поздних публикациях информация о нем отсутствует, поэтому археологический контекст находки не ясен.

Фрагменты 6, 7 найдены в раскопе 1936 г. на участках 378, 379 (выкид), глубина их обнаружения не известна. Информация о стратиграфии, залегании находок и сооружений в этой части раскопа (участки 402, 403, 377–381) содержится в отчете и публикации Д.Н. Эдинга [1936, л. 1–2; 1940а, с. 44–48]. До глубины 0,80–1,25 м фиксировался темный торф с пнями и значительной примесью лесного мусора, ниже – торф с примесью беловатой, чрезвычайно плотной и вязкой глины, которая иногда образовывала относительно чистую прослойку мощностью 0,20 м. Отличительная особенность этого слоя – приуроченность к нему фрагментов керамики, вероятно, эпохи бронзы. Есть упоминание об обнаружении на участке 381 на глубине 0,8–1,0 м «значительного количества обрывков бересты, распластанной или свернувшейся в трубку». На глубине 1,20–1,65 м на участках 378 и 379 фиксировалась стлань [Эдинг, 1940а, с. 48].

Обсуждение материала

Установление археологического контекста важно, по меньшей мере, для относительной датировки берестяных изделий и сопоставления их орнаментальных композиций, возможно, техники (?) нанесения декора с определенными типами керамики. К сожалению, значительная часть материалов (археологическая коллекция, полевая документация) VI Разреза Горбуновского торфяника не обработана и не опубликована, некоторые архивные данные не сохранились. Это затрудняет культурно-хронологическую атрибуцию

артефактов. Для относительной датировки рассматриваемых нами предметов необходим анализ глубины их залегания, но не от поверхности (верхний слой торфа на разных участках памятника снят на неодинаковую глубину), а от границы контакта торфяных и сапропелевых отложений. Нужно соотнести их с т.н. настилами (верхними, средними или нижними), обнаруженными в разных культурно-хронологических горизонтах, количество которых определяется исследователями по-разному. Пока, до полной обработки материала, настилы датируются гипотетически по маркирующим вещам или сопутствующему керамическому комплексу, а он на основании только опубликованных характеристик не всегда соотносится с теми типами керамики, которые выделены в последние годы для энеолита, эпохи бронзы и железного века Зауралья.

Вопросы стратиграфии, культурной принадлежности и датировки слоев VI Разреза до сих пор остаются дискуссионными. Анализ количества и содержания культурных слоев, зафиксированных на памятнике, Д.Н. Эдинг, к сожалению, завершить не успел. Можно предположить, что он не исключал наличия на VI Разрезе нескольких горизонтов обитания. По его данным, сапропель подстилает торф на глубине 2,1–2,8 м. В разных пунктах раскопа на 0,5–0,7 м выше основания торфа обнаруживаются пятнами остатки деревянных настилов с находками. Выше расположен слой торфа без артефактов. Лишь в отдельных пунктах на границе со слоем пней (пограничным горизонтом) удалось обнаружить пятна верхнего культурного слоя. Зафиксированы случаи залегания предметов на границе сапропеля и торфа, а также в верхней части сапропеля. Обнаруженные здесь артефакты Д.Н. Эдинг относит к более раннему времени, чем деревянные настилы [1940а, с. 8–10].

Рядом с нижними настилами (нижняя часть торфа) найдены сосуды со слабо отогнутыми или почти прямыми краями, орнаментированными оттисками гребенчатого (в т.ч. «шагающего» и проташенного) штампа, которыми составлены фигуры, непрерывные пояса – зигзаги с более или менее заметными бороздами, соединяющими оттиски одного и того же зубца. Обычным мотивом является чередование борозчатых поясов с зубчатой или волнистой полосой [Эдинг, 1929а, с. 13–14]. Приведенное описание глиняной посуды соответствует характеристике карасьеозерского типа керамики эпохи ранней бронзы [Чаиркина, 2005, с. 297].

В.М. Раушенбах [1956, с. 21–23] в торфяниковых отложениях VI Разреза выделяет два культурных слоя – нижний и средний, а также отдельные пятна третьего – верхнего, располагавшегося значительно выше деревянных настилов. В нижнем горизонте,

датируемом ею началом II тыс. до н.э., найдена керамика с волнистыми элементами орнамента (вероятно, карасьезерского типа эпохи ранней бронзы), в композиции которого выделяются треугольные зоны. Встречена и посуда, декорированная с использованием техники отступающей лопаточки, со специфическим чешуйчатым узором (вероятно, липчинского типа эпохи энеолита). Керамика из среднего слоя, по данным В.М. Раушенбах, чрезвычайно разнообразна. В небольшом количестве представлены сосуды, характерные для нижнего горизонта, широко распространены орнаменты, выполненные гребенчатым штампом. В узоры чередуются горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски, зигзаговые линии и ромбы, оттиски «шагающей» и протасенной гребенки. Некоторые из этих элементов напоминают орнаментацию андроновской посуды. Очевидно, что В.М. Раушенбах отнесла к среднему горизонту керамику разных эпох – энеолита, раннего и, возможно, среднего бронзового века. В третьем культурном слое найдены многочисленные блюда с меандровым орнаментом и литейная форма для отливки копья [Там же, с. 32–33].

Во второй половине 70-х гг. XX в. памятник исследовал В.Ф. Старков [1980]. Он выделяет четыре культурных слоя, содержавшие несмешанные комплексы и разделенные стерильными прослойками торфа. Нижний горизонт, с которым связаны деревянные сооружения (настилы), залегал в основании торфяной толщи. Он маркируется энеолитической керамикой липчинского типа. Первый средний культурный слой (средний, по В.М. Раушенбах), содержащий керамическую посуду раннего бронзового века, располагался в торфе на глубине 1,4–1,75 м; а второй, с керамикой черкаскульского типа эпохи бронзы, – на уровне второго пограничного горизонта. Верхний слой исследователь связывает с третьим пограничным горизонтом и датирует железным веком.

Анализируемые нами берестяные орнаментированные изделия обнаружены в разных частях памятника. Однако археологический контекст – вероятная взаимосвязь некоторых из них с настилами (стланиями) или комплексом находок, залежавших в нижних частях торфа, которые все исследователи относят к энеолиту или эпохе ранней бронзы, – позволяет предположить одновременность их бытования. Об этом также свидетельствует единая техника нанесения и близкие композиции декора, отмеченные на рассматриваемых предметах.

Согласно данным новых полевых исследований (раскопки Н.М. Чаиркиной в 2007–2009 гг.), территория памятника эпизодически осваивалась древним населением в железном и бронзовом веках (культурные слои этих эпох представлены не по всей площади); наиболее активно – в эпоху ранней бронзы

(карьезерский тип керамики) и энеолите (липчинский, шувакишский и аятский типы керамики), культурные слои которых располагались в нижней части торфяных отложений и в верхней части сапропеля. В раскопе 2008 г. рядом с деревянной «дорожкой-настилом» обнаружены обломки декорированного берестяного изделия (находится на реставрации), мотивы узора и, возможно, техника нанесения орнамента на нем близки таковым на некоторых фрагментах, хранящихся в ГИМ. Рядом с «дорожкой-настилом» найдены единичные черепки керамики карсьезерского типа эпохи ранней бронзы, а также обломки еще одного берестяного изделия со следами прошивки и резного декора.

В.М. Раушенбах отмечала, что «орнамент на этой сумке (фрагмент № 1) почти точно повторяет волнистые или струйчатые элементы узора на глиняной посуде» [1956, с. 24, рис. на с. 25] (рис. 7). На наш взгляд, по композиции и способу нанесения орнамента (протаскивание инструмента с гладким рабочим краем) берестяные изделия имеют довольно много аналогий с керамикой карсьезерского типа. Для нее характерны горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски протасенной гребенки, зигзаговые, напоминающие волнистые, линии, ромбы и оттиски «шагающего» гребенчатого штампа, иногда по краю сосуда наносились ямки. Особенно показательны в этом плане фрагменты 6 и 7. Волнистые светлые полосы шириной 0,8 см на них образованы пятью-шестью светлыми волнистыми параллельными линиями, практически идентичными линиям, нанесенным протасенным многозубчатым (в данном случае пяти-шестизубчатым) гребенчатым штампом.

Предмет 5 воспринимается как верхняя часть какой-то емкости: ее край оформлен дырками (ямками), а узор похож на композиции орнамента глиняных со-

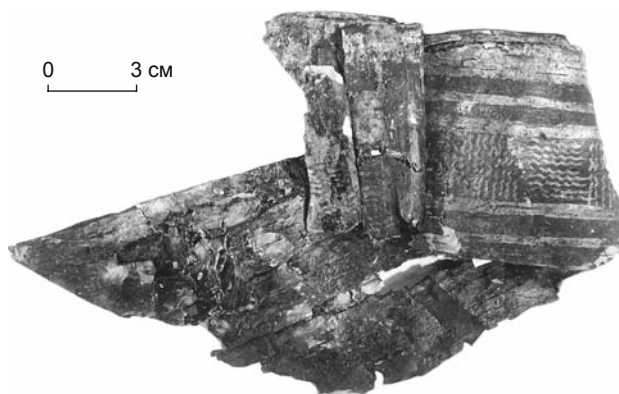

Рис. 7. Фрагмент орнаментированного берестяного изделия. ГИМ 66767. Оп. А381. № 61 (по: [Эдинг, 1940а, с. 95, рис. 87]).

судов. Не исключено, что этот предмет, обнаруженный глубже других (–2,1 м), на контакте торфа и сапропеля, может быть датирован эпохой энеолита.

Трудно найти аналогии декору рассматриваемых изделий в орнаментации керамики других типов, найденной на VI Разрезе, – энеолитической (аятской и шувакишской) или бронзового и железного веков, – для них не характерны волнистые мотивы. Некоторое сходство орнаментированные берестяные изделия имеют с неолитической керамикой Зауралья и с сосудами липчинского типа эпохи энеолита. Однако материалы неолита на памятнике как будто не обнаружены (часть керамических комплексов из раскопок Д.Н. Эдинга и других исследователей еще не обработана). На керамике липчинского типа встречены волнистые линии, да и оттиски отступающей лопаточки визуально напоминают волнистые линии. Но для посуды этого типа, в отличие от берестяных изделий, характерен более плотный декор с элементами вертикальной зональности и сложным геометрическим орнаментом.

Таким образом, орнаментированные берестяные изделия обнаружены на VI Разрезе Горбуновского торфяника рядом с деревянными сооружениями, расположенными в нижней части торфа, и, вероятно, в комплексе с керамикой карасьезерского типа. Культурный слой с такой посудой по материалам раскопок 2007–2008 гг. датируется эпохой ранней бронзы – началом II тыс. до н.э., калиброванные значения – последняя треть III тыс. до н.э.

Список литературы

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. – М.: Госкультпросветиздат, 1956. – 151 с. – (Тр. ГИМ; вып. 29).

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 219 с.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – 313 с.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках уральской экспедиции ГИМ в 1927 г. Горбуновский торфяник // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1927. № 178. Л. 22–31.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках летом 1928 г. на Горбуновском торфянике Н. Тагильского округа Уральской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1929. Ед. хр. 186. Л. 4–9.

Эдинг Д.Н. Горбуновский торфяник: Предварительный очерк археологических работ 1926–1928 г. // Материалы по изучению Тагильского округа. – Тагил: [Гостипография], 1929а. – Вып. 3, полутом 1. – С. 3–27.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках 1931 г. на Горбуновском торфянике Тагильского района Урал. области // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1932. Ед. хр. 116. Л. 16–47.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках уральской экспедиции Гос. Исторического музея на Горбуновском торфянике Н. Тагильского района Свердловской области в 1936 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1936. Ед. хр. 284. Л. 1–24.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. – М.: [Тип. Упр-ния делами СНК СССР], 1940а. – 104 с. – (Тр. ГИМ; вып. 10).

Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. – 1940б. – № 1. – С. 41–57.

Материал поступил в редколлегию 10.03.10 г.

УДК 903.5

В.В. Ткачев

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета
пр. Мира, 15А, Орск, 462403, Россия
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

В статье вводится в научный оборот уникальный погребально-культовый комплекс алакульской культуры, находящийся на северной периферии Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра позднего бронзового века. Памятник включен в структуру Ишкининского археологического микрорайона, приуроченного к группе геоархеологических производственных объектов, представленных горными выработками на площади медного месторождения, начало эксплуатации которого относится к эпохе палеометалла. Присутствие в составе комплекса каменного антропоморфного изваяния и орудий votivного характера позволяет рассматривать курган-святилище как объект, маркирующий родовую территорию, а также важный культовый центр палеопопуляции, специализировавшейся на горно-металлургическом производстве.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр, Ишкининский археологический микрорайон, погребальная обрядность, антропоморфная стела, votivные орудия, производственная специализация.

Введение

В настоящее время количество исследованных погребальных, бытовых и производственных памятников (поселения, могильники, горные выработки, обогатительные площадки и пр.) алакульской культуры эпохи поздней бронзы исчисляется тысячами. На этом фоне весьма показательно незначительное количество объектов культового характера. Исключение составляют лишь немногочисленные святилища с петроглифами, определение культурной принадлежности и хронологической позиции которых зачастую является непростой задачей. Для западного фланга андроновской культурно-исторической общности этот вопрос особенно актуален, поскольку такого рода культовых объектов в регионе немного, а в их изучении делаются первые шаги. Лишь в последнее время появились лаконичные сообщения о петроглифах в Мугоджарах [Деревянко и др., 2001; Самашев, 2006, с. 32, рис. 1–3; Онгар и др., 2009; Коробков и др., 2010, с. 191–192, 322, 323, рис. 221, 223, 446].

Между тем облик материальной культуры населения Урало-Казахстанского региона в позднем бронзовом веке свидетельствует о том, что уровень развития религиозных представлений, вероятно, был достаточно высоким. На развитой стадии алакульской культуры мы имеем дело с унификацией ее основных элементов, в частности, системы погребальной обрядности, в которой строго канонизируются все этапы погребально-поминальных церемоний. Поэтому необходимо обратить более пристальное внимание в структуре некрополей на объекты, демонстрирующие отклонение от строго регламентированных стереотипов устройства погребальных комплексов. Один из таких объектов был исследован мною на северной периферии Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы в ходе комплексного изучения Ишкининского археологического микрорайона, приуроченного к медным рудникам, эксплуатация которых началась в бронзовом веке [Ткачев, 2005, 2009, 2010a].

Географическая локализация и топографическая приуроченность

Могильник Ишкиновка III расположен на правом коренном берегу и первой надпойменной террасе р. Сухая Губерля, в 8,5 км к северо-северо-востоку от пос. Ишкинино, в 7,2 км к западу от пос. Поповка, в 8,8 км к юго-западу от пос. Писаревка, в 10,8 км к северо-западу от г. Гая Оренбургской обл. Российской Федерации. Большинство погребальных конструкций разрушено в ходе многолетней интенсивной распашки. По линии ССЗ–ЮЮВ могильник пересекает нефтепровод «Салават–Орск», частично нарушивший насыпь самого крупного кургана (рис. 1, 1). Могильник был выявлен мною в ходе экспедиции в Ишкининском археологическом микрорайоне в 1998 г. Памятник состоит из 15 объектов, локализующихся двумя группами. Основная масса сооружений (№ 1–11) вытянута цепочкой по линии ЮЗ–СВ на коренном берегу вдоль русла р. Сухая Губерля. Они представляли собой типичные для эпохи бронзы в данном районе земляные курганы высотой 0,1–1,3 м, диаметром от 8 до 28 м, на поверхности которых прослеживаются каменные плиты, использовавшиеся для перекрытий могильных ям. Вторая группа демонстрирует другую топографическую приуроченность, в большей мере характерную для раннего железного века. Она состоит из четырех объектов (№ 12–15) – земляной насыпи, каменной выкладки овальной формы (возможно, казахский мазар, относящийся к этнографической современности) и двух каменно-земляных курганов – и располагается на краю первой надпойменной террасы. Здесь же найдена каменная стела высотой ок. 2 м. Для определения культурно-хронологической позиции погребальных сооружений были раскопаны курганы 1 и 3, первый из которых является предметом обсуждения в настоящей работе.

Материалы археологических раскопок

Кург. 1 находился в восточной части могильника и являлся самым крупным. Земляная насыпь полусферической формы с уплощенной вершиной диаметром 28 м по северному склону имела высоту 1,30 м, а по южному – 1,09 м. У подножия кургана прослежено незначительное понижение до –0,15 м от уровня горизонта, маркирующее кольцевой ров шириной от 3,5 до 5 м. Юго-западная пола насыпи и участок рва разрушены нефтепроводом «Салават–Орск» (рис. 1, 1).

Курган раскапывался вручную методом кольцевых траншей. Для получения стратиграфических данных были оставлены две перпендикулярные бровки шириной 0,6 м, ориентированные по сторонам света. В процессе снятия насыпи в верхних горизонтах

ее центральной части расчищены крупные каменные плиты с нивелировочными отметками от –0,28 до –0,50 м от нулевого репера, за который принят условный центр кургана. Эти плиты не образовывали сколько-нибудь строгой конструкции. Лишь в юго-западном секторе зафиксирован участок регулярной каменной кладки протяженностью ок. 2,7 м, шириной от 0,5 до 1,0 м и ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Крупная каменная плита обнаружена также в юго-западном секторе периферийной части раскопа в 9,0 м к западу и в 8,5 м к югу от условного центра (рис. 1, 1). В ходе раскопок в насыпи кургана найдены остатки жертвоприношений в виде костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота, а также многочисленные фрагменты керамики (рис. 1, 2–15).

В профилях бровок и планиграфически в процессе снятия насыпи прослежены следующие стратиграфические напластования (рис. 1, 1):

1) гумус, мощность которого в центре составляла 10–12 см, у подошвы – до 40 см;

2) насыпь мощностью до 95 см в центральной части, представлявшая собой гумусированный грунт серого цвета с включениями желтого материкового суглинка;

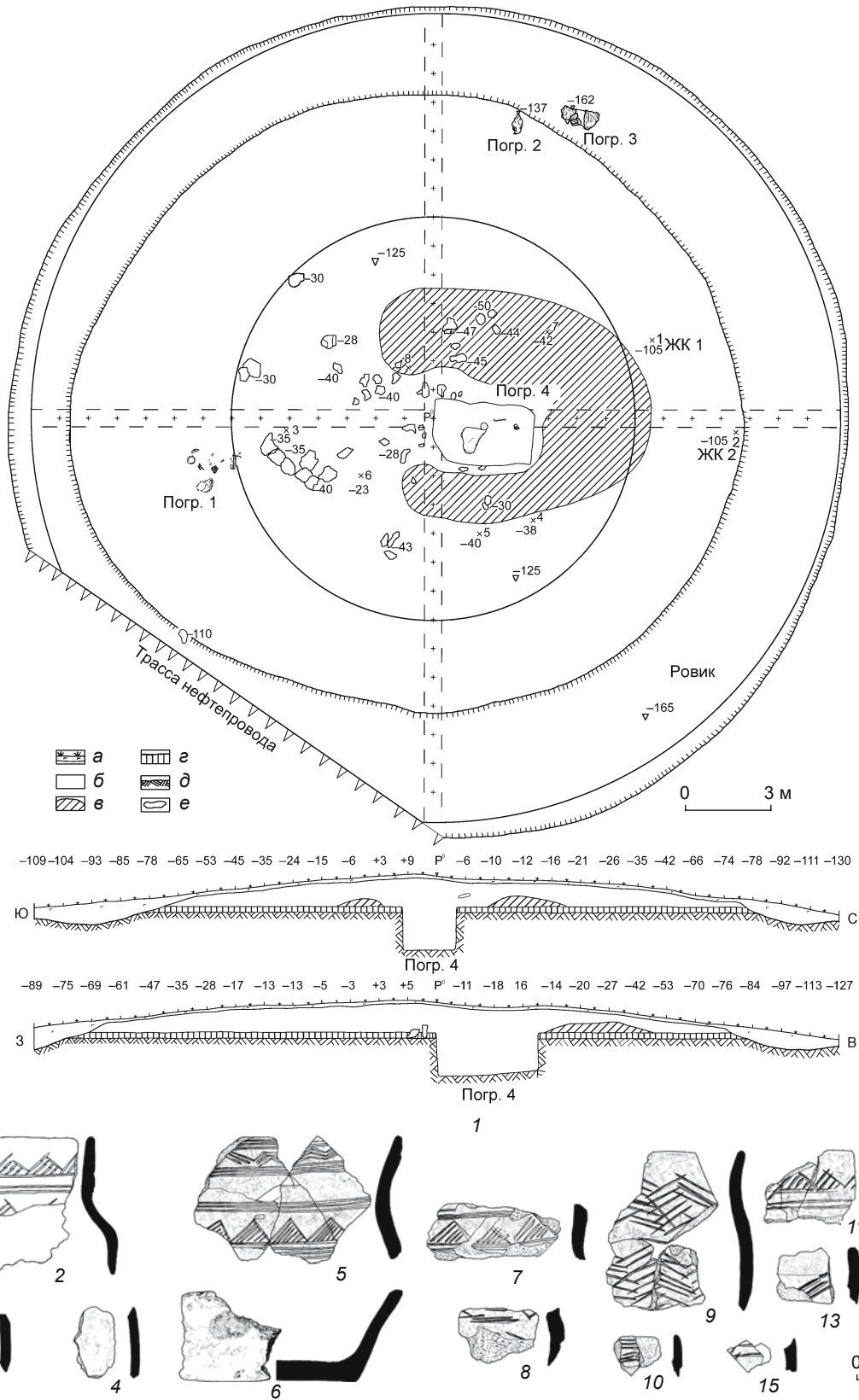
3) могильный выкид из основного погр. 4 – материковый суглинок желтого цвета с включениями серого гумусированного грунта мощностью до 0,3 м лежал на погребенной почве в виде «подковы» концами на запад, окаймлявшей центральную могилу;

4) погребенная почва – слой серой супеси мощностью 18–20 см, на периферии подкурганной площадки прорезанный ровиком;

5) материк – суглинок желтого цвета с включениями щебня, у подошвы прорезан ровиком на 0,2 м.

В ходе раскопок кургана выявлены четыре погребения, три из которых располагались на периферии насыпи, сооруженной над центральным захоронением (рис. 1, 1).

Погр. 1 (впускное) располагалось в восточной поле кургана в юго-западном секторе на границе центрального и периферийного участков раскопа в 7 м к востоку и 1 м к югу от условного центра (рис. 1, 1). Контур могильной ямы проследить не удалось, поскольку она прорезала лишь слой насыпи и незначительно была углублена в погребенную почву, не доходя 10–12 см до уровня материка. На глубине 1,12 м от нулевого репера лежал скелет взрослого человека, захороненного в скорченном положении на левом боку, головой на ЗЮЗ. Погребение нарушено в результате деятельности землеройных животных. Сохранность костяка очень плохая: отсутствуют кости стоп, верхних конечностей, практически весь средний отдел скелета, включая позвоночник, ребра, лопатки, ключицы и др. Судя по расположению фаланг пальцев, кисти погребенного находились перед лицом (рис. 2, 1). За-

хоронение сопровождали остатки жертвоприношения в виде ребер овцы, а также достаточно разнообразный и многочисленный инвентарь, обнаруженный на костяке и в изголовье: два глиняных сосуда; фрагменты бронзового желобчатого браслета; две обернутые золотой фольгой бронзовые височные желобчатые подвески в полтора оборота, вытянутой в плане формы, украшенные горизонтальными линиями, выполненными в технике чеканки; кремневая ножевидная пластина; фаянсовые цилиндрические бусы, пронизь и бисер; обломок каменной терочной плиты; бронзовые скобы для ремонта сосуда (рис. 2, 2–13; 3, 6–10).

Погр. 2 (впускное) размещалось в северной поле кургана в северо-восточном секторе периферийной части раскопа в 10,0 м к северу и в 2,7 м к востоку от условного центра. На этом участке на глубине 1,2 м от нулевой отметки была расчищена каменная плита размерами 0,65×0,35 м (см. рис. 1, 1), вероятно являвшаяся перекрытием впускной могильной ямы, стенки которой проследить не удалось. Под плитой на глубине 1,37 м от нулевого репера обнаружены глиняный сосуд и фрагмент еще одного (рис. 4, 3, 4). По всей видимости, это было погребение младенца, кости которого не сохранились.

Погр. 3 (впускное) располагалось в северной поле кургана в северо-восточном секторе периферийной

части раскопа в 10,6 м к северу и в 4,5 м к востоку от условного центра, в 1,5 м к востоку от погр. 2 (см. рис. 1, 1). Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы со скругленными углами имела размеры 1,18×0,47 м и была ориентирована длинными сторонами по линии ВЮВ–ЗСЗ. Ее перекрывали массивные каменные плиты, имевшие наклон в среднюю часть могилы. Это, вероятно, обусловлено тем, что плиты перекрытия провалились по центру в яму в ходе разрушения погребального сооружения (см. рис. 4, 1). На дне могилы на глубине 1,84 м от нулевого репера у западной торцевой стенки стоял сосуд (см. рис. 4, 2), рядом с которым обнаружен молочный зуб ребенка. По-видимому, здесь был похоронен младенец, ориентированный головой на запад, о чем свидетельствует локализация погребального инвентаря и молочного зуба.

Погр. 4 (основное) находилось в центре кургана с небольшим смещением к востоку (см. рис. 1, 1). В процессе снятия насыпи установлено: выкид из этой могилы лежал в виде «подковы» шириной от 1,5 до 3,7 м вокруг ямы, кроме западного направления, что отчетливо фиксировалось по профилям бровок (см. рис. 1, 1). Яма была выкопана с уровня погребенной почвы. Она имела прямоугольную форму со скругленными углами, широтную ориентировку и раз-

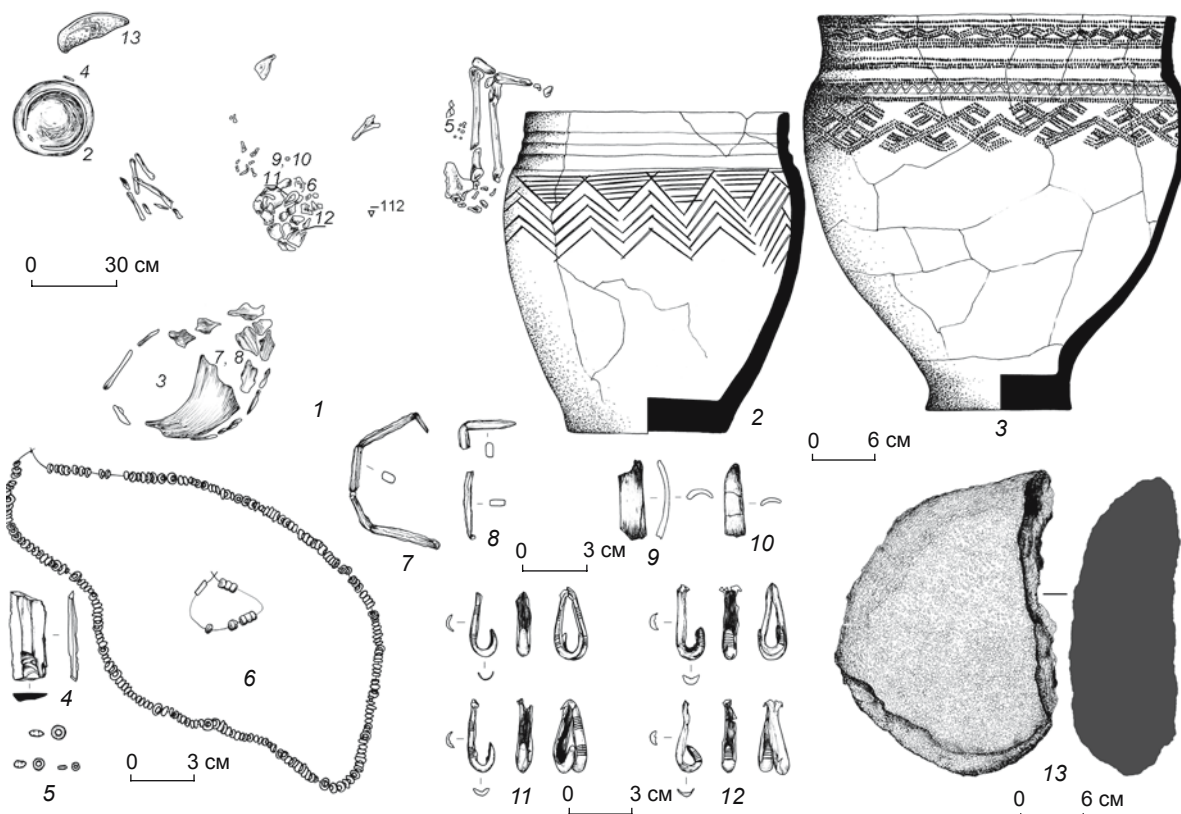

Рис. 2. План погр. 1 (1) и инвентарь (2–13) из него.
2, 3 – керамика; 4, 13 – камень, 5, 6 – фаянс; 7–10 – бронза; 11, 12 – золото.

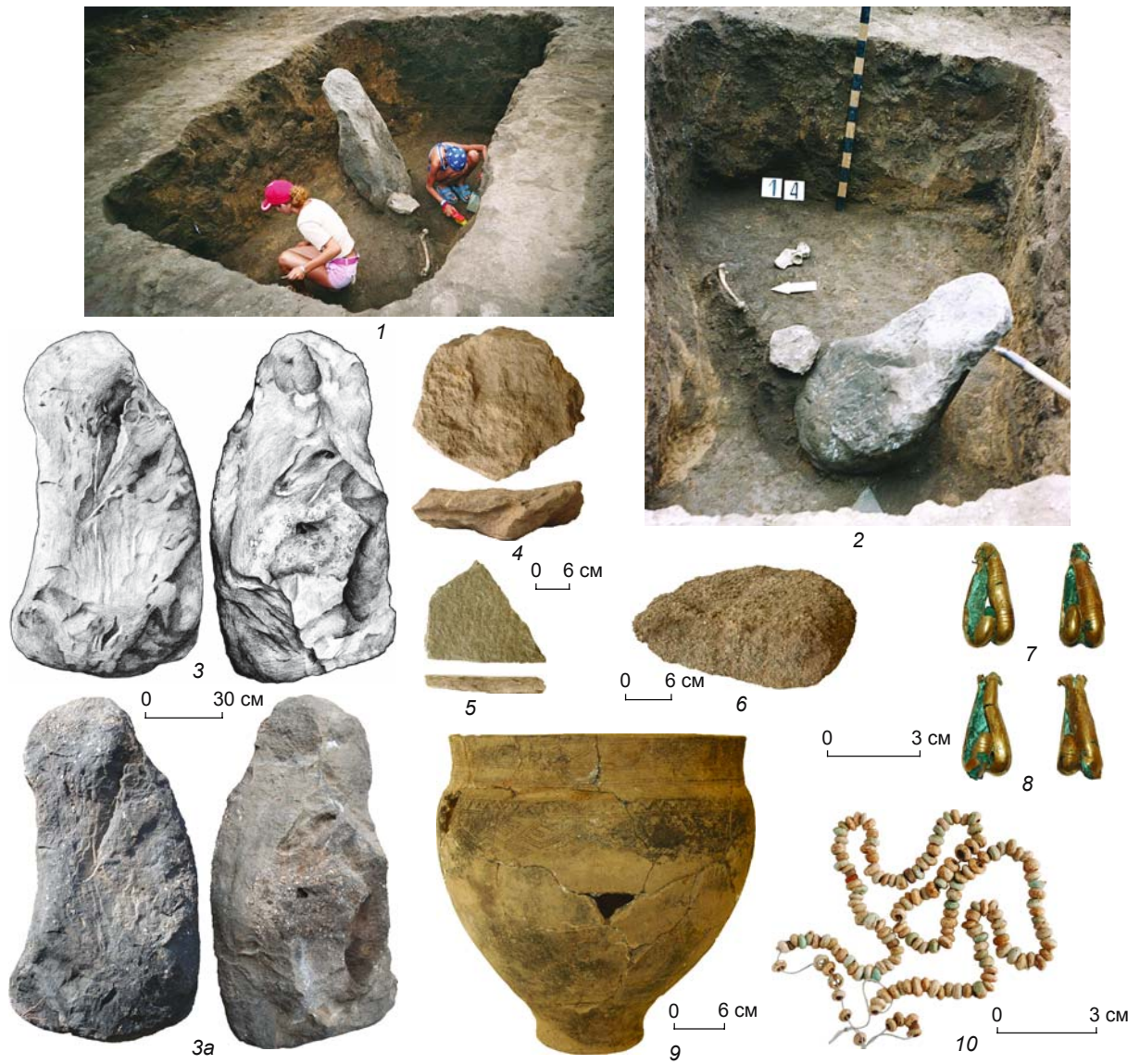

Рис. 3. Расчистка погр. 4 (1, 2), антропоморфное изваяние (3) и votивные терочные плиты-ступки из этого погребения (4, 5); инвентарь из погр. 1 (6–10).

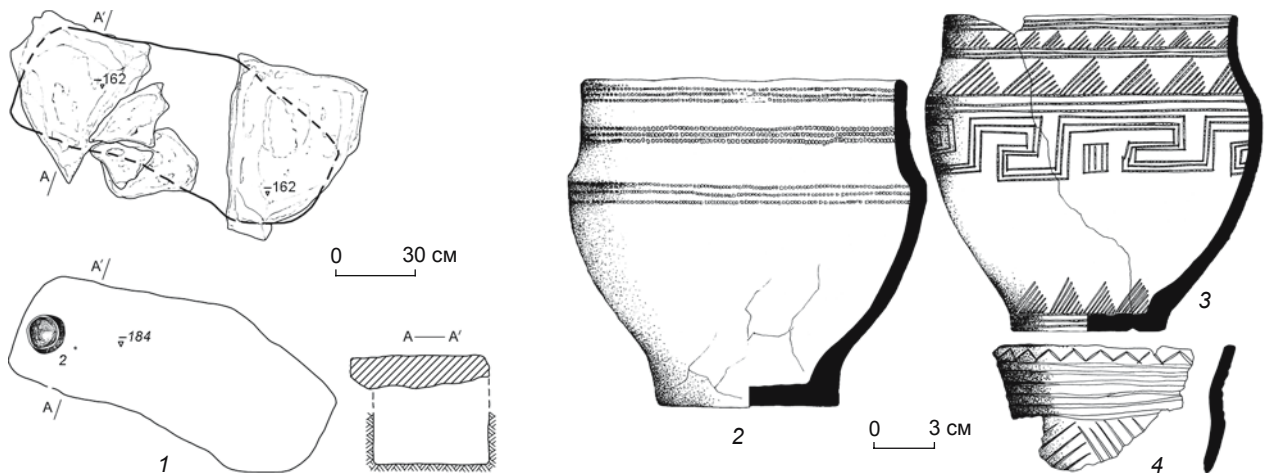

Рис. 4. План и разрез погр. 3 (1), керамика из погр. 3 (2) и 2 (3, 4).

меры 3,5×2,2 м. В заполнении могилы в восточной ее половине на глубине 2,35 м от нулевого репера (–1,3 м от уровня погребенной почвы) обнаружены переотложенные кости взрослого человека: бедренная, тазовая и крестец. Стенки и дно могильной ямы были сильно нарушены деятельностью сурчиной колонии. На глубине 2,55 м от нулевой отметки (–1,5 м от уровня погребенной почвы) в центре могилы с небольшим смещением к юго-западному углу вертикально была установлена массивная каменная антропоморфная стела (см. рис. 3, 1, 2), сохранившая первоначальное положение. Она была повернута лицевой стороной на север. Морфология изваяния определялась характером исходной заготовки. С тыльной стороны было сделано несколько крупных сколов, которые оформили общие контуры стелы и придали грацильность ее верхней части, сохранив массивность основания. На лицевой стороне серией целенаправленных ударов была создана «личина» правильной округлой формы. Ее поверхность заполирована. Едва намечены плечи, остальные признаки антропоморфности отсутствуют. В целом изваяние изготовлено достаточно грубо, трактовка антропоморфных черт весьма условна. Изделие создает впечатление неразвитости камнерезных традиций и изобразительных приемов. Высота стелы 130 см, ширина основания 73, «головы» 44 см, толщина у основания 30 см, наибольшая в средней части 45, в районе «головы» 20 см (см. рис. 3, 3).

У подножия антропоморфного изваяния обнаружены две каменные плиты, напоминающие терочки или жертвенники (см. рис. 3, 1, 2). Одна из них имеет трапециевидную форму, размеры 20×17 см, толщину 3 см (см. рис. 3, 5). Другая плита более массивная, 29×25 см, толщиной 7 см. Она имеет округлые очертания за счет грубых сколов по периметру заготовки (см. рис. 3, 4). На обоих предметах отсутствуют следы эксплуатации, что предполагает вотивную функцию изделий.

Обсуждение и выводы

Культурно-хронологическая позиция данной группы погребальных комплексов определяется достаточно уверенно. Особенности надмогильных сооружений и внутримогильных конструкций, планиграфическое распределение могил на подкурганной площадке, характер ингумации и ориентировка погребенных демонстрируют полное соответствие канонам погребального обряда алакульской культуры. В равной мере это справедливо в отношении металлических, каменных и костяных изделий, украшений, в т.ч. способов их использования в традиционном костюме.

То же самое можно сказать о диагностирующих признаках самой массовой категории находок – кера-

мики. Морфологические характеристики и орнаментация основной части коллекции отвечают стандартам алакульского гончарства. Это касается прежде всего сосудов с уступчатым плечом, в декоре которых господствуют геометрические фигуры, выполненные по прямой сетке прочерчиванием и оттисками гребенчатого и гладкого штампов, ямочные вдавления различной конфигурации. Особенно показательна специфическая зональность, предполагающая наличие свободной от орнамента зоны в нижней части шейки (см. рис. 1, 2, 5; 2, 2, 3; 3, 6; 4, 2). Однако отличительной особенностью ишкининской керамики является присутствие признаков керамических традиций федоровской и срубной культур. К числу первых следует отнести наличие сосудов с характерным плавным профилем, поддонов у некоторых горшков, сплошной орнаментации, нанесение геометрических фигур по косой сетке, использование гребенчатого штампа. Признаки традиций срубной культуры – ребристый профиль (см. рис. 4, 3) и некоторая асимметричность ряда сосудов, присутствие типичных горшечно-баночных форм, «расчесов» на внешней поверхности, грубо нанесенного размашистого геометрического орнамента, неорнаментированных емкостей. Справедливости ради следует сделать оговорку, что на фоне общей выборки керамики из 40 погребений, исследованных в трех некрополях в окрестностях пос. Ишкинино, небольшая группа сосудов из публикуемого комплекса в наименьшей степени демонстрирует наличие инोकультурных элементов.

Материалы позднего бронзового века наиболее близки к кожумбердынской культурной группе, относящейся к алакульской линии развития, но органично вобравшей в себя федоровские компоненты [Кузьмина, 1994, с. 46–47; 2008, с. 250–268]. Ареал ее распространения охватывает обширные пространства Уральско-Мугоджарского региона. Однако, располагаясь на северной периферии этого ареала, памятники Ишкининского археологического микрорайона демонстрируют присутствие в погребальном обряде и материальном комплексе признаков, типичных для синкретической группы памятников магнитогорского варианта алакульской культуры, локализующегося в верховьях р. Урала. Его специфику определяют проявления воздействия со стороны срубной культуры [Кузьмина, 2008, с. 139, 141, рис. 42, 43].

Исследование кург. 1 могильника Ишкиновка III показало, что мы, по всей видимости, имеем дело с нетривиальным погребально-культовым комплексом. В его основе, вероятно, лежало погр. 4. Возможно, здесь был захоронен индивид зрелого возраста, кости которого найдены в заполнении могилы. Не исключено, что вторжение в могильную яму носило ритуальный характер, поскольку скелет был практически полностью изъят, а вместо него помещено каменное

антропоморфное изваяние. Лицевой стороной оно обращено на север при широтной ориентации могильной ямы. Примечательно, что так же ориентирована лицевая часть черепа в типичных для алакульской культуры захоронениях, в которых погребенный был уложен в скорченном положении на левом боку, головой в направлении западного сектора, подобно тому, как это зафиксировано в погр. 1. Такая трактовка представляется достаточно реалистичной с учетом расположения каменных плит неутилитарного назначения у подножия антропоморфного изваяния.

Нужно признать, что связь человеческих костей, обнаруженных в заполнении мог. 4, с гипотетическим первичным захоронением неочевидна. По профилям бровок прослежено лишь незначительное пологое понижение над основной могилой, что обычно является следствием проседания грунтовой надмогильной конструкции, обусловленного более рыхлой структурой заполнения ямы. При этом отсутствовали какие-либо следы впускной могилы. Отмечено только разрушение стенок могильной ямы в результате деятельности сурчиной колонии. Такое положение вещей может объясняться различными обстоятельствами. Культовые манипуляции (изъятие костных остатков) с погребенным в мог. 4 производились после ингумации, но до сооружения надмогильной конструкции. Тогда нужно предполагать длительный, достаточный для полного скелетирования, период пребывания тела в земле либо помещение в могилу экскарнированных (очищенных от мягких тканей) останков, например, после «выставления тела». Последнее предположение может объяснять и неполноту скелета, причем уместно отметить, что практика вторичных захоронений была распространена на западном фланге ареала алакульской культуры [Усманова, 1992; 2005, с. 20, 21, 89, рис. 11, 7, фото 11–13], в т.ч. в Уральско-Мугоджарском регионе [Ткачев, 1996, 20106].

Второй вариант интерпретации предполагает отсутствие связи между переотложенными костями человека и обсуждаемым погребальным комплексом. Тогда наличие в заполнении могилы разрозненных единичных человеческих костей может быть обусловлено действиями землеройных животных. В таком случае перед нами кенотаф – символическое захоронение. При такой трактовке погр. 4 заманчивые перспективы относительно семантики обсуждаемого комплекса открывает его археологический контекст. С учетом предполагаемой производственной специализации алакульского населения, оставившего памятники в Ишкининском археологическом микрорайоне, весьма показательным представляется тот факт, что у подножия антропоморфного изваяния были аккуратно уложены две массивные каменные плиты-ступки. Судя по морфологическим особенностям, метрическим параметрам и характеру обработки рабочих

поверхностей, одна из них (см. рис. 3, 4), вероятно, могла использоваться для дробления медной руды в ходе осуществления сухого обогащения, а вторая (см. рис. 3, 5) – для растирания обогащенной руды при подготовке шихты к плавке. Оба предмета, видимо, носили votивный характер, поскольку не имеют следов эксплуатации, и были изготовлены специально для устройства погребально-культового комплекса. В таком случае, с учетом изложенных выше наблюдений, возникает вопрос, не является ли погр. 4 кенотафом архаического лидера, возглавлявшего производственную структуру ишкининских горняков, тело которого было утрачено, например, в результате несчастного случая с трагическими последствиями в ходе горных работ? Конечно, вряд ли у нас когда-либо появятся основания для категоричных суждений на этот счет, но уместным представляется привести сведения академика П.С. Палласа, посетившего Оренбургский край в 1768–1769 гг. Описывая древний рудник «Сайгачий» в Приуралье, он указывал, что при расчистке штольни были обнаружены лепешки сплавленной меди и «много крупных, из белой глины сделанных, горшков, в которых медь плавил, да и костей засыпанных землею работников» [Паллас, 1773, с. 369]. Возможно, в некоторых случаях извлечение погибших горняков из рухнувших забоев древних рудников не осуществлялось по причине не только трудоемкости такой процедуры, но и табуирования некими идеологическими установками, с учетом особого, нередко сакрального статуса горно-металлургического производства в архаических обществах [Черных, 1976, с. 159; Бочкарев, 1995, с. 115]. В этом плане обращает на себя внимание набор инвентаря из погребения зрелой женщины (№ 1), впущенного в полу первоначального грунтового сооружения (см. рис. 2, 2–13; 3, 6–10). На первый взгляд, вещевой комплекс вполне соответствует стандартам жестко регламентированной системы погребальной обрядности алакульской культуры, с оговоркой, что богатый гарнитур украшений, включавший золотые орнаментированные подвески в полтора оборота, может отражать достаточно высокий социальный статус погребенной. Но один предмет явно выделяется из числа прочих. Это обломок каменной терочной плиты (см. рис. 2, 13; 3, 6). Особенности рабочей поверхности изделия, отличающейся шероховатостью, отсутствием заполированности, исключают его применение в качестве ступки, например, для растирания зерна, стеблей или красителей естественного происхождения. Массивность и морфологические характеристики плиты позволяют с высокой долей вероятности предполагать, что она использовалась для дробления руды.

Наличие орудий, связанных с горно-металлургическим производством, в описанных захоронениях,

особенно в символическом погр. 4 с антропоморфным изваянием, дает основание отнести погребально-культурный комплекс в целом к числу экстраординарных. Такая интерпретация представляется адекватной, т.к. погребальный обряд алакульской культуры практически не учитывал профессиональную специализацию умерших, что типично для большинства культурных образований эпохи палеометалла в Восточной Европе [Бочкарев, 2010, с. 211]. Создается впечатление, что кург. 1 какое-то время функционировал в качестве святилища или какого-то другого культового объекта, а его сооружение происходило поэтапно. Он выделяется из числа других погребальных объектов особой монументальностью и сложностью структурных компонентов. В центральной части в верхних горизонтах насыпи обнаружены разнообразные каменные выкладки, многочисленные фрагменты битой алакульской керамики, возможно являвшиеся остатками тризн или других погребально-поминальных церемоний. Видимо, с начальным этапом сооружения кургана связаны неглубокие рвы, проявляющиеся в полах в виде пологих понижений, а также жертвоприношения животных, кости которых обнаружены на уровне погребенной почвы на периферии могильного выкида из основной мог. 4 (см. рис. 1, 1). Грунт для надмогильной конструкции был взят из верхних горизонтов окружающего первоначальную подкурганную площадку пространства. Поэтому в структуре насыпи преобладают серые гумусированные фракции. Некоторое количество желтого суглинка объясняется использованием в качестве строительного материала материковых включений из кольцевого рва. Заключительный этап функционирования кург. 1 связан с совершением впускных погребений (№ 1–3) уже после завершения его строительства. Не исключено, что захоронение в этом кургане женщины зрелого возраста и двух младенцев было продиктовано не только родственной связью с погребенным в основной мог. 4, но и ритуальными соображениями.

Благодаря комплексным исследованиям, проводившимся на протяжении ряда лет в Ишкининском археологическом микрорайоне, установлено, что с поздним бронзовым веком связана группа компактно расположенных синхронных памятников различного характера. По всей видимости, они представляли собой единый комплекс, функционировавший как локальный хозяйственно-культурный центр, сочетавший горно-металлургическое производство и отгонное скотоводство. Его основу составлял горно-металлургический комплекс, представленный группой древних медных карьеров на левобережье ручья Аулган (левый приток р. Сухая Губерля) и связанным с рудником поселением, занимавшим окаймленную с трех сторон горами площадку на противоположном, правом, берегу ручья. К этим памятникам тяготеет

серия местонахождений, которые можно расценивать как места регулярных посещений родственного населения. Еще одна компактная группа синхронных археологических объектов располагается в нескольких километрах выше по течению р. Сухая Губерля. Ее составляют три курганных могильника и серия местонахождений.

Обращает на себя внимание то, что в непосредственной близости от поселения, связанного с горными выработками на площади медного месторождения, отсутствует некрополь, в то время как в районе сосредоточения могильников нет стационарного поселения. Вероятно, это обусловлено особенностями сложившейся локальной хозяйственно-культурной системы. Могильники в таком случае могли выступать в качестве маркеров территории, контролируемой конкретной палеопопуляцией. Обсуждаемый погребально-культурный комплекс могильника Ишкиновка III в этом смысле весьма показателен. Любопытно, что жители пос. Ишкинино и сейчас отгоняют скот на пастбища, расположенные в районе курганных могильников бронзового века, причем участок дислокации Ишкиновки III является конечным пунктом перемещения стада.

Наличие мегалитического культа в среде алакульского населения все более отчетливо прослеживается на материалах Южного Зауралья [Полякова, 2004]. Присутствие менгиров вблизи алакульских (кожумбердынских) поселений и в структуре связанных с ними могильников отмечено Е.Е. Кузьминой в Восточном Оренбуржье в Еленовско-Ушкаттинском археологическом микрорайоне, приуроченном к одноименным медным рудникам, эксплуатация которых началась в бронзовом веке [1959, с. 22, 23]. В этой связи уместно отметить гранитный менгир высотой более 2 м, установленный в центре алакульского кургана с каменным кромлехом из вкопанных массивных плит на Еленовском могильнике, расположенном в непосредственной близости от одноименного рудника. Стела была обнаружена в переотложенном состоянии в ходе аварийно-спасательных раскопок объекта, проводившихся под моим руководством. Она покоилась в горизонтальном положении под насыпью кургана у края впускной могилы. Аналогичная ситуация была зафиксирована Э.Р. Усмановой на могильнике Лисаковский III (сооружение № 8Б) в Верхнем Притоболье. На других андроновских некрополях Лисаковской округи также отмечены случаи помещения в кенотафы каменных плиток вместо останков умерших, при этом камень, по мнению автора раскопок данных памятников, являлся заместителем покойного, создавая присутствие его образа и отражая один из вариантов культа предка [Усманова, 2007, с. 89, 90, рис. 5].

Таким образом, уникальность нахождения антропоморфного изваяния в центральной могильной яме

алакульского кург. 1 на могильнике Ишкиновка III позволяет рассматривать погребально-культовый комплекс в целом как своеобразный курган-святилище. Объект такого рода единственный на могильниках, являвшихся родовыми кладбищами родственных групп населения в пределах Ишкининского археологического микрорайона. Вероятно, это был важный культовый центр достаточно крупного объединения. Однако верификация предложенной гипотезы возможна лишь с расширением источниковой базы.

Список литературы

- Бочкарев В.С.** Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1995. – С. 114–123.
- Бочкарев В.С.** Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: Инфо Ол, 2010. – С. 209–211.
- Дервянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Ламин В.В., Исаков Г., Абсадык Ж.** Открытие петроглифов в верховьях р. Эмба в Мугоджарских горах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 100–103.
- Коробков В.Ф., Баймагамбетов Б.К., Сапожников П.К., Улукпанов К.Т.** Природные подземные кладовые Актобе: облицовочные, декоративно-облицовочные и строительные камни. – Актобе: [б.и.], 2010. – 371 с.
- Кузьмина Е.Е.** Отчет Еленовского отряда Оренбургской экспедиции 1959 г. // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1 № 1938. 84 с.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Калина, 1994. – 463 с.
- Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.
- Онгар А., Нурпеисов Н., Киясбек Г., Логвин А., Жетписбай Н.** Археологические памятники микрорайона Толебулак-Егиндибулак (предварительные итоги работ) // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – Вып. 10. – С. 187–204.
- Паллас П.С.** Путешествие по различным провинциям Российской империи. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1773. – Ч. 1. – 657 с.
- Полякова Е.Л.** Аллея менгиров в историческом парке музея-заповедника Аркаим и другие памятники мегалитического культа Южного Зауралья // Аркаим: По страницам древней истории Южного Урала. – Челябинск: Крокус, 2004. – С. 191–200.
- Самашев З.** Некоторые замечания о проблемах петроглифоведения в Казахстане // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: мат-лы Междунар. науч. конф. – Актобе: ПринтА, 2006. – Ч. 1. – С. 31–36.
- Ткачев В.В.** К вопросу о генезисе некоторых экстраординарных черт в алакульском погребальном обряде // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренбург. гос. пед. ин-т, 1996. – С. 85–98.
- Ткачев В.В.** Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 4. – С. 182–198.
- Ткачев В.В.** Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. История. – 2009. – Вып. 38, № 41 (179). – С. 5–7.
- Ткачев В.В.** Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010а. – Т. 12, № 2. – С. 268–271.
- Ткачев В.В.** Вторичные захоронения из алакульских памятников в южных отрогах Уральских гор // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010б. – Т. 12, № 6. – С. 258–264.
- Усманова Э.Р.** Обряд вторичного погребения в андроновском ритуале (по материалам могильника Лисаковский) // Маргулановские чтения. – Петропавловск: [б.и.], 1992. – С. 54–55.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск: [б.и.], 2005. – 232 с.
- Усманова Э.Р.** Культ камня в контексте погребальной ритуальности могильника эпохи бронзы Лисаковский // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда: [б.и.], 2007. – С. 85–92.
- Черных Е.Н.** Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М.: Наука, 1976. – 302 с.

Материал поступил в редколлегию 02.02.11 г.

УДК 903.26

Н.Б. Крыласова

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, Пермь, 614990, Россия
E-mail: belavin@pspu.ru

РИСУНОК НА АМУЛТЕ С РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА – ОЧЕРЕДНАЯ СТРАНИЧКА СРЕДНЕВЕКОВОГО МИФА О ВСАДНИКЕ

В статье рассматривается вырезанный из сломанного гребня роговой амулет с прочерченным рисунком. На нем представлен хорошо известный как по средневековым изображениям Урала, так и по этнографическим материалам сюжет с всадником, хищной птицей и светилами. Большинство авторов сопоставляют его с образом небесного всадника, культурного героя, персонажем мифологии обских угров. Уникальность рисунка на амулете в том, что всадник показан скачущим по небу, а не по земле, как на всех известных изображениях. Эта композиция иллюстрирует повествование мифов о том, как герой «объезжает мир на высоте облаков». Рисунок на амулете дополняет наши представления об особенностях формирования культа небесного всадника у угорских народов Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: Пермский край, Рождественское городище, средневековье, амулет, образ всадника, Мир-сусне-хум, угорская мифология.

Крупнейшим средневековым памятником Пермского края является Рождественский археологический комплекс (два городища, неукрепленный посад, два могильника) на р. Обва. Центральное место в нем занимает Рождественское городище – торгово-ремесленный протогород конца IX – XIV в., который соотносится с известным по арабским письменным источникам городком Афкула [Белавин, Крыласова, 2008]. Как в любом средневековом городе, население здесь было полиэтничным: местные финно-угры (преимущественно угры) – носители ломоватовско-родановской культуры, ремесленники и купцы из Волжской Булгарии, выходцы с соседних финно-угорских территорий, из Северо-Западной Руси и пр.

В 1992 г. на раскопе V Рождественского городища в верхнем слое XII–XIV вв. был обнаружен весьма любопытный роговой амулет. Сначала его интерпретировали как «квадратный амулет с резной головкой», относящийся к болгарским подвескам-амулетам [Белавин, 2000, с. 123, рис. 61, 11], которые получили распространение в связи с исламизацией общества, имели арабские прототипы и служили разделителями

четок [Закиева, 1988, с. 235]. Затем этот предмет был отнесен к группе амулетов-гребней, широко представленных в Предуралье [Крыласова, 2004, с. 55, рис. 1, 17]. Находка пролежала в хранении Музея археологии и этнографии Урала Пермского государственного университета 15 лет. И однажды при очередной разборке коллекции при определенном освещении на предмете случайно был замечен полустертый прочерченный рисунок, включающий композицию с всадником [Белавин, Крыласова, 2008, с. 399, рис. 194, 22; 195].

Амулет представляет собой подтрапцевидную роговую пластину (ширина 2,2–2,7 см, высота 2,5, толщина 0,6 см) с ромбовидным навершием (рис. 1). По нижнему краю с обеих сторон имеются короткие вертикальные насечки, которые и дали основание предполагать, что данный предмет – имитация гребня [Крыласова, 2004]. Правда, со временем мы стали иначе расценивать их происхождение. Наверное, логичнее предположить, что амулет был вырезан из сломанного гребня, о чем косвенно свидетельствует наличие горизонтальной полосы вдоль надрезов на оборотной стороне предмета. Такие полосы, являю-

щиеся метками для нарезания зубьев, наблюдаются на большинстве известных костяных гребней Пермского Предуралья. Причем, вероятнее всего, вторичное изделие было изготовлено ради сохранения имевшегося на предмете рисунка. Сюжетные прочерченные рисунки известны на гребнях с городищ Иднакар и Анюшкар. На двух иднакарских зооморфных гребнях представлены композиции с антропоморфными фигурами. На одном, по мнению исследователей, динамичный сюжет: сражающиеся антропоморфные существа с перекрещенными палицами (между фигурами свастика); на другом – «антропоморфная фигура в торжественной позе» [Иванова, 1998, с. 170, рис. 70, 1, 13]. На трапециевидном гребне с городища Анюшкар Г.Т. Ленц увидела «изображение всадника на фоне горы с неясными деталями переднего плана» [2004, с. 71, рис. 7, 1].

Композиция, прочерченная на лицевой стороне рассматриваемого амулета (рис. 2), включает изображение всадника, скачущего в правую геральдическую сторону (влево от зрителя), за которым летит хищная птица. Под ногами коня опора в виде горизонтальной линии. Фигура человека весьма условна, и это неудивительно при таком мелком масштабе рисунка. Видно, что он сидит верхом в обычной позе всадника, туловище немного откинута назад, приподнятые руки разведены в стороны. Правая поднята чуть выше, и в ней, вероятно, находился какой-то предмет, изображение которого частично стерлось. Внизу композиции показаны солнце под горизонтальной линией и справа от него луна, точнее, полумесяц. Над фигурой всадника по дуге располагаются две параллельные линии, выполненные короткими пунктирными штрихами. В левом верхнем углу пластины изображение, которое может быть интерпретировано как летящая вверх птица (лебедь, гусь) или как натянутый лук со стрелой. Кроме основной композиции, на амулете есть еще несколько знаков. На оборотной стороне примерно по центру просматривается нечеткое изображение, напоминающее крест с загибающимися вправо концами (разновидность свастики?). На ромбовидном выступе для привязывания шнура на обеих сторонах прочерчены кресты, скорее всего являющиеся метками для отверстия, которое по каким-то причинам не было просверлено. Но нельзя полностью исключать и возможного символического значения этих знаков.

Композиция вызывает значительный интерес в плане развития наших представлений о содержании мифов, главным персонажем которых является Всадник. Его изображения зафиксированы на широком круге разнообразных предметов, распространившихся в эпоху средневековья по обе стороны Урала. Первые, с кем вызывает ассоциации всадник на рассматриваемом рисунке, это «сокольничьи» – изображения всадников

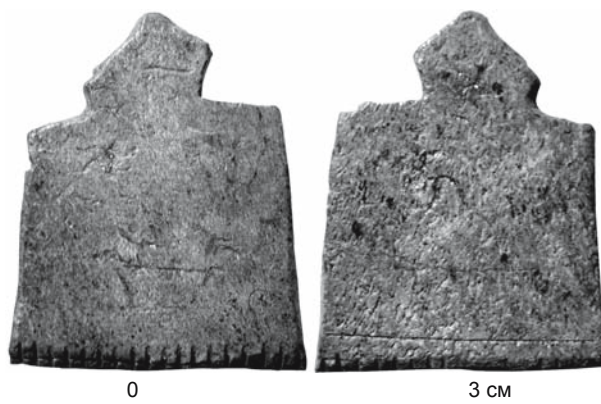

Рис. 1. Роговой амулет с Рождественского городища.

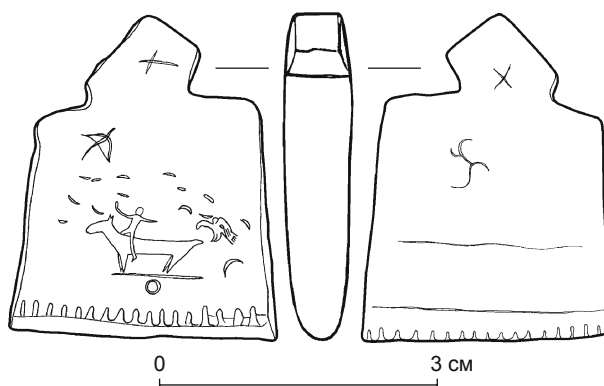

Рис. 2. Прорисовка амулета.

с ловчей птицей. Наиболее ранние из них, по мнению Н.В. Федоровой, зафиксированы на серебряных блодах т.н. венгеро-уральской группы IX–X вв., производившихся где-то в Предуралье [2003, с. 141–143]. Но, вероятно, одновременно или даже несколько раньше в Пермском Предуралье появились культовые литые плакетки, где фигурам всадников также сопутствовали изображения хищных птиц (напр.: [Оборин, 1976, № 57]). Причем на одной из них изображено солнце, помещенное перед конем. Эти плакетки, в свою очередь, соотносятся с литыми подвесками IX–XI вв., известными в историографии как «всадник на змее» [Смирнов, 1952, с. 268–270; Голубева, 1979, табл. 16; Рябинин, 1981, табл. IX; X, 1; Чиндина, 1991, рис. 30, 9–13]. Но наиболее всего сходство в элементах композиции прослеживается с предметами, определяемыми как «бляхи с сокольничим», «медальоны с охотничьим сюжетом» [Белавин, 2004]. На них, как и на рассматриваемом амулете, изображены всадник, хищная птица, солнце и полумесяц (рис. 3). На большинстве изображений всадник в поднятой левой руке держит рог [Там же, с. 335–336]. Возможно, именно такой рог был в руке всадника на рассматриваемом рисунке. И наконец, аналогичное, хотя и сильно стилизованное изображение

Рис. 3. Бляха с «сокольничим». Пермский край, браконьерские сборы 2002 г.

Рис. 4. Жертвенное покрывало сынских хантов с изображением всадников (по: [Сынские ханты, 2005, с. 223]).

представлено в этнографических материалах на жертвенных покрывалах *ялтын-улама* обских угров (рис. 4) [Гемуев, Бауло, 2001; Сынские ханты, 2005].

В чем же уникальность композиции на амулете? Во-первых, обращает на себя внимание расположение светил. Если на бляхах с «сокольничим» они помещены над фигурой всадника (чаще солнце справа, луна слева), то в рассматриваемой композиции они находятся внизу, под основанием, на котором стоит конь, солнце слева, луна справа. Во-вторых, на большинстве изображений (за исключением культовых плакатов) птица спокойно сидит на сгибе локтя всадника,

а на нашем рисунке – летит за конем, как бы догоняя всадника. В-третьих, фигура всадника обычно (за редкими исключениями) ориентирована вправо от зрителя, а здесь – влево.

Рассматривая изображения, привлеченные нами в качестве аналогов, большинство авторов (особенно в публикациях последних лет) сопоставляют их с образом небесного всадника, культурного героя. Подобный персонаж можно встретить в мифологии различных народов Урала и Западной Сибири. Но наличие на изображениях всадников ряда специфических атрибутов позволило исследователям совершенно оправданно сопоставить их с наиболее актуальным персонажем мифологии обских угров, известным под множеством имен, из которых более употребительно *Мир-сусне-хум* – «Человек (мужчина), осматривающий мир» или «Человек, надзирающий за миром» [Гемуев, Бауло, 2001; Белавин, 2004; Казаков, 2007, с. 27]. Не будем вдаваться во все подробности характеристики данного образа, а также в аргументы, позволяющие соотносить его с известными средневековыми изображениями, поскольку эта тематика хорошо проработана в историографии. Коснемся только одного момента, напрямую связанного с композицией на амулете. В верованиях и обрядовой поэзии *Мир-сусне-хум* рисуется как всадник на белом (иногда крылатом) коне, объезжающий мир на высоте облаков, это «царь идущих облаков» [Мифы..., 1990, с. 18]. Считалось, что он каждые сутки объезжает вселенную, наставляя людей на путь истинный, помогая праведно живущим, наказывая виновных. Поэтому его еще именуют *Ма-ёхне-хум* – «Человек, объезжающий землю», *Вит-ёхне-хум* – «Человек, объезжающий воду» [Гемуев, 1990, с. 191]. Согласно верованиям обских угров, «когда во время своих объездов *Мир-сусне-хум* желает спуститься на землю, то его прислужники предварительно ставят для ног коня четыре металлических тарелочки с изображением нередко солнца» [Гондатти, 1888, с. 19], которые обязательно имеются на угорских святилищах. На всех до сих пор известных изображениях всадник, несомненно, находится на земле: светила над его головой, у ног – различные животные. А в композиции на амулете мы видим его непосредственно в момент путешествия по небу, над светилами. Возможно, именно с этим связана иная ориентировка фигуры – по ходу солнца. Как уже упоминалось, под копытами коня прочерчена горизонтальная линия, т.е. всадник скачет не по воздуху, а по какой-то тверди. Объяснить это можно с позиций обско-угорской мифологии. По мансийским представлениям, небо состоит из трех ярусов, по хантыйским – из семи. Оно соединяется с землей отверстием [Мифы..., 1990, с. 16]. В каждом ярусе неба подразумевается некая твердь, по одной из которых и скачет всадник,

изображенный на амулете. Таким образом, эта композиция – еще один кусочек мозаики, дополняющий наши представления об особенностях формирования культа небесного всадника у угорских народов Урала и Западной Сибири.

Интересно понять, что за изображения размещаются в композиции над всадником. Две параллельные дугообразные линии, нанесенные пунктиром, ассоциируются с чем-то эфемерным, слабо различимым. В фольклоре есть упоминание Млечного Пути, который нижнекондинские манси называли «Следом лыж Малого князя». Малый князь (*Вись-отыр*) – знаменитый дух-покровитель, ему, как и Мир-сусне-хуму, приносились в жертву лошади [Мифология..., 2001, с. 44–45]. Этнографы давно отмечают наличие множества параллелей угорской мифологии с иранской, в частности с митраизмом. Высшее божество древних иранцев Зрван. Армянское точное фонетическое соответствие основы иранского имени Zrvan-tzēr означает «круг, арку, небесный свод и великую арку, которая опоясывает Млечным Путем небосвод» [Гемуев, 1990, с. 191]. Нас в этом описании интересует исключительно Млечный Путь, который представляется в виде арки, опоясывающей небосвод, его границы. Следовательно, выше, над пунктирными линиями на нашем рисунке, – уже космос. Там мы видим фигуру, которая больше похожа на лук с натянутой тетивой и стрелой, хотя ее можно воспринимать и как летящую птицу. Общий контекст композиции позволяет трактовать данный элемент как какое-то созвездие. Однако, если интерпретировать его все же как летящую водоплавающую птицу, то можно предположить, что это изображение одной из наиболее распространенных ипостасей Мир-сусне-хума – гуся.

Подобные археологические находки показывают, какие интересные перспективы в плане изучения становления мифологии могут еще ожидать исследователей. А плодотворное сотрудничество этнографов и археологов поможет как расшифровать, «оживить» найденные в земле предметы, которые когда-то имели особую значимость, так и понять рудименты традиционных представлений, сохранившиеся в современной культуре, но утратившие свое объяснение.

Список литературы

Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – 200 с.

Белавин А.М. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья // Удмуртской археологи-

ческой экспедиции – 50 лет: мат-лы Всерос. науч. конф. – Ижевск, 2004. – С. 331–339.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – 603 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. – Л.: Наука, 1979. – 112 с. – (САИ; вып. Е1-59).

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Закиева И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–243.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Казakov Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Ин-т истории АН Татарстана, 2007. – 208 с.

Крыласова Н.Б. Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей // Пути средневековых торговцев: сб. мат-лов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Уральского) археол. совещ. – Пермь, 2004. – С. 47–57.

Ленц Г.Т. Гребни городища Анушкар // Пути средневековых торговцев: сб. мат-лов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Уральского) археол. совещ. – Пермь, 2004. – С. 58–78.

Мифология манси: Энциклопедия уральских мифологий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 2. – 196 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – Л.: Наука, 1981. – 124 с. – (САИ; вып. Е1-60).

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. – М.: Наука, 1952. – 276 с. – (МИА; № 28).

Сынские ханты / под ред. А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 352 с.

Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии: Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 3. – С. 138–153.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 182 с.

Материал поступил в редколлегию 15.01.09 г.

УДК 903.27

А.Л. Заика

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия
E-mail: zaika_al@mail.ru

ЛИЧИНЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ НИЖНЕЙ АНГАРЫ

В настоящее время имеется достаточно полная информация о 42 памятниках наскального искусства нижней Ангары, где зафиксировано 155 антропоморфных образов в виде личин. На основе классификации этих образов, привлекая различные способы и методы датирования, можно сделать вывод об их относительной синхронности, установить связь с кругом личин окуневского типа на территории Азии и предварительно датировать эпохой позднего неолита – ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.). Появившись в каменном веке, антропоморфные образы в виде личин продолжали существовать в искусстве таяжных племен Нижнего Приангарья вплоть до этнографической современности.

Ключевые слова: нижняя Ангара, петроглифы, личины, антропоморфные образы, классификация, «каменный» тип, сердцевидный контур, фас-профильные фигуры, стилистический анализ, датировка, этнокультурные контакты.

Введение

Нижнее Приангарье – территория в междуречье рек Тасеевой, Подкаменной Тунгуски, Оби – имеет протяженность с севера на юг до 400 км, с запада на восток более 600 км (рис. 1). Исследования петроглифов нижней Ангары имеют длительную историю (ок. 300 лет), тем не менее к концу XX в. данный регион в этом отношении оставался малоизученным [Заика, 2005]. В настоящее время получена достаточно полная информация о 42 памятниках наскального искусства. Выявлены многочисленные зоо- и антропоморфные фигуры, рисунки лодок, знаки. Предметом данного исследования являются антропоморфные изображения в виде личин, которые зафиксированы и как самостоятельные, и в качестве масок антропоморфных фигур. Под личиной в данном случае следует понимать фронтальное изображение лицевой части антропоморфного облика. Маска-личина отличается гипертрофированными контурами с различными деталями внутреннего и внешнего оформления. В результате исследований последних 15 лет зафиксировано 155 антропоморфных образов подобного вида [Заика, 2003]. Большинство рисунков выполнено красным мине-

ральным красителем (рис. 2), иногда – путем выбивки, гравировки. Большая их часть расположена на береговых утесах, реже – на валунах (рис. 3). Основная масса изображений сконцентрирована в центральной части региона (петроглифические комплексы Манзя, Ивашкин Ключ, Каменка, Выдумский Бык, петроглифы Мурского порога, «Геофизик»). Единичные рисунки встречаются на восточном и западном участках нижней Ангары (рис. 4).

Задачей предлагаемой работы является систематизация, анализ и обобщение изобразительного материала с целью определения культурно-хронологической принадлежности антропоморфных образов данной категории и их роли в развитии наскального искусства Северной Азии.

Классификация антропоморфных изображений в виде личин

Исследователи, занимающиеся изучением наскального искусства, всегда вынуждены решать такой сложный вопрос, как определение возраста изображений.

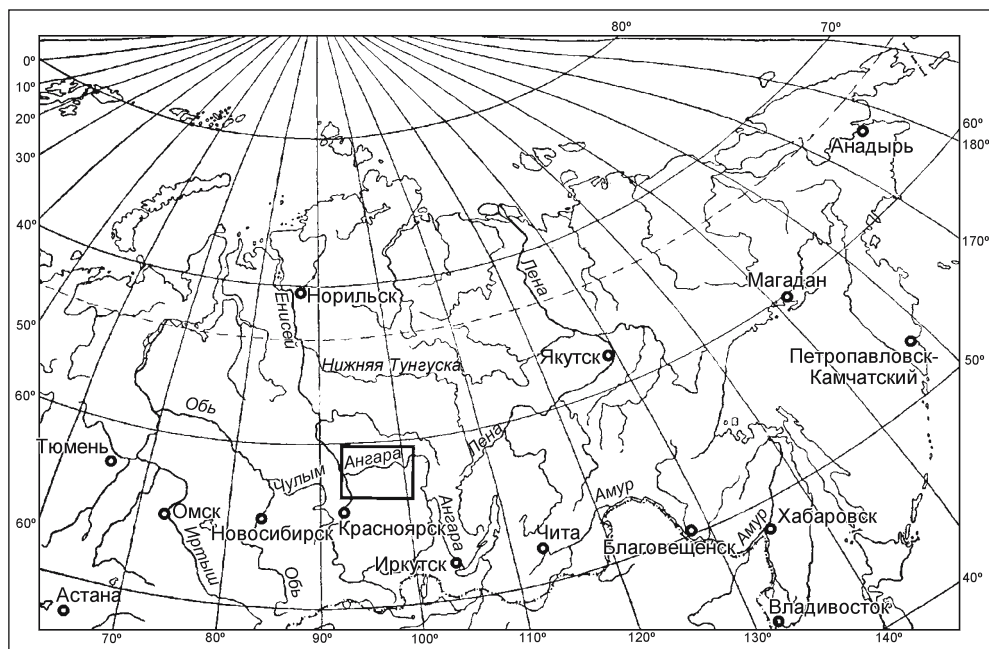

Рис. 1. Район археологических исследований в Нижнем Приангарье.

Рис. 2. Личина, выполненная красной охрой. Писаница Ивашкин Ключ II, плоскость 1. Фото А.П. Березовского.

Рис. 3. Прибрежный валун в окрестностях пос. Богучаны. Петроглиф «Геофизик». Фото А.П. Березовского.

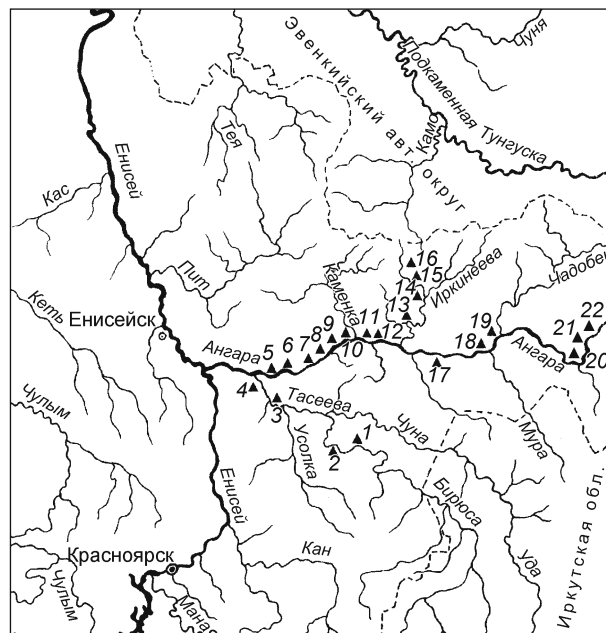

Рис. 4. Расположение археологических памятников на нижней Ангаре.

1 – писаница Шивера; 2 – писаницы Нижний, Средний Брат; 3 – могильник Никольское; 4 – Усть-Тасеевский культовый комплекс; 5 – писаницы Мурожная-1-3, Мурожный Камень-1-4; 6 – писаницы «Олений Утес», Рыбное; 7 – писаницы Кокуй-1-3; 8 – писаницы Выдумский Бык-1-3; 9 – писаницы Шунтары-1-3; 10 – культовые комплексы Каменка-1, -2, писаницы Каменка-1-3; 11 – писаницы Каменка-4, -5, Зергулей-1, -2, Ивашкин Ключ-1-3; 12 – писаницы Манзя-1-3, пещера Манзя; 13-16 – стоянки в бассейне р. Иркинеевой; 17 – петроглиф «Геофизик»; 18 – писаница Мурский порог, стоянки Мурский порог-1-3; 19 – писаница «Писаный камень», стоянка Климино-1; 20 – писаница Усть-Кова-1; 21 – петроглиф Тимохин камень; 22 – писаница Алпинский порог.

К настоящему времени разработаны различные способы и методы датировки петроглифов: использование археологических параллелей, стратиграфические наблюдения, стилистический анализ, сравнение степени пустынного «загара» и техники нанесения, структурный и формализованный методы, привлечение датированных изобразительных аналогов и др. [Окладников, 1959, 1966, 1971, 1974; Формозов, 1967, 1969; Подольский, 1973; Шер, 1980, с. 170–256; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 113–138; Ковтун, 1993; Молодин, 1993; Дэвлет, 1998, с. 142–194; Мельникова, 2002; Николаев, Мельникова, 2002; и др.].

Чтобы облегчить задачу датировки рисунков, необходимо весь имеющийся материал привести в определенную систему. Беря во внимание опыт исследователей, классифицировавших антропоморфные образы в петроглифах других регионов [Вадецкая, 1980, с. 39–49; Леонтьев, 1978, с. 89–97; Окладников, 1974, с. 77–79; Окладникова, 1979, с. 26–54; Дэвлет, 1997б, 1980; Новгородова, 1984, с. 49–50; и др.], рассмотрим данные изображения с учетом наличия и вида контуров личин, уровня сложности, характера внутреннего и внешнего их оформления.

Личины подразделяются на оконтуренные, частично оконтуренные и неоконтуренные. В петроглифах нижней Ангара зафиксировано четыре вида контуров: круглые, полукруглые (параболоидные), сердцевидные, ромбовидные (табл. 1). Выделяются простые и сложные личины. У простых глаза и рот условно показаны в виде пятен (ямок) или округлых контуров, элементы «татуировки» отсутствуют, нет деталей внешнего оформления. У сложных личин рисованные пятна зрачков «усилены» концентрическими круга-

ми, окружностями с горизонтальными перемычками, внутреннее пространство контура крупного рта иногда заполнено поперечными отрезками линии («зубами»). Часто к нижней части рта примыкают вертикальные линии («борода») [Заика, Емельянов, 1998]. Присутствуют различные элементы внутреннего и внешнего оформления. Детальми внешнего оформления являются: вертикальная линия, часто с боковыми ответвлениями («древовидный отросток»); «рожки», которые встречаются по два или по три в верхней части контура личин; радиально расходящиеся лучи или дополнительный контур, повторяющий основной. Внутреннее оформление («татуировка») личин я подразделяю на три вида: горизонтальное, вертикальное, комбинированное (табл. 2).

Принято к рассмотрению 147 личин, из которых 51 – рельефные (петроглифы «Геофизик», Рыбное, Мурский порог, Мурожная-3), остальные – рисованные охрой. Более половины из них оконтурены полностью или частично. Личины с сердцевидным внешним абрисом составляют 22 % от всей выборки, с круглым – 14, с полукруглым – 11, с ромбовидным – 7 % (см. табл. 1).

Неоконтуренных личин 68, из них 41 – простые, большинство которых рельефные, сконцентрированы на береговом валуне «Геофизик» (см. рис. 3). Все сложные неоконтуренные личины – рисованные (см. рис. 2). У них зрачки «усилены» концентрическими кругами; как правило, присутствуют такие элементы, как «зубы», «борода» и «древовидный отросток». Подобные личины встречаются на многих петроглифах Нижнего Приангарья, но большинство из них сконцентрировано на писанице Каменка

Таблица 1. Личины на нижней Ангаре

Место	Оконтуренные				Неоконтуренные		Итого	
					Сложные	Простые		
							Абс.	%
«Писанный Камень»	–	1	1	1	–	–	3	2
Мурский порог	2	2	3	–	3	5	15	10
«Геофизик»	–	4	8	–	–	33	45	30
Манзя	–	5	4	2	1	3	15	10
Ивашкин Ключ	–	1	3	4	6	–	14	10
Каменка	5	4	7	–	13	–	29	20
Шунтары	2	–	–	–	–	–	2	1
Выдумский Бык	6	1	5	2	4	–	18	12
Рыбное	–	–	1	–	–	–	1	1
Мурожная	1	2	–	2	–	–	5	4
<i>Итого, абс.</i>	16	20	32	11	27	41	147	100
<i>%</i>	11	14	22	7	18	28	100	

Таблица 2. Виды внутреннего и внешнего оформления антропоморфных личин различных типов

Вид оформления							Итого	
							Абс.	%
Внешнее	I	–	–	4	1	3	8	7,5
	V	6	4	1	6	–	17	16,0
	∇	2	4	–	–	–	6	5,6
	Ψ	–	3	7	2	20	32	30,1
	☀	–	5	1	–	–	4	3,8
	○	9	1	18	5	7	39	37,0
Внутреннее	⊖	6	4	2	1	2	15	14,2
	⊙	–	–	10	–	11	21	19,8
	⊕	–	2	3	–	5	10	9,5
	○	11	12	16	11	10	60	56,5

(см. табл. 1). Это послужило причиной выделения (в силу их своеобразия) специфичного для региона «каменского» типа личин [Заика, Петрович, 2000, с. 135] (рис. 5, 1, 3, 4, 7, 8, 10–12).

Многие личины являются масками антропоморфных фигур, которые подразделяются на два основных типа: фронтальные и фас-профильные. У первых туловище и конечности показаны в фас, у вторых верхняя часть туловища – в фас, нижняя и ноги – в профиль (рис. 6). Фигуры могут быть «объемными» (с контурным либо силуэтным туловищем) или линейными. В петроглифах нижней Ангары представлена серия фронтальных фигур с контурным или силуэтным туловищем подтреугольной формы. У них, как правило, широкие плечи и сильно зауженная талия. Конечности расположены симметрично по обе стороны туловища. Руки разведены в стороны или опущены вниз, ноги согнуты в коленях и сведены вместе на уровне пяток так, что образуют ромб, или, непропорционально короткие, расставлены в стороны. Данную категорию изображений я выделяю в особый подтип, условно обозначив как фронтально-симметричные фигуры (рис. 7).

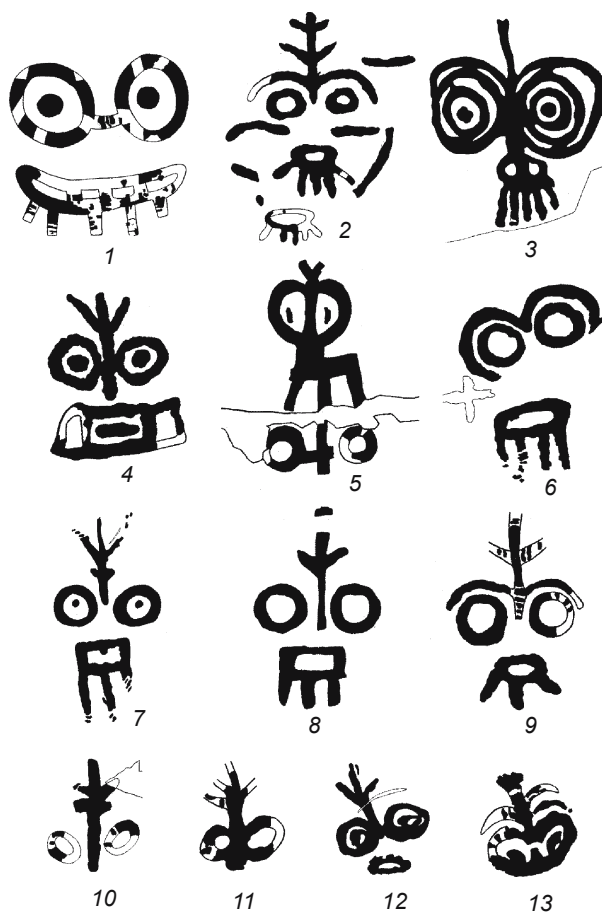

Рис. 5. Личины «каменского» типа в петроглифах нижней Ангары.

1, 2, 8, 9 – Каменка; 3, 4, 6, 7, 12 – Ивашкин Ключ; 5 – Мурский порог; 10, 11, 13 – Выдумский Бык.

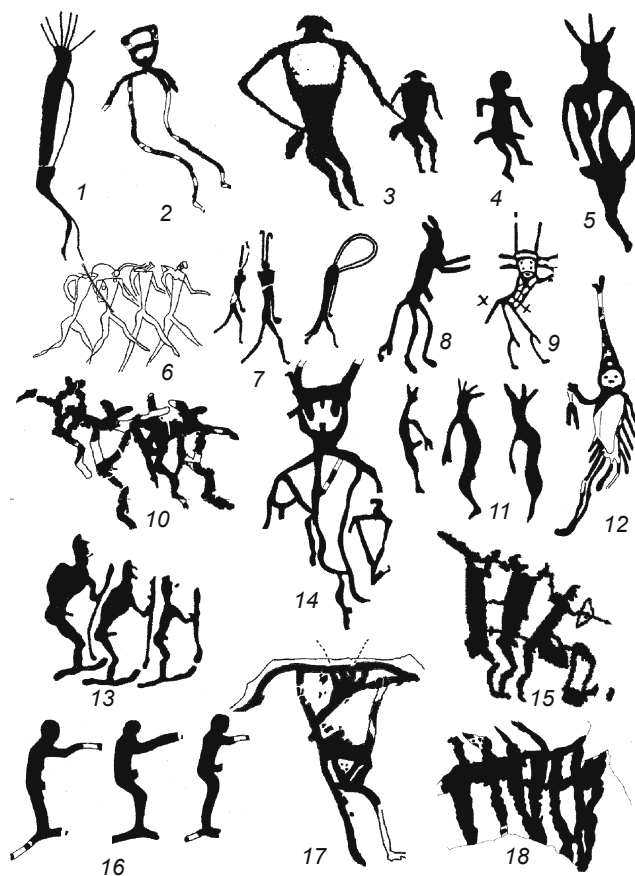

Рис. 6. Профильные и фас-профильные фигуры в петроглифах Евразии.

1, 5, 11 – верхняя Лена (по [Окладников, 1977]); 2, 4, 8, 10, 14, 16–18 – Ангара (8 – по [Окладников, 1966], остальные – по [Заика, 2003]); 3, 6, 7 – Алтай (3 – по [Окладникова, 1976], 6, 7 – по [Савинов, 1997]); 9, 12 – Минусинская котловина (по [Леонтьев, 1978]); 13, 15 – Северная Европа (по [Савватеев, 1967]).

Промежуточное положение между основными типами антропоморфных фигур занимают изображения «идольчиков»* и фигуры с аморфным туловищем. У них туловище показано в фас. Полностью или частично отсутствуют конечности. У «идольчиков» оно имеет клиновидную форму. У фигур с аморфным туловищем его контуры, как правило, в нижней части расплывчатые (рис. 8, 9).

По результатам анализа антропоморфных образов можно сделать следующие выводы. Ромбовидные личины встречаются редко. Большинство из них рисованные, практически все являются масками-личинами фронтальных линейных фигур, не имеют «татуировки» (см. рис. 7, 2). Внешнее оформление представлено боковыми «рожками», в двух случаях – «древовидным отростком».

*Термин введен Д.Г. Савиновым [1997], позже заменен им на «клиновидные фигурки» [2000].

Полукруглые (параболоидные) личины сконцентрированы в центральной части региона. В основном они рисованные, в большинстве своем являются масками-личинами контурных фас-профильных фигур и «идольчиков» (см. рис. 6, 2, 14; 7, 6; 8, 1, 4). Примечательно, что у них, как правило, обозначена шея. Для этих личин характерны горизонтальное внутреннее оформление и боковые «рожки».

Круглые личины в равной степени представлены как самостоятельные и в качестве масок у фронтальных контурных и линейных фигур, реже – у фигур с аморфным туловищем, в единичных случаях – у «идольчиков» и фас-профильных фигур (см. рис. 7, 16; 8, 8; 9, 12, 15; 10). Для них характерны горизонтальное, реже комбинированное внутреннее оформление и «рожки» всех видов.

Сердцевидные личины встречаются практически везде в регионе. В основном они самостоятельные, в единичных случаях являются масками

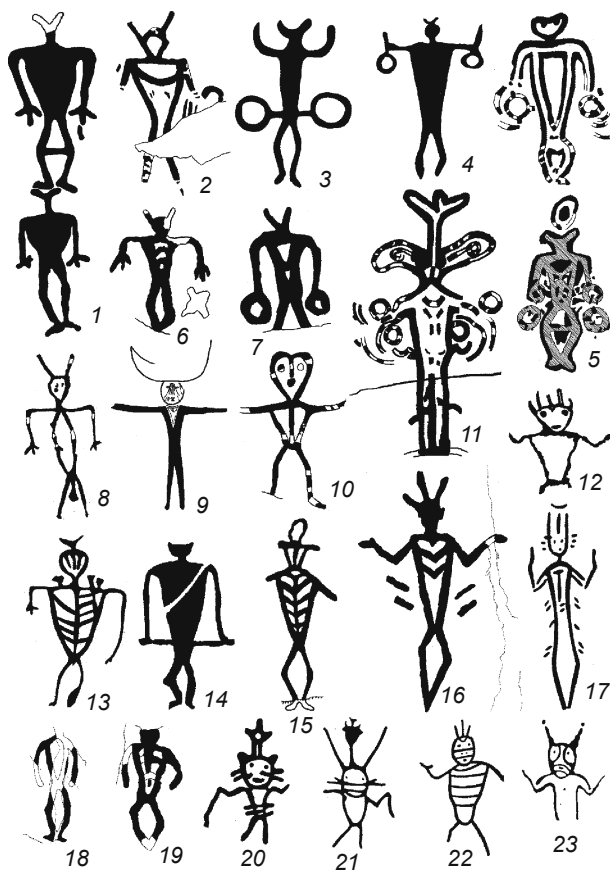

Рис. 7. Фронтально-симметричные антропоморфные фигуры в искусстве Северной Азии.

1, 2, 5–7, 10, 11, 16, 18, 19 – нижняя Ангара (по [Заика, 2003]); 3, 4, 13–15 – Прибайкалье (по [Окладников, 1974]); 8 – Тинная, средняя Лена (по [Кочмар, 1994]); 9 – Каракол, Алтай (по [Кубарев, 1988]); 12, 20–23 – Минусинская котловина (12 – по [Пяткин, Мартынов, 1985], 20 – по [Леонтьев, 1985], 21 – по [Леонтьев, 1978], 22, 23 – по [Вадеев, 1980]); 17 – Самусь IV, Западная Сибирь (по [Студизская, 1987]).

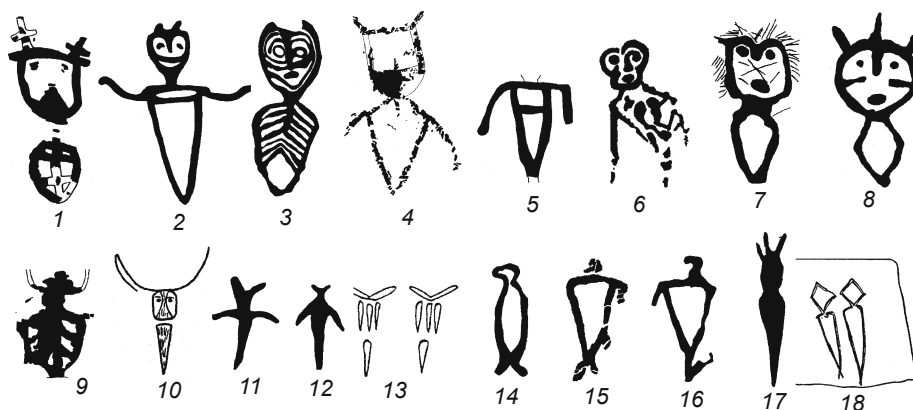

Рис. 8. «Идолы» и клиновидные фигуры в искусстве Азии.

1, 4, 5, 8, 9, 11, 14–16 – нижняя Ангара (по [Заика, 2003]); 2 – Алдан (по [Окладников, Мазин, 1979]); 3 – Амур (по [Окладников, 1971]); 6 – Хакасия (по [Заика, 2009]); 7, 10 – Алтай (по [Савинов, 1997]); 12 – Туба (по [Пяткин, Мартынов, 1985]); 13, 18 – Прибайкалье (по [Савинов, 1997]); 17 – верхняя Лена (по [Окладников, 1977]).

Рис. 9. Фигуры с аморфным туловищем в петроглифах Азии.

1, 3, 4 – Саяны; 2, 6, 12, 15 – нижняя Ангара; 5, 7 – Минусинская котловина; 8, 10, 11, 13 – Якутия (Тинная, Токко, Чирбэ); 9, 14 – Алтай.
1–3, 6, 12, 15 – по [Заика, 2009]; 4, 5, 7 – по [Кызласов, 1986]; 8, 10, 11 – по [Кочмар, 1994]; 9 – по [Окладникова, 1976]; 13 – по [Окладников, 1977]; 14 – по [Савинов, 2000].

фронтальных антропоморфных фигур (см. рис. 5, 13; 7, 5, 10; 9, 6). Для них характерно вертикальное, реже комбинированное внутреннее оформление, в двух случаях представлено только горизонтальное. Вне-

Рис. 10. Чашевидные углубления, формирующие антропоморфные личины. Петроглиф «Геофизик». Фото А.П. Березовского.

шнее оформление – «древовидный отросток» или вертикальная линия. В одном случае зафиксировано обрамление в виде лучей.

Неоконтурные личины «каменского» типа сконцентрированы в центральной части региона и, как правило, сопутствуют сердцевидным. Для них также характерны «древовидный отросток» и вертикальное внутреннее оформление (см. рис. 2; 5, 1, 3, 4–8, 10–12).

Считаю нужным обратить внимание на частично оконтурные личины с сердцевидным абрисом верхней части, что послужило причиной соотнесения их

Таблица 3. Сочетание признаков антропоморфных личин «каменского» типа

Место	Кол-во	Признаки				Сочетание признаков		
		Ψ	⊙ ⊙	Π	⊕	Двух	Трех	Четырех
Манзя	3	1 (33,3)	3 (100)	0	2 (66,6)	1 (33,3)	1 (33,3)	0
Ивашкин Ключ	8	5 (62,5)	8 (100)	5 (62,5)	2 (25)	3 (37,5)	4 (50)	0
Каменка	16	13 (81,2)	14 (87,5)	7 (43,7)	3 (18,7)	10 (62,5)	3 (18,7)	2 (12,5)
Выдумский Бык	8	7 (87,5)	6 (75)	2 (25)	4 (50)	4 (50)	4 (50)	0
<i>Итого</i>	35	26 (74,2)	31 (88,5)	14 (40)	11 (34,2)	17 (48,5)	10 (28,5)	2 (5,7)

Примечание: в скобках – процент от указанного количества.

с сердцевидными личинами. Судя по результатам типолого-статистического анализа, в большинстве своем они по уровню сложности, деталям внутреннего и внешнего оформления соответствуют «каменскому» типу неоконтуренных личин (табл. 3). Соответственно, есть все основания включить в круг антропоморфных изображений «каменского» типа сложные личины с частичным или полным сердцевидным контуром (см. рис. 5, 2, 5, 6, 9, 13). Это позволяет шире представить специфическую изобразительную традицию в древнем наскальном искусстве Нижнего Приангарья.

Вопросы датировки и культурно-хронологической принадлежности петроглифов

Результаты типолого-статистической обработки изобразительного материала свидетельствуют о частых случаях взаимовстречаемости личин различного

типа в одних композициях (табл. 4), что свидетельствует об относительной синхронности их появления в наскальном искусстве региона [Заика, 2001б]. Стратиграфический и планиграфический анализ петроглифов, результаты сравнения техники исполнения рисунков, степени их сохранности (патинизация, перекрытие известковыми натеками, нивелировка рельефа) позволяют конкретизировать данный вывод. Самыми ранними являются крупные ажурные личины «каменского» типа, простые личины с округлым и сердцевидным контуром, маски-личины ряда фас-профильных и фронтально-симметричных фигур, а наиболее поздними – лаконичные стилизованные личины «каменского» типа, параболоидные личины с обозначенной шеей у фронтальных фигур и маски-личины различного вида у линейных фигур (табл. 5).

Для определения культурно-хронологической принадлежности петроглифов считаю нужным решить следующие задачи:

Таблица 4. Взаимовстречаемость личин на нижней Ангаре

Тип						
	4	2	1	3	1	0
	2	1	1	3	0	3
	1	1	2	4	2	0
	3	3	4	4	4	1
	1	0	2	3	7	0
	0	2	0	1	2	3

Таблица 5. Периодизация антропоморфных образов в петроглифах нижней Ангары

Период						
Неолит (IV–III тыс. до н.э.)						
Ранняя бронза (первая половина II тыс. до н.э.)						
Поздняя бронза – ранний железный век (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.)						

– выявление «чистых»* композиций или отдельных рисунков, на примере которых можно провести наиболее продуктивный стилистический и сюжетный анализ изображений;

– установление изобразительных аналогов на датированных петроглифах других местонахождений;

– проведение параллелей с иными видами археологических источников.

Наиболее часто в композициях с другими личинами встречаются сердцевидные и генетически с ними связанные личины «каменского» типа (см. табл. 4). Одна из «чистых» многофигурных композиций, где присутствует личина «каменского» типа, представлена на плоскости 1 писаницы Ивашкин Ключ II. Композиционное построение фигур аналогично известным датированным изображениям на Шалаболинской (камень 53 по [Пяткин, Мартынов, 1985]) и Койской писаницах, которые датируются энеолитом и относятся к кругу памятников окуневской культуры (рис. 11). Составляющие композицию фигуры (с аморфным туловищем, «идольчики») и сюжеты (горизонтальный ряд профильных и фас-профильных фигур, личина и лод-

ка) также находят соответствия в искусстве Северной Азии и характерны для эпохи позднего неолита – ранней бронзы [Заика, 2001в].

Фронтально-симметричные фигуры, ромбовидные, округлые, параболоидные, сердцевидные личины имеют графические аналогии с изображениями на самусьской, глазковской керамике, сосудах конца III – начала II тыс. до н.э. на Среднем Урале [Археология СССР..., 1987, с. 332, 404, рис. 125; Асеев, 2002; Косарев, 1984; Кокшаров, 1990]. Личины «каменского» типа по ряду признаков («древовидный отросток», «борода», отсутствие контура) схожи с энеолитическими личинами Внутренней Монголии [Заика, 2001а] и антропоморфными образами окуневской культуры («джойская» и «тас-хазинская» группы петроглифов) [Заика, 2006а, табл. 8]. Для наскального искусства этой культуры характерно композиционное сочетание изображений антропоморфных фигур и копытных животных, причем ряд последних выполнен в окуневских изобразительных традициях, в некоторых узнаваем бык [Ключников, Заика, 2002].

Таким образом, большинство антропоморфных фигур с масками-личинами и сами личины в петроглифах нижней Ангары можно датировать концом III – серединой II тыс. до н.э. и отнести к северной периферии распространения окуневских традиций в на-

*Под «чистыми» подразумеваются композиции, где присутствуют фигуры, выполненные в одно время и объединенные общей сюжетной линией.

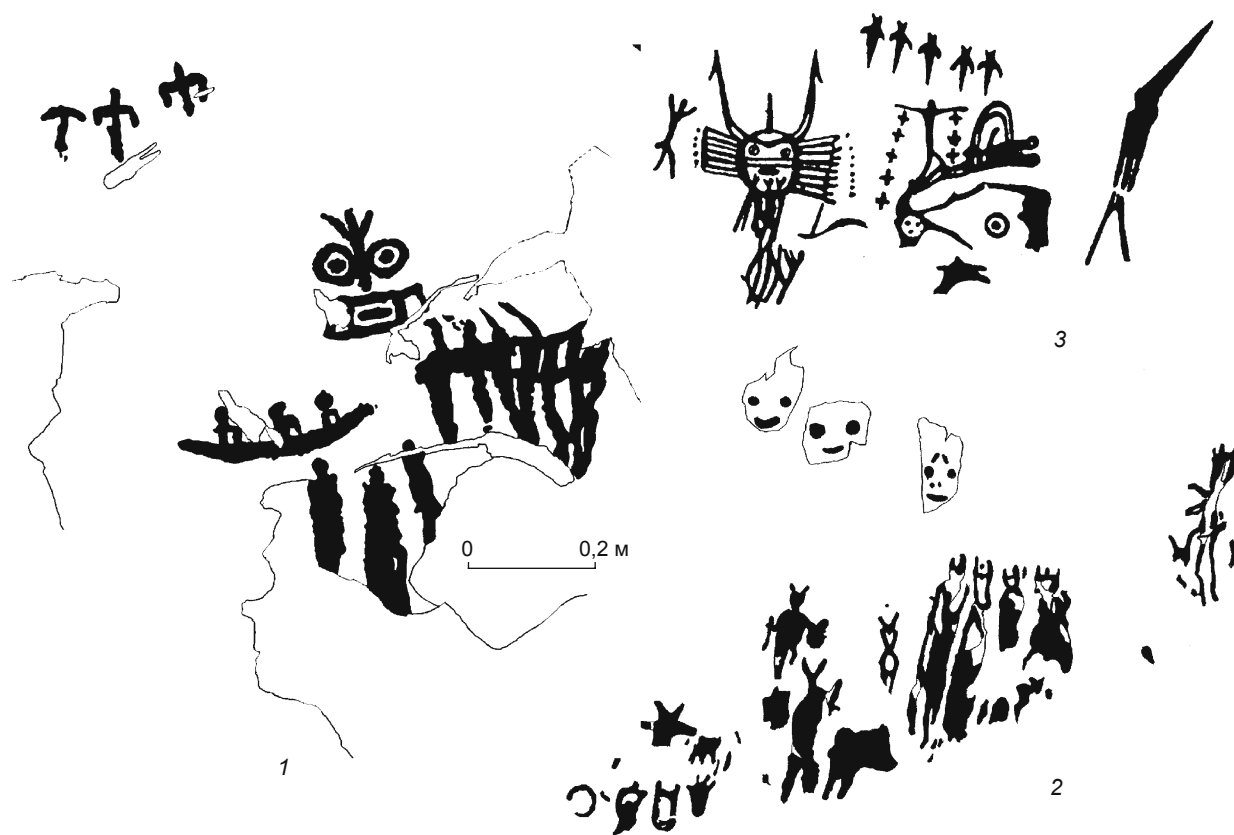

Рис. 11. Композиции с личинами в петроглифах Енисейского региона.
1 – писаница Ивашкин Ключ II на р. Ангаре (по [Заика, 2001в]); 2 – Шалаболинская писаница на р. Тубе (по [Пяткин, Мартынов, 1985]); 3 – Койская писаница на р. Мане (по [Заика, 2006в]).

скальном искусстве Сибири. Наиболее ранними являются простые личины, представленные чашевидными углублениями, которые в ряде случаев заключены в сердцевидные, череповидные или округлые контуры. В основном они зафиксированы на прибрежном валуне в окрестностях пос. Богучаны (см. рис. 3). Часть лунок и внешний абрис личин прослеживаются очень слабо, что свидетельствует об их архаичности (см. рис. 10). Подобные лунки, расположенные хаотично или цепочкой, зафиксированы среди неолитических изображений лосей на р. Бирюсе и Мурожном Камне-3 [Буторин и др., 1990; Заика, Березовский, Емельянов и др., 2000; Заика, Дроздов, Макулов и др., 2000; Заика, Ключников, 2001]. Более крупные парные лункообразные углубления обнаружены на поверхности скального останца, раскопанного на территории культового комплекса Каменка-1 (рис. 12). Исходя из стратиграфической ситуации, набора артефактов, радиоуглеродных дат данный объект датируется III тыс. до н.э. Находящееся в непосредственной близости неолитическое захоронение серовского времени также не противоречит этой дате [Заика, 1999].

Вместе с тем на кулайской керамике Западной Сибири и сосудах раннего железного века таежной зоны

среднего Енисея и Северного Приангарья встречаются изображения в виде ромбовидных личин в «рогатых» головных уборах, выполненные путем прочерчивания и в технике отступающей лопаточки [Полосьмак, Шумакова, 1991; Привалихин, 1992, 1993]. В погребении цэпаньской культуры Северного Приангарья (XVIII–II вв. до н.э.) обнаружена вырезанная из рога скульптурка «женщины-шаманки» в головном уборе с «рожками» [Привалихин, 1984]. Это является определенным основанием для соотнесения с данной эпохой ряда личин в петроглифах нижней Ангары. Судя по расположению плоскостей, сохранности и технике исполнения рисунков, иконографии сопроводительных фигур животных, характерных для петроглифов скифского времени [Ключников, Заика, 2001], к нему можно отнести антропоморфные изображения на писанице Мурожная-3 [Заика, Дроздов, Макулов и др., 2000]. Материалы жертвенника на территории Усть-Тасеевского культового комплекса позволяют датировать этим временем скульптурную фигуру «идола» в устье р. Тасеевой (рис. 13). Испытав ряд трансформаций, она имела культовое значение вплоть до этнографической современности [Гревцов, 1996, 1997; Гревцов, Сергейкин,

Рис. 12. Лункообразные углубления на поверхности скального останца антропоморфного вида. Культовый комплекс Каменка-1. Фото А.В. Каявы.

Рис. 13. Изваяние. Усть-Тасеевский культовый комплекс. Фото А.П. Березовского.

1999]. Находящееся рядом портретное изображение человеческого лица является профанным дубликатом этой скульптуры или грубым автопортретом посетителя и по аналогиям с изображениями на курганных камнях в западной части Минусинской котловины соотносится с эпохой позднего средневековья – этнографического времени [Заика, 2005].

Наиболее поздние сердцевидные антропоморфные изображения зафиксированы в средневековой металлопластике Западной Сибири и Урала, сердцевидный абрис верхней части имеют личины на шаманской атрибутике многих сибирских народов [Иванов, 1954, 1979; Оборин, 1976; Оборин, Чагин, 1988]. Таким образом, сердцевидные личины, появившись в эпоху камня, как форма выражения сохранялись до этнографической современности, не теряя при этом определенную культовую значимость в плане содержания [Заика, 2006б]. Подобные факты свидетельствуют об устойчивости изобразительных традиций в духовной культуре таяжских племен Северной Азии.

Антропоморфные образы нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии

Пограничное положение региона между Восточной и Западной Сибирью, средним и нижним Енисеем

во многом определило мозаичность этнокультурных процессов на территории Нижнего Приангарья в древности, что нашло отражение в наскальном искусстве. На примере рассматриваемой категории антропоморфных образов представляется возможным проследить культурные взаимодействия местного населения с восточными, западными и южными соседями.

С южным влиянием окуневской изобразительной традиции связаны «рогатые» круглые и полукруглые личины с горизонтальным внутренним оформлением и «трехглазые» неоконтурные, их сочетание с изображениями копытных животных, среди которых представлены быки, козлы. Необходимо отметить, что неоконтурные «трехглазые» личины появились в петроглифах Ангары позже местных личин «каменского» типа.

Контактами с самусьской культурой Западной Сибири объясняется присутствие на ангарских писаницах антропоморфных фигур в параболоидных масках с хорошо обозначенной шеей (у подобных окуневских наскальных изображений она, как правило, отсутствует) (рис. 14). Причем в ряде случаев они более поздние по сравнению с рисунками окуневского типа. Схожие образы в петроглифах Байкала и Якутии, по всей видимости, появились вследствие дальнейшего распространения данной изобразительной традиции по Ангаре на восток [Заика, 2006а, с. 330].

Рис. 14. Фронтально-симметричная фигура «шамана». Писаница Манзя II. Фото А.П. Березовского.

Доминирующие на писаницах лесной полосы Северной Азии сердцевидные личины известны по археологическим источникам Дальнего Востока эпохи неолита. Их появление в петроглифах нижней Ангары может быть как автохтонным стадиально-синхронным явлением в культуре, так и трансляцией данного образа в западном направлении через Амур, Байкал и Ангару. Не исключено, что единичные изображения сердцевидных личин на самусьской керамике позже проявляются в виде устойчивых образов сердцевидного облика в художественной металлопластике раннего железного века и средневековья Западной Сибири и Урала [Заика, 2006б].

Личины с ромбовидным контуром известны в энеолитических петроглифах Монголии [Новгородова, 1984]. Наряду с решетковидным оформлением нижней части антропоморфных фигур, данный мотив мог проникнуть на северо-запад через Прибайкалье и сохраниться до эпохи раннего железа как в наскальном искусстве, так и в декоре керамики Нижнего Приангарья и сопредельных территорий Западной и Средней Сибири. Устойчивость юго-восточных связей объясняет ряд стилистических, иконографических и сюжетных аналогий с древним искусством Китая (личины «каменского» типа, чашевидные углубления) [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006, с. 328–329].

Рассматривая данные факты в конкретно-историческом контексте, можно сделать вывод о перемещении носителей окуневской культуры под давлением пришлого андроновского населения, т.е. примерно в XIII в. до н.э., на север (до недавнего времени существовала концепция о вытеснении окуневского населения в южные районы Саяно-Алтая). Скорее всего, они продвигались по левобережным притокам Ангары (Бирюса, Тасеева), где зафиксированы петроглифы окуневского типа [Заика, 2002, 2003; Заика, Березовский, Емельянов и др., 2000; Ключников, Заика, 2002].

Вместе с тем нельзя объяснять только влиянием извне развитие наскального творчества в Нижнем Приангарье. Культурные контакты не были односторонними. На примере териоморфных образов многие исследователи констатируют присутствие в петроглифах Южной Сибири «ангарской» традиции [Подольский, 1973; Шер, 1980; Пяткин, Мартынов, 1985; Молодин, 1993; Советова, Миклашевич, 1999; и др.]. Антропоморфные изображения окуневской культуры имеют ряд черт, характерных для личин «каменского» типа: отсутствие контура при наличии внешней атрибутики, например, «древовидный отросток» присутствует у личин «джойского» типа, трех- или многолучевой пучок линий завершает головные уборы более ранних личин «тас-хазинского» типа [Заика, 2006а, табл. 8]. Фронтально-симметричные фигуры с масками-личинами, изображения «адорантов», встречающиеся в петроглифах окуневской культуры и на самусьской керамике, являются характерным сюжетом наскального искусства Ангары и Прибайкалья.

Отличительной особенностью личин в Нижнем Приангарье, по сравнению с другими регионами (Саяно-Алтай, Минусинская котловина, Внутренняя Монголия, Якутия, Дальний Восток, Западная Сибирь), является практически полное отсутствие солярной символики. Появление солнечных символов в искусстве Центральной и Северной Азии исследователи связывают с распространением в IV–III тыс. до н.э. индоарийской идеологии (мифологии) [Боковенко, 2000; Дэвлет, 1997а; Мачинский, 1997]. Соответственно, солярные культы на нижней Ангаре в данный период либо приняли другие формы, либо не были восприняты, что определило доминирующую роль местных приоритетов в духовной культуре, базовых позиций мировоззренческого характера. Последнее объясняет как консерватизм таежных культур, так и степень воздействия «ангарских» изобразительных традиций на искусство сопредельных регионов.

Заключение

По результатам проведенного стилистического анализа и статистической обработки изобразительного

материала определены основные классификационные подразделения наскальных изображений в виде личин и антропоморфных фигур с масками-личинами, выявлен специфичный для Нижнего Приангарья «каменный» тип личин. На основе классификации этих изображений, привлекая различные способы и методы датирования, можно сделать вывод об их относительной синхронности, установить связь с кругом личин окуневского типа и предварительно отнести к эпохе позднего неолита – ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.). Появившись в каменном веке, антропоморфные образы в виде личин продолжали существовать в искусстве таежных племен Нижнего Приангарья вплоть до этнографической современности.

Многообразие образов и сюжетов в петроглифах нижней Ангары объясняется ее пограничным положением между Восточной и Западной Сибирью, средним и нижним Енисеем, наличием удобных коммуникаций в виде развернутой гидросистемы. Повышенная концентрация здесь наскальных изображений в виде личин (в отличие от других исследованных районов Приангарья) – не столько стадийное явление в развитии местных древних культур, сколько следствие прямых или опосредованных взаимодействий с культурами сопредельных регионов.

Доминирование местной художественной традиции в наскальном искусстве нижней Ангары проявляется в сохранении у личин «каменского» типа основных элементов образа с эпохи неолита до раннего железного века; в отсутствии у большинства личин солярной символики, преобладании вертикального внутреннего оформления, головного убора в виде разветвленного отростка. Влияние ангарских изобразительных традиций прослеживается в доокуневских и окуневских наскальных рисунках на среднем Енисее, декоре самусьской керамики.

Выявленный представительный по объему и разнообразный в плане выражения комплекс петроглифов свидетельствует о том, что Нижнее Приангарье было одним из очагов первобытного искусства, заметно повлиявшим на развитие наскального творчества и мировоззрение древнего населения Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – 471 с.

Асеев И.В. Китайская культура в неолите Байкальского региона и прилегающих территорий: вопросы хронологии, районы миграции ее носителей // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 59–70.

Боковенко Н.А. Солярная символика и крест в окуневском искусстве // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: НИКАЛС, 2000. – Т. 2. – С. 56–59.

Буторин В.Г., Гревцов Ю.А., Тарасов А.Ю., Ригин М.В. Исследования на Бирюсе // Палеоэтнология Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – С. 45–46.

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–147.

Гревцов Ю.А. История открытия // Тайны Среднего Енисея. – Железногорск: Изд-во Музейно-выставоч. центра, 1996. – С. 62–74.

Гревцов Ю.А. Роговые навершия из материалов Усть-Тасеевского культового комплекса // 275 лет сибирской археологии: мат-лы XXXVII РАЭСК. – Красноярск, 1997. – С. 59–60.

Гревцов Ю.А., Сергейкин А.А. Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири: мат-лы XXXIX РАЭСК. – Чита, 1999. – Ч. 1. – С. 121–122.

Дэвлет М.А. О головных уборах антропоморфных изображений эпохи бронзы на Верхнем Енисее // Вопр. археологии Хакасии. – Абакан: Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1980. – С. 225–231.

Дэвлет М.А. О солярных знаках, «солнцегорих», «солнцеголовых» в наскальном искусстве Сибири // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997а. – Вып. 2. – С. 11–17.

Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997б. – С. 240–250.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 287 с.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006. – С. 325–329.

Заика А.Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири: мат-лы XXXIX РАЭСК. – Чита, 1999. – Ч. 2. – С. 11–16.

Заика А.Л. Юго-восточные мотивы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001а. – С. 128–129.

Заика А.Л. Личины Нижней Ангары (результаты стилистического анализа) // География на службе науки, практики, образования: мат-лы VII науч.-практ. и метод. конф., посвящ. 100-летию Краснояр. отд. РГО. г. Красноярск, 26–28 апреля 2001 г. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2001б. – С. 48–52.

Заика А.Л. Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2001в. – Вып. 2. – С. 48–58.

Заика А.Л. О полиэikonичности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 39–43.

Заика А.Л. Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2003. – 25 с.

Заика А.Л. История изучения петроглифов Нижней Ангары // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 127–147.

Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. – СПб.: Элексис Принт, 2006а. – С. 330–342.

Заика А.Л. Сердцевидные личины в петроглифах Нижней Ангары // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск; Омск: Изд. дом «Наука», 2006б. – С. 172–174.

Заика А.Л. История исследования манских писаниц // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006в. – Вып. 2. – С. 128–149.

Заика А.Л. Принципы классификации антропоморфных образов (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // «Ното Eurasicus» у врат искусства / отв. ред. Е.А. Окладников. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 307–325.

Заика А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н., Ключников Т.А., Тарасов А.Ю., Гревцов Ю.А. Петроглифы р. Бирюсы (по итогам работ 2000 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 122–123.

Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Березовский А.П., Емельянов И.Н., Ключников Т.А. Археологические исследования памятников наскального искусства на территории Мотыгинского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 287–291.

Заика А.Л., Емельянов И.Н. О личинах нижней Ангары // Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Изд-во Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства, 1998. – С. 98–99.

Заика А.Л., Ключников Т.А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам работ 2000 г.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 432–435.

Заика А.Л., Петрович Е.В. Антропоморфные личины Нижней Ангары // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: мат-лы XL РАЭСК. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – Т. 1. – С. 134–136.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 839 с.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). – Л.: Наука, 1979. – 839 с.

Ключников Т.А., Заика А.Л. Позднейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам 2000 г.) // Народы Приенисейской Сибири: История и современность: мат-лы науч.-практ. конф. г. Красноярск, 1–2 декабря 2000 года. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2001. – С. 85–90.

Ключников Т.А., Заика А.Л. Анималистические изображения эпохи бронзы в наскальном искусстве Нижней

Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 63–65.

Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.

Кокшаров С.Ф. О содержании и датировке одной группы писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 79–83.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 262 с.

Кубарев В.Д. Древние рисунки Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 171 с.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 294 с.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88–118.

Леонтьев Н.В. Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. – С. 168–179.

Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 265–287.

Мельникова Л.В. Корреляция и периодизация петроглифов Верхней Лены (на примере Шишкинской писаницы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2002. – 26 с.

Молодин В.И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 4–25.

Николаев В.С., Мельникова Л.В. Периодизация петроглифов Верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 127–142.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 183 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы: Памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура – Л.: Наука, 1971. – 273 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 124 с.

Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. – Л.: Наука, 1977. – 322 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.

Окладникова Е.А. Наскальные изображения в долине р. Дялангаш (Горный Алтай) // Наскальное искусство. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 83–96.

Окладникова Е.А. Загадочные личины Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений: По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. – 1973. – № 3. – С. 266–275.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 92 с.

Привалихин В.И. Исследования в зоне Богучанской ГЭС и в Эвенкии // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 227–228.

Привалихин В.И. О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. – Т. 2. – С. 72–76.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. – 192 с.

Савватеев Ю.А. Рисунки на скалах. – Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. – 167 с.

Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник:

Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 202–212.

Савинов Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: НИКАЛС, 2000. – Т. 2. – С. 197–206.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работ Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1999. – С. 47–74.

Студницкая С.В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона (эпоха бронзы) // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 73–88.

Формозов А.А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. – 1967. – № 3. – С. 68–82.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. – М.: Наука, 1969. – 254 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.

Материал поступил в редколлегию 25.01.10 г.

УДК 903.27

Е.М. Колпаков, В.Я. ШумкинИнститут истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: eugen@rekvizit.ru

shumkinv@yandex.ru

ЛОДКИ В ПЕТРОГЛИФАХ КАНОЗЕРА И СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Сравнительный анализ изображений лодок на скалах Канозера и в наскальном искусстве Северной Европы приводит к заключению, что они отражают один реальный конструктивный тип судна, который был широко распространен в северных культурах. В изображениях он характеризуется выступающим вперед прямым килем, косым ахтерштевнем, форштевнем в виде лосиной головы. Подходящим к данным изображениям типом судна является конструкция, в основе которой лежит широкая килевая доска с прикрепленными к ней бортами, носом и кормой. Эта доска выступает вперед, за пределы носа, и назад, за корму, образуя силуэт, соответствующий изображениям лодок на Канозере.

Ключевые слова: петроглифы, Канозеро, лодки, Северная Европа.

Введение

К выдающимся открытиям древнего наскального искусства, сделанным в последнее время на Крайнем Севере Европы, можно отнести находки на побережье Альта-фиорда в Норвегии и на островах оз. Канозера на Кольском полуострове в России (рис. 1, 2). Первые петроглифы Альты были обнаружены в 1973 г. В 1985 г., когда наскальное искусство Альты было включено в список всемирного наследия ЮНЕСКО, насчитывалось уже более 3 000 фигур [Helskog, 1988]. К 2008 г. зарегистрировано 6 000 изображений, занимающих более 100 участков [Tansem, Johansen, 2008]. На Канозере первые петроглифы были обнаружены в 1997 г. [Shumkin, 2000; Шумкин, 2001; Лихачев, 2007]. К 2009 г. нами документировано 1 140 фигур в 18 группах [Kolpakov, Murashkin, Shumkin, 2008].

Изображения лодок являются одним из самых популярных мотивов канозерских петроглифов, составляя 16 % всех фигур. Такая же ситуация характерна и для всего наскального искусства Фенноскандии, как для «северных» комплексов, относящихся к эпохам неолита и раннего металла, так и для «южных», относящихся к бронзовому и раннему железному векам. Пожалуй, именно в фигурах лодок можно

усмотреть наибольшее количество сходных элементов в наскальных изображениях Фенноскандии. Поэтому они играют важную роль в выявлении культурных связей, типологическом датировании, установлении внутренней относительной хронологии в комплексах

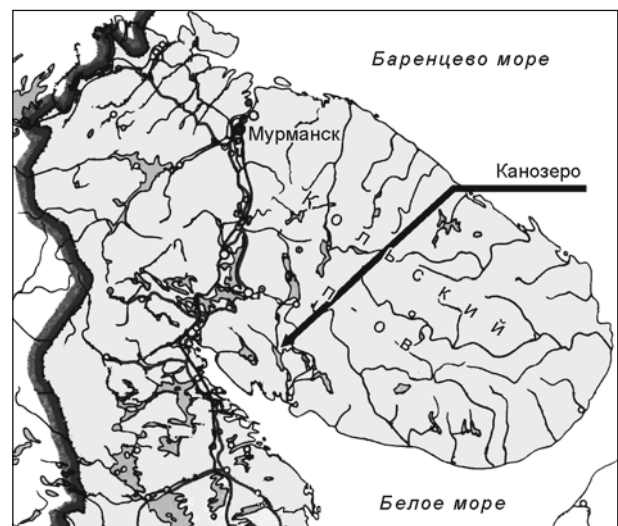

Рис. 1. Расположение Канозера на Кольском полуострове.

петроглифов, культурно-исторической интерпретации наскального искусства Северной Европы. Разумеется, и мы не могли не обратить особое внимание на изображения лодок при исследовании петроглифов Канозера.

Лодки в петроглифах Канозера

На Канозере зафиксировано 182 изображения лодок (рис. 3–7). Все лодки показаны строго в профиль. Изображения сплошные (силуэтные): поверхность скалы внутри контура полностью выбита, что характерно для всех канозерских петроглифов. Отсутствуют какие-либо черты, которые можно интер-

Рис. 2. Остров Каменный, на котором находится 2/3 канозерских петроглифов.

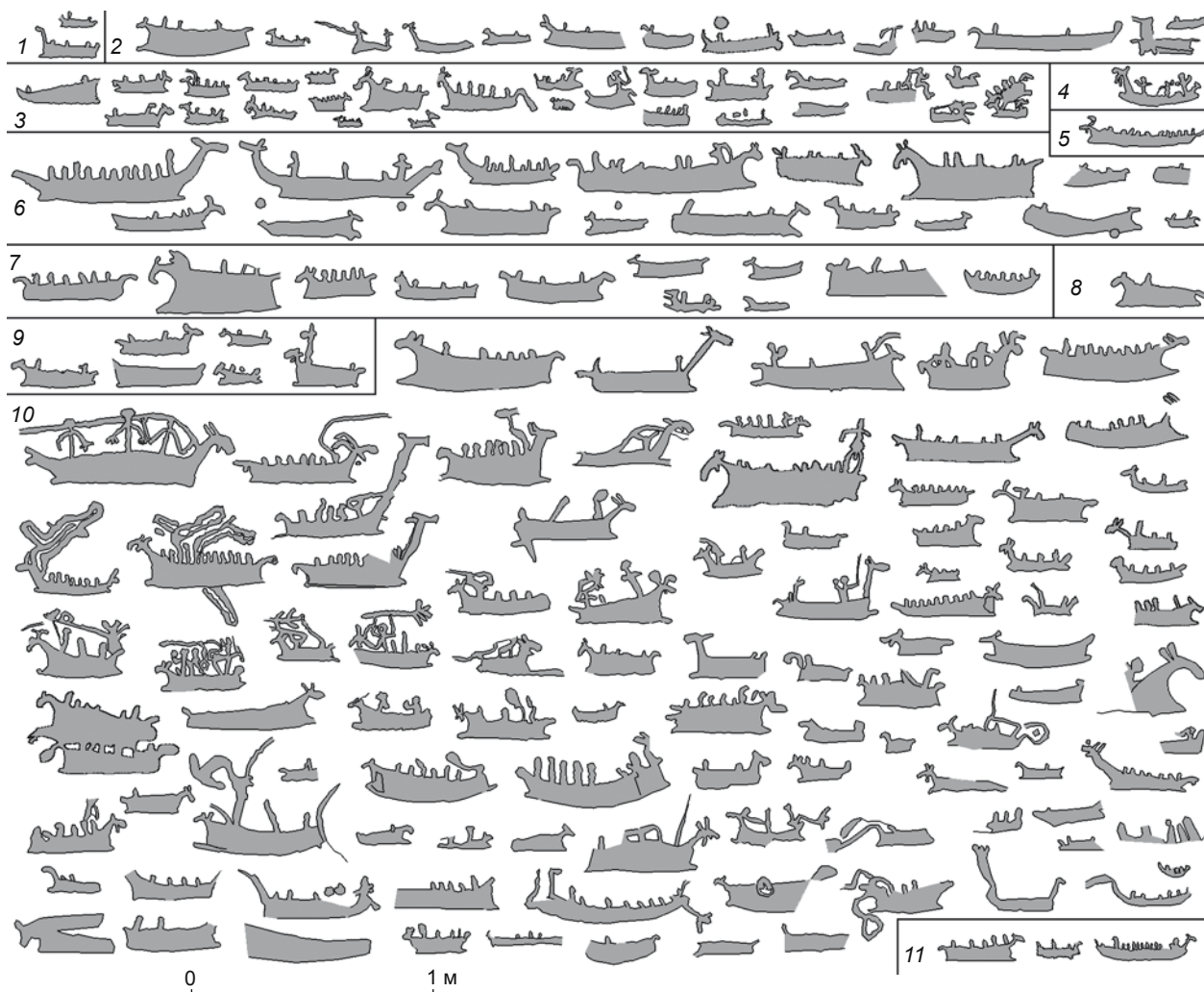

Рис. 3. Петроглифы Канозера: изображения лодок по группам.

1 – Горелый-3; 2 – Еловый-1; 3 – Еловый-2; 4 – Еловый-3; 5 – Еловый-6; 6 – Каменный-1; 7 – Каменный-3; 8 – Каменный-4; 9 – Каменный-5; 10 – Каменный-7; 11 – скала Одинокая.

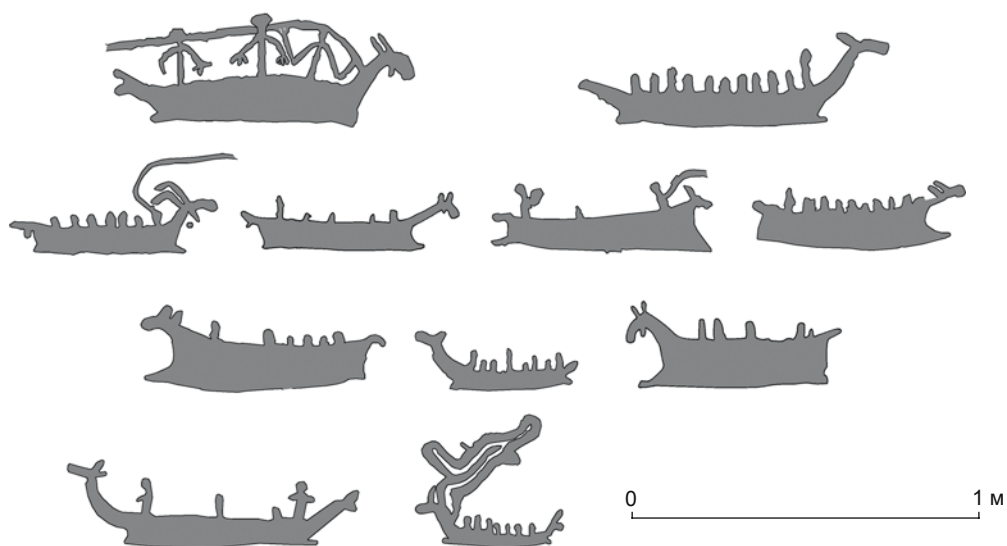

Рис. 4. Наиболее выразительные изображения лодок.

а

б

Рис. 5. Изображения лодок с тремя (а) и двумя (б) членами экипажа.

Рис. 6. Сцена охоты с лодки на медведя.

Рис. 7. Изображения двух лодок, «плывущих вверх».

претировать как мачты, паруса, весла или гребки. Нет никаких признаков, позволяющих решить, изображены ли весь корпус лодки или только его надводная часть.

Конструктивные признаки лодок. Конструктивные признаки изображенных на канозерских петроглифах лодок сводятся к следующим: 1) *форме корпуса* в профиль; 2) выступающему вперед и назад за корпус *килю*; 3) высокому *форштевню* в виде головы животного; 4) *ахтерштевню*, который отходит от кормы горизонтально назад или наклонно вверх [Колпаков, 2007].

Форма корпуса подпрямоугольная, за исключением четырех серповидных фигур. В некоторых случаях корпус слегка выгнут вниз. Если верхняя и нижняя горизонтальные линии корпуса (планширь и киль) непараллельны, то они всегда расходятся от кормы к носу.

Киль не выступает вперед лишь у шести прямоугольных лодок. Причем ни для одной из них нельзя исключить, что это результат повреждений петроглифов. Выступающий назад киль есть у 65 прямоугольных лодок и отсутствует у 53. В остальных случаях корма изображена недостаточно четко или повреждена.

Форштевни в виде головы животного есть у всех изображений лодок с сохранившейся носовой частью, кроме двух серповидных фигур и одной прямоугольной. Причем во всех определимых случаях это голова лося, что подчеркивается лосяной «серьгой» (21 изображение) и иногда характерной горбоносой мордой. Рога отсутствуют, но, как правило, достаточно реалистично изображены одно или два уха. Лишь в одном случае уши имеют непропорционально большие размеры и загибаются назад, но и они не похожи на рога. Длина форштевней весьма разнообразна. Самые короткие показаны в виде находящейся прямо на носу лодки головы животного почти без шеи. Самые длинные форштевни почти равны длине корпуса.

Ахтерштевни можно считать отсутствующими лишь у 14 прямоугольных лодок из 144 определимых. Они показаны в виде тонкого стержня (иногда просто выступа), отходящего от кормы горизонтально назад или наклонно (иногда почти вертикально) вверх. Нередко его конец загнут вниз или от него отходит вниз короткий отросток.

Архетип. Можно заключить, что создателям петроглифов важно было изобразить «лосяный» форштевень, ахтерштевень и выступающий вперед киль. Это заключение дополнительно подтверждается при обращении к наиболее тщательно выполненным изображениям лодок, одновременно являющимся и самыми крупными (см. рис. 4). Большинство из них имеет удлиненный «лосяный» форштевень; выраженный выступ киля впереди; выступающий назад киль или прямоугольную нижнюю часть кормы; ахтерштевень, часто с отростком вниз. Отклонения от этого «канона» немногочисленны и не выглядят существенными, поскольку в основном связаны с

мелкими (плохо различимыми) деталями или грубовато выполненными изображениями.

Реконструкция. В результате анализа наиболее обоснованным выглядит заключение о том, что на всех канозерских петроглифах представлен только один конструктивный тип судна (исключая четыре серповидные фигуры). Подходящим к нашим изображениям типом судна является конструкция, в основе которой лежит широкая килевая доска с прикрепленными к ней бортами, носом и кормой. Эта доска выступает вперед, за пределы носа, и назад, за корму, образуя силуэт, соответствующий изображениям лодок на Канозере. Такие лодки известны в разных уголках мира.

Лодки Канозера и Северной Евразии

Канозерские лодки в различной степени сходны с изображениями лодок на ряде памятников Северной Европы.

Беломорские петроглифы (551 лодка) [Равдоникас, 1938; Савватеев, 1970; Жульников, 2006б], безусловно, демонстрируют наибольшее сходство с канозерскими: подпрямоугольные корпуса выполнены сплошной выбивкой, показаны форштевень в виде лосяной (или оленьей?) головы, выступающий вперед киль, приподнятый ахтерштевень, нередко с загнутым вниз концом. Поэтому на петроглифы Канозера, которые не имеют пока собственной даты, допустимо перенести датировку беломорских петроглифов по А.М. Жульникову – 4–3 тыс. лет до н.э. [Жульников, 2006а]. Однако в изображениях экипажа лодок на этих памятниках есть существенная разница. Для беломорских петроглифов характерны профильные фигуры гребцов, стоящих на лодках в полный рост с веслами-гребками в руках. На Канозере таких изображений нет вообще, люди в лодках, в лучшем случае, показаны выступающими над бортом по пояс, а единственная фигура стоящего в полный рост члена экипажа развернута анфас. Конечно, более всего сходны на канозерских и беломорских петроглифах лодки с людьми-стерженьками.

Онежские петроглифы (62 лодки) [Равдоникас, 1936; Жульников, 2006б] имеют сходство с канозерскими лишь по самым общим признакам. Есть изображение лодки в силуэтном стиле, которое близко канозерским и беломорским [Жульников, 2006б, с. 106]. Однако подавляющее большинство остальных лодок выполнено в однолинейном стиле. При этом обязательными являются те же признаки, что и на канозерских: «лосяный» форштевень и, как правило, выступающий вперед киль и загнутый назад ахтерштевень. Онежские лодки, пожалуй, находят наибольшее сходство с лодками писаниц Финляндии.

В **Намфорсене** (Nämforsen) из 366 изображений лодок всего пять – в силуэтном стиле [Hallström, 1960, pl. XVI, XVIII, XXVI], часть – в однолинейном, а боль-

шинство – в контурном. У силуэтных и контурных лодок киль не выступает за пределы корпуса. Концы форштевней у них изображены очень условно и лишь обозначают зооморфную голову. А вот часть однолинейных лодок имеет форштевень в виде лосиной головы, выступающий вперед киль и загнутый назад ахтерштевень. Эти лодки более сходны с онежскими.

Лодки на петроглифах **Альты** (Alta) [Helskog, 1988] достаточно разнообразны. Есть несколько контурных лодок с коротким «лосиным» форштевнем и выступающим вперед и назад килем. Есть однолинейные лодки с «лосиным» форштевнем и выступающим вперед и назад килем. Также есть несколько силуэтных лодок с почти вертикальным «лосиным» форштевнем, без выраженного киля. Встречаются лодки и с загнутым назад ахтерштевнем.

Здесь еще можно упомянуть петроглифы **Шлетнеса** (Sletnes) в Норвегии [Hesjedal et al., 1996] и **Норфорса** (Norrfors) в Швеции [Forsberg, 2000]. Но они ничего не добавляют по сути, поскольку первые близки к Альте, а вторые – к Намфорсену.

На писаницах **Финляндии** [Lahelma, 2008] представлены однолинейные изображения лодок (68), как правило, с форштевнями в виде головы лося, но без выступающего вперед и назад киля.

Интересно сравнить изображения лодок в Северной Европе и на другом краю света – на **Чукотке**. Здесь они представлены петроглифами Пегтымеля [Диков, 1971; Дэвлет, Дэвлет, 2005] и гравировками на недавно найденном моржовом клыке [Послание..., 2009]. Не вызывает сомнений, что изображенные на них лодки относятся к каякам и умиакам, т.е. к каркасным судам, обтянутым кожей. При этом умиаки, за редкими исключениями, выполнены в силуэтном стиле и каркас не показан. Корпус каяка передан одной линией или линией с раздвоением на конце. Эти особенности пегтымельских лодок имеют отношение к длительной дискуссии о наличии изображений каркасных судов в наскальном искусстве Северной Европы. Имеются в виду контурные лодки с вертикальными линиями внутри корпуса: обозначают ли они каркасные суда или нет? Пример Пегтымеля показывает, что для обозначения каркасных судов вовсе не требуется изображать их внутреннюю конструкцию.

Приведенным перечнем почти исчерпываются изображения лодок, которые имеет смысл рассматривать как относительно сходные с канозерскими. За пределами перечисленного остаются лодки, условно говоря, южной половины Скандинавии, относящиеся к памятникам как с «охотничьей» тематикой, так и с «производящим хозяйством». Первые представляют собой контурные лодки без киля и с очень схематично изображенными форштевнем и ахтерштевнем. Вторые – хорошо известные лодки бронзового века

Южной Швеции с характерными двойными штевнями с носа и кормы судна и производные от них. Наличие двойных штевней позволяет утверждать, что эти изображения воспроизводят конкретный тип судна, археологически целый образец которого найден в Хьертшпринге в Дании.

Интерпретация

Сходные черты в изображениях лодок Северной Европы можно интерпретировать по-разному. Проще всего объяснить это сходство родством населения, создавшего наскальные рисунки. Однако и различия между лодками разных памятников существенные. С учетом различий и сходства не только между лодками, но и между всеми категориями изображений более надежным выглядит предположение о том, что сходные с канозерскими лодками фигуры отражают один реальный конструктивный тип судна, который был широко распространен в северных культурах. В изображениях он характеризуется выступающим вперед прямым килем, косым ахтерштевнем, «лосиным» форштевнем. Эти признаки мы находим на целой серии совершенно различных изображений лодок.

Можно ли соотнести лодки на петроглифах и археологические находки? На территории Северной Европы сейчас известно около десятка археологических лодок и их фрагментов, относящихся к периоду от мезолита до раннего железного века. Часть из них несомненно принадлежит долбленкам. Наиболее интересной в связи с рассматриваемыми изображениями является вырезанная из дерева голова лося с пазом и отверстием в основании, которая, в принципе, могла украшать форштевень лодки [Westerdahl, 2006, с. 168]. Она найдена в Северной Финляндии (Lehtojärvi, Rovaniemi) и датирована 5 700 календарных лет до н.э.

Но самый территориально близкий к Канозеру материал происходит из новых раскопок знаменитого могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря, который датирован радиоуглеродным методом серединой II тыс. до н.э. [Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006]. В наших раскопках удалось зафиксировать, что большинство погребенных здесь находилось в своеобразных лодках-кережках, вероятнее всего специально для этого сделанных (рис. 8). Причем лодки-кережки были сшиты из досок и просмолены (способ соединения досок корпуса остался неясен). Это является материальным свидетельством того, что к середине II тыс. до н.э. обитатели Кольского полуострова уже освоили технологии, необходимые для постройки лодок с корпусом из досок.

Таким образом, скудные данные из археологических раскопок не противоречат нашей реконструкции

Рис. 8. Погребение 19 могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Лодки-кережки в процессе расчистки.

типа лодок, изображенных на петроглифах Канозера и некоторых других памятниках наскального искусства (на основе широкой килевой доски, на которой крепятся борта, нос и корма; килевая доска при этом выступает вперед, за пределы носа, и назад, за корму). Использование в различных культурах Европейского Севера конструктивно сходных лодок может объясняться разными причинами: единством происхождения, интенсивностью межкультурных контактов, принадлежностью к одному хозяйственно-культурному типу и т.п. Решение этого вопроса выходит далеко за пределы изучения наскальных изображений.

Список литературы

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 130 с.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 472 с.

Жульников А.М. К вопросу о датировке Беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: СОЛТИ, 2006а. – С. 238–247.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006б. – 224 с.

Колпаков Е.М. Петроглифы Канозера: типологический анализ (по состоянию на 2005 г.) // Кольский сборник: (К 60-летию В.Я. Шумкина). – СПб.: Элексис Принт, 2007. – С. 155–183.

Лихачев В.А. Петроглифы оз. Канозера: история открытия // Кольский сборник: (К 60-летию В.Я. Шумкина). – СПб.: Элексис Принт, 2007. – С. 146–154.

Послание древних китобоев // Наследие народов Российской Федерации. – 2009. – № 1. – С. 5–7.

Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 205 с., 82 табл.

Равдоникас В.И. Наскальные изображения Белого моря. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 167 с., 87 табл.

Савватеев Ю.А. Залавруга. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1: Петроглифы. – 443 с.

Шумкин В.Я. Наскальные изображения р. Умбы: Новый уникальный комплекс Северной Европы // Археология в пути или путь археолога: (К 80-летию А.Д. Столяра). – СПб.: СПб. философ. об-во, 2001. – Ч. 2. – С. 88–107.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом О-

льем острове Баренцева моря // Зап. ИИМК РАН. – 2006. – № 1. – С. 42–52.

Forsberg L. The social context of the rock art in Middle Scandinavia during the neolithic // Myanndash – Rock art in the Ancient Arctic. – Rovaniemi: Arctic Centre Foundation, 2000. – P. 58–87.

Hallström G. Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. – 401 p., 140 img., 28 pl.

Helskog K. Helleristningene i Alta. – Alta: Alta Museum, 1988. – 135 S.

Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I. Arkeologi på Slettnes // Tromsø museums skrifter. – 1996. – N 26. – 239 p.

Kolpakov E.M., Murashkin A.I. & Shumkin V.Ya. The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica. – 2008. – Vol. 25. – P. 86–96.

Lahelma A. A touch of red: Archaeological and ethnographic approaches to interpreting finnish rock paintings. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. – 279 p. – (Iskos; N 15).

Shumkin V.Ya. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myanndash – Rock art in the Ancient Arctic. – Rovaniemi: Arctic Centre Foundation, 2000. – P. 202–241.

Tansem K., Johansen H. The World Heritage Rock Art in Alta // Adoranten. – Underslöss: Scandinavian Society for Prehistoric Art; Tanums hållristningsmuseum, 2008. – P. 65–84.

Westerdahl Ch. Cosmology and magic at the shore // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: СОЛТИ, 2006. – С. 162–184.

УДК 903.25

А.В. Епимахов

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
E-mail: eav@susu.ac.ru

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА (БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ)*

Статья вводит в научный оборот новые материалы по истории ювелирного производства носителей алакульской культуры. Анализ литейных форм позволяет предполагать гораздо большее разнообразие украшений, чем это представляется по находкам в захоронениях. Предложен вариант технологической схемы изготовления ювелирных изделий, материалом для которых могли служить не только бронза, но и драгоценные металлы.

Ключевые слова: *бронзовый век, алакульская культура, украшения, технология ювелирного производства.*

Введение

Комплекс украшений единодушно признается специалистами одной из этнодифференцирующих характеристик традиционных обществ. Эта часть материальной культуры сочетает в себе два важных качества. С одной стороны, мы имеем дело с массовым, сильно стереотипизированным явлением, с другой – иные факторы (например, функциональный) практически не оказывают влияния на внешний облик изделий, сводя к минимуму вероятность конвергентного возникновения сходных форм. Правда, при наличии только археологических источников наши представления о составе, характере использования украшений и других деталях почти целиком базируются на ритуальном (погребальном) варианте костюма и сопутствующих атрибутов.

Все сказанное имеет прямое отношение к бронзовому веку Южного Урала, особенно к срубно-андроновскому периоду (XVIII–XVI вв. до н.э. в систе-

ме калиброванных радиоуглеродных дат) [Епимахов, 2007; Черных, 2008]. Более того, различия в типологии некоторых вариантов украшений (например, серег или наконечников) дают возможность производить культурную атрибуцию в контактных регионах [Кузьмина, 1994, с. 158–161; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 120; Евдокимов, Усманова, 1990; Усманова, 2005; и др.]. Подавляющее большинство находок относится к некрополям, и только редкие примеры артефактов из коллекций с поселений (напр.: [Епимахов, Епимахова, 2002, рис. 2, 10–11]) и литейные формы [Аванесова, 1991, рис. 55] позволяют, с моей точки зрения, хотя бы отчасти представить варианты гарнитура, не входившие в похоронный костюм. Перечень свидетельств ювелирного производства весьма краткий (см. *таблицу*; рис. 1): поселения Старо-Кумлякское [Аркаим..., 2009, с. 186], Алексеевское [Кривцова-Гракова, 1948, с. 115–116, рис. 42], Ялым [Сальников, 1967, с. 147, рис. 32, 24], Замараевское [Сальников, 1954, с. 240; 1967, с. 338], Камышное I [Потемкина, 1985, с. 114–115, рис. 39, 7], Усть-Сурское III [Там же, рис. 53, 5], случайная находка на р. Санарке близ с. Верхняя Санарка [Чемакин, 1976].

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)».

Ювелирные литейные формы на поселениях Южного Зауралья

Поселение	Координаты	Источник информации	Материал литейной формы	Соответствия среди украшений
Старо-Кумлякское I	54°22'13" с.ш. 60°19'14" в.д.	Марков, 1987; Аркаим..., 2009	Камень	Есть для части негативов
Верхне-Санарское I	54°13'24" с.ш. 60°30'53" в.д.	Чемакин, 1976	Глина	Отсутствуют
Киржакуль I	55°31'6" с.ш. 61°31'24" в.д.	Науменко, 2003	Камень	Есть для части негативов
Замараевское	56°9'44" с.ш. 63°16'5" в.д.	Сальников, 1954, 1967	Глина	Есть
Ялым	54°46'25" с.ш. 65°5'20" в.д.	Сальников, 1967	»	»
Камышное I	55°5'56" с.ш. 65°10'21" в.д.	Потемкина, 1985	Камень	Есть для части негативов
Усть-Суерское III	56°1'2" с.ш. 65°50'55" в.д.	То же	Глина	Отсутствуют
Алексеевское	52°58'48" с.ш. 63°11'34" в.д.	Кривцова-Гракова, 1948	Камень	»

Все находки прямо или косвенно связаны с кругом алакульских древностей*.

Часть литейных форм выполнена из камня (Алексеевское, Старо-Кумлякское, Камышное I), остальные – из глиняного теста. Е.В. Куприянова предполагает, что большинство находок являются экспериментальными образцами и никогда не использовались на практике [2008, с. 42]. Основанием для довольно категоричного вывода послужили малочисленность соответствующих изделий на памятниках бронзового века и отсутствие следов эксплуатации форм. Действительно, за редким исключением негативы предметов не имеют полных соответствий в археологических материалах, однако не следует сбрасывать со счетов и другие возможные объяснения. О.А. Кривцова-Гракова предполагала, например, что найденное на Алексеевском поселении каменное изделие служило трафаретом при чеканке металлических пластин [1948, с. 115]. Однако эта версия вряд ли применима к глиняным формам.

Описание находки

Литейная форма была найдена в 2007 г. в 0,6 км к юго-востоку от пос. Теченский (Сосновский р-н Челябинской обл.) в размыве западного берега оз. Киржакуль. Находка связана со слоем поселения Киржакуль I [Науменко, 2003]. Здесь на площади ок. 8 000 м²

*Симптоматично в этом плане обнаружение ювелирной литейной формы при исследовании могильника Тартас-1 в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2005, с. 415].

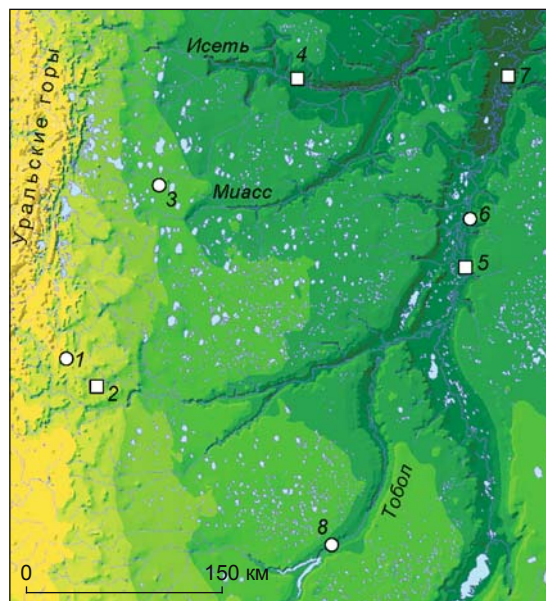

Рис. 1. Расположение поселений, на которых найдены ювелирные инструменты, в Зауралье.

1 – Старо-Кумлякское; 2 – Верхне-Санарское I; 3 – Киржакуль I; 4 – Замараевское; 5 – Ялым; 6 – Камышное I; 7 – Усть-Суерское III; 8 – Алексеевское.

1, 3, 6, 8 – изделия из камня; 2, 4, 5, 7 – изделия из глины.

были зафиксированы четыре впадины и собраны многочисленные подъемные материалы. По заключению О.И. Науменко, керамический комплекс имел алакульские, федоровско-черкаскульские и межовские черты. Интересующий нас артефакт явно относится к кругу алакульских древностей.

Рис. 2. Литейная форма с поселения Киржакуль I.

Изделие представляет собой тальковую плитку неправильной формы (88×64 мм, толщина 13–16 мм), со сглаженными гранями, трапециевидную в сечении (рис. 2). Боковые поверхности несут слегка заглаженные следы резки металлическим (?) лезвием (рис. 3, 4). Видимо, первоначально мастер пытался придать изделию форму, близкую к овалу, однако в процессе эксплуатации (или изготовления) произошел слом вдоль одного из двух углублений для отливки стержней трапециевидного сечения. Судя по всему, именно эта поверхность обрабатывалась первой, иначе невозможно объяснить тот факт, что на другой стороне предмета формы для отливки украшений не пострадали.

Здесь расположены четыре негатива разных изделий, из которых лишь два хорошо опознаваемы. Один предназначен для изготовления круглой бляшки диаметром 25 мм с изображением креста и концентрическими окружностями по периферии (рис. 3, 3). Крест образован тройными линиями, сходящимися в центральной точке (углублен-

ной на 3 мм). Большинство линий имитирует тонкий чекан. Подобные украшения известны в материалах могильника Степное-7 [Куприянова, 2008, рис. 16] и других алакульских памятников [Усманова, 2005, рис. 74, 1–8; Сорокин, 1962, с. 163; Епимахов, Епимахова, 2004, рис. 4; и др.]. Отличия касаются диаметра (как правило, он заметно больше – до 50 мм) и техники исполнения. Большинство таких украшений изготовлено из тонких пластин (фольга до 1 мм толщиной), вероятно, с помощью чекана или штампа [Флек, 2009]. Естественно, что рельефы лицевой и оборотной поверхностей дублируются. В нашем же случае, судя по негативу и каналу для заливки металла, изделие было литым. Сходным образом обстоит дело и с ромбической подвеской (26×13×1 мм), уступающей в размерах и особенно в массивности большинству алакульских образцов [Куприянова, 2008, рис. 17; Усманова, 2005, рис. 74, 32; Сорокин, 1962, с. 163].

Остальные негативы менее узнаваемы. Один предназначен для изготовления четырех попарно объединенных полушаровидных бляшек диаметром 6–7 мм, с радиальными отрезками по периферии (рис. 3, 2). Если полушаровидные бляшки отнюдь не редкость на памятниках эпохи бронзы [Матвеев, 1998, с. 249; Епимахов, Епимахова, 2004, рис. 4, 23–28], то их совмещение в одном изделии распространено в андроновском мире гораздо меньше (напр.:

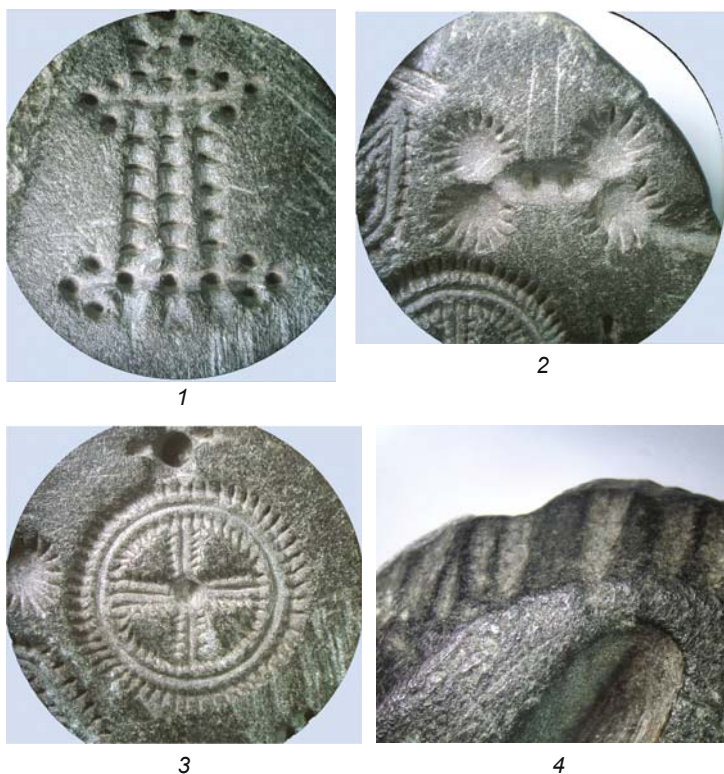

Рис. 3. Детали литейной формы с поселения Киржакуль I.

[Матюшенко, 2004, рис. 418, 27–30; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, рис. 64, 20–23)]*. Еще труднее обнаружить аналогии способам декорирования и изготовления (литье). Не исключено, впрочем, что внешний облик конечного продукта существенно изменялся в ходе следующих технологических операций. На такую мысль наталкивает один из негативов литейной формы со Старо-Кумляцкого поселения (рис. 4), определяемый авторами публикации как «женские серьги в виде цветов» [Аркаим..., 2009, с. 186]**. При таком варианте интерпретации парные (на негативе) бляшки в дальнейшем могли использоваться по отдельности в качестве самостоятельных элементов декора.

Еще более загадочным выглядит негатив, состоящий из точечных углублений, соединенных системой линий (рис. 3, 1). Три линии образуют конусовидную фигуру, основание и верхняя треть которой пересечены отрезками. Окончания отрезков оформлены углублениями, образующими крестообразные фигуры***. Венчает конусовидную фигуру «розетка», состоящая из центрального и семи периферийных углублений****. Центральное несколько асимметрично и углублено значительно больше остальных (5 мм). Оно могло использоваться для совмещения створок литейной формы. Следует отметить, что большинство углублений, видимо, сделано одним инструментом, имеет округлую форму и глубину 1,0–1,5 мм. Иначе выглядят углубления в границах продольных линий. Судя по удлиненной форме, они вырезаны тонким металлическим лезвием.

Важными для интерпретации данного элемента являются незначительная глубина рельефа и отсутствие литника – канала для заливки металла, который в других случаях обозначен очень четко (2–5 мм относительно плоскости). Для этой части сомнения в функциональности изделия как литейной формы должны быть признаны состоятельными. Тем не менее данный сектор мог выполнять функцию основы (матрицы) для изготовления украшений из тонких пластин металла,

*Приведенные аналоги, конечно, не являются полными, речь идет скорее о внешнем сходстве.

**Памятник располагается в 1 км к северо-востоку от с. Старый Кумляк (Пластовский р-н Челябинской обл.), на левом берегу старого русла р. Кумляк. Подъемные сборы с пашни включали обширную коллекцию алакульской, черкаскульской и межовской керамики [Марков, 1987].

***Два сходных изображения имеются на форме со Старо-Кумляцкого поселения, где они интерпретированы как «женские серьги в виде крестов». Разница только в размерах: на киржакульской форме они более миниатюрные (8×6 мм против 10×12 мм).

****Этот фрагмент совпадает с упомянутым выше негативом старо-кумляцкой формы, предназначенным для отливки «серег в виде цветов».

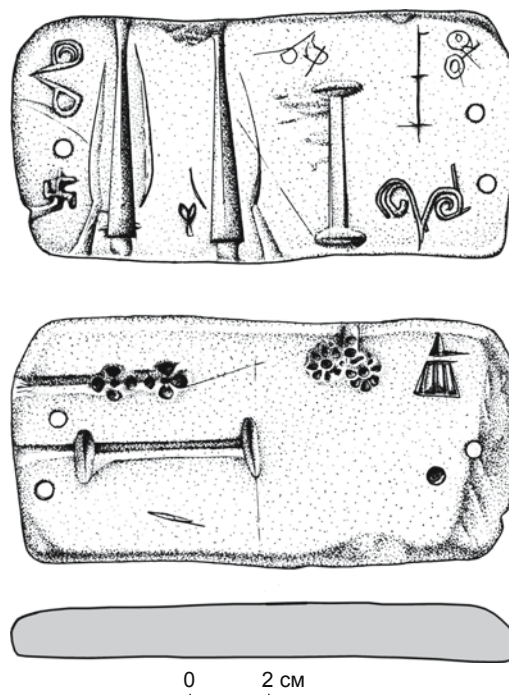

Рис. 4. Литейная форма с поселения Старо-Кумляцкое I (по: [Аркаим..., 2009]).

но в технике не литья, а штамповки и/или чеканки. В этом случае, например, центральное углубление «розетки» могло служить для пробивания сквозного отверстия для подвешивания.

Проблемы интерпретации

Как видно из приведенного описания, ни один из негативов украшений на основной плоскости формы не имеет полных соответствий в материалах раскопок. Объяснений данному обстоятельству может быть несколько. Во-первых, мы имеем дело лишь с одной створкой, и толщина конечных изделий (блях и подвески) теоретически могла достигаться за счет совмещения со второй. Правда, в этом случае сложно обеспечить полноценное заполнение всего пространства, поскольку вязкость металла должна быть очень низкой (за счет собственных свойств материала или высокой температуры). Для украшений чаще всего использовалась относительно легкоплавкая оловянистая бронза [Черных, 1970, с. 139–141]. Однако завершающими операциями в этом варианте были проковка и прочеканка всей поверхности. Таким образом, литье в сложнопрофилированную форму (требующую сильного прогрева) практически теряет смысл, гораздо проще использовать пластину.

Иначе обстоит дело с драгоценными металлами, хорошо известными местному населению [Сальников,

1967, с. 278–279]. Они более пластичны, хотя тоже тугоплавкие. На предположении об использовании в повседневной жизни этих материалов (мало представленных в погребальных памятниках) построена вторая версия, кажущаяся более основательной. Описанные изделия, отлитые из бронзы, были достаточно массивны и применялись не как самостоятельные украшения, а в качестве штампа. Техника плакирования хорошо документирована в алакульских и предшествующих им комплексах [Виноградов, 1984; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, рис. 82, 2; 153, 4; Куприянова, 2008], золотая (или серебряная) фольга за счет высокой пластичности легко принимает форму основы.

Отсутствие таких украшений в археологических коллекциях является, по сути, косвенным аргументом – нам не известны критерии отбора аксессуаров погребального костюма*, равно и степень его сходства с повседневным. Изделия же из драгоценных металлов в силу их очевидной высокой стоимости должны были эксплуатироваться максимально бережно и передаваться из поколения в поколение, что резко снижало риск их утраты носителем (и вероятность обнаружения в археологических материалах). Что касается функциональности киржакульской формы, то ее эксплуатация имеет прямое подтверждение в виде следов металла (меди ?)**, сохранившихся в центральном углублении «розетки», – каплеобразного фрагмента размером 5–7 мм красновато-бурого оттенка. Однако, к сожалению, и это не может окончательно развеять сомнения относительно конкретных способов использования данной части формы. Фрагмент металла мог сохраниться при пробиивании сквозного отверстия (обломившееся острие тонкого инструмента). Но нельзя полностью исключить его интерпретацию как части стержня, предназначенного для совмещения створок формы при литье.

Заключение

Подводя итог краткому анализу, можно констатировать, что приведенные факты говорят о значительно большем разнообразии украшений, бытовавших у алакульского населения Зауралья, чем это обычно

*Достаточно вспомнить пример федоровских памятников Зауралья, в материалах которых нет серег с раструбом [Стефанов, Корочкова, 2006, с. 126], признаваемых одним из основных атрибутов этой группы. Зато они, в т.ч. и выполненные из золота, широко распространены в восточном андроновском ареале [Аванесова, 1991, рис. 43].

**К сожалению, А.М. Юминовым (Институт минералогии УрО РАН) проведена только визуальная идентификация очень маленького по объему образца, глубоко и прочно застрявшего в каменной основе. Его извлечение для проведения аналитических операций возможно только путем частичного разрушения артефакта.

представляется. Взгляды исследователей на их состав искажены априорной приверженностью тезису о полном (или почти полном) соответствии ритуального (погребального) костюма повседневному. Не следует отвергать возможность более широкого использования драгоценных металлов, чем это известно по материалам некрополей. Такой вариант объяснения кажется более правдоподобным, по сравнению с гипотезой об экспериментальном характере изделий (см. выше). Аргументом «за» должно служить и мифологическое мышление, ориентирующее мастера скорее на воспроизведение моделей, чем на творчество. Частной, но очень яркой иллюстрацией этого является пример потомственных оружейников и златокузнецов аула Кубачи: попытки инженера Н. Бакланова заставить мастера серьезно отклониться от канона (в размере или форме) успеха не имели, «так сильна рутина, так машинальны приемы с детства изученной работы...» [Черных, 2007, с. 118, 176–177].

Высокая степень специализации в эпоху бронзы не кажется большой натяжкой, когда речь идет о ювелирном искусстве, технологически никак не уступающем в сложности, например, металлургии. На это указывают мастерство исполнения, разнообразие приемов и значительное число металлических украшений в некрополях (и отчасти на поселениях). Редкость ювелирных литейных форм в материалах памятников может свидетельствовать об их высокой ценности для мастера, а также о сравнительно небольшом числе ювелиров в пределах социума.

Благодарности

Считаю приятным долгом упомянуть ученика Теченской средней школы Д. Шагеева, нашедшего литейную форму, и его учителя В.А. Кандаурова, которые передали находку на государственное хранение в Челябинский областной краеведческий музей. Кроме того, словом и делом в изучении артефакта помогли Н.Б. Виноградов (ЧГПУ) и Ю.П. Чемякин (УрГУ), ознакомившие меня с неопубликованными аналогами; В.В. Зайков, А.М. Юминов (Институт минералогии УрО РАН), выполнившие петрографический и другие анализы; А.Г. Берсенева, осуществивший трасологические наблюдения и фотографирование, а также А.Е. Гришин (ИАЭТ СО РАН), обративший мое внимание на аналог из могильника Тартас-1, и Н.И. Чуев, оказавший содействие в картографировании памятников.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Аркаим: У истоков цивилизации / под ред. Г.Б. Здановича. – Челябинск: Аркаим, 2009. – 224 с.

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепи Южного Зауралья // СА. – 1984. – № 3. – С. 136–153.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с.

Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1990. – С. 66–80.

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – Вып. 17. – С. 402–421.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Поселение поздней бронзы Каменная Речка III // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2002. – № 4. – С. 96–105.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Новые материалы по алакульскому костюму // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. I: Истор. науки. – 2004. – № 2. – С. 112–128.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. 17. – С. 57–164.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана. – Челябинск: Авто Граф, 2008. – 244 с.

Марков С.В. Отчет об археологической разведке, проведенной в 1986 г. по р. Кумляк в Пластском и Уйском районах Челябинской области. Пласт, 1987 // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф. I. Д. 14. 78 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Матюшенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2: Еловский II могильник: Доирменские комплексы. – 468 с.

Молодин В.И., Парцигер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Маченко Ж.В., Новикова О.И., Гаркуша Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Рыбина Е.В., Чемякина М.А., Шатов А.Г. Полевые исследования на могильнике Тартас-1 в 2005 году (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 9, ч. 1. – С. 412–417.

Науменко О.И. Отчет об археологической разведке озера Киржакуль в Сосновском районе Челябинской области в 2002 г. Челябинск, 2003 // Архив ЛАИ ЧГПУ. Ф. I. Д. 35. 39 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1992. – 172 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Сальников К.В. Андроновские поселения Зауралья // СА. – 1954. – Вып. 20. – С. 213–252.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 207 с. – (МИА; № 120).

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2006. – 160 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 132 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда; Лисаковский: [б.и.], 2005. – 232 с.

Флек Е.В. Технология изготовления металлических украшений алакульской культуры (крестовидные подвески, бляшки) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 339–341.

Чемякин Ю.П. Отчет об археологической разведке на территории, подчиненной г. Пласт в Челябинской области, произведенной в 1976 г. Свердловск, 1976 // Архив кафедры археологии УрГУ. Ф. II. Д. 301. 107 с.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с. – (МИА; № 172).

Черных Е.Н. Каргалы. – М.: Языки славян. культуры, 2007. – Т. 5: Феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – 200 с.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3. – С. 36–53.

Материал поступил в редколлегию 06.05.10 г.

УДК 903.24

Т.А. Климова

Нижевартровский государственный гуманитарный университет
ул. Мира, 36, Нижневартовск, Тюменская обл., 628600, Россия.
E-mail: sovuschkaNV@mail.ru

СЛАВЯНО-РУССКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЮМ МУЖЧИН ВЕРХОВЬЕВ ПСЛА В КОНЦЕ X – XI ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОЧЕВСКОГО КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ)

Статья посвящена археологическому изучению погребального костюма мужчин верховьев Псла (совр. Курская обл.). По материалам раскопок Гочевского курганного некрополя (конец X – начало XII в.), проводившихся в начале XX в., дается характеристика основных элементов мужского костюма, предположительно определяется социальный статус погребенных, а также прослеживается связь погребального и прижизненного костюма подростков, людей среднего возраста и стариков. Исследование проведено с использованием методики выделения зон погребения, которая позволяет сделать предположение о внешнем виде и крое костюма. К статье прилагаются статистические таблицы находок и графические реконструкции костюмов.

Ключевые слова: левобережье Днепра, северянский племенной союз (племенной союз северян), роменская археологическая культура, дружинная культура, погребальный костюм, комплекс украшений, поясной набор, височное кольцо, археологический текстиль.

Проблемы изучения русского и славянского костюма сегодня становятся в археологии одними из ведущих, но пока остаются малоизученными. Костюм славян Днепровского левобережья в ареале роменской культуры IX–XI вв. известен намного меньше, чем костюм представителей многоэтнической дружинной культуры и жителей некоторых северных поселений, который развивался под влиянием балтской, финской и скандинавской традиций. Это объясняется главным образом тем, что на данной территории ввиду особенностей почв в отложениях органика практически не сохраняется. Немаловажное значение имеет и обычай кремации, эпизодически сохранявшийся здесь еще в XI – начале XII в. [Шпилев, 2005]. От бытовавшего в этих местах комплекса костюма обычно сохраняются лишь металлические, каменные и стеклянные (речь идет о бусах) предметы, по расположению которых в некоторых случаях возможно представить особенности одежды. В захоронениях, относящихся к периоду после X в., обнаруживаются и незначительные фрагменты текстиля.

Одним из крупнейших археологических памятников левобережья Днепра является Гочевский курганный некрополь, на котором в начале XX в. проводились масштабные раскопки. Начало им положили исследования 1909 г., которыми руководил Д.Я. Самоквасов. Им же были подготовлены к публикации результаты раскопок [1915а, б]. В последующие годы изучением памятника занимались П.С. Рыков [1912], В.С. Львович [1913], В.Н. Глазов [1913, 1915]. В начале XX в. было исследовано более 500 курганов. Однако описания раскопок ввиду недостаточной разработанности методов археологических исследований не всегда точны. Наиболее полные отчеты с указанием положения и пола погребенных, расположения предметов в погребениях, особенностей конструкции курганов составлены В.Н. Глазовым. Однако он, как и Д.Я. Самоквасов, а также В.С. Львович, часто не приводил данных о возрасте погребенных, отмечали только явно детские захоронения. В отчете В.С. Львовича отсутствует информация о поле погребенных. Един-

ственным, кто подробно описывал пол и возраст погребенных, был П.С. Рыков. В целом в этот период был накоплен материал, позволяющий в общих чертах представить погребальный костюм населения верховьев Псла в конце X – начале XII в., охарактеризовать основные элементы мужского костюма, определить социальный статус погребенных, а также раскрыть связь погребальной одежды с прижизненным костюмом. Мужские захоронения малоинвентарны, следовательно, не всегда возможно указать их точную дату, поэтому эти могилы рассматриваются в целом, с указанием времени погребения (если оно известно).

В работе использовалась методика выделения зон погребения (рис. 1) [Степанова, 2009], позволяющая определить местоположение каждого предмета относительно тела погребенного, зафиксировать различные части одежды, высказать предположения об их внешнем виде и крое. Кроме этого, прослеживались аналогии с известными по данным этнографии архайскими формами восточно-славянского костюма.

В результате изучения материалов раскопок в комплексе мужских погребений были выделены захоронения, расположение сопутствующего инвентаря в которых позволяет судить о его принадлежности погребальному костюму. В их число включены также детские могилы с инвентарем, указывающим на пол погребенного.

Были выделены 83 погребения: 70 (84,35 %) взрослых, 9 (10,85 %) детей, 4 (4,8 %) пожилых людей. При отсутствии в отчетах точных сведений о поле погребенного определение основывается на данных о длине костяка (более 2 аршин 6 вершков = 168–169 см) и на результатах анализа погребального инвентаря. По материалам раскопок Д.Я. Самоквасова: среди 36 мужских захоронений выделены 28 погребений взрослых мужчин (кург. I–V (погр. 1), VII (погр. 1), IX, X, XII, XIII, XIV, XVI, XIX, XX, XXII–XXXVI) и 2 – детских (кург. XCIX и CXXXVII). По материалам раскопок П.С. Рыкова: среди 115 погребений (109 курганов)* – 19 могил взрослых мужчин (кург. 1 (погр. 1), 3, 10, 20, 21, 22, 37, 40, 42, 51, 55, 56, 69, 77, 86, 88, 95, 99, 102), 4 – пожилых людей и стариков (кург. 13, 33, 82, 87) и 2 – детские (кург. 1 (погр. 2) и 64). По материалам раскопок В.С. Львовича: среди 35 захоронений – 7 погребений взрослых мужчин (кург. 2, 5, 7, 8, 14, 19, 27) и 4 – подростков (длина костяка не более 2 аршин 3 вершков = 155 см; кург. 9, 10, 15, 25). По материалам раскопок В.Н. Глазова в 1913 г.: среди 105 захоронений – 10 погребений взрослых мужчин (кург. 2, 10, 16, 18, 28, 30, 75, 81, 99, 102) и детское (кург. 11). По материалам раскопок В.Н. Глазова в 1915 г.: среди 102 погребений в 101 кургане – 6 мужских захоронений (кург. 4, 11, 12, 22, 30, 83).

*Здесь и далее при описании раскопок В.С. Львовича и В.Н. Глазова указывается общее количество погребений – мужских, женских, детских и неопределенных.

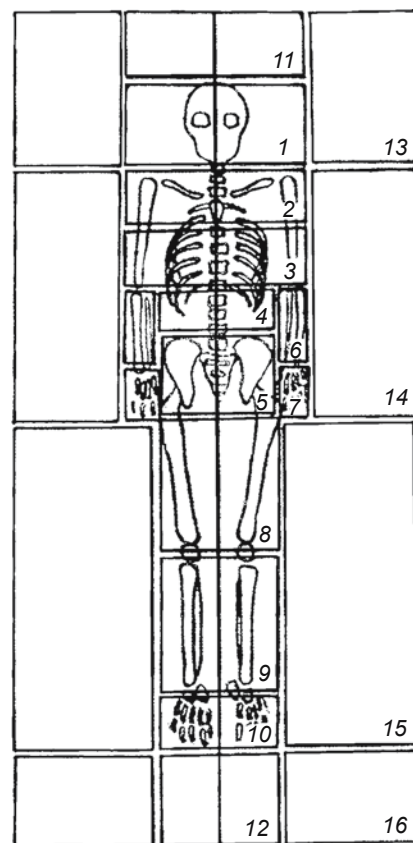

Рис. 1. Зоны расположения инвентаря в погребении (по: [Степанова, 2009]).

1 – зона головы; 2 – шеи и плеч; 3 – груди; 4, 5 – поясного отдела; 6 – предплечий и кистей рук; 7 – кистей рук; 8 – бедер; 9 – голеней; 10 – стоп; 11–16 – инвентаря, не связанного с костюмом.

В погребениях представлены: ножи (79 ед.), топоры (18 ед.), украшения (25 ед.), сабли (3 ед.), копья и сулицы (5 ед.), кольца для ремней (6 ед.) и другие предметы (2 ед.). Определенная закономерность наблюдается в расположении ножей: чаще всего они находятся справа от костяка в области таза или бедра (табл. 1; рис. 2) (39 погребений, в одном – два ножа по обеим сторонам от костяка*, намного реже – слева от скелета (рис. 3) (15 погребений), на костях таза (10 погребений), зажат в руке (8 погребений), изредка между костями бедер (2 погребения), на грудной клетке (3 погребения) и около голени (2 погребения, в одном – два ножа по обеим сторонам от голени).

Расположение ножа на костяке в области таза или верхней части бедра обычно свидетельствует о нали-

*В отчетах по поводу места положения ножа обычно указывается: «у кисти руки», поэтому возможно, что некоторые находки, учитываемые нами как расположенные в области таза, первоначально находились в руке погребенного, однако доля погребений с такими находками невелика.

Таблица 1. Местоположение ножей на Гочевском курганном некрополе

Курган	Справа от погребенного	Слева от погребенного	На костях таза и на позвоночнике в области таза	Между костями бедер	На грудных костях	Зажат в костях руки	У голени
1	2	3	4	5	6	7	8
I	+	—	—	—	—	—	—
II	+	+	—	—	—	—	—
III	+	—	—	—	—	—	—
Va	+	—	—	—	—	—	—
IX	—	+	—	—	—	—	—
X	+	—	—	—	—	—	—
XII	—	—	—	—	+	—	—
XIII	—	—	—	—	—	—	—
XIV	+	—	—	—	—	—	—
XVI	+	—	—	—	—	—	—
XIX	—	+	—	—	—	—	—
XX	+	—	—	—	—	—	—
XXIII	—	+	—	—	—	—	—
XXV	+	—	—	—	—	—	—
XXVI	—	—	+	—	—	—	—
XXVII	+	—	—	—	—	—	—
XXVIII		—	—	+	—	—	—
XXIX	+	—	—	—	—	—	—
XXX	+	—	—	—	—	—	—
XXXI	+	—	—	—	—	—	—
XXXII		+	—	—	—	—	—
XXXIII	+	—	—	—	—	—	—
XXXV	+	—	—	—	—	—	—
XXXVI	+	—	—	—	—	—	—
XCIX (ребенок)	+	—	—	—	—	—	—
CXXVII (ребенок)	+	—	—		—	—	—
P 1, (погр. 2, ребенок)	—	—	—	—	—	+	—
P 3	—	—	+	—	—	—	—
P 10	—	—	—	—	+	—	—
P 13 (старик)	—	—	—	—	—	—	++
P 33	—	—	+(слева)	—	—	—	—
P 20	—	+		—	—	—	—
P 21	—	—	+(слева)	—	—	—	—
P 22	—	—	—	—	—	+	—
P 40	—	+	—	—	—	—	—
P 42	+	—	—	—	—	—	—
P 51	—	—	+(справа)	—	—	—	—
P 55	—	—	+	—	—	—	—
P 56	—	—	+	—	—	—	—
P 64 (ребенок)	—	—	+	—	—	—	—

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
Р 69	+	–	–	–	–	–	–
Р 77	+	–	–	–	–	–	–
Р 82 (старик)	–	–	–	–	–	–	+
Р 86	–	+	–	–	–	–	–
Р 87 (старик)	+	–	–	–	–	–	–
Р 88	+	–	–	–	–	–	–
Р 95	–	–	+ (справа)	–	–	–	–
Р 99	–	–	+	–	–	–	–
Р 102	+	–	–	–	–	–	–
Л 2	–	–	–	+	–	–	–
Л 3	+	–	–	–	–	–	–
Л 5	+	–	–	–	–	–	–
Л 7	+	–	–	–	–	–	–
Л 8	+	–	–	–	–	–	–
Л 9 (подросток)	–	–	+	–	–	–	–
Л 10 (подросток)	+	–	–	–	–	–	–
Л 14	–	+	–	–	–	–	–
Л 15 (подросток)	–	+	–	–	–	–	–
Л19	–	–	–	–	–	+	–
Л 25	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,2	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,10	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,11 (ребенок)	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,16	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,18	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,28	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,75	–	+	–	–	–	–	–
Г1913,81	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,99	+	–	–	–	–	–	–
Г1913,102	+	–	–	–	–	–	–
Г1915,11	–	+	–	–	–	–	–
Г1915,12	–	+	–	–	–	–	–
Г1915,22	–	+	–	–	–	–	–
Г1915,83	–	+	–	–	–	–	–
<i>Всего, ед.</i>	39	15	11	2	2	3	3

Примечания. Здесь и далее римскими цифрами обозначены курганы, раскопанные Д.Я. Самоквасовым, буквой Р – П.С. Рыковым, Л – В.С. Львовичем, Г1913 – В.Н. Глазовым в 1913 г., Г1915 – В.Н. Глазовым в 1915 г. Арабские цифры соответствуют номерам кургана (кроме курганов, раскопанных Д.Я. Самоквасовым).

чии в костюме погребенного пояса, к которому подвешивался нож. Возможно, пояс был на одежде захороненного в кург. IV (раскопки Д.Я. Самоквасова): «на костях таза» обнаружен «обрубок серебра», который

владелец, вероятно, носил в подвешенном к поясу кошельке из кожи или ткани (рис. 4).

В мужских погребениях Гочевского курганного могильника украшения относительно редки (рис. 5).

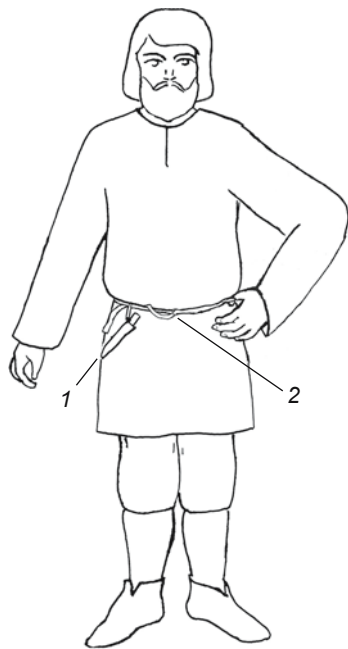

Рис. 2. Графическая реконструкция костюма, кург. 4, раскопки В.Н. Глазова, 1915 г.
1 – нож; 2 – ременное кольцо-пряжка, бронза.

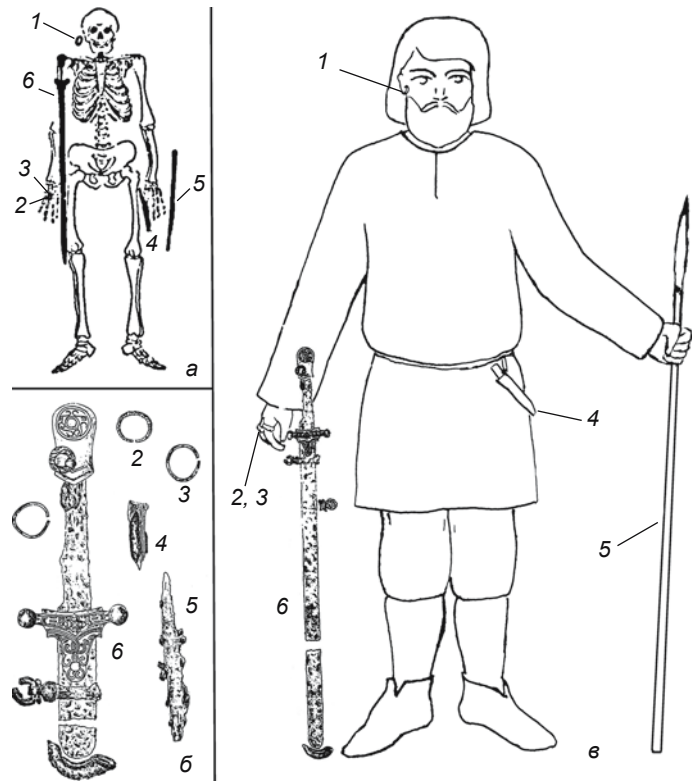

Рис. 3. Схема погребения (по: [Самоквасов, 1915б, с. 9, рис. 3]) (а); инвентарь (прорисовки по: [Самоквасов, 1915а, табл. IX]) (б); реконструкция погребального костюма (в), кург. I, раскопки Д.Я. Самоквасова.
1 – серьга; 2, 3 – перстни; 4 – нож; 5 – сулица; 6 – сабля.
1–3 – серебро; 4, 5 – железо; 6 – железо, бронза.

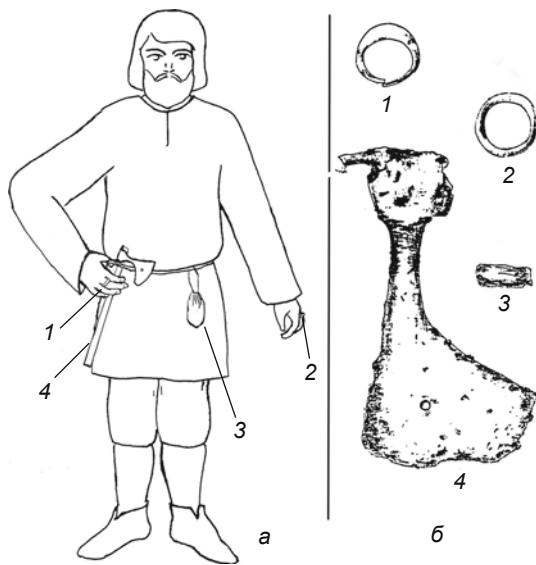

Рис. 4. Реконструкция погребального костюма (а); инвентарь (масштаб не указан, прорисовки по: [Самоквасов, 1915б, табл. X]) (б), кург. IV, раскопки Д.Я. Самоквасова.
1 – пластинчатый перстень; 2 – проволочный перстень;
3 – обрубленный кусочек серебра; 4 – топор.
1–3 – серебро; 4 – железо.

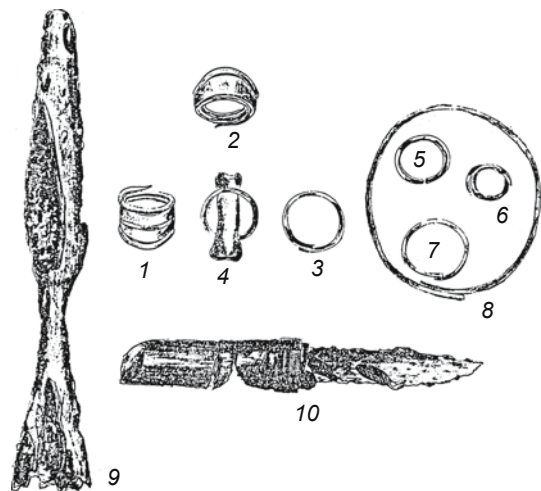

Рис. 5. Инвентарь погребений, раскопки Д.Я. Самоквасова (масштаб не указан; прорисовки по: [Самоквасов, 1915а]).
1–4 – перстни; 5–7 – перстнеобразные серьги; 8 – дровяной браслет;
9 – наконечник копья; 10 – нож с остатками рукояти.
1 – кург. III; 2, 5 – кург. IX; 3 – кург. XXII; 4, 10 – кург. XXX;
6, 9 – кург. XIII, 7 – кург. XXIV; 8 – кург. V.
1–8 – серебро; 9, 10 – железо.

Зафиксированы 25 таких предметов (табл. 2). Наиболее массовыми являются перстни: в 12 погребениях найдено 14 ед., в т.ч. 7 проволочных несомкнутых, 2 «усатых», 2 витых из нескольких проволок, пластинчатый с несомкнутыми концами и литой гладкий. Перстни всех типов относятся к довольно широкому временному диапазону, однако наибольшее их количество датируется XI в. [Сарачева, 1994].

Относительно многочисленны украшения (8 ед. в семи курганах), обычно интерпретируемые исследователями как височные и «ушные» кольца, перстнеобразные проволочные украшения с заходящими друг за друга концами (тип 1 по В.П. Левашевой [1967а]) (рис. 5, 5–7). Из этой группы только одна находка (из кург. 4, раскопанного В.Н. Глазовым в 1915 г.) может быть атрибутирована как височное кольцо (обнаружено на правой височной кости), которое носили, вероятно, вплетенным в волосы (рис. 6, 1). Это уникальная находка, аналоги ей нам неизвестны. Еще два предмета (из погр. 1 кург. VII, раскопки Д.Я. Самоквасова) являются спорными: два кольца находились «около чере-

па», но точное расположение автором раскопок не указано, поэтому их можно рассматривать и как украшения, и как «милодары» покойнику. Другие подобные вещи следует отнести к серьгам, которые носили чаще всего в правом ухе (см. рис. 3, 1).

В двух захоронениях отмечены украшения, не характерные для мужских погребений Гочевского курганного комплекса. В погр. 1 кург. V (раскопки Д.Я. Самоквасова) на костях правой руки находился дротовый браслет с несомкнутыми концами (отдел 1 тип 4 по В.П. Левашевой, бытовал в XI–XII вв. [1967б]) (см. рис. 5, 8). В погр. 1 кург. 1 из раскопок П.С. Рыкова на правой ключице погребенного был обнаружен предмет, напоминающий браслет из обломка гривны радимичского типа [Рыков, 1912]. Учитывая местоположение, вещь, скорее всего, была погребальным даром умершему. Условно к украшениям можно отнести круглый деревянный предмет с двумя рядами бронзовых шпеньков, обнаруженный около костей правого плеча погребенного в кург. 56 (раскопки П.С. Рыкова).

Таблица 2. Украшения ременной гарнитуры на Гочевском курганном некрополе

Курган	Серьга/ височное кольцо	Перстень	Браслет	Кольцо для ремня	Другое
I	+	++	–	–	–
III	–	+	–	–	–
IV	–	++	–	–	–
Va	–	–	+	–	–
VIIa	++	–	–	–	–
IX	+	+	–	–	–
XIII	+	–	–	–	–
XXII	–	+	–	–	–
XXIV	+	–	–	–	–
XXIX	–	+	–	–	–
XXX	–	+	–	–	–
P 1, погр. 1	–	–	–	–	+
P 1, погр. 2 (ребенок)	+	–	–	–	–
P 37	–	+	–	–	–
P 42	–	–	–	+	–
P56	–	–	–	–	+
Л 7	–	+	–	–	–
Л 19	–	+	–	–	–
Л 27	–	–	–	+	–
Г1913, 10	–	+	–	–	–
Г1913, 30	–	+	–	–	–
Г1915, 4	+	–	–	++	–
Г1915, 30	–	–	–	++	–
Всего, ед.	8	14	1	6	2

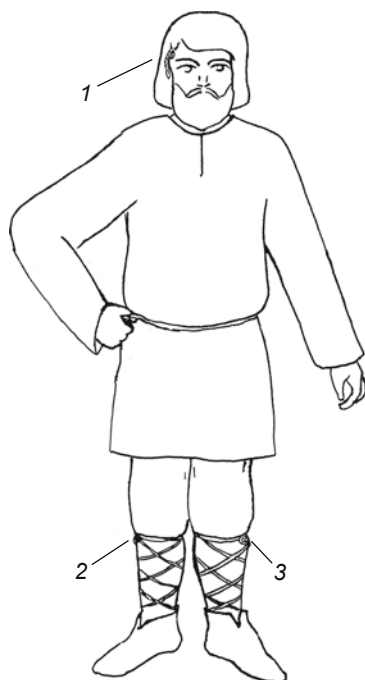

Рис. 6. Графическая реконструкция костюма, кург. 42, раскопки П.С. Рыкова.

1 – височное кольцо, серебро; 2 – железное ремешное кольцо; 3 – бронзовое ремешное кольцо.

В четырех курганах находились кольца, которые можно считать элементами одежды. В кург. 42 (раскопки П.С. Рыкова) на костях таза обнаружено небольшое бронзовое кольцо с обрывком кожи, которое служило, вероятно, поясной пряжкой (см. рис. 2, 2). Более интересными являются находки, сходные между собой по размерам и расположению в погребениях. Например, в кург. 27 (раскопки В.С. Львовича) на голени находилось небольшое цельное железное кольцо. Подобные кольца лежали около костей правых ступней скелетов в погр. 4 и 30, раскопанных В.Н. Глазовым в 1915 г. В этих же двух могилах найдены бронзовые кольца, полностью совпадающие по размерам с железными: в кург. 4 они зафиксированы рядом с кистью левой руки, в кург. 30 – рядом с костями левой ступни. Учитывая расположение находок, можно предположить, что они использовались в качестве колец для ремней, которыми удерживались на ноге мягкие сапоги или обмотки, носившиеся с невысокой обувью типа башмаков (см. рис. 6, 3). Бронзовое кольцо в кург. 4 было обнаружено около кисти левой руки, и это, на первый взгляд, не согласуется с его интерпретацией. Однако идентичность данной находки кольцу из кург. 30, находившемуся также с левой стороны от костяка, позволяет говорить о том, что кольцо из кург. 4 использовалось, скорее всего, для скрепления обувных ремней. О бытовании высокой обуви или же обуви с обмотками могут свиде-

тельствовать и другие предметы, зафиксированные у костей голени погребенного. Так, в кург. 13 и 82 (раскопки П.С. Рыкова) рядом с голенью костяка находились ножи, причем в первом – два ножа с обеих сторон берцовой кости, а в кург. 22 (те же раскопки) вдоль голени находился длинный тонкий предмет. Вероятно, ножи засовывали за голенище сапога или же за внешний слой обмоток.

Из предметов вооружения большую часть составляют топоры. Учитывая расположение в погребениях (около костей ноги или рядом с кистью руки), топоры нельзя напрямую связывать с комплексом погребального костюма, однако они являются статусными вещами и косвенно характеризуют прижизненное социальное положение владельца. Все топоры датируются концом X – XI в. [Барышев, 2009].

Намного реже, чем топоры, в погребениях встречаются другие предметы вооружения. В трех курганах найдено клинковое оружие: в кург. I и II (раскопки Д.Я. Самоквасова) – однолезвийные клинки (сабля и палаш; см. рис. 3, 6), в кург. 40 (раскопки П.С. Рыкова) – сабля (по другим данным меч [Там же]). Клинки располагались параллельно костяку справа от погребенного, в данном случае они были скорее статусной вещью и не входили в комплекс погребального костюма. Все клинки относятся к первой половине XI в. [Там же].

В разряд статусных предметов, не относившихся к собственно комплексу погребального костюма, можно включить наконечники копий из кург. XIII (раскопки Д.Я. Самоквасова) и 40 (раскопки П.С. Рыкова), а также сулицы из кург. I, V (погр. 1) и XIV (раскопки Д.Я. Самоквасова) (наконечники датируются началом XI в. [Кирпичников, 1966]) (см. рис. 2, 5; 5, 9).

В кург. XXX на костях левого плеча сохранились остатки ткани («прикипели» к рукояти ножа). К сожалению, Д.Я. Самоквасов не указал, была ли эта материя полотняной или шерстяной. Учитывая расположение находки, можно предположить, что это остатки либо рубашки, либо верхней одежды типа свиты.

Ни в одном из погребений не зафиксированы фибулы, достаточно обычные для мужского костюма других территорий Древней Руси. Не было найдено также ни одной пуговицы или же предмета, заменяющего ее.

Несмотря на ограниченность сведений, можно сделать следующие выводы об одежде погребенных (см. рис. 2–6). Скорее всего, это был традиционный для славянских народов костюм, состоявший из туникообразной рубахи и портов, а также относительно высокой кожаной обуви (о наличии последней свидетельствуют кольца для обувных ремней, а также расположение ножей рядом с голенью погребенного). На умерших, вероятно, были обмотки (онучи) или высокие мягкие сапоги. Учитывая отсутствие пуговиц

(возможно, они были деревянные, поэтому не сохранились), можно предположить, что плечевая одежда была накладной, а не распашной и имела тканевые завязки. Отсутствие фибул не означает отсутствия верхней плащевидной одежды: полы плаща могли скрепляться тканевыми завязками.

В рассматриваемых погребениях почти не представлены поясные пряжки (исключением является бронзовое кольцо, найденное в 1915 г. при раскопках кург. 4). Поясной набор не фиксируется, судя по инвентарю, даже в богатых захоронениях, в которых умершие были погребены в праздничном костюме (кург. I, II и V (раскопки Д.Я. Самоквасова), 40 (раскопки П.С. Рыкова). Говорить о полном отсутствии пояса нельзя, поскольку среди находок имеются ножи. Кроме того, апотропейное значение пояса сохранялось у всех восточно-славянских народов до начала XX в. Пояс являлся атрибутом как прижизненного, так и погребального костюма [Маслова, 1984]. При отсутствии поясных пряжек логично предположить, что одежду умерших подпоясывали тканевыми поясами или кушаками, известными по археологическим и этнографическим материалам. Согласно этнографическим данным, именно тканевые пояса чаще всего использовались в свадебном костюме [Там же]. Отсутствие поясных пряжек в богатых и тем более воинских захоронениях можно объяснить тем, что умершие были похоронены в прижизненном свадебном, а не специально изготовленном для погребения костюме. По этнографическим данным, подобная практика бытовала довольно широко. Этнографами часто отмечается обычай хоронить в свадебном костюме не только взрослых, но и подростков, а также молодых неженатых парней [Там же]. Отсутствие поясных наборов в погребениях детей и подростков можно объяснить тем, что эти возрастные группы не имели права на «взрослые» пояса.

Необходимо отметить, что по материалам курганов не прослеживаются различия между погребениями мужчин молодого возраста и средних лет, с одной стороны, и стариков – с другой. С определенными оговорками это можно сказать и о наборе инвентаря в погребениях детей и подростков. В большинстве курганов представлены только ножи или же нож в сочетании с топором (табл. 3).

Приведенные данные позволяют высказать предположение о социальном статусе погребенных. Среди похороненных на некрополе были воины (в числе находок – сабли-палаши, топоры-чеканы, наконечники копий), но они не относились к привилегированному дружинному сословию Киевской Руси: в курганах не найдены такие статусные вещи, как поясные наборы или пуговицы кафтанов восточного типа [Мурашева, 1993]. Видимо, эти люди не были выходцами из Киева, а представляли социальную вер-

Таблица 3. Сопроводительный инвентарь в погребениях представителей разных возрастных групп на Гочевском курганном некрополе

Инвентарь	Взрослые	Дети	Старик
Только нож	41	8	4
Только украшения	3	–	–
Только ременная гарнитура	2	–	–
Нож + топор	3	–	–
Нож + украшение	6	–	–
Нож + ременная гарнитура	1	–	–
Нож + сабля	1	–	–
Нож + копье	1	–	–
Нож + неопределенный предмет	1	–	–
Топор + украшение	4	–	–
Топор + ременная гарнитура	1	–	–
Нож + топор + украшение	2	1	–
Нож + копье + сабля	1	–	–
Нож + копье + украшение	1	–	–
Сабля + нож + копье + украшение	1	–	–
Нож + копье + топор + украшение	1	–	–

хушку местного, северянского населения. Учитывая почти полное отсутствие инвентаря, можно заключить, что основную часть погребенных составляли рядовые горожане.

Таким образом, на Гочевском курганном некрополе были погребены люди в традиционном мужском восточно-славянском костюме, не в специально изготовленном, а праздничном (свадебном). Костюм включал рубаху, порты, кожаную обувь (башмаки и мягкие высокие сапоги) и тканый (в единичных случаях кожаный) пояс, к которому подвешивался нож и, возможно, кошелек. Следов плащевидной одежды (фибул) не выявлено, однако нельзя уверенно говорить об ее отсутствии, поскольку подобная одежда могла скрепляться несохранившимися тканевыми завязками. Иногда костюм дополнялся украшениями – перстнями, перстнеобразными серьгами, а в единичных случаях – браслетом или вплетенным в волосы височным кольцом. Наличие в курганах предметов воинского снаряжения указывает на высокий социальный

статус некоторых погребенных, но отсутствие воинских поясных наборов свидетельствует о том, что эти люди не являлись представителями дружинного сословия Киевской Руси.

Благодарности

Выражаю благодарность сотрудникам Курского государственного областного музея археологии, оказывавшим помощь в поиске материалов. Особая благодарность директору музея Г.Ю. Стародубцеву, главному хранителю А.В. Зорину, ученому секретарю А.Г. Шпилеву и библиотекарю О.И. Семенихиной.

Список литературы

- Барышев Г.В.** Находки предметов вооружения и защитного снаряжения на территории Гочевского археологического комплекса // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. – Курск: Кур. гос. обл. музей археол., 2009. – С. 264–282.
- Глазов В.Н.** Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1913. Д. № 123.
- Глазов В.Н.** Отчет о раскопках Гочевского могильника в 1915 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1915. Д. № 93.
- Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие. – М.; Л.: Наука, 1966. – Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. – 181 с. – (САИ; вып. Е1-36).
- Левашева В.П.** Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М.: Сов. Россия, 1967а. – С. 7–54. – (Тр. ГИМ; вып. 43).
- Левашева В.П.** Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М.: Сов. Россия, 1967б. – С. 207–252. – (Тр. ГИМ; вып. 43).
- Львович В.С.** Дневник раскопок Гочевского могильника в 1913 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1913. Д. № 330.
- Маслова Г.С.** Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
- Мурашева В.В.** Семиотический статус пояса в средневековой Руси // Средневековые древности Восточной Европы. – М.: Издат. центр ГИМ, 1993. – С. 22–38. – (Тр. ГИМ; вып. 82).
- Рыков П.С.** Дневник раскопок курганного могильника близ Городища с. Гочева Обоянского у. Курской губ. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 386/1912.
- Самоковасов Д.Я.** Атлас Гочевских древностей. – М.: [Синод. тип.], 1915а. – 58 с.
- Самоковасов Д.Я.** Дневник раскопок в окрестностях села Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных в августе 1909 г. – М.: [Синод. тип.], 1915б. – 48 с.
- Сарачева Т.Г.** Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX – первая половина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1994. – С. 85–94.
- Степанова Ю.В.** Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 364 с.
- Шпилев А.Г.** О конструкции погребальных костров у населения юго-западных районов Курского края в конце X – XI в. (по материалам Гочевского курганного могильника) // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. – Курск: Кур. гос. обл. музей археол., 2005. – С. 90–93.

Материал поступил в редколлегия 30.05.10 г.

УДК 902.3

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ИЗ ДЕРЕВА В ПРОЦЕССЕ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ*

Археологические деревянные предметы – такой же важный и ценный исторический источник, как каменные артефакты, продукты гончарства, изделия из металла, кости, ткани и т.п. Но они требуют особых условий исследования, т.к. в силу своего органического происхождения быстро разрушаются после извлечения из привычной среды. Процесс изучения деревянных предметов состоит из двух этапов: полевого и камерального. На первом максимально возможный объем информации исследователь может получить только при обязательном соблюдении последовательности операций, быстром и качественном их выполнении. Наиболее сложными в плане изучения являются крупногабаритные деревянные предметы – погребальные сооружения и ложа. Их исследование осуществляется в течение всего процесса раскопок археологического памятника. Завершается полевой этап изучения погребального сооружения его быстрой реконструкцией у места раскопок – последовательной сборкой для повторного обследования и получения дополнительной информации об особенностях изготовления и схемы монтажа сооружения.

Ключевые слова: археологические предметы из дерева, погребальные сооружения, последовательное изучение в процессе раскопок, экспресс-реконструкция.

Введение

Если такие научные направления археологии, как обработка камня, гончарство, металлообработка, имеют свои достаточно хорошо разработанные методы исследования и систему классификации предметов, методику выявления и изучения следов обработки, технологии изготовления изделий, то для древней деревообработки такой аналитический и практический арсенал пока только нарабатывается. Основные проблемы ее исследования сводятся к следующему:

1) неоднородность используемых источников, которая обусловлена различиями их структурных и качественных характеристик, находящихся в прямой зависимости друг от друга: сохранность – следы обработки – пригодность для исследований и реконструкций;

2) многочисленность существующих реконструкций типов жилищ, погребальных сооружений и лож, основанных на анализе вторичных и косвенных источников с некорректным привлечением аналогов этнографического времени;

3) введение в научный оборот неverified реконструкций, которые, становясь привычными, переходят из одной публикации в другую и используются в качестве неких эталонов [Медведев, Несмеянов, 1988, с. 113];

4) отсутствие единой системы универсалий – общепринятых понятий и терминов. Нередко археолог использует в исследовательской практике собствен-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-18085е); Программы фундаментальных исследований РАН (направление 8: Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию); гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-1648.2008.6).

ный «арсенал» обозначений предмета, его узлов и деталей, технологических операций, приемов и способов обработки дерева. Отсюда возникают разночтения в определении вида и конструкции одного и того же предмета исследования;

5) отсутствие единой системы комплексного анализа источников.

Несмотря на то, что синхронные погребальные памятники имеют локальные и культурные различия в деталях погребального обряда, устройстве могильных сооружений и пр., в практике проведения археологических работ принято соблюдать общие правила и принципы исследования памятников данного вида [Шелов, 1989]. Изучение погребальных сооружений из дерева хорошей и средней сохранности ведется достаточно давно. Накоплено немало сведений о различных приемах и способах древней деревообработки. Однако опыт изучения деревянных предметов в процессе раскопок археологических памятников не был обобщен и систематизирован в должной мере. В последнее время из печати вышло несколько работ, посвященных обработке дерева в раннем железном веке [Мыльников, 1999а, 2002, 2006, 2008; Самашев, Мыльников, 2004; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010]. Тем не менее проблема получения максимальной информации об источнике остается актуальной. Особенно это касается внутримогильных деревянных конструкций.

Получение адекватной информации во многом зависит не только от степени сохранности археологического памятника, но и от методики его исследования [Вадецкая, 1981, с. 56]. Простая статистика показывает, что по разным объективным и субъективным причинам в ходе раскопок, как правило, должным образом не проводится необходимое полное комплексное обследование деревянных погребальных сооружений (срубов) с фиксацией всех особенностей монтажа конструкции и обработки ее деталей снаружи и изнутри. Большинство исследователей изучают только внутренние поверхности бревен и плах, а внешние, прижатые к стенкам могильной ямы, оставляют без внимания. Опыт многолетнего, ежегодного исследования археологического дерева в процессе раскопок курганных могильников на Алтае, в Сибири, Восточном Казахстане, Турано-Уюкской котловине, Северо-Западной Монголии и изучение материалов сопредельных территорий позволяют высказать некоторые пожелания и рекомендации по работе с археологическими предметами из дерева.

Особенности изучения деревянных погребальных сооружений

Как показывает практика археологических раскопок с участием специалиста по деревообработке, основная

информация о технологии обработки дерева добывается во время полевых исследований. Лишь незначительную часть дополнительных сведений удастся получить в камеральных условиях. В первую очередь это относится к погребальным сооружениям. Оставаясь наиболее трудоемкими и консервативными в плане технологии изготовления деревянными предметами, они хранят в своей архитектуре, традициях обработки поверхностей, особенностях изготовления узлов и деталей отличительные особенности, присущие данной культуре, данному этническому образованию. Поэтому так важно во время полевых исследований попытаться собрать максимум информации об источнике.

Статистические данные свидетельствуют о том, что определяющим фактором при археологических раскопках является сохранность деревянных предметов и возможность их предварительной консервации для длительной перевозки в специализированную лабораторию или музей, где они будут подвергнуты комплексным камеральным исследованиям и реконструкции. Например, за много лет изучения погребальных памятников эпохи бронзы на территории Сибири не удалось сохранить ни одной деревянной конструкции, представлявшейся археологически целой во время раскопок. Были взяты отдельные элементы конструкций и пробы древесины для дендрохронологических анализов. Из многих сотен курганных погребений раннего железного века, исследованных на Алтае [Кубарев, Шульга, 2007, с. 9], удалось сохранить, консервировать и реставрировать только несколько срубов. Один неполный внутренний сруб (нет бревна в северной стенке нижнего венца) двухкамерного элитного погребального сооружения из кург. 5 могильника Пазырык выставлен в скифском зале Государственного Эрмитажа, два хранятся в его фондах. Два неполных сруба (без перекрытий) из погребений рядовых носителей пазырыкской культуры выставлены в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока в ИАЭТ СО РАН, один элитный в разобранном виде хранится в лаборатории реставрации Института археологии им. А.Х. Маргулана в Казахстане. Абсолютно целый сруб этнографической сохранности из полубревен с перекрытием и погребальным ложем из плах детально исследован сотрудниками Российско-монгольско-германской археологической экспедиции в процессе раскопок кургана пазырыкской культуры в Северо-Западной Монголии в 2006 г. [Молодин и др., 2006; Мыльников, Молодин, Парцингер и др., 2007]. Эти практически целостные объекты обладают максимумом информации о технологии древней деревообработки и являются идеальным источником для воссоздания первоначального облика погребального сооружения. Реконструкции, построенные на археологическом материале этнографической со-

хранности, в отличие от выполненных на основе анализа следов от деревянной конструкции с привлечением данных этнографии, абсолютно достоверны.

Даже в мерзлотных курганах деревянные предметы не всегда предстают взору исследователя в этнографическом виде. И древесина хорошей сохранности при несоблюдении правил ее немедленной предварительной консервации, защиты от губительного разрушающего воздействия солнца и ветра, быстро меняющейся температуры окружающей среды, сухости и отсутствия постоянного увлажнения может начать деградировать (растрескиваться и отслаиваться) уже через полчаса после ее расчистки и обнажения. А поскольку в большинстве экспедиций, как правило, нет специалистов-реставраторов, то материал в течение дня может в буквальном смысле слова рассыпаться в прах [Грязнов, 1980, с. 8]. Поэтому очень важно в процессе раскопок неукоснительно соблюдать порядок соответствующих действий и комплексных мер, направленных на предельно возможное сохранение деревянных предметов и получение максимальной информации об объекте исследования [Краснов, 1989, с. 41–42]. Перед началом проведения работ нужно обязательно получить консультацию специалистов-реставраторов по способам извлечения археологических предметов из привычной среды, приемам консервации и реставрации находок в поле или ознакомиться с соответствующей литературой и краткими рекомендациями Всероссийского (Всесоюзного) института реставрации [Полевая консервация..., 1987; Самашев, Ахметкалиев, Алтынбеков, 2004; Ревуцкая, 2006].

Специалисты рекомендуют работу с деревянными предметами проводить очень скрупулезно, без ненужной торопливости и вместе с тем в кратчайшее время. Обязательные действия: быстрая, осторожная и тщательная расчистка предмета; регулярное равномерное увлажнение всей поверхности раствором антисептика; выявление следов обработки (отпечатков лезвий инструментов); фотографирование с масштабом общего вида предмета, крупного плана узлов и деталей конструкции, следов обработки на поверхностях; измерение предметов и фиксирование параметров; зарисовка и подробное описание в полевом дневнике всех нюансов исследуемых объектов; предварительная консервация.

Необходимо помнить, что не только элитные монументальные погребальные сооружения, во многих случаях эталонные, но и простые рядовые хранят ценную информацию о культуре и развитии древнего производства. «Погребения в лиственничных срубках так называемых рядовых пазырыкцев являются своего рода уменьшенной копией “царских” погребений: они так же устроены и содержат те же категории погребального инвентаря» [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 82–83].

Наземные погребальные сооружения

Эпоха бронзы. Все исследованные элитные погребальные сооружения бронзового века имели сложную конструкцию, которая скрупулезно изучалась в течение длительного времени, как в процессе раскопок, так и в лабораторных условиях [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992]. Рядовых представителей общества хоронили преимущественно в простых одновенцовых рамах с перекрытиями, имевших свои особенности угловой вязки бревен. Однако вследствие плохой сохранности древесины выявлять их очень сложно. Во время разборки заполнения лопатой приходилось обращать пристальное внимание на его консистенцию и цвет, чтобы грубой расчисткой не уничтожить важные мелкие детали. Появлявшиеся длинные рыхлые ржаво-коричневые полосы сигнализировали о том, что исследователи вышли на перекрытие погребального сооружения или на его детали. Далее следовала обязательная тонкая расчистка, в основном с применением совка, шпателя, ножа и кисти. Работу в значительной степени облегчало то, что наземные погребальные сооружения не сопровождалась захоронениями коней. Нередко подкурганные наземные погребения представляли собой коллективную усыпальницу из нескольких (иногда более десятка) бревенчатых рам с перекрытиями, расположенных близко друг к другу в один или два ряда (могильники Журавлево-4, Танай-7 в Западной Сибири) [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2001, 2002; Мыльникова, Мыльников, 2002].

Ранний железный век. Все раскопанные в разных регионах элитные наземные погребальные сооружения раннего железного века (средней и плохой сохранности) имели монументальную сложную конструкцию со своими особенностями, которые были выявлены и подробно освещены исследователями [Акишев, Кушаев, 1963; Черников, 1965; Грязнов, 1980].

Внутримогильные погребальные сооружения

Внутримогильное погребальное сооружение является наиболее трудным для изучения, т.к. оно помещено в узкую и тесную могильную яму, границы которой исследователь не может нарушить по определению. Расширяя рабочее пространство, можно уничтожить один из важнейших источников дополнительной информации о стратиграфии. В силу этих причин в Горном и Центральном Алтае у подавляющего большинства раскопанных до 90-х гг. XX в. погребальных сооружений из дерева не были изучены должным образом внешние поверхности срубов, не зафиксирована на фото общая архитектура сооружения, не проведена ландшафтная

реконструкция. Об общем облике погребальной конструкции следующие поколения исследователей могут судить только по воссозданным и интерпретированным художниками преимущественно двухмерным изображениям (чертежи, разрезы, планы) и редким фотографиям отдельных моментов процесса раскопок. Между тем подлинный внешний вид, архитектурные и технологические особенности древних строений, досконально выявленные и зафиксированные в ходе раскопок, имеют исключительное значение в плане получения максимально достоверной информации об объекте исследования, равноценной этнографическим наблюдениям за действующими постройками.

Эпоха бронзы. Внутримогильные погребальные сооружения с деревянными конструкциями, относящиеся к бронзовому веку, очень редки. В Казахстане исследована комбинированная конструкция из камня и дерева на памятнике Бегазы-Дандыбай-11. На квадратный фундамент высотой 70 см, сложенный из бутовых плит, был поставлен четырехвенцовый бревенчатый сруб в форме усеченной пирамиды. Врубка для скрепления бревен в углах не применялась, и поэтому наклоненные к центру стены конструкции имели просветы шириной в толщину бревна. Сверху сруб-клеть был перекрыт накатом из 12–14 бревен, положенных вплотную друг к другу [Грязнов, 1953, с. 130–132]. Эта деревянная конструкция близка погребальным сооружениям скифского времени могильника Чиликты [Черников, 1965, с. 8–40].

На территории Западной Сибири пригодные для изучения погребальные сооружения из дерева тоже большая редкость [Бобров, Мыльников, 2001]. Несмотря на относительно простую конструкцию (двухвенцовые рамы с угловым сопряжением встык или в простую лапу), они были достаточно сложны в исследовании по причине неудовлетворительной сохранности. Изучать их приходилось внутри узкой могильной ямы. При снятии покрытия из бересты или малейшем сдвиге с места верхние слои древесины начинали осыпаться, а закрепить их подручными средствами при отсутствии квалифицированных реставраторов, без специальных дорогостоящих растворов не представлялось возможным. После расчистки, обмера, фотографирования, зарисовки и описания только из одного погребения удалось взять четыре относительно целых бревна целиком на образцы для дендрохронологического анализа и для более детального исследования в камеральных условиях.

Ранний железный век. Деревянные конструкции внутримогильных погребальных сооружений хорошей сохранности досконально изучены в Горном Алтае, Казахстане, Туве, Монголии. Эталонными в плане получения максимальной информации о древней деревообработке были конструкции из следующих погребений: элитных – Пазырык, кург. 5; Берель, кург. 11;

Аржан-2, мог. 5; среднего сословия – Ак-Алаха-3, кург. 1; рядовых – Верх-Кальджин-1 и -2, Олон-Курин-Гол-10, кург. 1 (последний в Монголии, остальные на Алтае) [Мыльников, 1999б; Молодин, Мыльников, 1999; Самашев, Мыльников, 2004; Мыльников и др., 2002; Молодин и др., 2006; Мыльников, Молодин, Парцингер и др., 2007].

Опыт исследователей показывает, что при раскопках памятников раннего железного века после снятия каменной насыпи особое внимание следует уделять анализу заполнения могильной ямы. По данным статистики, подавляющее большинство захоронений разграбленные. А это значит, что в насыпи и заполнении могильной ямы могут быть мелкие и крупные фрагменты бревен надсрубных перекрытий, прорубленных грабителями, погребальных сооружений и лож, обломки деревянных предметов погребального инвентаря, а иногда и целые вещи, брошенные в спешке осквернителями могил. Вплоть до уровня перекрытия сруба, а иногда и ниже встречаются разнообразные хозяйственно-бытовые предметы, сопровождающие покойника и использовавшиеся в погребальном обряде (лестницы, пешни, лопаты, колья, щепки, бревна, жерди), а также то, что потеряли грабители.

На перекрытии сруба встречаются детали, а иногда и целые конструкции жилищ (Ак-Алаха-1) [Полосьмак, 1994, с. 22], покрытия из нескольких слоев коры лиственницы, бересты, курильского чая (Пазырык, Туэкта, Башадар, Берель). На бересте могут сохраниться следы ее раскроя на листы (ровные края) или сшивания их в полотнища (ряды симметрично расположенных отверстий малого диаметра).

Подкурганные захоронения в могилах скифского времени зачастую сопровождаются погребениями взнузданных и украшенных коней, иногда в количестве нескольких десятков (элитные). Конские отсеки в большинстве случаев остаются не тронутыми грабителями.

Могильная яма условно поделена исследователями на внутрисрубное пространство, в котором захоронен человек с сопроводительным инвентарем, и околосрубное за северной стенкой сруба, где погребены кони и хозяйственно-бытовые предметы. Исследование этих частей внутримогильных погребальных сооружений имеет свою специфику, связанную с установленными ритуалом границами, в которых в определенном порядке сосредоточено множество вещей.

После того как обнажается перекрытие, вначале исследуется захоронение коней, чтобы обеспечить свободный доступ к верхней части конструкции сруба, его северной стенке, погребению человека. Коней обычно последовательно укладывали в свободном пространстве за северной стенкой сруба головами на восток, с подогнутыми под брюхо ногами, в один

или несколько рядов, отделенных друг от друга слоями бересты и курильского чая [Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001, с. 24–26]. Трупы коней верхнего ряда иногда располагались на перекрытии. Зачастую главные в погребальной процессии те кони, чьи останки находятся внизу, в первом слое. В двухсрубном погребении кург. 1 могильника Ак-Алаха-1 на плато Укок в Горном Алтае кони лежали внутри внешнего сруба у северной стенки [Полосьмак, 1994, с. 22–24]. В ходе расчистки конского отсека внимательно исследуют месторасположение головы, шеи, крупа коня, где находятся деревянные сбруйные украшения, войлочные седла с аппликациями, деревянными дужками и подвесками, предметы вооружения (щиты). В больших элитных курганах в этом же отсеке располагались детали жилищ (юрта), средства передвижения и перевозки грузов (колесницы, телеги), рамы для вышитых, ворсовых и войлочных ковров (завесов). Изредка в двухсрубных элитных погребениях между стенками срубов находилась конская сбруя с комплектами подвесных и нашивных украшений из дерева, деревянные блюда, жерди, клинья.

Погребальные сооружения элиты в большинстве своем отличаются от остальных монументальностью архитектуры. Над высоким срубом в 5–12 венцов зачастую сооружали сложную каркасно-столбовую конструкцию с несколькими накатами из бревен сверху. Методика исследования надсрубных построек представляет основной порядок действий при изучении внутримогильных погребальных сооружений из дерева. Вначале производятся обмер, зарисовка, описание, фотофиксация и разборка бревен накатов, затем поперечных матиц, на которых лежали эти накаты, потом вертикальных столбов-опор. При разборке бревен необходимо делать последовательную разметку каждой детали и укладывать их в определенном порядке на специально оборудованной площадке рядом с курганом для последующего заключительного обследования и предварительной консервации перед транспортировкой.

В дальнейшем порядок исследования деревянных конструкций в процессе раскопок следующий. Если сруб двухкамерный, вначале последовательно разбирается перекрытие внешнего сруба (потолок), бревна маркируются и выносятся на рабочую площадку так же, как элементы надсрубного сооружения. Далее исследуется межсрубное пространство с фиксацией особенностей, деталей и предметов (иногда между срубами находится деревянная посуда и уздечки коней с украшениями из дерева). Затем в таком же порядке разбирается перекрытие внутреннего сруба. После этого исследуется его внутреннее пространство: погребение человека и сопроводительный инвентарь (украшения, предметы вооружения, посуда), после

чего освобождается погребальное ложе, которое бывает простой и сложной конструкции. После его изучения, фиксации и маркировки деталей следует разборка, предварительная консервация и упаковка для дальнейшей транспортировки в лабораторию.

Когда все внутреннее пространство срубов исследовано и освобождено, начинается изучение основной конструкции погребального сооружения. Здесь особое внимание уделяется выявлению способов рубки срубов и монтажа каждого венца. Тщательно исследуются угловые сопряжения. В обязательном порядке выявляются и фиксируются следы обработки и разметки бревен в виде прямых или косых насечек, нанесенных у концов бревен либо посередине лезвием топора или тесла. Они могут быть с внешней (зачастую скрытой от глаз исследователей) стороны стен сруба. Пристальное внимание уделяется изучению приемов отески поверхности и обработки торцов бревен каждого венца, выявлению дополнительных укрепляющих и выравнивающих горизонтальных и вертикальных приспособлений из дранки и клиньев, обмазки межвенцовых и угловых соединений глиной и т.п.

Далее следует повенцовая разборка стен внутреннего сруба (в редких случаях – одновременно и внешнего, если его сохранность оставляет желать лучшего). Особое внимание необходимо уделять свободному выходу каждого бревна из гнезд углового сопряжения, чтобы не повредить вырубку. Не лишним будет и беглый осмотр внешних поверхностей, прижатых к стенкам могильной ямы, для выявления таких трудноуловимых нюансов, как обмазка межвенцовых щелей глиной, заделка щелей щепой, прокладка берестой. Каждое бревно обязательно маркируется путем оборачивания его конца скотчем и нанесения несмываемым маркером обозначения стены и номера венца, а также прикрепления деревянной или пластмассовой таблички с номером. В качестве некоей унификации приемов исследования можно рекомендовать производить маркировку бревен в венцах в соответствии с общепринятой у современных плотников системой разметки – снизу вверх. Бревна на площадке раскладываются в порядке их монтажа по стенам каждого сруба. В процессе изучения и во время разборки тщательно закрепляются полиэтиленовым скотчем рассыпавшиеся, лопнувшие или отслоившиеся детали. Завершающая операция демонтажа сруба – разметка и разборка полубревен (плах, жердей) пола. В ходе разборки погребального сооружения в полевом дневнике рисуется его технологическая схема с обозначением номера каждой детали и фиксируются фото- и видеокameraми все особенности и способы его сборки.

По окончании исследования силами сотрудников отряда проводится экспресс-реконструкция погребального сооружения, хорошо зарекомендовавшая себя на Алтае, в Туве и Монголии [Мыльников, 1999а;

Рис. 1. Первый опыт экспресс-реконструкции в 1994 г.: последовательная повенцовая сборка сруба. Верх-Кальджин-2, кург. 1.

Мыльников и др., 2002; Мыльников, Молодин, Парцигер и др., 2007]. Со свежими впечатлениями, как говорится, «по горячим следам», в очень короткий срок полностью воссоздается внешний облик объекта, доступный для детального изучения. В течение

светового дня (маленькие срубы за два-три часа) на ровной площадке неподалеку от могильной ямы последовательно в соответствии с разметкой собирается сруб с первоначальной ориентацией по странам света. Каждое действие фиксируется фото- и видеокамерой, хронометрируется. После полной сборки сруб осматривают со всех сторон в более комфортных условиях, чем в тесном пространстве могильной ямы, фотографируют общий вид и все детали конструкции с разных точек, снаружи и изнутри (рис. 1–5), производят макро- и видеосъемку. Этот метод незаменим для сбора дополнительных ценных сведений о деревообработке, которые способствуют максимальному извлечению информации об объекте.

В процессе технико-технологического исследования погребального сооружения идет отбор проб для дендрохронологических анализов. Если сохранность бревен идеальная, то производят радиальное бурение каждого из них (от последнего годового кольца к цен-

Рис. 2. Примеры повенцовой фиксации способов вязки бревен в углах сруба. Верх-Кальджин-2, кург. 1.

1

2

Рис. 3. Круглые бревна окладного венца (1) и односторонне отесанные бревна настила пола (2) погребального сооружения. Аржан-2, погр. 5.

1

3

2

4

Рис. 4. Экспресс-реконструкция погребального сооружения из погр. 5 кургана Аржан-2 (см. также с. 104).

1 – настил пола на окладном венце; 2 – первый венец сруба в сборе на нижнем (окладном); 3 – второй венец сруба в сборе; 4 – начало монтажа третьего.

5

6

7

8

9

10

Рис. 4. Окончание.

5 – третий венец в сборе; 6 – четвертый венец в сборе; 7 – начало монтажа пятого венца; 8 – сохранившееся бревно шестого венца на пятом; 9, 10 – неполный шестой венец в сборе: 9 – вид с северо-запада, 10 – вид сверху с севера.

тру) специальным «возрастным» буром. С наиболее целых бревен срубов, не подлежащих музеефикации (перекрытия, накаты), делают поперечные спилы, соблюдая определенную методику. В ходе отбора дендропроб формируется коллекция образцов со всех деталей погребального сооружения [Слюсаренко, 2000, с. 124–125] (рис. 6). Если по причине плохой сохранности древесины погребальное сооружение невозможно вывезти для музеефикации, то с каждого бревна сруба или плахи специальной пилой с рядами разно-

профильных и разновеликих мелких зубцов, не повреждающих структуру древесины, спиливают по три – пять образцов для независимых дендрохронологических исследований в разных лабораториях мира.

Точно в той же последовательности проводится и экспресс-реконструкция погребального ложа. После полного исследования деревянных конструкций они аккуратно и неспешно (чтобы не повредить хрупкие детали угловых сопряжений) разбираются, бревна, плахи и доски пропитываются консервирующими

Рис. 5. Торцы бревен северного угла сруба (1), отеска «в лас» и на-
клоны плоскостей отесанных бревен внутри сруба (2). Аржан-2,
погр. 5.

Рис. 6. Отбор образцов для дендрохронологического анализа.
1 – изготовление поперечного спила с бревна; 2 – оценка качества отобранных образцов.

растворами, тщательно упаковываются в соответствующие упаковочные материалы и подготавливаются к длительной транспортировке к месту назначения. Параллельно в полевом дневнике фиксируются вновь выявленные особенности.

Заключение

Иногда в ходе работ по изучению курганов с деревянными конструкциями даже очень хорошей сохранности у исследователей, в т.ч. и достаточно опытных, принимавших непосредственное участие в раскопках, в силу ряда объективных и субъективных причин по-

является неверная информация о первоисточнике, которая с годами обретает все более искаженные формы. И как следствие, даже по прошествии многих лет после раскопок археологических памятников, возникают дискуссии, затрагивающие вопросы достоверности первоначально полученных сведений [Гаврилова, 1996, с. 91–93; Марсадилов, 1996]. Нет ни малейшего сомнения в том, что «разногласия» в определении истинности (подлинности, достоверности) добытых в свое время артефактов и их атрибуции обусловлены недостаточным объемом информации о первоисточнике. В конечном итоге, все это – следствие неразработанности методов фиксации деревянных предметов в ходе раскопок.

За время многолетних работ в составе археологических отрядов нами была выработана методика (порядок действий) изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок с обязательной фиксацией каждого этапа исследования фото- и видеокамерой. Она прекрасно зарекомендовала себя во время полевых изысканий на Алтае, в Казахстане, Туве и Монголии.

Общие положения методики изучения археологического объекта с деревянными предметами в процессе раскопок:

1) подготовка и организация рабочей площадки у места раскопок археологического объекта;

2) выявление археологического дерева при исследовании курганный наброски, заполнения могильной ямы;

3) полная зачистка надсрубных конструкций и бревен перекрытий;

4) изучение в ходе общего исследования археологического памятника, согласно методике, надсрубных конструкций и перекрытий погребальных сооружений, порядка их расположения и подгонки друг к другу;

5) разметка, разборка и транспортировка надсрубных конструкций и перекрытий срубов на рабочую площадку;

6) изучение внутрисрубного пространства, деревянных предметов, сопроводительного инвентаря, погребального ложа;

7) разметка, разборка и транспортировка погребального ложа на рабочую площадку;

8) изучение околосрубного пространства (конские отсеки) и находящихся там деревянных предметов;

9) разборка и транспортировка деревянных предметов из околосрубного пространства на рабочую площадку;

10) изучение угловой вязки бревен внешнего и внутреннего срубов;

11) исследование внутренних и внешних поверхностей бревен стен срубов и настила пола, выявление следов обработки дерева;

12) разметка, разборка и транспортировка бревен стен срубов и настила пола на рабочую площадку;

13) изучение всех составляющих погребального сооружения на рабочей площадке: повторная атрибуция бревен внешнего и внутреннего срубов, внимательное повторное исследование каждого артефакта;

14) раскладывание бревен в порядке их монтажа по стенам, согласно маркировке;

15) экспресс-реконструкция погребального сооружения и получение дополнительной информации об источнике: ремонт, хронометрирование, фиксация фото- и видеокамерой каждого этапа последовательной сборки деталей конструкции;

16) последовательная разборка бревен сруба и отбор образцов для дендрохронологического анализа;

17) тщательная чистка и подготовка всех составляющих погребального сооружения к пропитке консервирующими растворами;

18) предварительная консервация и упаковка деталей деревянных конструкций для длительной транспортировки;

19) осторожная погрузка и доставка всех составляющих погребального сооружения в лабораторию;

20) создание условий для хранения деревянных конструкций и подготовки к консервации и реставрации;

21) заключительная (длительная) консервация, реставрация и музеефикация погребальных конструкций из дерева.

Список литературы

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 298 с.

Бобров В.В., Мыльников В.П. Андроновские погребальные сооружения из дерева в горных экосистемах Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 220–223.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Изучение курганного могильника Танай-7 в полевой сезон 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7. – С. 224–230.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Новые результаты исследования могильника Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 237–242.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.

Вадецкая Э.Б. Археологический и этнографический аспекты исследования погребальных памятников // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – С. 56–58.

Гаврилова А.А. Пятый пазырыкский курган: Дополнения к раскопному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1996. – С. 89–102.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 85 с.

Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. – 1953. – Т. 16. – С. 129–162.

Грязнов М.П. Аржан. – Л.: Наука, 1980. – 80 с.

Краснов Ю.А. Раскопки грунтовых могильников // Методика полевых археологических исследований. – Л.: Наука, 1989. – С. 28–46.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.

Марсодолов Л.С. Краткое послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1996. – С. 105–107.

Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация культурных отложений и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 113–142.

Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин 2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы VII Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 446–453.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баирсайхан М., Байтлеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиецонка Х., Пилипенко А.С., Слагада Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 428–433.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999а. – 220 с.

Мыльников В.П. Погребальный комплекс Пазырык 5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы VII Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999б. – С. 467–471.

Мыльников В.П. Особенности изучения древнего дерева // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 106–121.

Мыльников В.П. Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 200 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.

Мыльников В.П., Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. Новое о конструкциях погребальных сооружений из дерева у носителей пазырыкской культуры в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та

археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 349–354.

Мыльников В.П., Парцингер Г., Чугунов К.В., Наглер А. Элитное погребальное сооружение из дерева в Туве // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 396–402.

Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. О некоторых особенностях организации курганного пространства и могильных сооружений памятника Танай-7 // История и культура Востока Азии: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / отв. ред. С.В. Алкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 121–126.

Полевая консервация археологических находок (текстиль, металл, стекло). – М.: Изд-во Всесоюз. науч.-исслед. ин-та реставрации, 1987. – 56 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Ала-хинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66–87.

Ревуцкая Г.К. Вопросы полевой реставрации и консервации археологических находок // Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 84–91.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Самашев З.С., Ахметкалиев Р.Б., Алтынбеков К.А. Консервация и реставрация деградированной древесины берельского кургана № 11. – Алматы: Иль-Тех-Кітап, 2004. – 96 с.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: Берел, 2004. – 240 с. (на англ., рус. яз.).

Самашев З.С., Фанзов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: Берел, 2001. – 108 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.

Черников С.С. Загадка Золотого кургана: Где и когда зародилось «скифское искусство». – М.: Наука, 1965. – 189 с.

Шелов Д.Б. Предисловие // Методика полевых археологических исследований. – Л.: Наука, 1989. – С. 3–4.

Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengraban Aržan 2 in Tuva. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2010. – 330 S., 289 Abb., 153 Taf., 7 Beil. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 26). – (Stepenvölker Eurasiens; Bd. 3).

Материал поступил в редколлегию 03.02.10 г.

УДК 903

С.В. Большов

Марийский государственный университет
ул. Пушкинская, 30, Йошкар-Ола, 424001, Россия
E-mail: bostg@mail.ru

К ВОПРОСУ О «ВОСТОЧНОМ» НАПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

О «восточном» направлении культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы свидетельствуют материалы сейминско-турбинского Юринского могильника, керамика с валиком и «змейкой» с чирковских поселений. Изделия из мышьяковистой меди в Пепкинском, Абашевском могильниках средневожской абашевской культуры связываются с месторождением Таи-Казган в Зауралье. «Восточное» направление указывают и найденные в костях абашевских воинов (Пепкинский курган, кург. 12 могильника Алгаши) наконечники стрел сейминского типа, известные на поселениях кротовской культуры Прииртышья (Инберень X, Черноозерье IV и VI). Эти контакты, вероятно, следует отнести к среднему этапу эпохи бронзы, к первой половине II тыс. до н.э.

Ключевые слова: бронзовый век, абашевская культура, кротовская культура, чирковские поселения, керамика с валиком и «змейкой», сейминско-турбинские могильники, стадильность.

Географическое расположение Средневожского региона на границе лесостепи и леса, ориентация культурных связей в эпоху бронзы как в западном, так и в восточном направлении осложняют моделирование культурогенеза на рассматриваемой территории. Появление в последние годы абсолютных дат для памятников бронзового века на севере Среднего Поволжья (сейминско-турбинский Юринский могильник [Юнгнер, Карпелан, 2005], абашевский Пепкинский курган [Кузнецов, 2003]) и существующие достаточно ранние даты для фатьяновско-балановских древностей [Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 46] заставляют по-новому взглянуть на соотношение названных культур. «Западное» направление культурных связей Средневожского региона в эпоху бронзы уже анализировалось [Большов, 2008], но не менее важным является «восточное» направление. Не случайно в свое время М. Гимбутас называла материалы сейминского типа и одновременные им памятники ключом к хронологии эпохи бронзы Восточной Европы [Gimbutas, 1955, p. 144]. В связи с этим актуальным является уточнение

соотношения западных сейминско-турбинских памятников (Юрино, Сейма, Решное) со средневожской абашевской культурой, а также балановской и атликасинской культур с этими памятниками и культурой.

В начале эпохи раннего металла племена севера Среднего Поволжья поддерживали культурные связи как с западными (Волго-Окское междуречье, Верхнее Поволжье), так и с восточными (бассейн р. Вятки, Прикамье и Приуралье) регионами. Средневожская волосовская культура включается в волосовско-турбинскую общность [Бадер, Халиков, 1976], в рамках широкой общности культур пористой керамики Восточной Европы [Никитин, 2003, с. 92]. С западными регионами (в широком смысле этого понятия) связывается появление в Среднем Поволжье носителей балановской, атликасинской и абашевской культур, которое собственно и определяет начало бронзового века на севере средней Волги. Отнесение этих культур к середине эпохи бронзы (в хронологии лесостепи Восточной Европы) хотя и вызывает возражения (С.В. Кузьминых), все же предполагает их существование никак

не позднее середины II тыс. до н.э. Калиброванное значение радиоуглеродной даты погр. 2 абашевского Пепкинского кургана в пределах 2500–2029 гг. до н.э. позволило П.Ф. Кузнецову датировать абашевскую культуру в Среднем Поволжье XXI–XX вв. до н.э. [2003, с. 87]. Сравнительно раннее время ее существования подтверждают даты сейминско-турбинских могильников Елунино (1960–1870 гг. до н.э.) и средневожского Юринского (Усть-Ветлужского) (1950–1860 гг. до н.э.) [Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112].

Ю.П. Матвеев считает, что все три абашевские культуры (доно-вожская, средневожская, южно-уральская) в своем классическом проявлении синхронны. Он доказывает первичность западного, абашевского, импульса распространения «колесничных» культур эпохи бронзы вплоть до Зауралья [Матвеев, 2005, с. 11–13]. Захоронения колесничих, содержащие дисковидные псалии с шипами, как считают В.И. Молодин и А.Д. Пряхин, были распространены на заключительном этапе досейминского – в самом начале сейминского периода [1998, с. 4–5]. Средневожские абашевцы находились несколько севернее основных путей движения из Днепро-Донского и Доно-Вожского регионов на восток, поэтому их участие в этом движении маловероятно. Существует точка зрения, согласно которой абашевцы продвигались из Марийско-Чувашского Поволжья в двух направлениях: юго-западном (в Подонье) и юго-восточном (в Самарское Поволжье и Приуралье) [Горбунов, 1990, с. 10–11]. О.В. Кузьмина также считает, что абашевская культура сформировалась на севере Среднего Поволжья, затем распространилась по южной кромке зоны широколиственных лесов в Приуралье, а на позднем этапе развития проникла в Самарское Поволжье и Южное Зауралье [1992, с. 74; 2007, с. 102]. Доказательства ошибочности этой гипотезы, а также вопросы, связанные с происхождением и периодизацией средневожской абашевской культуры, рассмотрены в монографии [Большов, 2006а]. Так или иначе, но существование средневожских и южно-уральских абашевцев в рамках единой абашевской общности предполагает наличие определенных культурных связей между ними.

О наличии «восточных» культурных связей абашевских племен севера Среднего Поволжья свидетельствуют изделия из мышьяковистой меди группы ТК или медно-мышьяковых сплавов – мышьяковых бронз [Черных, Кузьминых, 1989, с. 172], найденные в абашевском Пепкинском кургане, Абашевском могильнике и одном из курганов Вилатовского II могильника [Черных, 1963, с. 364; 1970, с. 153–154]. С.А. Григорьев считает, что использование абашевцами мышьяковистой меди группы ТК указывает на изготовление ими мышьяковой бронзы. По его мнению, легирование производилось на стадии плавки руды, т.к. руда, содержащая мышьяк, на абашевских

поселениях почти не встречается [Григорьев, 1996]. Мышьяковистая медь группы ТК по своему химическому составу связывается с месторождением Таш-Казган в Зауралье [Черных, Кузьминых, 1989, с. 172] и на среднюю Волгу могла попасть либо с южно-уральскими абашевцами, либо с сейминско-турбинскими племенами.

Явных свидетельств контактов представителей фатьяновско-балановской и сейминско-турбинской общностей нет. Но определенная синхронность абашевских и фатьяновско-балановских памятников предполагает сосуществование во времени племен, оставивших последние, с западными сейминско-турбинскими. В качестве доказательств одновременности средневожских абашевских и поздних фатьяновско-балановских памятников можно привести следующее. В парном погребении, совершенном по абашевскому погребальному обряду (умерший был захоронен на спине с подогнутыми ногами), находились фрагменты колоколовидного сосуда с типичной абашевской орнаментацией и цилиндрическая шейка атликасинского сосуда [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 78, 104–106]. В абашевском Тебикасинском могильнике найден сосуд шаровидной формы с короткой шейкой, орнаментированный неоконтурными квадратами, расположенными в шахматном порядке. Он обнаруживает сходство с керамикой из Балановского и фатьяновского Уреньского могильников [Там же, с. 74, рис. 22, 5; с. 101–102; Бадер, Халиков, 1976, с. 125, табл. 8, 33; с. 137, табл. 29, 6]. Положение погребенного на спине с подогнутыми ногами (типичный признак абашевского погребального обряда) зафиксировано в балановских Козловском могильнике и Чурачикском кургане, а также в восьми фатьяновских могильниках московско-клязьминской и верхневожской локальных групп фатьяновско-балановской общности [Бадер, 1963, с. 211; Крайнов, 1972, с. 188]. В Балановском и фатьяновском Трусовском могильниках обнаружены изделия из мышьяковистой меди группы ТК. В культурах фатьяновско-балановской общности отсутствует традиция использования мышьяковистой меди или бронзы [Григорьев, 1996, с. 34]. К этим племенам она могла попасть через абашевцев.

Коллективные захоронения без черепов Балановского могильника и наконечники стрел, близкие сейминскому типу, обнаруженные в нем и в кургане Атликасы [Бадер, 1963, с. 189, рис. 122, 1–3; с. 223, рис. 153, 4], возможно, являются косвенным подтверждением военных столкновений фатьяновско-балановских и сейминско-турбинских племен. Следы насильственной смерти и факты разграбления могил, которые Д.А. Крайнов связывает не с носителями волосовской культуры, а с какими-то новыми пришельцами, отмечены и в погребениях поздних фатьяновских могильников на верхней Волге (Волосово-Даниловский, Фатьяновский и др.)

[Крайнов, Гадзяцкая, 1987, с. 76]. На волосовском поселении Николо-Перевоз II обнаружено коллективное фатьяновское захоронение с девятью погребенными, которое прорезало волосовский слой. В костях некоторых скелетов были наконечники стрел. Три из четырех экземпляров по форме близки к сейминским, найденным также в костях в абашевском Пепкинском кургане, и отличаются от них менее выраженными шипами. Один наконечник из могильника Николо-Перевоз II, как и некоторые из Пепкино, имеет обломанный черешок [Раушенбах, 1960, с. 34, рис. 4, 7–10; Третьяков, 1990, с. 121–123]. Возможно, здесь фиксируется тот же процесс, что и в средневожских абашевских курганах с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел в костях. Все это, вероятно, свидетельствует о сосуществовании во времени носителей балановской культуры (поздний этап развития фатьяновско-балановской общности) с западными сейминско-турбинскими племенами.

Наиболее отчетливым вопрос о «восточном» направлении культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы становится при рассмотрении сейминско-турбинской проблемы. Некоторые историографические аспекты и соотношение сейминско-турбинских памятников с абашевскими рассматривались мной ранее [Большов, 2006б]. Остановимся более подробно на характеристике чирковско-сейминской (по А.Х. Халикову), или чирковской (по Б.С. Соловьеву), культуры. Хотя в конце 80-х гг. прошлого века А.Х. Халиков отказался от определения «чирковско-сейминская», оставив за культурой название «чирковская», он все же продолжал объединять поселения чирковского типа с сейминско-турбинскими могильниками [1987]. Не совсем понятна позиция Б.С. Соловьева по этому вопросу. С одной стороны, он, казалось бы, не объединяет поселения чирковского типа с сейминско-турбинскими могильниками, с другой – отмечает, что валиковая керамика Марийского Поволжья отражает контакты местных и сейминско-турбинских популяций, включавших носителей культур ташковско-кротовского типа, а сама чирковская культура «является результатом синтеза поздневожских, балановско-атликасинских и “валиковых” культурных традиций» [Соловьев, 2004, с. 15–16]. Таким образом, о чирковской культуре как о результате культурогенеза носителей вышеназванных культурных традиций в лесном Среднем Поволжье можно говорить только применительно к постсейминскому времени. И не случайно, следуя логике протекания процесса формирования этой культуры, А.Х. Халиков относит ее заключительный этап к концу II тыс. до н.э. [1987, с. 139].

В.Т. Ковалева и О.В. Рыжкова, напротив, считают, что валиковая керамика появилась на территории Восточной Европы и Западной Сибири независимо друг от друга, и средневожскую они не связывают с ташков-

ской культурой [1991, с. 34]. Валиковая керамика севера средней Волги близка вольско-лбищенской с поселения Гундоровка в Самарском Поволжье, также имеющей характерную для средневожской «змейку». Отмечается некоторое сходство в деталях вольско-лбищенской керамики с южно-уральской абашевской. И.Б. Васильев и П.Ф. Кузнецов считают, что укрепленные поселения вольско-лбищенского типа, которые они относят к среднему этапу эпохи бронзы, свидетельствуют о напряженной культурно-исторической ситуации [2000, с. 69, 71, 80]. Вполне возможно, что валиковая керамика Самарского и Марийского Поволжья отражает единый процесс проникновения на среднюю Волгу населения, не связанного с местными традициями. На поселении кротовской культуры Преображенка-3 сосуды с волнистым («змейка») и прямым валиком встречены в одном комплексе жилища [Молодин, 1977, с. 55]. Наиболее вероятна связь населения, изготовлявшего такую керамику, с регионами к востоку от Среднего Поволжья.

А.Х. Халиков связывал сосуды с налепными валиками и сейминско-турбинские бронзы с лесостепными сибирскими племенами, которые в середине II тыс. до н.э. проникали в Приуралье и Поволжье [1970, с. 44]. Валиковая керамика связывается с кротовской культурой, могильниками Сопка и Ростовка. Отмечалась также выраженная близость чирковской культуры к зауральским и западно-сибирским [Халиков, 1987, с. 136]. Гипотезу о связи сейминско-турбинских бронз с валиковой керамикой поддерживал В.Ф. Генинг [Генинг и др., 1970, с. 40].

«Восточное» направление указывают и сейминские наконечники стрел. Как уже отмечалось выше, в Среднем Поволжье они встречаются в костях абашевских воинов (коллективные погребения Пепкинского кургана и кург. 12 могильника Алгаши). Черешковые наконечники сейминского типа с шипами известны и на чирковских памятниках: Чирковской, Юринской стоянках, Кубашевском и Васильсурском V поселениях, на которых найдена также керамика с валиком и «змейкой» [Халиков, 1960, с. 119; Соловьев, 2000, с. 131]. Они обнаружены вместе с такой же керамикой на поселениях кротовской культуры Прииртышья: Инберень X, Черноозерье IV и VI. Черешковые наконечники с шипами с этих памятников Н.К. Стефанова считает близкими пепкинским. Следует также отметить, что на поселении Инберень X найдена очевидная подвеска абашевского типа [Стефанова, 1988, с. 65, рис. 3, 6].

О «восточном» направлении культурных связей племен Среднего Поволжья в эпоху бронзы свидетельствуют и материалы сейминско-турбинского Юринского (Усть-Ветлужского) могильника. В них самая многочисленная категория орудий (7 экз.) – ножи с ромбическим навершием [Соловьев, 2005, с. 110]. Четыре аналогичных изделия найдены в Турбинском

могильнике [Бадер, 1964, с. 85, рис. 78–80; Ефименко, Третьяков, 1961, с. 58]. По определению Е.Н. Черных и С.В. Кузминых, это ножи разряда НК–14, которые являются наиболее типичными орудиями абашевской общности [1989, с. 101]. Аналогичный им нож со сточенным лезвием обнаружен в женском погр. 3 кург. 4 средневожского абашевского могильника Алгаши [Ефименко, Третьяков, 1961, с. 58]. В этом же погребении найдены бронзовое составное украшение на кожаной основе, желобчатые браслеты и два сосуда, один из которых колоколовидной формы, с линиями-желобками под венчиком, имеет сходство с сосудом из коллективного погребения Пепкинского кургана [Там же, рис. 18, 2; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. I]. Как уже отмечалось, ножи разряда НК–14 были широко распространены в абашевской культурно-исторической общности. В Подонье они встречаются в могильниках начиная с развитого этапа доно-вожской абашевской культуры [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 13]. Можно отметить курган Селезни-2, где в трех из четырех погребений найдено пять таких ножей. Один из них обнаружен вместе с сосудом, аналогичным средневожским из могильников Алгаши и Пепкино [Пряхин и др., 2001, с. 68, 69, 74]. Следует отметить, что в кургане Селезни-2 найден также наконечник копья разряда КД–30 (по: [Черных, Кузминых, 1989]). Подобный наконечник обнаружен и в кургане Большая Пластица. Селезни-2 синхронизируется с погребениями Потаповского могильника, имеющими абашевско-синташтинские черты, и с синташтинскими комплексами Зауралья. Эти памятники ряд исследователей относит ко второй четверти II тыс. до н.э. [Пряхин и др., 2001, с. 80].

Форма для отливки вислообушного топора из Пепкинского кургана дает возможность достоверно определить тип абашевского топора. О.В. Кузмина выделяет следующие его главные признаки: «вислый» обух и овальное сечение втулки [2003, с. 96]. Е.Н. Черных и С.В. Кузминых орудия этого типа относят к разряду Т–2 втульчатых топоров и связывают их с абашевским очагом металлургии и металлообработки [1989, с. 125–128, рис. 70, 1–3]. В Турбинском могильнике найдены три таких орудия. О.Н. Бадер называет их топорами камского типа и связывает с местным приуральским производством [1964, с. 84, рис. 69]. На Южном Урале два топора абашевского типа обнаружены на Мало-Кизыльском селище [Пряхин, 1976, с. 131, рис. 22, 8, 9].

Что касается абашевских украшений, то А.Х. Халиков отмечал аналоги желобчатых браслетов из Алгаши в материалах Турбинского могильника. В них есть и браслет с разомкнутыми концами, треугольный в сечении, подобный пепкинскому из погр. 2 [Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, с. 20, 62, табл. IV, 6; Черных, Кузминых, 1989, с. 133, рис. 73, 18], а также

круглые в сечении браслеты с заходящими концами, аналогичные найденным в погр. 2 кург. 2 абашевского Туруновского могильника [Евтюхова, 1959, с. 149, рис. 9, 14]. В мог. 62 Турбинского могильника в большом количестве обнаружены витые провололочные пронизи [Бадер, 1964, рис. 87, А] – типичные для средневожских абашевцев украшения [Большов, 2003а, табл. XVI].

Таким образом, «восточное» направление культурных связей населения севера Среднего Поволжья в эпоху бронзы прослеживается прежде всего по материалам сейминско-турбинского Юринского могильника, который и хронологически, и территориально занимает промежуточное положение между камским Турбинским и окским Решенским. Пройдя по территории средневожских абашевцев, сейминско-турбинские племена включили в свой состав это население, о чем убедительно свидетельствуют абашевские керамические комплексы сейминско-турбинских могильников Сейминский и Решное.

Судя по рисунку А.П. Мельникова, опубликованному О.Н. Бадером [1970, рис. 64], один небольшой сосуд из Сейминского могильника (раскопки 1915 г.) явно баночный, характерный для средневожской абашевской культуры. Посуда подобной формы и размеров не встречается в других культурах региона эпохи бронзы. Еще два сосуда на этом рисунке имеют округлое тулово и невысокую отогнутую шейку. Они также находят аналогии среди абашевской посуды. Керамика из раскопок Сейминского могильника 1929 г., опубликованная О.Н. Бадером как чирковско-сейминская [Там же, рис. 86–87], тоже достаточно близка средневожской абашевской. Более достоверно можно судить о керамике из могильника Решное, которую О.Н. Бадер связывает с абашевской культурой [1976, с. 45]. Известны шесть сосудов из этого могильника. Один остросереберный (ребро расположено на середине тулова), с плоским дном и отогнутой шейкой, без орнамента. Другой сосуд близких пропорций и формы, но без выраженного ребра, орнаментирован вдавлениями, образующими горизонтальную «елочку». Маленький чашевидный сосуд без выделенной шейки, сужающийся к плоскому дну, декорирован двумя волнистыми горизонтальными линиями и короткими резными вертикальными под венчиком. Два сосуда имеют колоколовидную форму и короткую отогнутую шейку. Один из них с вогнутым дном, украшен резными параллельными горизонтальными и под углом к венчику линиями. Последний сосуд имеет приостренный венчик, округлые тулово и дно, орнаментирован в верхней трети параллельными горизонтальными линиями, вероятно выполненными зубчатым штампом. Е.Н. Черных и С.В. Кузминых считают, что посуда из Решного соответствует керамике средневожской абашевской культуры [1989, с. 228–229,

рис. 103, 6–11]. Следует уточнить, что аналогии она находит в материалах могильников позднего этапа этой культуры в Волго-Вятском междуречье. Так, в керамическом комплексе могильника Пеленгер I два сосуда имеют вогнутое дно, один из них (из погр. 2 кург. 3) колоколовидной формы [Большов, 2003а, рис. 25, 2; 56, 3]; сосуд 2 из погр. 2 кург. 8 по форме идентичен сосуду с приостренным венчиком из могильника Решное [Там же, рис. 30, 2]. Следует отметить, что подобное оформление венчика является исключением для посуды средневожской абашевской культуры. В материалах могильника Туруново известен аналог острореберного сосуда без орнамента из Решного, единственное его отличие – шейка менее выделена и отогнута. У другого сосуда баночной формы отмечено сужение тулова к плоскому дну, а еще у одного ребро слабо выражено и почти прямое тулово резко сужается к плоскому дну [Евтюхова, 1959, рис. 8, 16, 17, 20]. Таким образом, практически вся посуда из могильника Решное находит аналогии в материалах средневожских абашевских могильников Пеленгер I и Туруново или у абашевских сосудов отмечаются тенденции, развитие и оформление которых наблюдается в решенском керамическом комплексе.

Существует гипотеза о стадийном характере распространения захоронений литейщиков: катакомбный мир, фатьяновская, доно-вожская абашевская, полтавская, кротовская культуры [Молодин, Пряхин, 1998, с. 5]. К этому списку следует добавить балановскую и средневожскую абашевскую культуры. Хорошо известны погребения металлургов-литейщиков в Пепкинском (средневожская абашевская культура) и Чурачикском (балановская культура) курганах. В последнем найдены два медных вислообушных топора и формы для их отливки. Отмечаются и отдельные абашевские проявления: положение погребенного на спине, расчлененное захоронение. При этом следует отметить, что чурачикская керамика имеет типичные балановские черты.

Выделение типолого-хронологического пласта погребений с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел на средневожских абашевских могильниках (Пепкино, Абашево, Алгаша) дает основание предполагать массовое вторжение каких-то племен на абашевскую территорию. Вероятно, это связано с сейминско-турбинской экспансией на север Среднего Поволжья. Наличие сейминских наконечников стрел позволяет соотнести по времени выделенную группу коллективных погребений с такими памятниками, как Турбино и Сейма, Филатовка и Власовка, Синташта и Потаповка [Беседин, 1995; Большов, 2003б, с. 71].

Есть все основания считать, что в лесной полосе Среднего Поволжья абашевская, балановская, атликасинская культуры (на определенных этапах развития),

а также западные сейминско-турбинские (Юринский и Сейминский могильники) сосуществовали во времени. В абсолютных датах это может быть первая половина II тыс. до н.э.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.
- Бадер О.Н.** Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.
- Бадер О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
- Бадер О.Н.** Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев: [б.и.], 1976. – С. 44–45.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х.** Памятники балановской культуры. – М.: Наука, 1976. – 167 с. – (САИ; вып. В 1–25).
- Беседин В.И.** О хронологии Пепкинского кургана // РА. – 1995. – № 3. – С. 197–200.
- Большов С.В.** Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2003а. – 180 с.: ил.
- Большов С.В.** Абашевско-сейминские параллели (к вопросу о датировке волго-вятской группы абашевских памятников) // Мат-лы Междунар. XVI Урал. археол. совещ. 6–10 окт. 2003 г. – Пермь, 2003б. – С. 71–72.
- Большов С.В.** Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006а. – 232 с., ил.
- Большов С.В.** Сейминско-турбинские памятники лесного Поволжья и курганы абашевской общности // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: мат-лы науч. конф., посвящ. 50-летию Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2006б. – С. 70–82.
- Большов С.В.** Культурные связи средневожского, верхневожского и волго-окского регионов // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2008. – Т. 10, № 1. – С. 237–243.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.** Памятники вольско-либищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – С. 65–84.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.
- Горбунов В.С.** Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья / ИИиА УрО РАН. – Препр. – Свердловск, 1990. – 30 с.
- Григорьев С.А.** Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы Евразийской металлургической провинции и этнические процессы I половины II тыс. до н.э. в Восточной Европе // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпо-

хи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. – С. 33–35.

Евтюхова О.Н. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР // Тр. Мар. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории. – Йошкар-Ола, 1959. – Вып. 14. – С. 131–150.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 43–110. – (МИА; № 97).

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В. Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991. – Вып. 19: Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – С. 24–41.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. – М.: Наука, 1972. – 274 с.

Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье. – М.: Наука, 1987. – 144 с. – (САИ; Вып. В1–25).

Кузнецов П.Ф. К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. – С. 86–88.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ин-та, 1992. – 128 с.

Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении бронзовых топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. – С. 92–102.

Кузьмина О.В. Абашевская культура // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. – Самара: Самар. дом печати, 2007. – С. 91–116.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. – 2005. – № 3. – С. 5–15.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 169 с.

Молодин В.И., Пряхин А.Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней – поздней бронзы (некоторые проблемы) // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж, 1998. – Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – С. 3–7.

Никитин В.В. Культуры пористой керамики Волго-Камья эпохи раннего металла (к вопросу о волосовско-турбинской общности) // Мат-лы Междунар. XVI Урал. археол. совещ. 6–10 окт. 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 91–93.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1976. – 167 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2: Курган доно-волжской абашевской культуры. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. – 44 с. – (Археологические памятники Донского бассейна; вып. 3).

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 180 с.

Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Тр. ГИМ. – 1960. – Вып. 37. – С. 28–37.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. – 171 с. – (Тр. Мар. археол. экспедиции; т. 6).

Соловьев Б.С. К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – Вып. 27: Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – С. 14–20.

Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. – 2005. – № 4. – С. 103–112.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. – С. 53–74.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. – Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993. – С. 42–55.

Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III–II тыс. до н.э. – Л.: ИА РАН, 1990. – 211 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1960. – 187 с. – (Тр. Мар. археол. экспедиции; т. 1).

Халиков А.Х. Контакты племен Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня и бронзы и их этнокультурная интерпретация // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 40–60.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 136–139. – (Археология СССР).

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1966. – 69 с. – (Тр. Мар. археол. экспедиции; т. 3).

Черных Е.Н. Спектральные исследования медных изделий из могильников балановского и фатьяновского типов // Балановский могильник. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 363–369.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. – 2005. – № 4. – С. 112.

Gimbutas M. Borodino, Seima and their Contemporaries // Proc. of the Prehistoric Society. – Cambridge, 1955. – Vol. 22. – P. 144–169.

УДК 903.08

З.В. Доде

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН
пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344066, Россия
E-mail: zvezdana_dode@yahoo.com

СВЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В ИСЛАМСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗИРИХГЕРАНА

Длительный процесс исламизации государственных образований Дагестана в Кубачи, как считают дагестанские исследователи, завершился к концу XIII в. С утверждением мусульманства они связывают расцвет средневекового искусства Кубачи. В конце XIII – начале XIV в. здесь были созданы каменные рельефы, украсившие монументальные сооружения. В исламском культурном пространстве появились великолепные изображения светских сцен с фигурами людей в костюмах северокавказской, половецкой и монгольской знати, а также реальных и фантастических животных. Нейтрализовать влияние ислама и дать импульс светскому мультикультурному искусству могла Монгольская империя, чья политика отличалась толерантностью в отношении любых религиозных и культурных явлений. Семантику сюжетов позволяет раскрыть изучение изображений и сюжетов кубачинских рельефов в культурно-политическом пространстве Монгольской империи. Сцены на каменных рельефах отражают не региональный, а имперский масштаб ситуации, в которую был вовлечен средневековый Зирихгеран, известный сегодня под тюркским названием Кубачи.

Ключевые слова: Монгольская империя, Северный Кавказ, Дагестан, Кубачи, ислам, каменные рельефы, мусульманское искусство, шариатские запреты, костюм, средневековые ткани, фантастические животные, монголы, половцы, семантика, инокультурные образы, имперский.

В середине VI в. шаханшах Хосров II утвердил правителя Зирихгерана в его владениях. К этому времени восходит первое упоминание о государстве «кольчужников», или «кольчугоделателей», известном сегодня под тюркским названием Кубачи (Дагестан, Северный Кавказ) (рис. 1). Дагестанские исследователи считают, что длительный процесс исламизации государственных образований Дагестана в Зирихгеране завершился к концу XIII в. С утверждением мусульманства они связывают расцвет средневекового искусства Кубачи. «Проникновение в сел. Кубачи вместе с исламом арабо-мусульманской культуры существенно обогатило его традиционное искусство, – пишет М.М. Маммаев, – дало новый толчок для его дальнейшего совершенствования и определило на многие века путь исторического развития искусства Кубачи в общем русле развития художественной культуры и искусства стран мусульманского Востока» [2005а, с. 164].

Сегодня Кубачи известен как центр оригинального ювелирного искусства. К художественным шедеврам кубачинского изобразительного искусства относятся также изделия с орнаментальной резьбой по камню. В конце XIII – начале XIV в. здесь были созданы каменные рельефы, украсившие монументальные сооружения Зирихгерана. В исламском культурном пространстве появились изображения светских сцен с фигурами людей в костюмах северокавказской (рис. 2), половецкой (рис. 3) и монгольской (рис. 4) знати, а также реальных и фантастических животных.

Анализ историографии вопроса о кубачинских рельефах позволяет констатировать, что до недавнего времени не выдвигались убедительные обоснования этнокультурной принадлежности памятников и хронологии их бытования, не предлагались и объяснения причин появления светских сцен и живых существ в исламском культурном контексте. Поиски ответа на

Рис. 1. Селение Кубачи. 2006 г. Фото А. Белинского.

Рис. 2. Рельеф со сценой дрессировки гепардов. (Лучник изображен в средневековом костюме северокавказской знати). Государственный Эрмитаж (инв. № ТП-96). Фото К.В. Синявского, С.В. Суетовой, Л.Г. Хейфеца.

Рис. 3. Каменная плита с изображением половецкой клятвы на собаке. Государственный Эрмитаж (инв. № ТП-93) [Иванов, 2008, с. 120, кат. 89].

вопрос об этнокультурной среде, в которой создавались памятники, неизбежно завершался безоговорочным признанием ее местного характера. Большая часть исследователей априори рассматривала кубачинские каменные рельефы как произведения местного искусства, находящегося в той или иной степени под влиянием арабо-мусульманской культуры или культуры Ирана. Но, признав дагестанские рельефы XIV в. изолированным культурным

Рис. 4. Рельеф с изображением конного монгола. Дагестанский государственный объединенный историко-архитектурный музей им. А.А. Тахо-Годи (№ КП 6602, инв. № 50). Фото А. Белинского.

явлением, мы столкнемся с непреодолимыми трудностями, поскольку на рельефах наряду с дагестанцами показаны и кипчаки, и монголы. Многовековой опыт дагестанских мастеров-камнерезов и содержание сюжетов резных камней – это разные явления. Актуален вопрос о том, где проходят границы между заимствованиями и местной традицией народного творчества. Присвоение и осмысление чужих, инокультурных иноэтнических образов не умаляют высокого профессионального достоинства местных мастеров.

Анализ историографии показывает, что культурная атрибуция кубачинских рельефов проводилась исследователями с привлечением художественно-изобразительных параллелей в памятниках местного и иранского круга [Доде, 2010, с. 16–31]. Я предложила сменить парадигму исследования и установить этнокультурную принадлежность персонажей, представленных на рельефах, на основании анализа их костюмов. Изображения сопоставлялись с другими иконографическими источниками, письменными данными и костюмами, найденными в средневековых некрополях Северного Кавказа и погребальных памятниках династии Юань. Подобным образом был проведен сравнительный анализ орнаментальных мотивов на кубачинских камнях и шелковых тканях из погребальных памятников Монгольской империи. Новый взгляд на ситуацию позволил уточнить хронологию исследованной группы памятников и отнести их к периоду монгольского господства (последняя треть XIII – начало XIV в.), когда значительная часть Дагестана находилась под контролем Ильханата [Там же].

Наличие изображений живых существ и светских сцен на рельефах одни ученые объясняли созданием последних в «доисламский» период культуры Кубачи [Орбели, 1938, с. 317], другие – творческим преодолением или перетолкованием запретов ислама [Маммаев, 2005а, с. 178]. Сегодня отсутствует единый взгляд на время создания памятников: рельефы относят и к сельджукскому периоду (XI–XII вв.), и к концу XIV – XV в. Но оба эти определения неизбежно входят в противоречие с изображениями на кубачинских камнях монголов в характерных костюмах, а также орнаментальных мотивов, имеющих прямые соответствия в декоре шелковых тканей, обнаруженных в закрытых археологических комплексах конца XIII – XIV в. [Доде, 2010, с. 74–99]. Изображения монголов на кубачинских рельефах не могли появиться ранее XIII в. Трудно представить, что рельефы с фигурами монголов и половцев в костюмах, переданных с этнографическими подробностями, использовались в архитектурном убранстве зданий после исчезновения этих народов с исторической арены Северного Кавказа. Рельефы с изображениями монголов и орнаментальными мотивами монгольской эпохи – памятники одного

времени и одного культурного круга, они украшали архитектурный комплекс, созданный в Кубачи в последней трети XIII – начале XIV в.

Вопрос о культурном контексте создания кубачинских рельефов с изображениями живых существ и светских сцен является предметом настоящей работы. Как указывалось, исследователи пытались оправдать изображения живых существ, якобы созданных в исламской среде. Представляется, что вопрос следует поставить следующим образом: связаны ли изображения на кубачинских камнях с исламской культурой средневекового Зирихгерана?

Большой вклад в выявление и изучение кубачинских памятников внес дагестанский историк и искусствовед М.М. Маммаев [1989, 2005а, б; Маммаев, Миркиев, Шахаев, 2007]. В монографии «Зирихгеран – Кубачи. Очерки по истории и культуре» он рассматривает каменную пластику в свете возможного влияния ислама на средневековое дагестанское искусство и приходит к следующему выводу: «Несмотря на шариатские запреты, неодобрения и ограничения ислама в изображении живых существ, в средневековом Дагестане, как и в других исламских странах, служители культа, богословы и признанные религиозные авторитеты с определенными оговорками, при соблюдении определенных правил и предписаний, считали возможным художественный показ “творений Всевышнего”» [2005б, с. 184]. Лояльность религиозных авторитетов была отмечена М.М. Маммаевым, вероятно, для того, чтобы объяснить появление великолепного ряда светских сцен на рельефах. Однако добрая воля богословов, не препятствовавших творчеству камнерезов, равно как и тезис об исламском характере искусства средневекового Дагестана, на мой взгляд, здесь ни при чем. Важно выяснить, какая сила могла нейтрализовать влияние ислама и дать импульс светскому мультикультурному искусству? Таким потенциалом обладала Монгольская империя, политика которой отличалась толерантностью в отношении любых религиозных и культурных явлений. Кубачинские рельефы начала XIV в. следует рассматривать в имперском культурном контексте. Дагестан, занимая пограничное положение между владениями хулагуидов и джучидов, почти в течение столетия (со второй половины XIII до середины XIV в.) входил в сферу политического соперничества этих династий. В последней трети XIII – начале XIV в. значительная часть Дагестана находилась под контролем Ильханата.

Рассмотрение изображений и сюжетов кубачинских рельефов в культурно-политическом пространстве Монгольской империи позволяет раскрыть семантику сюжетов, которая в других контекстах выглядит не столь убедительно. Сцены спортивных состязаний, приручения барсов, клятвы на разрубленной собаке отражают не региональный, а имперский мас-

штаб ситуации, в которую был вовлечен средневековый Зирихгеран [Доде, 2010].

Монгольская атрибуция рассматриваемой группы памятников снимает вопрос о «парадоксальности» изображения живых существ, и более того – нечистых животных в системе мусульманских запретов, на что указывали некоторые исследователи. «Среди кубачинских каменных рельефов XIV–XV вв. – памятников исламского искусства – представлено немало таких, на которых высечены изображения живых существ – животных, людей или птиц вместе с арабскими надписями (или подражаниями им) и растительным орнаментом... <...> При этом идейным центром всей композиции и главным сюжетом выступает изобразительный мотив. Таким памятником является, например, хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже тимпан двухпролетного окна XIV в. с изображением льва, напавшего на кабана... <...> В обрамляющий полукруг тимпана помещен эпиграфический орнамент – подражание арабской надписи. Тимпан изготовлен, конечно, в мусульманской среде, но, что парадоксально, изображение, помещенное рядом с арабскими буквами, не согласуется с мусульманским вероучением, так как свинья (кабан) считалась нечистым животным (*харам*) и прикосновение к ней, а тем более употребление в пищу свинины рассматривалось как осквернение верующего» [Маммаев, 2005а, с. 179].

Возникает вопрос, какое отношение к мусульманским пищевым запретам имеет сцена терзания львом кабана? Конечно, никакого. Канонические сюжеты в народном искусстве распространялись по другим, параллельным каналам, нежели мусульманские. Нет никакой необходимости искать некий компромисс и согласовывать изображение сцены терзания на тимпане (рис. 5) с «мусульманским вероучением». Однако ситуация не настолько проста, как может показаться на первый взгляд. Более того, она позволяет увидеть принципиальные расхождения в исследовательских установках.

Впервые к выводу о том, что кубачинские памятники были созданы в немусульманской среде, пришел И.А. Орбели: «...и котлы и рельефы сделаны были в среде, исповедовавшей либо шиитство, либо христианскую религию и лишь впоследствии воспринявшей суннитство. Но как ни либеральны в этом отношении шиитские положения, изображения “нечистых” с точки зрения ислама животных – недопустимы и невероятны и в шиитской среде. Таким образом, мы должны полагать, что такие памятники... возникли в среде не мусульманской, хотя и пользовавшейся арабским письмом» [1938, с. 317].

Очевидно, не все исследователи готовы столь радикально обновить взгляд на ситуацию. М.М. Мам-

Рис. 5. Каменный тимпан со сценой терзания львом кабана. Государственный Эрмитаж (инв. № ТП-150) [Иванов, 2008, с. 124, кат. 95].

маев твердо придерживается мнения о том, что кубачинские рельефы были созданы в исламской среде. Для обоснования своей позиции он прибегает к сомнительным аргументам. «Многочисленные произведения средневекового декоративно-прикладного искусства XIV–XV вв. не только Кубачи, но и других селений – памятники резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья с изобразительными сюжетами, нередко в сочетании с разнообразными орнаментальными композициями и эпиграфикой – созданы именно в мусульманской среде, поскольку ислам в Кубачи и соседних селениях как официальная идеология закрепился довольно основательно в конце XIII – самом начале XIV в. Следовательно, многочисленные памятники искусства резьбы по камню и дереву, художественного бронзового литья с изобразительной тематикой, относящиеся к XIV–XV вв., созданы в мусульманской среде. Поэтому, – пишет М.М. Маммаев, – можно полагать, что до конца XV – начала XVI в. ислам не оказал сколько-нибудь заметного негативного влияния на развитие народного изобразительного искусства сел. Кубачи, да и всего горного Дагестана в целом. Даже на кубачинском каменном тимпане 1404 г., хранящемся ныне в Дагестанском объединенном историческом и архитектурном музее, а первоначально находившемся над входом в здание медресе наряду с арабской надписью, содержащей дату его строительства в 807 г.х. (1404–1405 гг.), имеются рельефные профильные изображения двух львов (головы их были позднее отбиты). Можно предположить, что изображения эти вырезали или вопреки запрету ислама, или, что более вероятно, такой запрет понимался не буквально» [2005а, с. 178].

Итак, существует мнение, что тимпан с изображением сцены терзания, как и рельефы с фигурами борцов, оленей, всадников, «а также фриз и другие детали архитектурного декора, на которых мастерски высечены орнаментально трактованные изображе-

ния людей, животных и птиц, в обрамлении узорных и эпиграфических мотивов» [Там же, с. 179] – памятники исламского искусства. М.М. Маммаев объясняет наличие изображений живых существ в средневековом искусстве Кубачи «свободомыслием и отступлением от предписаний ортодоксального ислама» [Там же]. Тезис о свободомыслии мастеров вызывает сомнения. Зачем камнерезу вступать в конфликт с религиозной группой? Дело вовсе не в мастерах. Ситуация определялась заказчиками, которые игнорировали предписания ислама, поскольку ориентировались на другие культурные стандарты. Речь идет о представителях социальной группы, встроенной в монгольские структуры власти. Рассмотрим аргументы оппонентов.

На основе анализа хадисов О.Г. Большаков убедительно показал, что запрет на изображение живых существ в мусульманском искусстве окончательно был сформулирован в конце XI в. Как отмечает исследователь, запрет касался изображений живых существ на стенных росписях, коврах и тканях в виде занавесей или украшений стен, которые могли использоваться для поклонения воспроизведенным на них образам; допускалось только употребление бытовых предметов с подобными изображениями, поэтому в XII–XIII вв. был расцвет именно «тех видов сюжетной живописи, которые даже в глазах богословов того времени считались допустимыми: книжной миниатюры, росписи на керамике (люстровой и минаи) и эмалевой росписи по стеклу. В то же время постепенно исчезают стенные росписи (исключая монгольские владения, где отношение к живописи и скульптуре было иным)» [1969, с. 150–152]. Последнее замечание имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования – кубачинским памятникам с изображениями людей и животных.

В развитие идей О.Г. Большакова обратимся к исследованию В.Н. Настича, в котором показано столкновение культур в динамике (ибо анализ культурных явлений в Кубачи как статичной модели, предпринятый М.М. Маммаевым, оказался безрезультатным). В.Н. Настич рассматривает взаимоотношения тюркского мира с исламом. Он устанавливает взаимодействие трех групп – мастеров, мусульманских богословов и тюркской знати, которая выступала в роли заказчика тех или иных произведений. Для Кубачи начала XIV в. мы, заменив тюркскую знать на монгольскую, можем предполагать сходную ситуацию. «На рубеже I и II тысячелетий нашей эры обширные пространства Центральной и Западной Азии, к тому времени уже прочно вошедшие в орбиту ислама, неожиданно и по историческим меркам почти мгновенно впитали в себя новый этнокультурный компонент – тюркские кочевые племена, несколькими волнами хлынувшие из евразийского степного пояса, протянувшегося от Енисея до Днепра. Быстро осво-

ившись в новом для них социальном окружении, они в большинстве обратились в ислам, а их военно-феодалная верхушка разными путями пришла к власти во многих городах и областях халифата, к тому времени уже окончательно утратившего свое недолгое и непрочное политическое единство. Религиозно-идеологическая восприимчивость неофитов удачно сочеталась в тюрках с не менее ревностной приверженностью своим традиционным культурным ценностям, в том числе и веками складывавшейся изобразительности – как ритуальной, так и ремесленно-прикладной. Если судить по сохранившимся историческим памятникам той эпохи, принятие вероучения Мухаммада тюркскими художниками вовсе не заставило их тут же отказаться от привычных эстетических воззрений и вкусов, и они еще долго украшали свой быт разнообразными антропоморфными и зооморфными сюжетами. Более чем вероятно поэтому, что именно изобразительная свобода “сынов Турана”, ставшая новой реальностью в исламском социуме XI–XIII вв., и была той каплей, которая переполнила чашу раздражения консервативных теологов; по известным данным, к этому времени и относится одна из самых мощных волн догматических запретов в суннитском богословии» [Настич, 1990, с. 133].

Далее В.Н. Настич показывает, что богословские запреты, как правило, вторичны по отношению к свершившимся фактам: «Монетный материал, как и данные других источников, определенно свидетельствует, что эти ограничения и запреты, первоначально возникшие (по мнению большинства исследователей) в связи с противодействием действительному или потенциальному идолопоклонству, со временем приобрели более общий характер, их рациональная мотивировка исчезла вслед за породившей ее проблемой, а новые, более абстрактные обоснования подобных запретов, судя по всему, оказались не настолько убедительными, чтобы раз и навсегда погасить творческие импульсы мусульманских мусаввиров, поскольку ни в каком-либо из суннитских толков, ни в шиизме не дошло до выработки строгих правовых и тем более процессуальных норм реализации этих запретов, которые в большинстве своем, похоже, имели скорее морально-этический, чем юридический статус. Кроме того, представляется бесспорным, что все новые попытки богословских ограничений всегда были вторичными по отношению к самим фактам художественного творчества, возникали им вослед, а не наоборот, и это еще одна причина, почему они часто были неэффективными; иначе говоря, запреты и появлялись в основном потому, что всегда находились желающие их нарушать» [1992, с. 141–142].

Что же касается изображений монголов на кубачинских рельефах, то они – несомненно, элемент имперской культуры. И как часть имперской культуры

они находились вне зоны действия богословских запретов. По сведениям Рашид-ад-дина, ильхан Аргун «построил храм и на его стенах написал свои изображения» [1946, с. 218]. Речь идет о буддийском храме в одном из столичных городов Ильханата. Разрушение буддийских храмов, в которых имелись настенные изображения монгольских правителей, последовало после принятия ислама ильханом Газаном в 1295 г. Письменные источники свидетельствуют о применении центрально-азиатских элементов в архитектурной практике тебризской художественной зоны. Как указывал иранский поэт-путешественник XIII в. Низари, в архитектурном убранстве замка ильхана Хулагу на о-ве Шаху-телле были изображения 30 драконов [Байбурди, 1966, с. 224]. В монгольском имперском искусстве дракон являлся символом власти. Посередине бассейна соборной мечети Алишаха в Тебризе мастера установили четыре фигуры львов, извергавших воду [Гияси, 1983, с. 65]. Ярким примером расцвета книжной миниатюры является иллюстрированная космография «Чудеса творений и диковины существующего» Закарийа ал-Казвини (1203–1283). В рукописи этого сочинения из собрания Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) – 449 миниатюр: изображены планеты, созвездия, ангелы, джинны, фантастические существа Китайского моря и Индийского океана, морские рыбы, растения, животные (в т.ч. дикая свинья – *khinzīr*), птицы, рептилии и полулюди-полуживотные [Moor, Rezvan, 2002]. Закарийа ал-Казвини посвятил свою космографию известному багдадскому правителю при монголах 'Ата Малик Джувайни [Крачковский, 1957, с. 360].

Приведенных примеров достаточно, чтобы отвергнуть тезис о «свободомыслии» мастеров. Следует говорить о новой культурной парадигме. На практике новизна означала возвращение к древним сюжетам. Таким архаическим сюжетом для иранского искусства были сцены терзания хищником своей жертвы, а одна из излюбленных тем – охота царя на кабанов [Тревер, Луконин, 1987, с. 108]. В этом контексте и следует рассматривать изображение кабанов на кубачинских ре-

Рис. 6. Рельеф с изображением кабана. Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой (№ КП 2738, инв. № 185). Фото А. Белинского.

льефах монгольского цикла (рис. 6). Сцены охоты царя на кабанов имеются на иранских миниатюрах начала XIV в. [Lukens, Carboni, 1994, p. 76–77, fig. 22, 23]. Именно этот сюжет воспроизведен на кубачинском рельефе из коллекции Келикяна (рис. 7).

На кубачинских каменных рельефах встречаются изображения реальных и фантастических животных. Гепарды, барсы, львы, грифоны, орлы были излюбленными образами геральдических композиций феодальной эпохи. Их изображали не только резчики Дагестана, но и мастера, создавшие каменные рельефы соборов Владимиро-Суздальской земли. Исследователь зодчества Северо-Восточной Руси Н.Н. Воронин отметил, что «весь мир животных и чудовищ, присутствующий на стенах Дмитровского собора, едва ли может быть связан с какими-либо местными корнями и в литературе, и в изобразительном искусстве. Этот мир образов средневековой книжности, едва ли доступный пониманию сколько-нибудь широких общественных слоев, – образов, связанных с драгоценными предметами прикладного искусства и иноземными тканями, также бытовавшими лишь в высшей феодальной среде и наполнявшими сокровищницы храмов» [1961, с. 433].

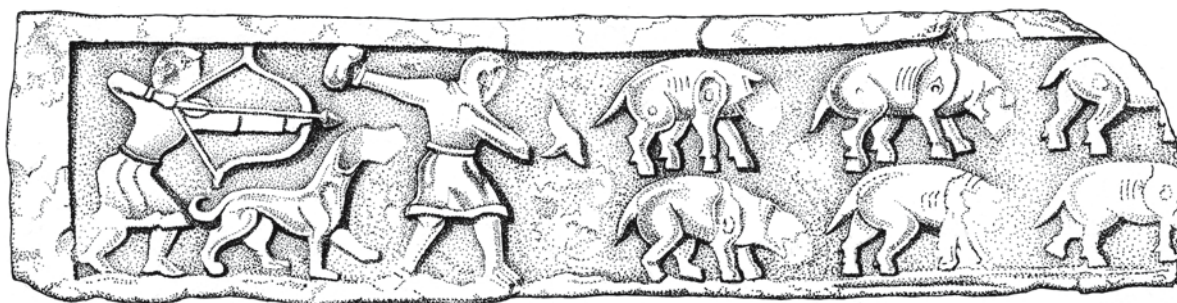

Рис. 7. Рельефный фриз со сценой охоты на кабанов. Коллекция Д.К. Келикяна, Нью-Йорк (по: [Salmony, 1943, fig. 5]).

В орнаментике кубачинских рельефов фигуры барсов, драконов, грифонов, фениксов и сфинксов также не связаны с местными мифологическими представлениями. Источником их появления в каменном декоре служили привезенные предметы декоративно-прикладного искусства: ткани, зеркала, стеклянные сосуды [Доде, 2010, с. 73–99].

Горный Дагестан XIII–XIV вв. обычно рассматривается как исламская территория, но при этом не учитывается то обстоятельство, что он был частью культурного и политического ареала Монгольской империи. Монгольское присутствие в мусульманском Иране определяло светский характер имперского изобразительного искусства. Для Дагестана мы можем лишь предполагать такое влияние, однако это допущение снимает вопрос о парадоксальности сюжетных сцен, созданных в мусульманской среде. Определяющей была имперская среда. С этой позиции интересующая нас группа кубачинских памятников с монгольской символикой выглядит вполне естественно. Мастера ориентировались на вкусы и предпочтения представителей властных структур, для последних же был значим имперский стиль. Монголы сняли запреты, навязанные прежними элитами, и это нашло отражение в творчестве народных мастеров.

Признание того, что кубачинские памятники были созданы в культурном контексте Монгольской империи, снимает мнимую парадоксальность ситуации, когда вопреки мусульманским нормам в официальном искусстве изображались живые существа. Развитие светского, мультикультурного искусства стало возможно именно благодаря включенности Кубачи в политико-культурное пространство Монгольской импе-

рии, чья политика отличалась толерантностью в отношении любых религиозных и культурных явлений.

В заключение обратим внимание на следующий важный факт, находящийся в противоречии со всеми доводами о «свободомыслии мастеров» и «отступлении от предписаний ортодоксального ислама относительно изображений живых существ» [Маммаев, 2005а, с. 178], – на многих рельефах головы людей и животных преднамеренно повреждены. С точки зрения В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева, «многие рельефы попорчены, так как в XIV в. истовые мусульмане, узнав о запрете Корана изображать живые существа, отбили им головы» [2003, с. 314]. М.М. Маммаев полагает, что порча рельефов произошла после XV в. «...Представляется несомненным то обстоятельство, – отмечает он, – что основная масса памятников средневекового камнерезного искусства Кубачи с изображениями живых существ испорчены позднее XV в. – у животных, людей и птиц преднамеренно отбиты головы: согласно предписаниям ислама, наиболее отчетливо сформулированным крупнейшим мусульманским богословом Абу Хамидом Мухаммадом ал-Газали (1058–1111 гг.) и другими ведущими мусульманскими законоведами, чтобы избавиться от изображения живого существа достаточно испортить его лицо» [2005а, с. 178]. Закономерен вопрос: почему милость ислама в изображении живых существ при создании рельефов, согласно М.М. Маммаеву, вдруг неожиданно сменилась на гнев, и в результате фигуры людей и животных на кубачинских рельефах были обезображены? Очевидно, что изменение отношения ислама к изобразительным памятникам здесь ни при чем. По-видимому, речь снова должна идти о смене

Рис. 8. Дом в Кубачи. Осень 2008 г. Фото А. Белинского.

культурной парадигмы. Скорее всего, торжество ислама в Кубачи следует связать с прекращением власти монголов. На смену религиозной толерантности и культурному плюрализму Монгольской империи пришли нормы ортодоксального ислама. Преднамеренная порча рельефов – возможно, исламская реакция на монгольское наследие. Идеологами этой акции выступили, вероятнее всего, исламские богословы. Однако точные даты ее проведения неизвестны. Неизвестно, как происходило разрушение памятников. Не понятно, подвергались ли сначала разрушению головы живых существ на изображениях, а затем здания, украшенные рельефами, или, наоборот, на первом этапе акции разбирались дворцовые постройки и после этого стали уничтожаться головы персонажей на рельефах.

Очевидно, что резные изображения сюжетов были созданы по заказу определенной социальной группы – представителей монгольской знати Ильханата. Разрушителями кубачинских рельефов являлись религиозные мусульманские идеологи, чьим интересам не соответствовали культурные установки заказчиков. Однако невозможно однозначно ответить, когда и почему были обезображены кубачинские памятники.

Местное население, будучи свидетелем исторической драмы, сохраняло образы кубачинских рельефов и продолжало использовать их в своем искусстве. Так, в изображениях животных на серебряных изделиях современных кубачинских мастеров угадываются реплики изображений животных, некогда вырезанных на кубачинских камнях. А рельефы с изображениями животных сохраняются в стенах кубачинских домов и сегодня (рис. 8).

Список литературы

- Байбурди Ч.** Жизнь и творчество Низари. – М.: Наука, 1966. – 272 с.
- Большаков О.Г.** Ислам и изобразительное искусство // Культура и искусство народов Востока. – Л.: Сов. художник, 1969. – С. 142–156.
- Воронин Н.Н.** Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. – М.: АН СССР, 1961. – Т. I: XII столетие. – 584 с.
- Гияси Дж.А.** Архитектурно-градостроительная деятельность Ильханидов в Тебризской зоне и центральноазиатские традиции // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: Докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. – М., 1983. – Ч. 1. – С. 58–67.
- Доде З.В.** Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни / под ред. А.Б. Белинского. – М.: Памятники ист. мысли; Ставрополь: Наследие, 2010. – 248 с. – (Материал по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; вып. X).
- Иванов А.А.** Культура Кубачи // Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы: каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – С. 116–125.
- Крачковский И.Ю.** Арабская географическая литература // Избр. соч. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. IV. – 920 с.
- Маммаев М.М.** Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. – Махачкала: Даг. книж. изд-во, 1989. – 348 с.
- Маммаев М.М.** Зирихгеран – Кубачи. Очерки по истории и культуре. – Махачкала: [б.и.], 2005а. – 252 с.
- Маммаев М.М.** О зороастризме в средневековом Дагестане // Древности Кавказа и Ближнего Востока: сб. статей, посвящ. 70-летию со дня рожд. проф. М.Г. Гаджиева. – Махачкала: ООО Изд. дом «Эпоха», 2005б. – С. 209–226.
- Маммаев М.М., Миркиев Г.М., Шахаев А.Ш.** Изучение памятников камнерезного искусства и арабской эпиграфики XIII–XVIII вв. Кубачинско-Даргинского нагорья Дагестана в 2007 г. // Вестн. Ин-та истории, археологии, археологии и этнографии. – 2007. – № 3. – С. 85–108.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М.** Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. – Тула: Гриф и К, 2003. – 340 с.
- Настич В.Н.** Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Городская художественная культура Востока. – М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1990. – С. 129–149.
- Настич В.Н.** Еще о пресловутом «запрете на изображения» в исламе (по данным нумизматики) // Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия: тез. докл. и сообщ. Междуна. конф. – М., 1992. – С. 139–142.
- Орбели И.А.** Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. – Л.: АН СССР, 1938. – С. 301–326.
- Рашид-ад-дин.** Сборник летописей / пер. с перс. А.К. Арендса; под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. – М.; Л.: [1-я тип. Изд-ва АН СССР в Ленинграде], 1946. – Т. III. – 340 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро: художественная культура Ирана III–VIII вв. – М.: Искусство, 1987. – 155 с.
- Lukens M., Carboni S.** Illustrated Poetry and Epic Images. Persian Painting of the 1330s and 1340s. / With essays by A.H. Morton and Tomoko Masuya. – N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1994. – 148 p.
- Moor B., Rezvan E.** Al-Qazwīnī's 'Ajlā'ib al-Makhlūqāt wa Gharā'ib al-Mawūdāt: Manuscript D 370 // Manuscripta Orientalia. – 2002. – Vol. 8, N 40, Dec. – P. 56–66.
- Salmony A.** Dagestan Sculptures // Ars Islamica. The research Seminary in Islamic Art // Institute of Fine Arts University of Michigan. – 1943. – Vol. X. – P. 153–163.

Материал поступил в редколлегию 04.04.11 г.

УДК 903.08

Ю.С. Худяков¹, К.Ы. Белинская²¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru²Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: toiotakarina@mail.ru

КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ УРОЧИЩА АЙЛЯН В ГОРНОМ АЛТАЕ*

В статье исследуется достаточно редкое для Горного Алтая каменное изваяние культуры древних тюрков. В подавляющем большинстве древнетюркских каменных фигур на территории Центральной Азии, в частности Саяно-Алтая, воплощен образ мужчины-воина. Однако в рассматриваемой скульптуре запечатлена женщина. Изучение данного изваяния позволяет существенно уточнить и дополнить имеющиеся представления о поминальной обрядности восточных тюрков.

Ключевые слова: каменное изваяние, культура, древние тюрки, Горный Алтай.

Введение

Антропоморфные каменные изваяния, расположенные в степях Евразийского пояса, издавна привлекают внимание исследователей древних и средневековых культур кочевых народов. Одним из наиболее изученных к настоящему времени районов распространения таких скульптур является Горный Алтай.

Впервые сведения о «каменных бабах», вероятно, имеющие отношение к Алтаю, были зафиксированы руководителем первой научной экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидтом во время его путешествия в Приобье. Со слов местного бугровщика исследователь записал, что на р. Порош – правом притоке Оби – должны быть «каменные бабы» [Messerschmidt, 1962, S. 75–76]. Бугровщикам, видимо, было известно о каменных изваяниях в горах Алтая [Борисенко, Худяков, 2005, с. 69]; в Верхнем Приобье подобные памятники не встречаются. Вероятно, какой-то инфор-

мацией о «каменных бабах» на территории Рудного Алтая располагал управляющий казенными заводами на Урале и в Сибири Г.В. де Геннин. На одном из рисунков рукописи его книги об этих заводах 1735 г. изображен огромный заросший лесом курган, насыпанный поверх склепов с захоронениями умерших людей и лошадей, к которым пробивают лаз бугровщики. На поверхности насыпи этого кургана показаны два каменных изваяния антропоморфных существ с согнутыми в локтях руками. Данный рисунок был впервые опубликован в 1965 г. [Дмитриева, Левашова, 1965, рис. 1]. Путешествовавший в 1771 г. по Колывано-Воскресенскому горному округу выдающийся ученый и путешественник П.С. Паллас среди разных видов археологических памятников отмечал и каменные изваяния [1786, с. 197–198]. В 1785 г. в ходе поисков рудных месторождений в Верхнем Прииртышье рудознатцы Н. Шангин и Л. Феденев обнаружили и зарисовали каменную фигуру, установленную рядом с курганом [Демин, 1989, с. 19]. В начале XIX в. Г.И. Спасский, работавший в Колывано-Воскресенском горном округе, опубликовал изображения и описания некоторых каменных «истуканов» или плит с

*Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК № 14.740.11.0766).

«начертанием лиц человеческих» [Там же, с. 42]. На одном рисунке показана каменная фигура с сосудом в обеих руках и округлыми женскими грудями [Там же, с. 48]. В 1980-х гг. это изображение неоднократно приводилось в работах исследователей [Кубарев В.Д., 1984, с. 4, рис. 1; Белокобыльский, 1986, с. 47, рис. 11; Демин, 1989, с. 48]. Важным событием в исследовании каменных изваяний Алтая явилось создание в 1823 г. Барнаульского музея, в экспозиции которого были каменные изваяния людей и скульптура барана. Описание этих изображений оставил К.Ф. Ледебур, осмотревший музейную экспозицию во время своего путешествия по Алтаю в 1826 г. Особый интерес у него вызвал «сфинкс, изваянный из камня», который «был найден в чудской могиле». В той же экспозиции было представлено «несколько каменных плит с чудских могил, украшенных рельефными изображениями человеческих фигур» [Ледебур, Бунге, Мейер, 1993, с. 148]. В середине XIX в. интерес к изучению каменных изваяний Южной Сибири и евразийских степей проявил палеонтолог и минералог К.Э. Эйхвальд. Он считал, что «самые древние» из них находятся в Восточной Сибири и на Алтае. Среди известных ученому памятников была скульптура, установленная на р. Чарыш в месте впадения в нее р. Пихтовки. По мнению К.Э. Эйхвальда, каменная фигура, выполненная с особым «рачением и искусством», изображала «женщину с чашкою в руках» [1858, с. 26].

Ученые XVIII – первой половины XIX в. рассматривали каменные изваяния, как правило, вне контекста всего памятника. Скульптуры, обнаруженные на Алтае и в Минусинской котловине, они не разделяли на древние и средневековые и относили их, как и все другие археологические памятники, к бронзовому веку, считали «надгробными памятниками» и приписывали мифическому древнему народу «чуди».

Во второй половине XIX в. изучением каменных изваяний Алтая успешно занимался В.В. Радлов. В начале исследовательской деятельности ему были известны «только две статуи с Алтая», хранившиеся в Барнаульском музее. Как первоначально считал исследователь, это были фигуры, держащие в руках «урны для праха». «На лице одной из них были большие усы и отчетливо видна борода, лицо другой фигуры, изображавшей, вероятно, женщину, было безволосым» [1989, с. 434]. Эти скульптуры В.В. Радлов относил к «памятникам бронзового периода» [Там же, с. 436]. На Алтае им раскопаны расположенные рядами «огороженные камнями прямоугольники». Поскольку внутри последних не было могил, ученый считал их «местами жертвоприношений» [Там же, с. 414]. В.В. Радловым создана первая для территории Саяно-Алтая научно обоснованная периодизация археологических памятников, среди которых выделены комплексы «новейшей эпохи железного века»; мате-

риалы последних были сопоставлены со сведениями китайских источников о средневековых тюрках, кыргызах и уйгурах [Там же, с. 468].

Решающее значение для успешного изучения поминальных комплексов и каменных изваяний Центральной Азии имело открытие в 1889 г. Н.М. Ядринцевым в местности Хушо Цайдам в долине р. Орхон в Монголии мемориальных комплексов с изваяниями людей, животных и памятными надписями. В последующие годы эти памятники обследовались экспедицией специалистов из Финляндии во главе с А. Гейкелем и Орхонской экспедицией Российской академии наук под руководством В.В. Радлова [Войтов, 1996, с. 13]. В последующие годы участниками российских и финских экспедиций были открыты многие поминальные памятники, стелы с надписями и каменные изваяния на территории Монголии, Тувы, Алтая, Тянь-Шаня и Семиречья. Расшифровка рунической письменности В. Томсеном и переводы рунических надписей В.В. Радловым позволили сделать вывод о принадлежности этих памятников культуре древних тюрков [Радлов, 1892, с. 7]. В процессе изучения древнетюркских поминальных памятников, которые многие ученые считали «могилами» тюркской знати, В.В. Радлов и вслед за ним В.Л. Котвич высказали предположение, что некоторые каменные скульптуры на памятнике Хушо Цайдам, изображающие сидящих людей, «изображают хана и ханшу» – восточно-тюркского Бильгекагана и его супругу [Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 3; Котвич, 1914, с. 54]. В XX в. были интерпретированы и некоторые другие парные скульптуры людей в сидящей позе на памятниках высшей знати древних тюрков в Хушо Цайдаме и Налайхе [Войтов, 1996, с. 110; Окладников, Худяков, Асеев, Конопацкий, 1983, с. 24]. В конце XIX в. значительную группу изваяний на территории Саяно-Алтая обнаружила финская экспедиция под руководством И.Р. Аспелина. Учеными были зарисованы изваяния в Минусинской котловине, Туве и Горном Алтае. Эти материалы были опубликованы в 1931 г. [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 124, 211, 212, 216, 301, 316–318, 322, 323, 326, 333, 341–343]. Среди зафиксированных исследователями изваяний выделена «женская фигура» на памятнике Чирчарек на р. Хемчик в Туве [Ibid., Abb. 320]. Были введены в научный оборот каменные изваяния, хранившиеся в Барнаульском музее, одно из которых ранее считалось женским [Ibid., Abb. 341–343].

В 1929 г. С.А. Теплоуховым была разработана классификация древних и средневековых культур Минусинской котловины, в рамках которой выделены памятники «алтайских тюрков» [1929, с. 56]. На основе этой классификации М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер смогли выделить из многочисленных енисейских каменных изваяний средневековые скульптуры, которые были не характерны для Минусинской котловины

[Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 84–87]. Во второй половине XX в. началось целенаправленное изучение каменных изваяний Центральной Азии. В 1952 г. Л.А. Евтюховой была введена в научный оборот первая сводка каменных изваяний территорий Монголии и Южной Сибири. В ней приведены описания 19 каменных изваяний и рисунки еще 10 скульптур Алтая [Евтюхова, 1952, с. 72–77, рис. 71, 1–10]. На Алтае и в Туве Саяно-Алтайской экспедицией было раскопано свыше десяти поминальных оградок, рядом с некоторыми из них находились каменные изваяния. Опираясь на материалы этих раскопок, Л.А. Евтюхова пришла к выводу, что «площадки в пределах оградки являются местом поминальных жертв, своеобразными алтарями, сооруженными в память погребенных в соседних курганах». Поминальные комплексы высшей знати в Монголии она считала «ханскими могилами», а среди изваяний выделяла скульптуры, изображавшие «хана, ханшу и их приближенных» [Там же, с. 115]. В своей статье Л.А. Евтюхова только в отношении одной (из 92) статуи на территории Тувы предположила, что «имеющиеся на груди кружки могут передавать женские признаки, но могут быть и деталями одежды и нагрудными бляхами панциря» [Там же, с. 94]. В 1960-х гг. А.Д. Грачом были обобщены результаты изучения каменных изваяний на территории Тувы. Исследователь сделал вывод, что все изученные им скульптуры изображают мужчин, и отнес «основное число фигур», установленных около оградок, к VII–VIII вв., а «поздние фигуры» без оградок – к VIII–IX вв. По мнению А.Д. Грача, изваяния изображают не самих поминаемых тюрок, а их «главных врагов» [1961, с. 67, 76, 91–92]. Я.А. Шер обобщил информацию о каменных изваяниях и классифицировал эти фигуры Семиречья и Тянь-Шаня. Среди выделенных им групп были «женские изваяния с сосудом в обеих руках». Исследователь допускал, что к числу женских могут относиться некоторые статуи еще двух групп – «мужские и неопределимые по полу изваяния с сосудом в правой руке, без оружия» и «изваяния с изображением только лица или головы человека», среди которых также представлены женские изображения. Я.А. Шер отметил, что «женские изображения характерны для Семиречья и не характерны для Южной Сибири и Монголии». Выделенные им группы были распределены по двум типам: в первом оказались фигуры четырех первых групп, а во втором – изваяния человека с сосудом в обеих руках [Шер, 1966, с. 22, 26, 29]. Изваяния I типа датированы VI–VIII вв., II типа – VIII–IX вв., хотя традиция их создания существовала значительно дольше, чем традиция древнетюркских скульптур [Там же, с. 44]. Изваяния I типа Я.А. Шер относил к поминальному культу древних тюрок, а скульптуры II типа он связывал с уйгурами, с культом обожествленных пред-

ков [Там же, с. 64, 70]. Сходного мнения о каменных изваяниях на территории Тувы придерживался Л.Р. Кызласов. Он считал, что разнотипные каменные изваяния при оградках принадлежали древнетюркской культуре VI–VIII вв., а «поздние каменные скульптуры» с сосудом в обеих руках – «местным племенам», обитавшим в Туве в периоды «уйгурского владычества» и позднее, в VIII–X вв. [1969, с. 32, 82]. В 1984 г. В.Д. Кубаревым была опубликована более полная, чем предложенная Л.В. Евтюховой, сводка изваяний на территории Горного Алтая [1984, с. 102–179]. Автором учтены 256 антропоморфных каменных изваяний и выделены четыре типа скульптур, некоторые из них отнесены к VII–X вв., отдельные «поздние» – к X–XII вв. и даже к периоду «вплоть до XIV в.». [Там же, с. 45–46]. В.Д. Кубаревым раскопано ок. 50 поминальных оградок с каменными стелами и изваяниями, поминальные сооружения разделены на пять типов. Исследователем высказано несколько весьма спорных предположений о первоначальной конструкции древнетюркских поминальных сооружений, назначении балбалов и реконструкции поминального обряда [Там же, с. 63–81]. В последующие десятилетия в разных районах Горного Алтая было выявлено еще немалое количество древнетюркских поминальных комплексов и каменных изваяний [Бородовский, 1994; Бородовский, Бородовская, 2009, с. 233; Горбунов, Тишкин, 2007; Кубарев В.Д., Кочеев, 1988; Кубарев Г.В. и др., 2002; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009, с. 308–310; Полосьмак, Богданов, Кубарев Г.В., 2010, с. 290–292; Тишкин, Горбунов, 2003, с. 492; Эбель, Буржуа, Соенов, Кубарев В.Д., 2010, с. 335–337; Худяков, Бородовский, 1993]. В те же годы было продолжено изучение древнетюркских каменных изваяний и поминальных комплексов на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 157; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 63–64; 2000, с. 66–69; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 72–79]. В первые десятилетия XXI в. целенаправленно изучались древнетюркские и кыпчакские каменные изваяния на территории Казахстана [Досымбаева, 2006, с. 30–51, 92–106; Ермоленко, 2004, с. 22–38], а также древнетюркские и монгольские каменные скульптуры на территории Монголии [Баяр, 1985, с. 149–158]. Серия антропоморфных каменных изваяний, среди которых представлено значительное количество скульптур древних тюрок, выявлена в Восточном Туркестане [Худяков, 1998, с. 215–219].

Раннесредневековые каменные изваяния Центрально-Азиатского региона, по мнению большей части исследователей, воспроизводят облик умерших тюркских мужчин: воинов, военачальников и правителей. Их скульптуры находились при поминальных оградках, к востоку от которых в ряд устанавливались каменные столбики – балбалы, символизирующие убитых врагов. Такой вариант поминального обряд-

ности, в котором наиболее отчетливо отразились обряды почитания воинов и военно-дружинная идеология, сформировался в период существования Первого Тюркского каганата и получил развитие во время Второго Восточного Тюркского каганата. Определенное влияние на оформление поминальных мемориалов высшей знати оказал императорский культ китайской империи Тан. Однако на поминальных памятниках западных тюрков нет балбалов, но имеются скульптуры, изображающие не только мужчин, но и женщин, а в редких случаях и детей. Вероятно, у западных тюрков поминальный обряд сохранил традиционные элементы, в основе которых были культ родовых и семейных предков по мужской и женской линиям. Наличие мужских и женских изваяний на памятниках свидетельствует о том, что этот вариант поминального культа сохранился у кыпчаков и средневековых монголов.

Семейно-родовые черты поминального культа, вероятно, были характерны для культуры древних тюрков еще до ее разделения на западный и восточный варианты. В пользу такого предположения свидетельствуют находящиеся на территории расселения восточных тюрков редкие женские каменные изваяния. Примером могут служить объемные скульптуры сидящих женщин на памятниках высшей знати Второго Восточного Тюркского каганата в Хушо Цайдаме и Налайхе в Монголии. Возможно, что к ним следует отнести две статуи сидящих женщин на памятниках Сарыг-Булун и Кызыл-Мажалык в Туве. Отдельные статуи древнетюркских женщин входят в состав рядовых поминальных комплексов или расположены одиночно. К их числу можно отнести скульптуру на памятнике Чирчарек в Туве, изваяние на р. Чарыш на Алтае. Изображением женщины некоторые исследователи считали одну из статуй из собрания Алтайского государственного краеведческого музея (г. Барнаул), хотя на ней не были изображены женские груди [Радлов, 1889, с. 434]. Дальнейший поиск древнетюркских каменных изваяний поможет расширить круг таких находок в пределах Саяно-Алтая и Центральной Азии.

Описание изваяния

В 2008 г. жителем с. Барагаш Шебалинского р-на Республики Алтай В. Шагаевым в урочище Айлян, которое расположено на расстоянии ок. 1 км на юго-запад от села, было обнаружено не полностью сохранившееся каменное изваяние, изображающее женщину. Оно лежало на поверхности распаханного поля. Поминального сооружения поблизости не было. Вероятно, первоначально скульптуру установил создавший ее мастер, а в дальнейшем изваяние переместили на окраину поля. После обнаружения каменное изваяние было установлено вертикально посреди груды камней

и подперто с задней стороны скальными обломками (рис. 1). В 2010 г. памятник был обследован одним из авторов настоящей статьи – К.И. Белинской.

Изваяние изготовлено из массивной каменной плиты сланцевой породы серо-зеленого цвета. Каменная скульптура сильно повреждена. Ее нижняя часть обломана и не сохранилась. Линия излома проходит наискось от уровня предплечья правой руки до согнутой левой руки. Верхняя часть изваяния по линии головного убора частично сколота. Высота сохранившейся части изваяния 70 см, ширина 43 см, толщина 5 см. Реалии, изображенные на изваянии, выполнены в техниках углубленного контррельефа и точечной выбивки. В верхней половине сохранившейся части каменного монолита двумя углублениями с обеих сторон выделены голова и плечи. Наверху горизонтальной чертой обозначен головной убор, напоминающий сферическую шапочку. Несколько ниже невысоким барельефом показаны широкие дугобразные брови вразлет, которые на переносице соединены одной линией, образующей небольшой, слегка расширенный и приостренный нос. С двух сторон от носа узкими горизонтальными щелочками переданы глаза. Под носом узкой полоской выделен рот. Еще ниже угловатой чертой выбит овал лица с приостренным подбородком. С левой стороны от плеча до области пояса точечной выбивкой показана левая рука, согнутая в локтевом суставе. На противоположной стороне длинной диагональной полосой обозначена часть правой руки. Спереди между предплечьями точечной выбивкой выделены два близких по диаметру круга. Вероятнее всего, таким образом изображена женская грудь (рис. 2–4). Некоторые линии точечной выбивки

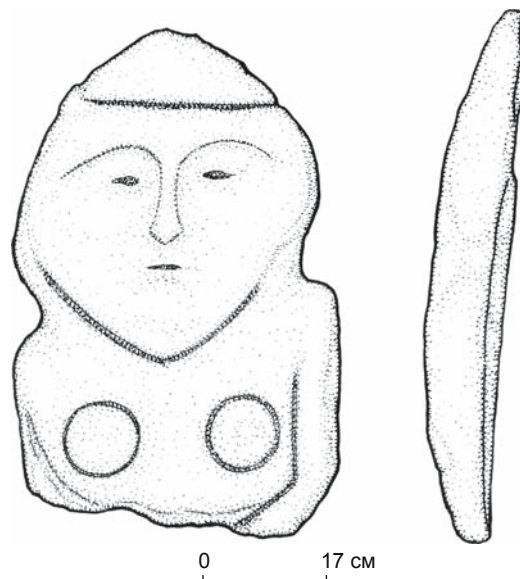

Рис. 1. Изваяние, обнаруженное в урочище Айлян (прорисовка).

Рис. 2. Место обнаружения изваяния. Общий вид.

Рис. 3. Изваяние в урочище Айлян. Вид спереди.

Рис. 4. Изваяние в урочище Айлян. Вид с левой стороны.

на изваянии, возможно, были позднее подновлены. Нижняя часть фигуры обломана, поэтому невозможно определить, имелись ли на ее лицевой стороне еще какие-либо изображения. Можно предположить, что у фигуры, как и у многих других каменных изваяний древнетюркской культуры, были выделены руки, держащие на животе сосуд.

Изваяние было создано, возможно, древними тюрками и установлено в урочище Айлян либо одиночно, либо подле поминальной оградки. Скорее всего, фигуру сломали уже в XX в. во время проведения сельскохозяйственных работ – при удалении камней для распашки поля. В настоящее время изваяние перенесено в с. Барагаш и хранится у обнаружившего его жителя.

Изваяние из урочища Айлян изготовлено в традиционной для древнетюркской культуры манере, сочетающей точечную выбивку и низкий барельеф, которая характерна для многих каменных скульптур с выделенной верхней частью туловища или только с головой либо с лицом [Грач, 1961, с. 54; Шер, 1966, с. 26; Кубарев В.Д., 1984, с. 21]. Вероятнее всего, статуя была создана не профессиональным камнетесом, а рядовым древнетюркским кочевником, имеющим некоторый опыт изготовления каменных фигур. В пользу этого предположения может свидетель-

ствовать применению техники низкого барельефа при выполнении некоторых деталей изваяния. Основные детали изображения, выделенные голова и плечи, личина, согнутая в локтевом суставе левая рука обычны для древнетюркских каменных изваяний разных типов. Сферическую форму головного убора также трудно назвать специфичной, поскольку похожие шапочки изображены на каменных скульптурах на разных территориях Центральной и Средней Азии [Евтюхова, 1952, с. 102; Грач, 1961, с. 60; Кубарев В.Д., 1984, с. 26; Ермоленко, 2004, с. 26]. Следует учитывать, что верхняя часть головного убора фактически специально не оформлена. Она соответствует естественным очертаниям каменного монолита. При определении того, чей облик запечатлен на данном изваянии, на наш взгляд, важно учитывать, что лицо поминаемого человека показано без усов и бороды, а на верхней части туловища двумя окружностями обозначены женские груди. Следовательно, можно считать, что изваяние из урочища Айлян изображает тюркскую женщину.

Каменное изваяние, найденное в урочище Айлян, – не единственное, которое в недавнем прошлом находилось поблизости от с. Барагаш в Шебалинском р-не Республики Алтай. Ранее в окрестностях этого села при проведении сельскохозяйственных работ студентами из Горно-Алтайска было обнаружено каменное изваяние, изображавшее древнетюркского усатого мужчину в выделенном головном уборе, с сосудом в правой руке, согнутой в локте, и с левой рукой на поясе, к которому с правой стороны подвешен каптаргак, а с левой – прямой клинок в ножнах [Кубарев В.Д., 1984, с. 102–103, табл. I, 2]. Возможно, на одном из распаханых полей близ с. Барагаш когда-то находился поминальный комплекс древнетюркской культуры.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности изваяния

Для территории Саяно-Алтая айлянское женское каменное изваяние – достаточно редкое, но не уникальное явление. Как отмечалось выше, в XIX–XX вв. несколько таких изваяний уже было обнаружено в разных районах Горного Алтая и Тувы. В 1819 г. изваяние человека с сосудом в обеих руках и выделенными женскими грудями с «Алтайских гор» было опубликовано Г.И. Спасским (рис. 5, 3). Этот рисунок приведен в работе по истории изучения алтайских древностей и сводке каменных изваяний с Алтая [Демин, 1989, с. 48; Кубарев В.Д., 1984, рис. 1]. О каменной скульптуре «женщины с чашкою в руках» с р. Чарыш упомянул в своем сочинении К.Э. Эйхвальд [1858, с. 26]. Еще одно каменное

изваяние человека с сосудом в обеих руках, которое некоторые ученые считали женским, хотя на нем не было изображения женской груди, в течение длительного времени находилось в экспозиции Алтайского государственного краеведческого музея (г. Барнаул) (рис. 5, 2). Оно было описано В.В. Радловым [1989, с. 434], а позднее зарисовано участниками финской экспедиции [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 343]. Согласно результатам изысканий В.Д. Кубарева, на одном из отмеченных им изваяний из окрестностей с. Куяс на средней Катунь «точной техникой» ниже овала лица «на груди двумя ямками намечены нагрудные бляхи или грудь» [1984, с. 104, табл. I, 9]. Еще одна каменная скульптура человека в округлой шапке с загнутыми вверх наушами, с безусым и безбородым лицом, выделенной женской грудью и сосудом в обеих руках находилось в долине р. Хемчик в Туве [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 320] (рис. 5, 1). В долине этой реки в урочище Эрги-Барлык в разное время было обнаружено два изваяния с сосудами в обеих руках и сферическими парными выпуклостями на груди; одна фигура человека с оружием на поясе безусловно является мужской, а другая – возможно, женской [Кызласов,

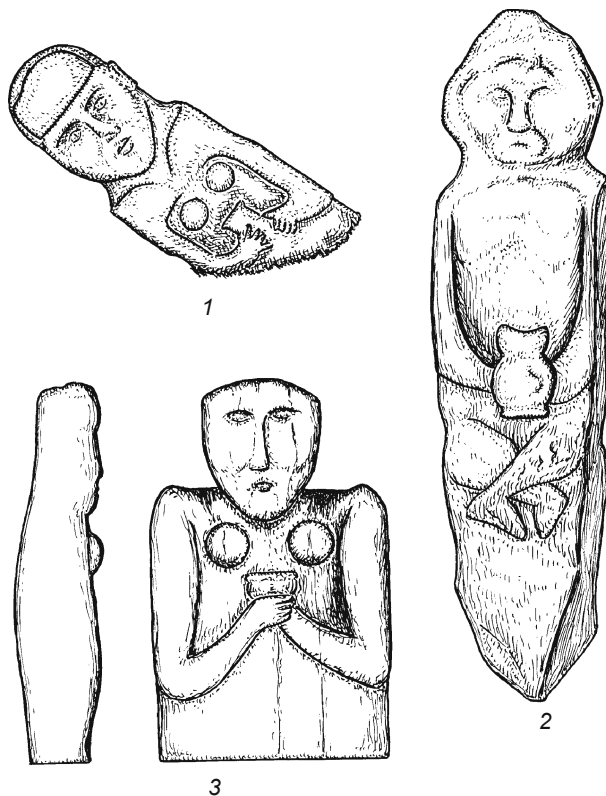

Рис. 5. Каменные изваяния, изображающие женщин из Саяно-Алтая.

1 – Чирчарек на р. Хемчик в Туве; 2 – Барнаульский музей (по: [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 320, 343]); 3 – с «Алтайских гор» (по: [Демин, 1989, с. 48]).

1969, рис. 27, 4]. Барельефные, или выбитые, округлые груди изображены на многих женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и Семиречья [Шер, 1966, рис. 3, табл. XXV, 122, 123; XXVI, 124–127, 129; XXVII, 134; XXIX, 144, 145].

Необходимо отметить, что некоторые исследователи выражали сомнение в том, что две сферические выпуклости или выбитые окружности, изображенные на изваяниях, «могут передавать женские признаки», и предлагали считать их «деталью одежды и нагрудными бляхами панциря» [Евтюхова, 1952, с. 94]. «Круглые парные бляхи – деталь защитного панциря» отмечены на нескольких скульптурах Горного Алтая В.Д. Кубаревым [1984, с. 29]. «Две круглые бляхи на груди» показаны на изваянии с местонахождения Нижняя Талда, расположенного в окрестностях с. Курота в Огудайском р-не Республики Алтай, «три рельефных кружка» – на «сланцевой плите» из урочища Кырландын-Кини на левом берегу р. Аргут, «четыре круглые бляхи» – на статуе из степи Макажан в долине р. Коксу, «едва различимые рельефные изображения круглых нагрудных блях» – на скульптуре из местности Кара-Дюргун между пос. Кокоря и Ташанта; все эти три местонахождения расположены в Кош-Агачском р-не Республики Алтай [Кубарев В.Д., 1984, с. 112, 142, 151, 164]. Указанные фигуры, кроме тех, что показаны на обломанном изваянии из Нижней Талды, можно считать изображениями не женской груди, а каких-то иных реалий [Там же, табл. XXIV, 150; XXIX, 182; XXXVII, 219].

У большей части таких каменных фигур в обеих руках, согнутых в локтях, изображен сосуд, поэтому эти статуи могут быть отнесены к группе изваяний с сосудом в обеих руках. Возможность включения в данную категорию изваяния из урочища Айлян вызывает сомнения, поскольку в нижней части фигура обломана. Согласно результатам изысканий ряда исследователей, подобные изваяния на территории Саяно-Алтая могли получить распространение в поминальной обрядности древних тюрков в уйгурское и кыргызское время [Грач, 1961, с. 67; Кызласов, 1969, с. 80, 82]. Традиция изображать округлые женские груди на каменных изваяниях сохранилась в культуре восточных кыпчаков [Ермоленко, 2004, с. 33]. Подобная манера изображения женской груди не характерна для половецких каменных изваяний [Плетнева, 1974, с. 74]. Иначе выделена грудь и на монгольских каменных скульптурах. На территории Монголии известно лишь одно изваяние, на котором показаны округлые женские груди, но оно изображает не женщину, а обнаженного мужчину [Баяр, 1985, с. 151, рис. 3, 1]. Айлянское изваяние можно отнести к поминальной традиции, характерной для завершающего, курайского этапа древнетюркской культуры Горного Алтая.

Заключение

Традиция поминания родовых предков как по мужской, так и по женской линии, строительства поминальных оградок и установки каменных стел у кочевых народов Центрально-Азиатского региона восходит к бронзовому и раннему железному векам. Однако в определенные периоды, когда в жизни кочевого общества возрастала роль военной идеологии, эта традиция трансформировалась в обряд почитания выдающихся героев-воинов, богатырей, которые должны были служить эталоном мужского поведения и примером подражания для подрастающих поколений кочевников. В древности ярким примером подобной эволюции поминальной обрядности можно считать появление традиции почитания воинов-колесничих в виде оленных камней [Худяков, 1998, с. 158]. В ходе грандиозных завоеваний древних тюрков и максимального расширения границ Первого Тюркского каганата, объединившего под своими знаменами многие кочевые племена степного пояса Евразии, такой же военизированный характер приобрела древнетюркская поминальная обрядность, которая была ориентирована на прославление тюркских воинов. После распада единого древнетюркского государства на два самостоятельных каганата, которые уже не могли претендовать на покорение всего кочевого мира, характер поминальной обрядности в культурах тюркских номадов стал постепенно меняться. У западных тюрков и тюркешей обряд поминания умерших предков и родственников приобрел свое первоначальное значение культа родовых предков, поэтому там стали поминать не только умерших мужчин, но и женщин, а в некоторых случаях даже детей, которым сооружали поминальные оградки и устанавливали изваяния [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 85].

У восточных тюрков, живших в Саяно-Алтае, обычно поминать в рамках поминальной обрядности не только мужчин-воинов, но и женщин, тюркских жен и матерей начал распространяться во время возвышения Второго Восточного Тюркского каганата. В период правления Бильге-кагана на мемориальных комплексах высшей знати помимо статуй самих восточно-тюркских правителей, полководцев и советников стали устанавливать скульптуры их главных жен – «мудрых хатун». Появление женских изваяний в составе поминальных комплексов, сооруженных в честь представителей высшей знати, способствовало распространению подобной моды среди правящей элиты государства. Благодаря этому на поминальных комплексах знатных тюрков стали устанавливать парные изваяния, часть которых изображала женщин. Ситуация изменилась после крушения Второго Восточного Тюркского каганата, когда знать восточных тюрков потеряла свое привилегированное положение,

вследствие чего монументальные поминальные комплексы в честь знатных лиц перестали сооружаться. Однако в последний период существования восточных тюрок, соответствующий завершающему курайскому этапу древнетюркской культуры, поминальная обрядность у них постепенно утрачивает свою военную идеологическую направленность. Это проявилось, в частности, в совершении традиционных поминальных обрядов и установке каменных изваяний в память не только о тюркских мужчинах-воинах, но и о рядовых соплеменниках, при поминальных оградках которых не устанавливались каменные столбики – балбалы, а также в честь тюркских женщин – жен и матерей. Вероятно, такая традиция поминальной обрядности среди восточных тюрок не получила достаточно широкого распространения, поскольку на территории их расселения в Центральной Азии каменных изваяний, которые определены как женские, выявлено немного. Вероятно, неслучайно такие фигуры представлены преимущественно на территориях Горного Алтая и Северной Тувы. Некоторыми исследователями высказывались предположения о том, что после распада Второго Восточного Тюркского каганата горные районы Алтая не были завоеваны уйгурами и не вошли в состав Уйгурского каганата. В Горном Алтае не обнаружено уйгурских памятников, которые можно было бы отнести к периоду существования этого государства. Вероятно, в уйгурское время на данной территории продолжало существовать самостоятельное тюркское владение вплоть до ее включения в состав Кыргызского каганата. Судя по погребальным и поминальным комплексам, тюркское население Горного Алтая сохранило особенности своей культуры до рубежа эпох раннего и развитого средневековья.

Список литературы

- Баяр Д.** Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 148–159.
- Белокобыльский Ю.Г.** Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований XVIII – первая треть XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – 270 с.
- Бородовский А.П.** Исследование одного из поминально-погребальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 75–82.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Каменные изваяния в горной долине Нижней Катуні // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 229–234.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во Гос. Музея Востока, 1996. – 152 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.** Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – Вып. 3. – С. 119–124.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1961. – 94 с.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 63–93.
- Демин М.А.** Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.
- Дмитриева Е.Н., Левашова В.П.** Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. – 1965. – № 2. – С. 225–236.
- Досымбаева А.М.** Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Тюркское наследие, 2006. – 168 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.
- Котвич В.Л.** В Хушо-Цайдаме // Тр. Троицкосав.-Кяхтин. отд-ния Приамур. отдела Импер. Рус. Геогр. об-ва. – СПб., 1914. – Т. XV, вып. 1. – С. 50–54.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.** Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, языка, лит., 1988. – С. 202–222.
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.** Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307–311.
- Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д.** Исследование Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 357–360.
- Кубарев Г.В., Развадовски А., Кубарев В.Д.** О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 373–376.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 211 с.
- Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.** Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. – Новосибирск: Наука, 1993. – 345 с.
- Окладников А.П., Худяков Ю.С., Асеев И.В., Конопацкий А.К.** Археологические исследования в Монголии в

1979-80 годах // Археология эпохи камня и металла Сибири. – Новосибирск: ИИФ СОАН СССР, 1983. – С. 3–55.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб., 1786. – Ч. II, кн. 1. – 751 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 289–293.

Радлов В.В. Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорской Академией наук экспедиции для археологического исследования р. Орхон // Сб. тр. Орхон. эксп. – СПб., 1892. – Вып. I. – С. 1–12.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сб. тр. Орхон. эксп. – СПб., 1897. – Вып. IV. – С. 1–45.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. – С. 55–81.

Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – С. 65–85.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 6–58.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 488–493.

Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.Д. Грача. – СПб: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 215–219.

Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на Средней Катуні // Altaica. – 1993. – № 3. – С. 17–20.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 139 с.

Эбель А.В., Буржуа Ж., Соенов В.И., Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 335–338.

Эйхвальд К.Э. О чудских копиях // Тр. Вост. отд-ния Рус. археол. об-ва. – СПб., 1858. – Ч. III. – С. 1–104.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors: Finnische Altertumsengesellschaft, 1931. – 72 S.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Berlin: Akademie Verlag, 1962. – Bd. I. – 379 S.

Материал поступил в редколлегию 16.03.11 г.

УДК 903.25

Н.Г. Артемьева

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690650, Россия
E-mail: artemieva_tg@list.ru

ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ БРЕЛОКИ ТИПА НЭЦКЭ

В материалах средневековых памятников Приморья наиболее яркими находками являются миниатюрные скульптурки из камня и стекла – нэцкэ. В настоящий момент известно 29 таких брелоков. Все они обнаружены на памятниках, относящихся ко времени существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1115–1233 гг.). Характерный стиль и определенная стандартизация этих скульптурок дают основание предположить, что у чжурчжэней существовало свое самобытное направление в мелкой пластике. У них нэцкэ появились в XIII в. На более ранних памятниках подобные скульптурки не обнаружены. Поэтому правы исследователи, предположившие, что японцы и монголы могли заимствовать нэцкэ у чжурчжэней.

Ключевые слова: нэцкэ, чжурчжэни, мелкая пластика, государство Восточное Ся, Приморье, средневековая археология, декоративно-прикладное искусство, материальная культура.

Среди огромного археологического материала, обнаруженного на средневековых памятниках Приморья, наиболее яркими находками являются миниатюрные скульптурки, которые вошли в литературу под названием нэцкэ [Шавкунов, 1969]. Они поражают своей реалистичностью, красотой, это действительно произведение искусства.

Термином «нэцкэ» принято называть традиционные японские брелоки-подвесы в виде миниатюрной скульптуры, изготовленной из камня, стекла, кости, металла, обычно с отверстием в центре, через которое пропускался шнурок. На противоположной от нэцкэ стороне на шнурке крепили или кисет, или связку ключей, или коробочку с благовониями, а брелок служил противовесом. Шнур продевался за пояс, причем нэцкэ свешивалось поверх него. Такое приспособление было необходимо, когда на одежде отсутствовали карманы. Считается, что нэцкэ под названием «чжун-цзы» появились в Китае в XV–XVI вв., а оттуда обычай носить художественно оформленные брелоки был заимствован японцами в период Токугава (1603–1868 гг.). Именно в это время начался расцвет искусства нэцкэ в Японии. К середине XVIII в. там сформировались

все его характерные особенности (специфические формы, набор материалов, круг сюжетов) и появились региональные различия и школы. Однако у чжурчжэней брелоки типа нэцкэ появились в XIII в., поэтому было высказано предположение, что японцы и монголы могли заимствовать традицию изготовления подобных изделий у них [Там же].

Чжурчжэньская мелкая пластика – область декоративного искусства, которая была создана традициями не одного этноса. Чжурчжэни, познакомившись с китайскими достижениями в художественной обработке металла, ювелирном и камнерезном деле, стали применять их как наиболее привлекательные. Хорошо известно, что в 1126 г., захватив Кайфын, они вывезли не только церемониальную и буддийскую утварь, императорские регалии, инвентарь для жертвоприношений, но и 20 мастеров по золотой росписи, 30 золотых дел мастеров, ювелиров, камешников и 100 камнерезчиков. Чжурчжэни получали художественные и ювелирные изделия в виде подарков и подношений от сунского императора и двора [Воробьев, 1983, с. 200].

В настоящее время в Приморье на средневековых памятниках XIII в., относящихся ко времени сущест-

ования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1115–1233 гг.), обнаружено 29 брелоков типа нэцкэ. Первые такие находки были опубликованы Э.В. Шавкуновым, который дал описание трех скульптурок и поднял вопрос об их назначении [1969]. Впоследствии исследователь, рассматривая проблему скифо-сибирского звериного стиля и его появления на Дальнем Востоке в средние века, описал более поздние подобные находки [Шавкунов, 1990, с. 142–148]. По ряду внешних признаков Э.В. Шавкунов выделил пять основных типов этих нэцкэ: 1) объемные скульптурные изображения млекопитающих, птиц и рыб; 2) парные фигурки животных; 3) плоскостные скульптурки; 4) металлические брелоки овальной формы со щелеобразным отверстием, состоящие из двух створок, на лицевых сторонах которых техникой барельефного литья выполнены изображения в одном случае лежащего оленя, в других – извивающегося дракона; 5) нэцкэ в виде цветка (хризантемы и пиона). Данную типологию на сегодняшний момент необходимо уточнить: выделенные автором брелоки 4-го типа, скорее всего, следует считать пронизками, входившими в состав наременной гарнитуры.

Мы предлагаем к нэцкэ отнести каменные и стеклянные миниатюрные скульптурки, изображающие млекопитающих, птиц, рыб, людей, цветы, с функциями брелоков, у которых имеются сквозные отверстия в центре, а также аналогичные по технике исполнения и стилистике без отверстия. По объекту изображения их можно условно разделить на несколько типов.

Брелоки типа нэцкэ в виде млекопитающих (11 экз.). Все они выполнены в очень реалистической манере. Животные (каждое хорошо определяемо) изображены лежащими или сидящими, в спокойном состоянии.

Брелок типа нэцкэ в виде собаки, обнаруженный в подъемном материале с Шайгинского городища (Ш05-П-2), сделан из хорошо отшлифованного серого камня (рис. 1). Размеры фигурки 22×15×10 мм. Собака изображена лежащей, передние лапы подогнуты к задним, последние сверху прикрыты хвостом, голова повернута к хвосту. Создается впечатление, что собака спит, причем в такой позе животные засыпают, когда им холодно. Древний мастер, выделив позвоночник и ребра собаки, показал ее стройность. Морда вытянутая, детально проработаны глаза и нос, уши короткие, висячие. По этим признакам можно определить породу – легавая. В центре фигурки было проделано отверстие, благодаря которому она к чему-то крепилась. Интересно отметить, что оборотная сторона изделия ровная. Это дает возможность размещать его на плоской поверхности. Здесь же хорошо видно, что мастер, скорее всего, увлекшись своим занятием, вырезая ногу фигурки, проработал ее детали и с оборотной стороны (обычно ее не оформляли): четко видны даже пальцы на лапе.

Скульптурное изображение льва из жилища 83 Шайгинского городища (Ш72-83-29) выполнено из горного хрусталя (рис. 2). Фигурка сильно затерта. Ее размеры 31×19×24 мм. Вертикальное отверстие диаметром 3 мм находится в центральной части. Основание фигурки плоское. Лев изображен лежащим, с подогнутыми под брюхо лапами, голова повернута влево относительно туловища. Хорошо проработана грива в виде вертикальных бороздок, уши, лапы и хвост животного.

Фигурка оленя, найденная на Шайгинском городище при раскопках центральных ворот памятника (Ш-В-22), изготовлена из стекла (рис. 3). Размеры нэцкэ 34×23×6 мм. Основание фигурки плоское. Центральное вертикальное отверстие имеет диаметр 3 мм. Олень изображен лежащим на брюхе, с подогнутыми ногами. Его голова поднята вверх, пасть открыта, шея и уши напряжены. Создается впечатление, что животное подает зов. Интересно показаны рога – в виде трехглавой короны.

Парное изображение тюленят из жилища 20 Шайгинского городища (Ш7-20-6) выполнено из кварцсерицитовый породы, по цвету напоминающей слоновую кость (рис. 4). Размеры скульптурки 25×20×24 мм. Ее основание плоское. Вертикальное отверстие диаметром 4 мм расположено в центральной части. Фигурки двух тюленей, прижавшихся друг к другу животами, выполнены довольно схематично, но при первом взгляде ясно видно, кто изображен. Хорошо передано тучное тело, нависшее над лапами.

Фигурка обезьяны из подъемного материала, собранного в районе Южно-Уссурийского городища (Ю-У08-П-1), не имеет сквозного отверстия, но по технике исполнения и стилистике ее можно отнести к разряду нэцкэ (рис. 5). Сделана скульптурка из коричневатого-желтого стеатита. Ее высота ок. 40 мм. Обезьянка изображена сидящей в задумчивости, с поджатыми к животу коленями, на которые опираются согнутые в локтях лапы, кисти прижаты друг к другу и поддерживают подбородок. Правая ступня лежит на левой. Хорошо проработаны пальцы. На мордочке выделены круглые глаза и нос. Показаны густые длинные волосы на голове животного.

Брелоки типа нэцкэ в виде зайца найдены на Шайгинском городище в четырех жилищах. Фигурка из жилища 23 (Ш7-23-4) сделана из горного хрусталя (рис. 6, а). Ее размеры 25×17×10 мм, диаметр вертикального отверстия 1,5 мм. Основание скульптурки плоское. Изображен спящий короткоухий заяц. Лапки подогнуты под брюшко. Спинка выгнута. Мордочка упирается в передние лапки. Хорошо проработаны ушки, лапки и хвостик.

Фигурка из жилища 79 (Ш-72-79-29) также изготовлена из горного хрусталя (рис. 6, б). Ее размеры 22×16×20 мм, диаметр вертикального отверстия 2 мм.

Рис. 1. Нэцкэ в виде собаки. Шайгинское городище. Камень.

Рис. 4. Парное изображение тюленят. Шайгинское городище. Кварц.

Рис. 2. Фигурка льва. Шайгинское городище. Горный хрусталь.

Рис. 5. Фигурка обезьяны. Южно-Уссурийское городище. Стеатит.

Рис. 3. Нэцкэ в виде оленя. Шайгинское городище. Стекло.

Основание плоское. Эта скульптурка напоминает предыдущую, за исключением того, что здесь изображен длинноухий заяц.

Фигурка из жилища 73 (Ш71-73-9) сделана из голубоватого стекла (рис. 6, в). Ее размеры 36×22×15 мм.

Рис. 6. Нэцкэ в виде зайца. Шайгинское городище. а, б – горный хрусталь; в – стекло; г – кварц.

Вертикальное отверстие в разрезе прямоугольное, 3×15 мм. Основание скульптурки плоское. Фигурка выполнена в реалистической манере. Хорошо проработаны все детали. Заяц изображен лежащим, задние лапы поджаты под брюшко, передние вытянуты вперед, на них опущена голова, причем нос плотно прижат к лапкам. Хорошо видны удлинённые глаза. Прижатые уши выдают настороженность зайца.

Фигурка из жилища 254 (Ш87-254-1) изготовлена из белого кварца (рис. 6, з). Ее размеры 32×18×21 мм. Вертикальное отверстие диаметром 3 мм расположено в середине скульптурки. Основание плоское. Интересно, что в том месте, где просверлено отверстие, есть желобок шириной чуть больше отверстия, глубиной 2–3 мм. Функциональное назначение этого желобка, имеющегося и у некоторых других фигурок, не ясно, возможно, он служил для дополнительного крепления скульптурки. Скульптурка передает образ лежащего зайчонка. Задние лапки поджаты под брюшко, передние – вытянуты вперед, но не сведены вместе, потому что у зайчат они короткие, между ними расположена короткая мордочка с хорошо выделенными носиком и глазками. Ушки длинные, прижаты к спине. Хвостик короткий.

Брелоки типа нэцкэ в виде мыши представлены двумя находками с Шайгинского городища. Фигурка из жилища 72 (Ш9-72-5) сделана из черного аргиллита (рис. 7, а). Ее размеры 25×18×10 мм, диаметр вертикального отверстия 5 мм. Основание плоское. Скульптурка изображает сидящую мышку, у которой задние лапки поджаты под брюшко, к передним опущена головка. Создается впечатление, что она что-то грызет. Ушки оформлены двумя полосками на теменной части головки и одной – на лобной. Хорошо выточен носик и выделены углублениями глаза.

Фигурка из жилища 263 (Ш-263-20) изготовлена из черного обсидиана (рис. 7, б). Ее размеры 36×15×14 мм. Основание плоское. Вертикальное отверстие овальной формы и, по сравнению с другими нэцкэ, очень большое – 20×8 мм. Скульптурка также изображает сидящую мышку. Схематично показаны лапки, зато хорошо выточены ушки и нос, между которыми резными линиями обозначена шерсть. Глазки показаны вырезанными углублениями. Хвостик короткий, поэтому создается впечатление, что это не мышь, а хомяк.

Брелоки типа нэцкэ в виде птиц (3 экз.). Все они изображают спокойных, отдыхающих птиц. Следует подчеркнуть, что птичьи перья средневековые мастера отображали (и не только на брелоках) горизонтальными полосками. В этих брелоках учтен цвет птиц: фигурки лебедей сделаны из светлого камня, а куropаток – из светло-коричневого.

Фигурка лебедя, найденная на Шайгинском городище в жилище 21(Ш7-21-4), изготовлена из молоч-

но-белого кварца (рис. 8, а). Ее размеры 28×22×23 мм, диаметр вертикального отверстия 3,5 мм. Основание плоское. Изображен спящий лебедь, который, вытянув назад шею, положил голову на крылья. Бороздками хорошо проработаны закрытые глаза, клюв и крылья. Перья на крыльях показаны горизонтальными полосками.

Брелок в виде парного изображения лебедей, обнаруженный в жилище 73 Шайгинского городища (Ш71-73-30), сделан из молочно-белого нефрита (рис. 8, б). Размеры скульптурки 35×19×20 мм. Основание плоское. Изображены лебеди, прижавшиеся грудками друг к другу, их шеи перекрещиваются, головка каждого упирается в основание шеи партнера. Хорошо проработаны клювы, головы и крылья, причем последние оформлены горизонтальными полосками, как и на предыдущей фигурке. Общее впечатление от скульптурки – полное единение. Центральное вертикальное отверстие диаметром 3 мм в верхней части проходит между головками лебедей. Здесь имеется и дополнительное отверстие, которое находится под головкой одной птицы и соединяется с основным.

Парное изображение куropаток из жилища 93 Шайгинского городища (Ш73-93-33) изготовлено из кварц-серицитовой породы цвета слоновой кости (рис. 9). Размеры 40×24×17 мм. Основание овальное. Это единственная скульптурка, которая не удерживается на плоскости в вертикальном положении. Очень реалистично изображены две птички, которые, прижавшись грудками, положили головки на спины друг другу. Показаны раскрытые клювы, выделенные бороздками, и глаза в виде углублений. Перья на крыльях, как и на предыдущих скульптурках, переданы горизонтальными бороздками. Но здесь крылья оформлены еще и вертикальными полосками.

Брелок типа нэцкэ в виде человека и птицы (рис. 10). Он найден на Ананьевском городище в жилище 107 (А02-107-8). Изготовлен из камня цвета слоновой кости. Размеры 33×17×10 мм, диаметр вертикального отверстия 2 мм. Основание плоское. Человек показан с непропорционально большой головой. Подобный прием прослежен на бронзовых вотивных подвесных скульптурках (духи предков). Человек изображен в сидячем положении, голова как бы нависает над телом. Она лысая, как и положено в традиции даосских монахов. Лицо явно монголоидное, глаза, нос и рот показаны небольшими углублениями, выражение отрешенное. Руки приподняты, левая опирается на птицу, которая плохо различима. Хорошо видны только крылья, оформленные, как и на скульптурках лебедей, горизонтальными полосками. Эту композицию исследователи связали с изображением одного из бессмертных, сидящего на священном журавле, или аисте, или лебеде [Хорев, Бродянский, 2003, с. 191].

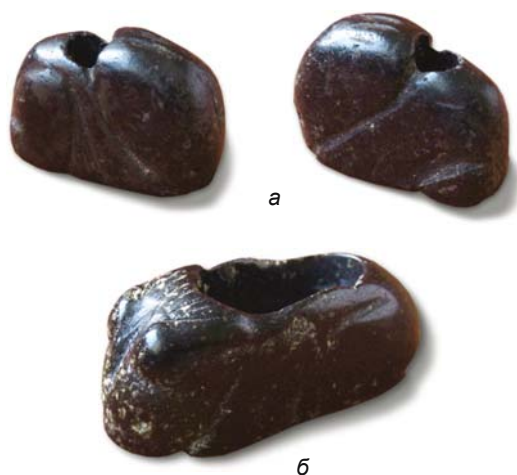

Рис. 7. Фигурки мышей. Шайгинское городище.
а – аргиллит; б – обсидиан.

Рис. 8. Нэцкэ в виде лебедя. Шайгинское городище.
а – кварц; б – нефрит.

Брелоки типа нэцкэ в виде рыб (3 экз.). В изображении рыб чжурчжэни вырабатывают специальный прием передачи чешуи – это ромбовидная сетка.

Фигурка карпа (рис. 11, а) найдена на Шайгинском городище в жилище 141(Ш-141-8). Она изготовлена из белого нефрита. Размеры 42×20×7 мм, диаметр вертикального отверстия 3 мм. Основание плоское. Очень похоже, что карп изображен в момент кормления: пасть открыта, приподнята вверх, хорошо проработаны губы. На носу видны наросты. Глаза показаны круглыми углублениями. Полосами подчеркнуты жабры. Все тело покрыто мелкой ромбовидной сеткой (чешуя). Показаны верхний и нижние плавники. Хвост передан в движении, изогнут, проработан веерообразными бороздками.

Фигурка карася, обнаруженная в жилище 177 Шайгинского городища (Ш-177-10), выточена из бе-

лого нефрита (рис. 11, б). Ее размеры 34×17×9 мм. Основание плоское. Вертикальное отверстие овальное, 3×5 мм. Скорее всего, карась изображен во время прыжка. Его спинка изогнута и переходит в хвост. Голова с верхним плавником представлена одной линией. Двойной бороздкой показаны жабры. Так же выделен хвост, оформленный веерообразными полосами. На теле чешуя передана ромбовидной сеткой.

Парное изображение рыб из жилища 10 Шайгинского городища (Ш5–10-24) сделано из кварцевых пород (рис. 12). Оно приближено к плоскостному. Размеры скульптурки 36,0×19,0×5,5 мм. В ее центральной части просверлены симметричные овалы.

Рис. 9. Парное изображение куропаток. Шайгинское городище. Кварц.

Рис. 10. Нэцкэ в виде человека и птицы. Ананьевское городище. Кварц.

Рис. 11. Фигурки карпа (а) и карася (б). Шайгинское городище. Нефрит.

Рис. 12. Парное изображение рыб. Шайгинское городище. Кварц.

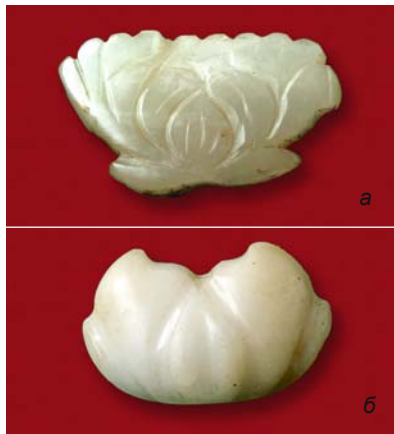

Рис. 13. Нэцкэ в виде пиона. Шайгинское городище. а – нефрит; б – кварц.

Рис. 14. Нэцкэ-«треугольники». Шайгинское (а–д) и Ананьевское (е) городища. а – кварцит; б – кварц; в – обсидиан; г – горный хрусталь; д – обсидиан; е – агат.

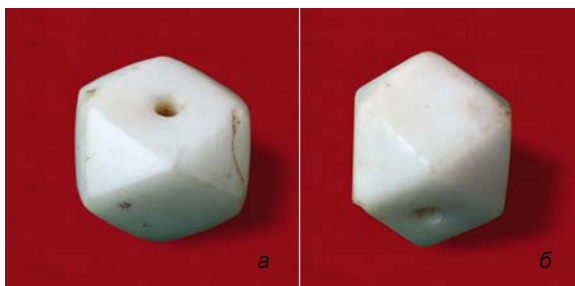

Рис. 15. Нэцкэ в форме 14-гранника. Шайгинское городище. Кварц.

ные отверстия (9×3 мм), благодаря которым видно, что изображены две рыбки, соединенные головами, брюшками и хвостами. Головки и хвосты выделены двойными бороздками. Чешуя передана резными дугообразными линиями.

Брелоки типа нэцкэ в виде цветов (2 экз.). Изображение пиона, найденное на Шайгинском городище в жилище 124 (Ш-124-9), сделано из белого нефрита (рис. 13, а). В литературу оно вошло под названием «хризантема» [Шавкунов, 1990, с. 146]. В нижней части цветка хорошо виден раскрывшийся пятилистник – пион. Размеры нэцкэ 30×18×13 мм, диаметр вертикального отверстия 3 мм. Основание плоское.

Другой брелок в виде пиона (рис. 13, б) обнаружен на том же городище в жилище 144 (Ш-144-3). Он изготовлен из бело-молочного кварца и представляет собой бутон цветка. Размеры 32×21×16 мм, диаметр вертикального отверстия 3 мм. Основание плоское. Следует подчеркнуть, что в изображении пионов нижние три листа очень напоминают листья лотоса, поэтому вполне может быть, что чжурчжэни воспроизводили «собирательный образ» цветка.

В коллекции мелкой пластики имеются каменные изделия в виде геометрических фигур (треугольники, многогранники), которые явно имели функциональное назначение нэцкэ. Основания у них плоские.

Рис. 16. Нэцкэ в виде 20-гранника. Городище Круглая Сопка. Горный хрусталь.

Все они небольших размеров с вертикальными отверстиями. Причем по форме и размерам некоторые изделия очень близки к фигуркам.

Брелоки типа нэцкэ в виде геометрических фигур (9 экз.). Шесть из них имеют форму, близкую к треугольнику, три – многогранники.

Пять нэцкэ-«треугольников» обнаружены на Шайгинском городище. Брелок из жилища 256 (Ш-256-56) изготовлен из белого кварцита (рис. 14, а). Его размеры 22×16×11 мм, диаметр центрального отверстия 3 мм. Края брелока сильно скруглены. Нэцкэ из жилища 42 (Ш8-42-4) сделано из кварц-серицитовый породы цвета слоновой кости (рис. 14, б). Размеры 34×17×12 мм, диаметр вертикального отверстия 3 мм. Нижние края брелока заострены.

Нэцкэ из жилища 148 (Ш-148-5) вырезано из черного обсидиана (рис. 14, в). С обеих сторон камень имеет овальные углубления, в одном из которых остались следы зеленоватого стекла (?). Возможно, все они ранее были заполнены стеклянной пастой (инкрустация). Размеры изделия 34×20×14 мм. Вертикальное отверстие большое – 20×5 мм, в виде овала. Брелок из жилища 42 (Ш9-42-6) сделан из дымчатого горного хрусталя (рис. 14, г). Размеры 30×20×18 мм, диаметр вертикального отверстия 4 мм. Брелок из жилища 94 (Ш73-94-4) изготовлен из черного обсидиана (рис. 14, д). Размеры 30×24×19 мм, диаметр вертикального отверстия 4 мм. Один брелок в виде треугольника обнаружен на Ананьевском городище (А-82-3) (рис. 14, е). Он изготовлен из темного агата. Размеры 32×24×17 мм, диаметр вертикального отверстия 3 мм.

Брелоки в виде 14-гранника (рис. 15) обнаружены на Шайгинском городище в жилищах 249 (Ш-249-66) и 95 (Ш73-95-3). Они изготовлены из белого кварца. Размеры первого 19×22×16 мм, второго 18×17×17 мм. Диаметр вертикальных отверстий 3 мм.

Брелок в виде 20-гранника (рис. 16) найден на городище Круглая Сопка в раскопе 2 (КС87-Р2). Он выточен из прозрачного горного хрусталя. Размеры 28×24×19 мм, диаметр вертикального отверстия 3 мм.

По представленной коллекции брелоков типа нэцкэ из средневековых памятников Приморья видно, что чжурчжэньские мастера в этом виде искусства достигли очень высокого уровня. Изображая в мелкой пластике

млекопитающих, птиц, рыб, людей и цветы, а также геометрические формы, они следовали, скорее всего, уже устоявшимся традициям. Размеры фигурок не превышали определенных стандартов: ширина в пределах 25–36 мм, высота 15–24 мм. Учитывалась цветовая гамма материала. Крылья птиц обозначались горизонтальными полосами, а чешуя рыб – ромбовидной сеткой. Изображения очень реалистичны, без схематизма. Здесь уже прослеживаются характерные формы и сюжеты. Некоторые исследователи связывали брелоки типа нэцкэ в виде животных с пережитками тотемизма у чжурчжэней [Васильева, 1976]. Безусловно, в древности любое изображение должно было нести смысловую нагрузку и, скорее всего, религиозно-магическую. Очевидно, брелокам типа нэцкэ посредством изображения придавали функцию оберега. Характерный стиль и определенные стандарты, прослеживающиеся в изготовлении этих изделий, дают основание предположить, что у чжурчжэней к XIII в. самобытное направление в мелкой пластике обрело свои формы.

Список литературы

- Васильева Т.А.** Пережитки тотемизма у чжурчжэней // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 147–153.
- Воробьев М.В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 367 с.
- Хорев В.А., Бродянский Д.Л.** Даосские сюжеты в искусстве Ананьевского городища // Тихоокеанская археология. – Владивосток, 2003. – Вып. 13: Древности Приморья и Приамурья в контексте тихоокеанской археологии. – С. 186–192.
- Шавкунов Э.В.** О назначении чжурчжэньских миниатюрных скульптурок из камня // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1969. – № 6: Сер. обществ. наук: вып. 2. – С. 91–93.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 284 с.

Материал поступил в редколлегию 11.10.10 г.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБРЯДНОСТИ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ КОМИ-ИЖЕМЦЕВ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ*

В статье на полевом материале, собранном у коми-ижемцев Нижнего Приобья в 2009–2010 гг., рассматривается медицинская культура и ее функционирование в синхронии и диахронии. Народная медицина коми-ижемцев тесно связана с религиозной обрядностью, в частности, с практикой молитвы и обетов, феноменом святой воды и с предметно-вещным миром. В работе рассматриваются особенности «пересечения» этих элементов и медицинской культуры (их функции и семантика). Приводятся данные о сакральной топографии, например, об обетных крестах и водных источниках, играющих важную роль в религиозной практике ижемцев и направленных на поддержание физического и духовного здоровья.

Ключевые слова: коми-ижемцы, народная медицина, религиозная обрядность, сакральная топография.

В системе знаний коми-ижемцев Нижнего Приобья важное место занимал магико-медицинский комплекс, способствующий адаптации и самосохранению народа на новой для него территории проживания (переселение этой группы коми из Архангельской в Тобольскую губ. началось в первой половине XIX в.). Все его элементы сформировались в природных, культурных, социальных условиях, в которых человеку приходилось не просто выживать, но и быть частью общества со всеми его установками, ролями, требованиями. Магико-медицинский комплекс ижемцев включал знания о врачевании с помощью массажа, оперативных манипуляций, трав, минеральных веществ и других продуктов органического происхождения. При лечении тех или иных заболеваний использовались также магические приемы. У ижемцев – оленеводов и

животноводов была развита ветеринария [Ермакова, 2009а–в; 2010 а,б]. По мнению ряда исследователей, в структуре магико-медицинских знаний этой группы коми главенствовали рациональные способы лечения и меры профилактики заболеваний. И.В. Ильина отмечает рационализм народной медицины ижемцев, их индифферентность к лечебно-магической обрядности [2008, с. 200]. Наши полевые данные свидетельствуют о том, что одним из оснований медицинской практики ижемцев Нижнего Приобья были религиозные представления, по значимости они не уступали рациональным знаниям. Эти представления уходили корнями в религиозный фонд коми, который был многослойным и сформировался под влиянием дохристианского, финно-угорского (уральского) языческого, христианского православно-догматического и русского народно-христианского факторов, учений различных религиозных конфессий: новоправославия и древлеправославия (старообрядчества) [Лимеров].

В статье рассматриваются религиозная обрядность и вообще все действия, направленные на поддержание здоровья человека (в широком смысле как состояния

*Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Этнокультурные процессы у коми Нижнего Приобья в XIX – начале XXI в.».

полного физического, душевного и социального благополучия). Исследование базируется на материалах 2009–2010 гг., собранных в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого АО, а также Казымском и Белоярском р-нах Ханты-Мансийского АО.

В наблюдениях А. Алквиста, относящихся ко второй половине XIX в., коми Березовского окр. предстают как «равные по набожности русским, а в нравственном отношении и далеко превосходящие их» [1999, с. 105]. Как отмечает Н.А. Повод, «духовная культура коми-зырян во многом определялась православными традициями» [2006, с. 145]. По мнению Н.М. Теребихина и Д.А. Несанелиса, «за лоском и блеском православного уклада ижемцев скрывается их внешнее благочестие, порожденное ориентацией на “русскость”, и стремление перешеголять “русских” во всем, в том числе и в их русской “православной вере”» [2008, с. 145].

Подтверждение этим словам можно найти сегодня как в воспоминаниях наших информаторов, так и в их повседневной жизни. Например, многие отмечают, что ижемцы не делали аборт, считали их большим грехом и приравнивали к убийству человека. З. Козлов, говоря о религиозном быте прихожан церкви с. Мужы, отмечал, что они «в особенности заботятся о больных: напутствуют их таинством покаяния и причащения; таинство елеосвящения также часто совершается» [1903, с. 399]. Ижемцы этого прихода соблюдали посты: «Особые посты наложены прихожанами 11-го февраля, в день св. Власия, по случаю падежа скота и 27-го июля по случаю болезни дифтерита и скарлатины; в оба раза бывают крестные ходы вокруг села» [Там же].

Наши собеседники помнят, как их бабушки ежедневно, утром и вечером, молились перед иконами. Некоторые в любое время года, даже зимой, выходили на улицу и, повернувшись лицом к востоку, читали молитвы. Существовала практика чтения канонических молитв перед принятием пищи. Самыми распространенными были «Отче наш», «Живые помощи» (Псалом 90), «Верую» («Символ веры»), «Богородица» (видимо, «Богородица Дево, радуйся...»), «От стрелы летящей...» и др. Их старались заучивать и произносили в кризисных жизненных ситуациях, например, в случае болезни человека. Молитвы записывали на бумагу и как обереги носили с собой или помещали в икону. Р.А. Батманова рассказала, что перед отъездом на учебу получила записанные бабушкой три молитвы – «Живые помощи», «Верую» и «Отче наш». Эти записи и сейчас хранятся ею как семейные реликвии.

Религиозная культура поддерживалась и благодаря имевшейся в домах ижемцев церковно-богослужбной литературе, прежде всего книгам Священного Писания (Евангелие, Псалтирь), различным молит-

венникам, месяцесловам (святцам), Житиям святых и др. В настоящее время молитвословы приобретают в церкви. В семьях есть Библия на коми языке, хотя и раньше, и сейчас канонические молитвы читают, как правило, на русском. «...Молитву свою зырянин творит не иначе как на русском языке», – отмечал еще в начале XIX в. А.И. Шренк [2009, с. 167]. Импровизированные обращения произносят чаще всего, особенно пожилые ижемцы, на родном языке. С одним из них нас познакомила Т.В. Конева (она же сделала перевод на русский язык): «Никола Милостливый, благослови меня день провести хорошо, здоровым, и не дай мне расстраиваться, лишнее к себе применять. Держи меня от плохого наставления, чтобы я никому плохого не делала, и чтобы мне никто плохого не сделал».

В каждом доме ижемцев обязательно были писанные, выполненные типографским способом или меднолитейные иконы, распятия. Как отмечал в начале XX в. З. Козлов, описывая приход с. Мужы, «икон в домах прихожан всегда бывает много» [1903, с. 397]. По словам Р.А. Батмановой, у бабушки иконы (около десяти) стояли в два ряда, а справа висело деревянное распятие. Для писаной на дереве иконы делали рамку со стеклом, реже икону покрывали медным окладом. Наличие в домах ижемцев меднолитейных икон и икон с окладом свидетельствует, возможно, о том, что коми придавали особое значение меди (*ырген*). Медь «надеялась способностью отгонять нечистую силу и болезни. У коми-зырян ырген образ (медный образок) считался самой надежной охраной дома от бед, напастей, пожара. Ырген образок оберегал и путника в дороге. Больного (испорченного) человека принято было поить из металлической, преимущественно, ырген посуды» [Уляшев]. Раньше в домах некоторых ижемцев имелась медная посуда (привезенная из-за Урала) для хранения воды. Бактерицидные свойства меди и ее сплавов, в частности бронзы, известны давно. Медную копейку прикладывали к пупу при грыже. С помощью золота (золотых колец) диагностировали заболевания сердца; считалось, что если оно чернеет – сердце болит.

В домах ижемцев встречаются одиночные иконы, а также двусторчатые складни. Домовые иконы стояли на божнице или висели рядом с ней. Божница находилась в переднем (красном) углу и представляла собой деревянную полку; вместе со стенами она образовывала треугольник. Иногда божницу украшали полотенцами, нарядной занавеской, обязательно белого цвета. Под иконы подкладывали какую-либо вышитую салфетку или полотенце. Такое размещение икон характерно и для русской православной традиции [Шангина, 2003, с. 362–364] (рис. 1).

Как правило, напротив «главной» иконы – самой почитаемой, самой большой или самой старой к потолку крепят лампаду. Иногда лампаду ставят на божницу. На божницу помещают покупные фигурки ангелочков

Рис. 1. Божница в доме коми-ижемцев, д. Новый Киеват Шурышкарского р-на, 2010 г. Фото Е.Е. Ермаковой.

Рис. 2. Красный угол в доме коми-ижемцев, с. Мужы Шурышкарского р-на, 2009 г. Фото Е.Е. Ермаковой.

(или тех персонажей, которых принимают за ангелочков). В одном доме на божнице рядом с иконами мы видели фигурку эльфа, пасхальные яйца, емкость со святой водой, лампадное масло, свечи, ладан, просфоры, веточки ольхи или вербы. На полки, где находятся иконы, ставят различные фигурки. Например, в одном из домов рядом с иконами стояли деревянная фигурка оленя с надписью на постаменте «Ямал», выполненная из дерева и раскрашенная акварелью миниатюрная церковь, лежали раковины моллюсков и др. (рис. 2).

Рядом с иконами, портретами предков или в другом видном месте практически в каждом доме ижемцев имеются изображения лебедя (*юсь*). Известно, что лебедь у коми-зырян — оберег, хранитель домашнего очага [Конаков] (рис. 3).

Рядом с иконами, прикрепленными к стене, нередко вешают нательные крестики, скульптурные миниатюры с изображением библейских персонажей, например Иисуса Христа. Если домашний иконостас находится в шкафу, а такое встречается достаточно часто, то там же может храниться церковно-богослужебная литература. Шкаф украшают искусственными цветами. Такой шкаф напоминает киот. Зачастую в домах ижемцев имеется несколько мест, где находятся иконы. В последнее время на стены рядом с иконами часто вешают печатные плакаты с церковным календарем, что актуализирует православные традиции ижемцев (рис. 4).

В чуме иконы ставили на полку, подвешенную напротив входа и покрытую тканью (рис. 5). Чтобы иконы не упали в ветреную погоду, их снабжали специальными кольцами, за которые привязывали к державшим чум палкам. Такие кольца можно видеть сегодня на некоторых иконах, находящихся в домах.

Самыми любимыми у ижемцев были иконы с изображением Божией Матери, Иисуса Христа и Николая Чудотворца. Это наиболее чтимые в Западной Сибири, в частности на Тюменском Севере, христианские персонажи [Иерей Андрей (Тимошенко)]. Встречались и другие образы (говорим только о «старых» иконах, приобретенных до конца XX в.), например, Пантелеймона Целителя, святителя митрополита Тобольского Иоанна, архангела Михаила, Серафима Са-

Рис. 3. Изображение лебедя как оберег в доме коми-ижемцев, д. Новый Киеват Шурышкарского р-на, 2010 г. Фото Е.Е. Ермаковой.

Рис. 4. Шкаф-киот в доме коми-ижемцев, с. Полноват Белоярского р-на, 2010 г. Фото Е.Е. Ермаковой.

ровского, Стефана Пермского, великомученика Харлампия, святой мученицы Стефаниды и др. На одной из икон, четырехфигурной по композиции, изображены Св. Власий епископ Севастийский, Св. преподобный Лазарь, Св. преподобный Ануфрий Афонский, Св. мученик Харлампий. Иконы в основном одно- и двухфигурные. Одни из них были привезены ижемцами из-за Урала, а другие, видимо, приобретены уже в Сибири.

Перед домовыми иконами ижемцы произносили молитвы, обращались к высшим силам с насущными просьбами, например, о выздоровлении [Шангина, 2003, с. 364]. Иконы использовали и в лечебной магии. Их обмывали водой, а затем эту воду применяли для лечения испуга, сглаза, порчи. Особенно часто в этих случаях прибегали к иконам с изображением Богородицы.

Для того, чтобы в доме был достаток, в икону (в деревянной рамке со стеклом) клали бумажные и медные деньги (рис. 6). Иконы выносили из дома, когда требовалось остановить огонь. М.К. Завьялова рассказала о таком происшествии: «На берегу все балки горели – с иконой стояла Казанской (Казанская икона Божьей Матери), молитву читала: “Казанский Божьей Матерь, помоги пожар тушить! От души прошу тебя,

Рис. 5. Иконы в чуме коми-ижемцев, 1990-е гг. Фото-архив Е.Е. Каневой.

Рис. 6. Икона-оберег, умножающая богатство в доме, с. Полноват Белоярского р-на, 2010 г. Фото Е.Е. Ермаковой.

помоги, ради Христа!” И помог, потухло». С помощью иконы искали утопленника: ее пускали на воду, и она, крутясь, должна была показать то место, где произошло несчастье.

До сих пор во многих домах за иконами или рядом с ними можно увидеть веточки вербы или чаще ольхи. Их срывали заранее, чтобы дома они дали листочки.

Освящали веточки в церкви на Вербное воскресенье. Шишечки этих растений съедали при плохом самочувствии. Веточками прикасались к больному с импровизированным наговором: «Не болей, чтоб твоя болезнь вышла, на ноги стал» (ПМА, А.Ф. Хозяинова). Этими веточками детей слегка похлопывали с головы до ног, чтобы они были здоровыми. Веточками выгоняли на пастбище скот (при этом что-то наговаривали), а после оставляли их в стойке как оберег. По прошествии года, перед Вербным воскресеньем, веточки сжигали в печи.

Для лечения как универсальное средство ижемцы использовали просфоры. Считалось, что если болят зубы, нужно подержать просфору во рту. Этой традиции придерживаются и сегодня. Просфоры хранят, как правило, рядом с иконами (рис. 7). На божнице хранили также пасхальные яйца. Через год их зарывали в землю в углу дома, где находится красный угол, или сжигали в печке (сегодня информаторы не могут объяснить, с какой целью это делали).

Ижемцы носили нательный крест (*перна*), который, по их представлениям, выполнял функцию оберега, был «главным вуджрором – тенью-оберегом» [Шарапов, 2001, с. 305]. Считалось, что если ты христианин, носишь крестик, то «к тебе ничего не пристанет» (ПМА, Г.Ф. Урубкова). Крестик клали на темя во время «правки головы», если произошло «смещение». Многие как семейную реликвию до сих пор хранят (но не носят) нательные кресты своих предков, отлитые из цветных или драгоценных (из золота и серебра) металлов. По обычаю человека хоронили с деревянным крестом: считалось, что «бесы на том свете притягивают к себе все металлическое, как магнит» [Там же].

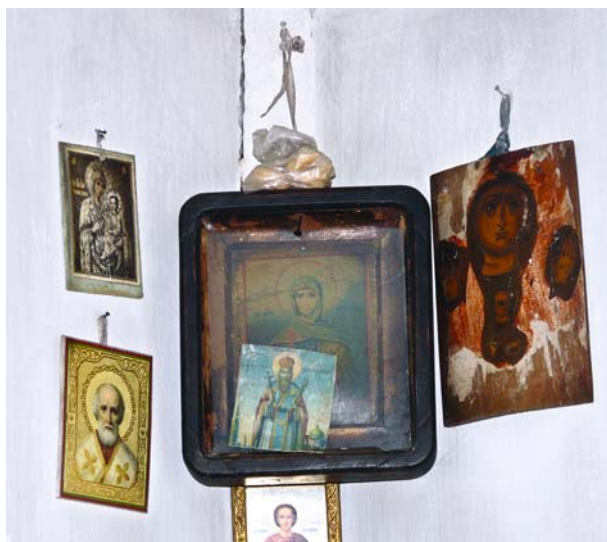

Рис. 7. Просфоры в красном углу на иконе, с. Мужы Шурышкарского района, 2009 г. Фото Е.Е. Ермаковой.

У ижемцев Нижнего Приобья была развита практика давать обеты. В начале XX в. З. Козлов писал, что в несчастях прихожане с. Мужы «дают обеты» [1903, с. 399]. Мы зафиксировали эту практику в форме индивидуального обетного паломничества к почитаемому (святому) месту или соблюдения неких правил поведения как личного «договора» с Богом. Данная практика была связана с т.н. обетной ситуацией, кризисом, который переживал человек или все общество на определенном отрезке времени, например, с болезнью или угрозой жизни индивида или коллектива [Щепанская, 1995, с. 110–176]. Как рассказала нам А.И. Семяшкина, ее родственница перед иконами давала обещание (*кэсийны*), что если «поправится», то съездит в церковь в Тобольск. Н.Д. Рочева помнит, что 9 августа, в день великомученика Пантелеймона, мама ничего не ела и не пила – так она исполняла обет, который дала с просьбой о счастливых родах. Практика обетов имела непосредственное отношение к такому значимому для ижемцев месту, как урочище Кресты (*Мыжи Из* – Мужевский Урал), находящееся примерно в 8 км на запад от с. Мужы. Ижемцы, шедшие из-за Урала в поисках новой родины, отслужили здесь молебен по случаю благополучного прибытия на новое место жительства после долгого и безлюдного перехода. Видимо, вскоре после этого события на возвышенности установили деревянный крест (рис. 8). По воспоминаниям информаторов, раньше на этом месте стояли два креста, справа и слева от дороги. На этом «священном» месте (эпитет наших информаторов) всегда делали остановку, когда ехали по Тильтимской дороге. Оленеводы «молились, приносили жертву (хлеб, спиртное) и пили водку из медных колокольчиков, снимая их с оленей» [Голубкова, 2006,

Рис. 8. Урочище Кресты близ с. Мужы Шурышкарского р-на, 2005 г. Фото П.Р. Черкашина.

с. 102]. По сообщению П.Р. Черкашина, и сейчас рядом с крестом оставляют немного водки (в бутылках) и хлеб. Сюда приходили молиться, поскольку в с. Мужа церкви не было с 1929 до 2000-х гг. Можно предположить, что крест (видимо, какой-то один из двух) считался обетным: существовал обычай просить перед иконами о выздоровлении и давать обещание «дойти до Крестов». К этому месту относятся с особым уважением. Сакрализацию урочища подчеркивается и ритуализацией поведения: на Крестах нельзя было ругаться матом, громко говорить, хохотать. Эти запреты соблюдаются до сих пор. Вероятно, местночтимая святыня – обетный крест – находилась и в самих Мужах. А.Ф. Хозяинова помнит, что раньше в Мужах рядом с домом по ул. Советской, 15 стоял крест, он был огорожен, рядом с ним росли две ели. Люди останавливались около него и крестились. Со временем крест сгнил, оградку снесли, а ели, уже засохшие и без оградки, были спилены после 2004 г.

Культурный ландшафт селений, где проживали ижемцы, а также близлежащих территорий включал в себя не только кресты, но и почитаемые водные объекты. Недалеко от с. Мужа вверх по р. Юган находится пережат, где река поворачивает направо и ее движение преграждают валуны (*бурэдан* или *бурудан*; по одной из версий, это слово заимствовано у хантов, у которых есть созвучное сочетание двух слов, оно переводится как «говорящая вода»). Вода здесь прозрачная, чистая, ее считали целебной (рис. 9). По воспоминаниям информаторов, накануне дня Ивана Купала ею обливались, ее пили, набирали для бытовых и лечебных целей. На Крещение здесь накалывали лед (иордань не делали, поскольку неглубокая река промерзала практически до самого дна). Эту воду хранили целый год, она не портилась. Ею, по словам А.Ф. Хозяиновой, полоскали горло, промывали гноящиеся глаза. *Бурэдана* просили об исцелении [Шарапов, 2006, с. 21–22]. Сейчас на Крещение святую воду (*вежа ва*) набирают из иордани на р. Малая Обь. Перед тем, как на Крещение идти за новой водой, оставшейся брызгали по углам дома, чтобы «ушло плохое». При этом произносили примерно такие слова: «Чтобы хорошо все было, не болели да здоровы были». Раньше ввиду отсутствия священников воду освящали верующие пожилые люди, как правило, женщины. Благоговейное отношение к крещенской воде сказывалось, например, в том, что некоторые хранили ее на божнице, рядом с иконами. Теперь освященную воду можно взять в церкви, однако лечиться предпочитают именно кре-

Рис. 9. Бурэдан на р. Юган близ с. Мужа Шурышкарского р-на, 2008 г.
Фото П.Р. Черкашина.

щенской водой, поэтому ее набирают с запасом на год. В советское время святую воду привозили и из других мест, например, из Тобольска. Сейчас география доставки такой воды значительно расширилась, и ее, как и другие религиозные атрибуты (иконы, книги, свечи, кресты, масло и т.п.), привозят со всей России, часто из паломнических туров в Дивеево, Троице-Сергиеву лавру и т.д.

Святой водой наиболее часто лечили детей от испуга, сглаза, если ребенок не спал, капризничал, плакал. Считалось, что ребенку «долго плакать нельзя», поэтому лечение осуществляли по возможности оперативно, тем более что святая вода была практически в каждом доме. Многие информаторы отмечают, что святой водой умываются сами, добавляют ее в «банную» воду, пьют ее «от всякой болезни»: недомогания, икоты, сглаза, испуга, порчи, головной боли, рожи, «когда на душе тяжело», от тоски и т.д. Святой водой запивают лекарства и верят, что после этого «Бог здоровье даст». Для умывания небольшую порцию святой воды добавляют в обычную воду. Перед принятием воды читают молитвы. Святой водой обрызгивают дом «от злых духов».

Духовный компонент – один из ключевых для улучшения здоровья народов Севера [Доклад..., 2007, с. 159]. У коми-ижмцев религиозная практика играла важную роль в поддержании здоровья человека, причем здоровье понимается нами как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней» [Здоровье]. Отлучение от религиозной веры не могло не сказаться на преемственности традиций религиозного врачевания. Формировалось девиантное поведение, из-за которого прервалась трансляция многих знаний,

в т.ч. медицинских, и особенно базировавшихся на религиозных практиках. Однако благодаря мощной религиозной базе ментальных установок коми-ижемцев обследованного региона в целом религиозная обрядность дошла до наших дней и продолжает играть важную роль в медицинской практике.

Список литературы

- Алквист А.** Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – 179 с.
- Голубкова О.В.** Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 101–111.
- Доклад о развитии человека в Арктике (ДорЧА)** / ред. А.В. Головнёв. – Екатеринбург; Салехард: [б.и.], 2007. – 244 с.
- Ермакова Е.Е.** Народная медицина ижемцев Нижнего Приобья // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2009а. – № 7. – С. 173–180.
- Ермакова Е.Е.** Традиции врачевания у коми Нижнего Приобья: старые лекари и новые преемники // Профилактическая роль культуры и искусства. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. акад. культуры, искусств и соц. технологий, 2009б. – С. 89–93.
- Ермакова Е.Е.** Фитотерапия в народной медицине коми-ижемцев Нижнего Приобья // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. – Уфа: Ин-т этнолог. исслед. УНЦ РАН, 2009в. – С. 101–107.
- Ермакова Е.Е.** Массаж в народной медицине ижемцев Нижнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2010а. – № 1. – С. 165–173.
- Ермакова Е.Е.** Народная медицина в системе жизнеобеспечения ижемцев Нижнего Приобья // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010б. – С. 164–167.
- Здоровье.** – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Здоровье> (дата обращения 16.09.2010).
- Иерей Андрей (Тимошенко).** История развития иконописи в Сибири и Зауралье. – URL: http://krotov.info/library/19_t/im/oshenko.htm (дата обращения 12.05.2010).
- Ильина И.В.** Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока (конец XIX – XX в.). – Сыктывкар: Коми науч. центр РАН, 2008. – 236 с.
- Козлов З.** Описание прихода с. Мужы Березовского уезда Тобольской губернии // Тобол. епарх. вед. – 1903. – № 16. – С. 394–404.
- Конаков Н.Д.** Юсь. – URL: <http://www.komi.com/folk/myth/431.htm> (дата обращения 16.01.2011).
- Лимеров П.Ф.** Религиозность народа коми: формирование религиозного фонда. – URL: <http://artlad.ru/magazine/all/2008/1/179/187> (дата обращения 24.01.2011).
- Повод Н.А.** Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). – Новосибирск: Наука, 2006. – 272 с.
- Теребихин Н.М., Несанелис Д.А.** Географические образы этнокультурного ландшафта коми-зырян // Поморские чтения по семиотике культуры. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 2008. – Вып. 3. – С. 141–148.
- Уляшев О.И.** Ыргӧн. – URL: <http://www.komi.com/folk/komi/435.htm> (дата обращения 05.12.2010).
- Шангина И.И.** Русский традиционный быт: энцикл. словарь. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 688 с.
- Шарапов В.Э.** Натальный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставрографический сборник. – М.: Древлехранилище, 2001. – Кн. 1. – С. 297–306.
- Шарапов В.Э.** Традиционное мировоззрение в обрядах и фольклоре современных коми: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 25 с.
- Шренк А.И.** Путешествие к Северо-Востоку Европейской России. – М.: ОГИ, 2009. – 496 с.
- Щепанская Т.Б.** Кризисная сеть: Традиции духовного освоения пространства. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – С. 110–176.

Материал поступил в редколлегию 14.02.11 г.

УДК 572.71

В.Г. Моисеев, В.И. Хартанович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: vmoiseyev@mail.ru

vkhartan@yandex.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА БОЛЬШОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

В научный оборот вводятся новые краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря. Это единственная сейчас краниологическая серия с Крайнего Севера Европы и Зауралья. В результате анализа канонических корреляций 27 групп древнего населения Северной Евразии установлена ее специфичность. Наибольшее сходство отмечено с азиатскими сериями Западной Сибири и Алтая эпохи неолита – раннего железного века. Оставившее могильник население принадлежало к древней протоморфной антропологической общности, отличной как от «классических» монголоидов Восточной Сибири и Центральной Азии, так и от европеоидов Восточной и Западной Европы. Вероятно, основной ареал распространения этой общности в древности включал большую часть тундровой зоны Северной Европы и таежной зоны Приуралья и Зауралья.

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, Северная Евразия, Кольский полуостров, эпоха раннего металла, уралоязычные народы.

Введение

Могильник на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря – уникальный археологический памятник эпохи раннего металла в Северной Евразии. Его высокая научная значимость определяется крайне редкой для Заполярья хорошей сохранностью органических материалов: изделий из кости и рога, деревянных конструкций, костных остатков древних людей.

Большой Олений остров находится в северной части Кольского залива, в 6 км к югу от выхода в Баренцево море, отделен от материка Екатерининским островом и двумя неширокими проливами (рис. 1). Его основание сложено гнейсами и гранитами. В некоторых местах имеются отложения гальки и морского песка. Наибольшие песчаные отложения (ок. 1000 м²) находятся в южной части острова, на седловине между двумя гнейсогранитными возвышениями. В этих отложениях и обнаружен могильник.

Археологическое изучение района началось в 1925 г. с открытия Г.Д. Рихтером и С.Ф. Егоровым остатков разрушенного погребения на Большом Оленьем острове [Шмидт, 1930]. Первые раскопки могильника были проведены отрядом Кольской экспедиции АН СССР под руководством А.В. Шмидта в 1928 г. Было обнаружено 11 погребений, сопровождавшихся разнообразным каменным и костяным инвентарем. Результаты работ отражены в серии публикаций А.В. Шмидта и других участников экспедиции [Кольский сборник, 1930], а материалы переданы в этнографический отдел Русского музея. В 1934 г. во время строительства на острове береговых укреплений на месте могильника разрабатывался карьер по добыче песка. В ходе работ военный инженер А.В. Ципленков собрал археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений. Четыре находки он передал в АН СССР, судьба остальной коллекции неизвестна. В 1947–1948 гг. Кольская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Инсти-

Рис. 1. Карта-схема расположения Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря.

тута археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством Н.Н. Гуриной продолжила раскопки на могильнике. Площадь раскопа составила ок. 56 м², было вскрыто 10 погребений [Гурина, 1953]. Материалы переданы в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ РАН) и частично в Мурманский историко-краеведческий музей.

С 1998 г. изучение района возобновлено Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством В.Я. Шумкина. Разведки 1998 и 1999 гг. показали, что могильник вряд ли исследован полностью, а нераскопанные участки разрушаются в результате эрозии. В 2001–2004 гг. было исследовано ок. 120 м² могильника. Обнаружено и изучено девять погребальных камер, из них пять – одиночные, четыре – коллективные. Все погребения сопровождалось богатым инвентарем. Коллективные содержали два, четыре, пять и шесть костяков, в т.ч. детские и один – плода. Получено 19 костяков хорошей сохранности индивидуумов разного возраста, более 250 археологических артефактов [Шумкин, Мурашкин, 2003; Мурашкин, Шумкин, 2004; Шумкин и др., 2005; Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006; Мурашкин, 2007].

История изучения антропологических материалов из могильника на Большом Оленьем острове

Первые общие описания очень немногочисленных тогда костных материалов из могильника (раскопки А.В. Шмидта) дал С.Д. Сеницын [1930]. Были рассмотрены отдельные характеристики семи костяков взрослых индивидуумов, трех мужских и четырех

женских, причем черепа имелись лишь у четырех (один мужской и три женских). На основании сопоставления небольшого числа признаков, в основном формы черепной коробки, отмечено, «что все костяки из могильника... принадлежат к одной и той же народности», а также «что по форме головы население с Б. Оленьего о-ва было очень близко к современному лопарскому населению этой области» [Там же, с. 182]. Вместе с тем автор подчеркнул: «...вопрос о действительном родстве народностей двух отдаленных одна от другой эпох требует еще очень большого и тщательного изучения и собирания большего материала» [Там же, с. 183].

Монографическое описание черепов из могильника по широкой, близкой к современной, краниологической программе, их сравнительный анализ на фоне известных к тому времени древних и близких к современности серий с территории Евразии выполнены В.П. Якимовым [1953]. Им учитывались уже материалы из раскопок А.В. Шмидта и Н.Н. Гуриной. Автор отметил, что для погребенных «характерно наличие ряда антропологических особенностей, на основании которых они могут быть сближены с представителями большой монголоидной расы» [Там же, с. 459]. К этим особенностям были отнесены широкое, с большим указателем выступания, лицо; довольно значительные величины углов горизонтальной профилировки лицевого скелета; умеренное выступание носовых костей относительно линии профиля. Вместе с тем В.П. Якимов отметил, что по таким показателям, как небольшие высотные размеры лица (абсолютные и относительные), невысокие орбиты, относительно широкий лоб и др., оленеостровские черепа или занимают промежуточное положение между монголоидами и европеоидами, или сближаются с представителями европеоидного расового ствола. При сравнении с близкими к современности материалами автор подчеркнул «неидентичность» черепов «оленеостровцев» и саамов, большее сходство древних обитателей Большого Оленьего острова с ненцами, хантами, манси. Все взятые вместе признаки придают этой серии своеобразный морфологический облик, отличный от антропологических комплексов, характерных для современного населения.

При сравнении с древними краниологическими материалами была отмечена исключительная близость черепов с Большого Оленьего острова и из Луговского могильника ананьинской культуры. В.П. Якимов в крайне осторожной форме допускал возможность рассматривать такое морфологическое сходство как аргумент в пользу теории о продвижении ананьинского населения на запад и северо-запад из районов Поволжья. Впервые эту гипотезу на основании анализа археологических данных высказала М.Е. Фосс [1948], причем она подчеркнула, что окончательное решение вопроса зависит от антропологических материалов.

Рассматривая общую проблему генезиса антропологического типа, представленного черепами из Оленостровского и Луговского могильников, В.П. Якимов привел две гипотезы. Этот антропологический тип мог быть результатом смешения европеоидных и монголоидных элементов, происходившего в зоне их контакта, или являться «особым протомонголоидным вариантом одной из ветвей азиатского расового ствола» [Якимов, 1953, с. 467]. В целом же исследователь заключил, что в силу малочисленности материала затронутые вопросы решены быть не могут и для аргументированного выбора гипотез необходимо накопление новых палеоантропологических данных.

В дальнейшем, после публикации В.П. Якимова, краниологическая серия из могильника на Большом Оленьем острове, к сожалению, на длительное время практически выпала из научного оборота, крайне редко привлекаясь в исследованиях даже в качестве сравнительных материалов. На наш взгляд, выяснение систематического положения этой серии в составе древнего и современного населения севера Восточной Европы может служить ключом к решению многих спорных вопросов древней истории ареала.

Материалы исследования

В результате работ Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2001–2004 гг. на Большом Оленьем острове собрано 16 костяков индивидуумов разного возраста, в т.ч. 13 взрослых. Очевидно, что серия не столь велика, чтобы имеющиеся параметры стали «окончательными», да и могильник еще, по всей вероятности, не исследован полностью. Тем не менее новые данные позволяют уже увереннее судить об антропологических особенностях жителей Кольского полуострова середины – конца II тыс. до н.э. На сегодняшний день по человеческим костям из раскопок В.Я. Шумкина получены следующие абсолютные даты: погр. 12, фрагмент ребра – $3\,237 \pm 32$ л.н., калиброванные – 1525–1440 (68,2 %) и 1610–1420 (95,4 %) гг. до н.э.; погр. 13, коленная чашечка – $3\,195 \pm 39$ л.н., калиброванные – 1500–1430 (68,2 %) и 1530–1390 (95,4 %) гг. до н.э. (ORAU, Оксфордский университет, Великобритания).

Основу настоящего исследования составляют как опубликованные краниологические материалы из могильника на Большом Оленьем острове [Якимов, 1953], так и новые, поступившие в результате экспедиционных работ Кольской археологической экспедиции в 2001–2004 гг. Все они находятся на хранении в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: коллекции № 4952 (раскопки А.В. Шмидта), 5715 (раскопки Н.Н. Гуриной), 7265 (раскопки В.Я. Шумкина). Антропологические материалы из погр. 13 (раскопки 2002 г.) переданы в Го-

родской историко-краеведческий музей г. Полярный (Мурманская обл.).

Анализ особенностей посткраниальных скелетов выполнен в исследованиях С.Б. Боруцкой и С.В. Васильева [Боруцкая, 2005, 2006; Васильев, Боруцкая, 2006а, б]. Увеличившаяся численность костяков сделала более отчетливым половой диморфизм в серии. В связи с чем костяки № 5715-1, 5715-3 (в публикации В.П. Якимова – женские), с учетом особенностей строения как черепов, так и посткраниальных скелетов, отнесены к мужским. Дополнительно к измерениям В.П. Якимова определены параметры отдельной лобной кости с носовыми костями из раскопок Н.Н. Гуриной – № 5715-2. Краниологические измерения проводились по стандартной для российской антропологической школы программе.

Общая характеристика черепов из могильника на Большом Оленьем острове

Краниологические материалы очень хорошей сохранности, не потребовавшей существенной реставрации перед изучением, даже в области точки *rhinion*. По-видимому, это обусловлено присутствием в грунте мелкодробленых (естественным путем) раковин морских организмов. Черепа характеризуются сравнительно небольшими размерами, средней массивностью или даже часто грацильностью. Мышечный рельеф в большинстве случаев развит слабо. Признаки полового диморфизма иногда имеют противоречивое сочетание.

С увеличением численности краниологической серии несколько изменились отдельные ее характеристики (табл. 1). Уменьшились поперечный диаметр и, соответственно, черепной указатель, оба высотных диаметра – от базиса и от порионов. Лоб по абсолютному размеру стал несколько более узким, но на «фоне» уменьшения поперечного диаметра лобно-поперечный указатель даже возрос. Увеличились длина основания лица и лицевой указатель. Более явно проявилась тенденция к прогнатизму лицевого скелета в альвеолярной части. При «стабильно» очень большом скуловом диаметре увеличился горизонтальный фацио-церебральный указатель. Уменьшились верхняя высота лица, высота орбиты, носа. Особенно стала заметна горизонтальная уплощенность лица – увеличились и назомаллярный, и зигомаксиллярный углы. В носовой области уменьшились дакриальный и симотический указатели. Угол выступания носа относительно линии профиля практически не изменился в мужской части серии и немного вырос в женской.

Таким образом, серию в целом составляют черепа с очень низкой немассивной черепной коробкой мезобрахиальной формы. Лоб широкий. Лицевой

Таблица 1. Средние показатели черепов из могильника на Большом Оленьем острове

Признак	Мужские					Женские				
	Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной (по: [Якимов, 1953])		Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной, В.Я. Шумкина (сум- марные данные)			Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной (по: [Якимов, 1953])		Раскопки А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной, В.Я. Шумкина (сум- марные данные)		
	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Продольный диаметр	4	181,3	12	181,2	4,0	4	180,5	8	177,1	4,6
8. Поперечный диаметр	4	150,0	12	146,2	3,7	4	143,3	8	140,8	4,4
8 : 1. Черепной указатель	4	82,4	12	80,7	2,2	4	79,4	8	79,3	3,4
17. Высотный диаметр	4	132,2	12	128,2	4,6	4	126,3	8	123,9	2,4
17 : 1. Высотно-продольный указатель	4	73,0	12	70,8	2,7	4	70,0	8	70,0	1,7
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	4	79,7	12	87,7	3,5	4	80,0	8	88,3	3,8
20. Ушная высота	4	119,5	12	114,4	5,1	4	114,5	7	109,0	1,9
5. Длина основания черепа	4	101,3	12	101,2	4,1	4	96,3	8	95,1	5,4
9. Наименьшая ширина лба	4	101,3	13	100,5	3,5	4	97,0	9	92,4	4,5
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	4	67,5	12	68,8	3,3	4	67,8	8	65,9	4,0
sub. 9. Высота поперечного изгиба лба	—	—	12	19,2	2,4	—	—	9	19,7	2,8
УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	—	—	12	137,9	4,3	—	—	8	134,9	2,9
32. Угол профиля лба от n	4	76,5	11	81,0	4,2	4	81,3	6	84,0	5,2
g—m. Угол профиля лба от g	4	69,0	11	72,5	4,9	4	73,3	6	75,8	5,6
40. Длина основания лица	4	101,0	11	103,0	6,3	4	96,8	6	94,7	5,8
40 : 5. Указатель выступания лица	6	99,4	11	102,1	3,4	—	—	6	99,4	4,8
72. Общий лицевой угол	4	84,5	11	84,2	3,1	4	85,3	5	84,6	3,0
73. Средний лицевой угол	4	86,3	11	87,7	2,5	4	88,8	5	88,0	3,3
74. Угол альвеолярной части лица	4	74,8	11	73,3	6,1	4	73,5	5	74,0	2,4
43. Верхняя ширина лица	4	111,5	11	108,4	5,0	4	103,7	7	100,4	3,7
45. Скуловой диаметр	4	145,8	12	143,6	4,7	4	134,8	7	130,6	2,6
45 : 8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	4	97,2	12	98,3	4,1	4	94,1	7	93,3	3,4
46. Средняя ширина лица	4	102,3	11	102,6	4,2	4	97,7	5	94,8	4,4
48. Верхняя высота лица	4	71,5	12	70,2	3,8	4	70,5	7	63,9	4,5
48 : 45. Верхний лицевой указатель	4	49,0	11	49,2	3,4	4	52,3	6	48,1	2,9
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	4	54,0	11	55,1	2,4	4	55,9	7	51,6	3,6
43(1). Биорбитальная ширина	4	101,3	12	101,2	4,2	3	99,0	8	96,0	2,7
sub.n/43(1). Высота n над биорбитальной хордой	4	16,3	12	15,0	1,9	3	14,3	8	14,0	1,9
77. Назомаллярный угол	4	144,5	12	147,1	3,5	4	147,7	7	147,1	3,9
zm'—zm'. Зигомаксиллярная ширина	4	101,8	11	100,7	5,3	3	95,0	4	94,5	4,4
sub.ss/zm'—zm'. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	4	23,0	11	19,9	2,4	3	19,7	4	20,1	2,3
<zm'. Зигомаксиллярный угол	4	132,5	11	137,1	4,2	3	135,0	4	134,0	5,6
51. Ширина орбиты от mf	4	44,8	11	43,1	3,7	4	43,5	5	41,8	1,5
52. Высота орбиты	4	36,3	11	33,8	2,1	4	33,5	5	33,4	1,1
52 : 51. Орбитный указатель от mf	4	81,5	11	79,0	7,9	4	77,1	5	80,0	4,5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
54. Ширина носа	4	25,0	12	25,0	1,2	4	25,3	6	23,7	0,8
55. Высота носа	4	55,3	12	52,2	2,5	4	52,0	5	47,0	3,7
54 : 55. Носовой указатель	4	45,3	12	48,0	3,1	4	48,6	5	50,5	4,6
SC. Симотическая ширина	4	6,1	13	6,2	1,8	4	7,3	9	5,6	1,1
SS. Симотическая высота	4	3,9	13	3,4	0,9	4	3,4	9	2,9	0,6
SS : SC. Симотический указатель	4	68,5	13	59,0	21,4	4	47,0	9	52,8	11,4
DC. Дакриальная ширина	2	21,8	11	21,7	1,6	1	19,4	6	21,3	2,2
DS. Дакриальная высота	2	12,0	11	10,6	0,9	1	8,8	6	9,3	1,1
DS : DC. Дакриальный указатель	2	55,3	11	48,8	4,5	1	45,4	6	43,8	5,2
75. Угол наклона носовых костей	4	66,0	9	63,7	6,3	4	71,0	4	66,3	2,2
75(1). Угол выступания носа	4	18,5	10	18,8	4,0	4	14,3	4	18,0	2,3

скелет скорее низкий, очень широкий, уплощенный в горизонтальном плане на обоих уровнях, мезогнатный, с большим указателем выступания, тенденцией к альвеолярному прогнатизму. Орбиты и грушевидное отверстие низкие. Носовые кости выступают очень умеренно, уплощены в горизонтальном плане. В морфологических комплексах отдельных черепов каких-либо различий, позволяющих предполагать механическую смешанность серии, не наблюдается. Величины квадратических отклонений признаков также не дают оснований для предположения о неоднородности выборки (табл. 1).

Следует подчеркнуть, что в новых данных еще более явно проявились выделенные В.П. Якимовым характерные особенности оленеостровских черепов, определившие специфику морфологического облика данной серии, отличного от антропологических комплексов и древнего, и современного населения Евразии. Напомним, эта специфика выражается в сочетании ряда показателей, сближающих «оленеостровцев» с представителями монголоидного расового ствола, с одной стороны, и признаков, не характерных для «классических» азиатских монголоидов, – с другой. К первым относятся горизонтальная уплощенность лицевого скелета, большая ширина лица, его мезогнатность, умеренное выступание носовых костей и их уплощенность; ко вторым – малая высота лица и орбит, широкий лоб.

Положение серии из могильника на Большом Оленьем острове среди групп древнего населения Северной Евразии

С учетом морфологического своеобразия черепов из могильника, противоречивости сочетания таксономически важных признаков целесообразным представ-

ляется анализ положения серии среди групп древнего населения Северной Евразии с использованием метода канонических корреляций. В качестве сравнительных материалов были привлечены 26 серий, наиболее близких к оленеостровской в хронологическом отношении. В анализ включены выборки хорошей сохранности с числом наблюдений не менее пяти (табл. 2).

Первые два канонических вектора (КВ) отражают более двух третей общей изменчивости (табл. 3). КВ I (50 % общей изменчивости) дифференцирует серии по степени выраженности признаков, традиционно считающихся значимыми для разграничения европеоидных и монголоидных групп. Так, наибольшее значение в данном случае имеют назомаллярный и зигомаксиллярный углы, угол выступания носа, симотический индекс и наименьшая ширина лба; несколько меньшее – высота лица и орбиты, ширина лица, высота черепной коробки. Согласно нагрузкам признаков, черепа с узким лбом и малой высотой черепа, широким и высоким лицом, высокими орбитами отличаются одновременно плоским лицом и слабо выступающими относительно линии профиля носовыми костями.

Европеоидной комбинацией перечисленных показателей, а именно малыми величинами углов горизонтальной профилировки лица, сильным выступанием носа, широкими лобными костями и большим симотическим индексом, характеризуется большинство древних групп Европы. Исключением является лишь серия из Луговского могильника ананьинской культуры и, что особенно важно для обсуждаемой темы, черепа с Большого Оленьего острова, у которых отмечается явно выраженная «восточная» тенденция. Европеоидная комбинация признаков ярко выражена и в большинстве южно-сибирских групп энеолита – раннего железного века, а именно у афанасьевцев, андроновцев и тагарцев. Такой результат хорошо согласуется со сложившимися в отечественной антропологии представлениями

Таблица 2. Древние краниологические серии с территории Северной Евразии, привлеченные для сравнительного анализа

№ п/п	Серия	Источник
<i>Европа</i>		
1	Вовниги	Гохман, 1966
2	Ямники Украины	Алексеев, Гохман, 1984а
3	Ямники Поволжья	То же
4	Катакомбники Украины	»
5	Катакомбники Поволжья	»
6	Срубники Украины	»
7	Срубники Поволжья	»
8	Ананьинцы (Луговской могильник)	Алексеев, 1969
<i>Азия</i>		
9	Усть-Иша	Дрёмов, 1980
10	Иткуль	То же
11	Афанасьевцы	Алексеев, Гохман, 1984а
12	Андроновцы	Дрёмов, 1990
13	Окуневцы	Дебец, 1980; Громов, 1997
14	Карасукцы	Рыкушина, 1980; Громов, 1995
15	Тагарцы	Козинцев, 1977; Алексеев, Гохман, 1984а
16	Камень-2	Рыкун, 2001
17	Быстровка-1–3	Шпакова, 2001
18	Саргатцы	Багашев, 2000
19	Серовцы, Ангара	Левин, 1956; Мамонова, 1973
20	Серовцы, Лена	То же
21	Глазковцы, Лена	»
22	Глазковцы, Ангара	»
23	Китойцы, Лена	»
24	Китойцы, Ангара	»
25	Китойцы, Фофаново	Герасимова, 1992
26	Бойсмана-2	Попов, Чикишева, Шпакова, 1997

о древних миграциях европейских и азиатских групп населения, подтверждая мнение о раннем проникновении европеоидных популяций на территорию Южной Сибири, датируемом по крайней мере энеолитическим временем [Алексеев, Гохман, 1984а]. Хотя различия между азиатскими европеоидными и большинством европейских серий в степени выраженности европеоидного комплекса невелики, все же можно отметить, что андроновцы и тагарцы находятся на «восточной» периферии европейского ареала значений КВ I.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между исходными признаками и первыми тремя каноническими векторами для 27 краниологических серий с территории Северной Евразии

Номер признака по Мартину и др.	КВ I	КВ II	КВ III
1	–0,10	0,49	–0,58
8	0,37	–0,42	–0,21
17	–0,54	0,54	0,34
9	–0,81	–0,28	–0,20
45	0,58	–0,00	0,06
48	0,69	0,33	0,15
55	0,48	0,42	–0,08
54	0,14	0,44	–0,23
51	–0,44	–0,69	0,23
52	0,66	–0,12	0,23
77	0,93	0,15	–0,05
Zm	0,96	–0,15	–0,02
SS : SC	–0,83	–0,40	–0,28
75 (1)	–0,92	0,22	0,07
% общей изменчивости	50,0	17,6	7,3

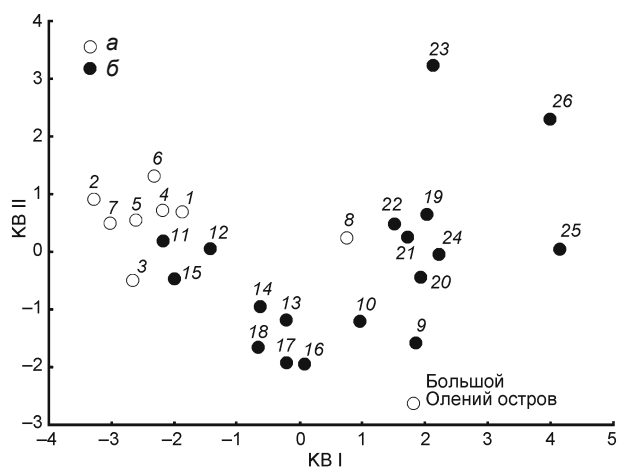

Рис. 2. Положение краниологических серий древнего населения Северной Евразии в пространстве первых двух канонических векторов.

a – серии с территории Европы; *б* – с территории Азии. Нумерация серий в соответствии с табл. 2.

Это позволяет предполагать присутствие в их составе небольшой восточной примеси. В еще большей степени «восточная» тенденция выражена у карасукцев, которые лишь немного уступают западно-сибирским группам раннего железного века (рис. 2).

«Восточный» полюс КВ I занимают серия из могильника Бойсмана-2 и китойцы Забайкалья. Они характеризуются крайне большими значениями углов горизонтальной профилировки, слабым выступанием носа, узкими лобными костями и малым симотическим индексом. Слабее восточный комплекс признаков выражен у большинства неолитических серий Прибайкалья и особенно у западно-сибирских групп раннего железного века, черепов из Луговского и Оленеостровского могильников. Существенно, что величина нагрузок КВ I в серии с Большого Оленьего острова выше, чем в луговской, и сопоставима с таковой в прибайкальских серовских и глазковских, а также в алтайских неолитических из Усть-Иши и Иткуля.

Следует отметить, что промежуточное положение группы в пределах европеоидно-монголоидного вектора может быть обусловлено различными факторами. Оно может свидетельствовать как о метисном европеоидно-монголоидном происхождении, так и о сохранении древней протоморфности. Для решения вопроса, какой из факторов имел место в истории формирования той или иной популяции, следует рассмотреть и другие направления изменчивости. В этом отношении важную информацию содержит КВ II, который отражает ок. 18 % общей изменчивости. Прежде всего он дифференцирует западно-сибирские и алтайские группы, с одной стороны, и восточно-сибирские – с другой. На отрицательном полюсе величин находятся серии раннего железного века из Западной Сибири и неолитические с Алтая, на противоположном – китойцы Лены и серия из могильника Бойсмана-2. Большинство групп прибайкальского неолита занимают промежуточное положение, как и серия из Луговского могильника. Оленеостровская группа по нагрузкам КВ II сближается с западно-сибирскими и алтайскими, располагаясь на периферии ареала значений (рис. 2).

Обсуждение

В целом, исходя из расположения групп в пространстве двух первых КВ, можно выделить по крайней мере три различные по своим морфологическим особенностям и, вероятно, происхождению группы древних популяций на территории Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. В первую входят европеоидные серии с территории Европы и Южной Сибири. Вторую составляют монголоидные группы Восточной Сибири и Дальнего Востока, причем центр концентрации монголоидного комплекса признаков находится в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Третья совокупность включает в себя серии раннего железного века из Западной Сибири, неолитические с Алтая и окуневцев. Эти серии демонстрируют специфические черты,

отличающие их от всех остальных, в т.ч. от восточно-сибирских и дальневосточных. Именно с третьей группой наиболее сходны материалы из могильника на Большом Оленьем острове.

Если интерпретация первых двух совокупностей не представляет существенных сложностей, укладываясь в привычную дуальную картину европеоидно-монголоидной дифференциации, то состав третьей требует дополнительных пояснений. Выраженное антропологическое сходство географически отдаленных друг от друга групп (окуневцы, саргатцы, серии из Усть-Иши, Иткуля, Оленеостровского могильника), конечно, не следует трактовать как свидетельство прямых миграций с юга Западной Сибири, Алтая на Крайний Север Европы или в обратном направлении. Что же может объединять столь различные по своей исторической судьбе древние популяции?

Несмотря на кажущуюся парадоксальность, результаты канонического анализа, на наш взгляд, являются не случайными, а отражают факт сохранения всеми группами, входящими в третью совокупность, черт древней протоморфности. Подчеркнем, что само по себе наличие таких черт вовсе не говорит об обязательном непосредственном родстве популяций, у которых они присутствуют. Например, на сегодняшний день можно предполагать существование в древности на территории Сибири по крайней мере двух общностей с недифференцированными комплексами признаков. К первой относятся прежде всего носители окуневской культуры [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999; Козинцев, 2004; Громов, 1995]. Это древнее население, видимо, не оставило прямых потомков среди современных популяций. Можно лишь констатировать, что весьма умеренное краниоскопическое сходство с окуневцами фиксируется у некоторых жителей Южной Сибири – сагайцев, шорцев [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999].

Вторая общность древних протоморфных популяций, по всей вероятности, была гораздо более многочисленной, географически широко распространенной и донесла свои антропологические черты до современности. Так, среди современного населения арктической (тундра) и субарктической (бореальные леса) зон Восточной Европы и Западной Сибири по различным системам антропологических признаков выделяется группа популяций, имеющих общие специфические особенности. Она получила названия «антропологическая общность уральского типа», «уральская малая раса» [Алексеев, 1974, Происхождение..., 1965]. Этот антропологический тип распространен прежде всего среди угорских и самодийских народов уральской языковой семьи. В качестве субстратного компонента он встречается и у представителей отдельных финно- и тюркоязычных групп, проживающих в данном регионе. Юг Западной Сибири, северные зоны Алтая

входят в ареал уральской антропологической общности в качестве южной периферии.

Комплекс антропологических характеристик «уральцев» носит весьма специфический характер: по одним они сближаются с современными «классическими» монголоидами Восточной Сибири и Дальнего Востока, по другим тяготеют к европеоидным популяциям. Для объяснения причин возникновения таких противоречивых морфологических особенностей советской антропологической наукой были предложены две гипотезы. Согласно одной, они сформировались в результате смешения европеоидов и монголоидов в зоне их контактов [Дебец, 1961]. По другой гипотезе, это наследие древнейшей антропологической формации, сохраняющей следы того этапа формирования популяционного разнообразия человечества, на котором специфичные для современных европейских и азиатских популяций комплексы признаков еще не сложились [Бунак, 1924, 1956, 1980]. Мозаичный, иногда промежуточный характер сочетания признаков, надежно разделяющих современные монголоидные и европеоидные группы, не является здесь следствием смешения (или, по крайней мере, только смешения), а отражает протоморфность, «недифференцированность» уральского антропологического комплекса по отношению к современным монголоидам и европеоидам. Вплоть до середины 80-х гг. XX в. относительный перевес в дискуссии был скорее на стороне приверженцев метисационной концепции, именно ее разделяло большинство ведущих отечественных антропологов. Однако позже, с введением в научный оборот новых систем антропологических признаков и методов статистического анализа, новых данных по древнему и современному населению Евразии ситуация начала меняться [Алексеев, 1984; Алексеев, Гохман, 1984б; Гохман, 1986; Моисеев, 1999, 2001, 2006а, б; Неолит..., 1997; Хартанович, 2006]. В итоге теория В.В. Бунака об истоках антропологической специфичности уралоязычных народов выглядит все более и более убедительно.

Одной из главных сложностей, с которой сталкивались исследователи при изучении происхождения уралоязычных народов, являлось практически полное отсутствие палеоантропологических материалов с территории предполагаемой уральской прародины, располагавшейся, по лингвистическим данным, в таежной зоне Западной Сибири. Вследствие этого все ретроспективные антропологические реконструкции были основаны на антропологических характеристиках современных жителей данного региона, близких к современности краниологических сериях и, соответственно, носили гипотетический характер. Впервые возможное наличие древнеуральского компонента по палеоантропологическим данным было отмечено у носителей каменской (большереченской) и саргатской

культур западно-сибирской лесостепной зоны раннего железного века [Моисеев, 2006б]. Однако этот компонент присутствовал в их составе лишь в качестве примеси, наряду с древнеевропеоидным [Багашев, 2000; Рыкун, 2001].

Следует отметить, что на основании проведенного анализа древних групп невозможно сделать вывод о принадлежности «оленеостровцев» к той или иной группе недифференцированных популяций, однако, исходя из косвенных обстоятельств – географической близости северных районов Восточной Европы и Приуралья, присутствия представителей уралоязычных народов на территории европейского Севера в настоящее время, – родственные связи населения, оставившего могильник на Большом Оленьем острове, с уральской антропологической общностью можно рассматривать как вполне вероятные.

На данном этапе исследования мы ограничимся констатацией факта наличия у оленеостровских черепов выраженных протоморфных черт и несомненного сходства с рядом древних серий с территории Западной Сибири и Алтая. Необходимо подчеркнуть, что такие особенности в составе древнего населения Европы сейчас достоверно выявлены только в представляемой серии, т.е. у жителей Крайнего Севера континента, заселявших береговую полосу Кольского полуострова начиная с середины II тыс. до н.э. Территория распространения подобного антропологического типа, время и пути его проникновения в Европу пока остаются дискуссионными из-за малочисленности сравнительных палеоантропологических данных. Отметим лишь, что черепа из могильника на Большом Оленьем острове существенно отличаются от известных мезонеолитических краниологических материалов из могильников на Южном Оленьем острове в Онежском озере (Карелия), Звейниекы (Латвия), Дудка (Польша) [Хартанович, 2006].

В заключение целесообразно коснуться еще одной темы, связанной с проблемой происхождения древнего и современного населения Фенноскандии. Как мы помним, В.П. Якимов указал на общее морфологическое сходство черепов с Большого Оленьего острова и из Луговского могильника ананьинской культуры, что рассматривалось как главный аргумент в пользу гипотезы о продвижении ананьинского населения на Крайний Север Европы и участия в качестве основного элемента в этногенезе саамов. По результатам выполненного нами анализа черепа из Оленеостровского и Луговского могильников различаются вполне отчетливо. Первые демонстрируют значительное антропологическое своеобразие, вторые занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными сериями. Костяки из могильника на Большом Оленьем острове древнее луговских почти на тысячу лет. Таким образом, антропологические данные сейчас не могут

служить аргументом в пользу гипотезы об участии носителей ананьинской культуры в генезисе населения Кольского полуострова эпохи раннего металла. Заключение В.П. Якимова о близости характеристик черепов из Оленеостровского и Луговского могильников остается справедливым в общей констатации присутствия в этих двух группах населения Европы выраженных «восточных» особенностей. Увеличение численности материалов с севера Кольского полуострова, пополнение сравнительных данных по территории Евразии в целом позволяет детализировать генезис таких особенностей. По всей вероятности, они были различны по своему происхождению.

Выводы

Таким образом, в краниологической серии из могильника на Большом Оленем острове в Кольском заливе Баренцева моря следов механической смешанности не наблюдается. Антропологическая характеристика «оленеостровцев» показывает их специфичность на фоне древнего населения севера Евразии при тяготении к азиатским популяциям Западной Сибири и Алтая. Вероятно, такое сходство следует объяснять их принадлежностью к древней протоморфной антропологической общности, отличной от «классических» монголоидов Восточной Сибири и Центральной Азии. По-видимому, основной ареал распространения этой общности, начиная по крайней мере с эпохи раннего металла, включал большую часть тундровой зоны Северной Европы и таежной зоны Приуралья и Зауралья.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В.П.** География человеческих рас. – М.: Мысль, 1974. – 352 с.
- Алексеев В.П.** Физические особенности мезолитического и раннеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984. – С. 28–36.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984а. – 208 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Результаты экспертизы надежности краниометрических показателей антропологических материалов из могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера (в связи с их сохранностью и особенностями реставрации) // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л.: Наука, 1984б. – С. 155–158.
- Багашев А.Н.** Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 374 с.
- Боруцкая С.Б.** Палеопатология позднелитического могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Вестн. антропологии. – 2005. – Вып. 12. – С. 98–105.
- Боруцкая С.Б.** Остеометрический анализ скелетов могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Научный альманах кафедры антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2006. – Вып. 4. – С. 120–133.
- Бунак В.В.** Антропологический тип черемис // Рус. антропол. журн. – 1924. – Т. 13, № 3/4. – С. 137–177.
- Бунак В.В.** Человеческие расы и пути их образования // СЭ. – 1956. – № 1. – С. 86–104.
- Бунак В.В.** Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б.** Реконструкция физического типа и стрессовых влияний на население, оставившее могильник на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: СОЛТИ, 2006а. – С. 376–381.
- Васильев С.В., Боруцкая С.Б.** Анализ морфологического типа, физических нагрузок и палеопатологий позднелитического населения севера Кольского полуострова // II Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург: Ханты-Мансийск: Чароид, 2006б. – С. 45–46.
- Герасимова М.М.** Черепа из Фофановского могильника (р. Ока, Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 97–111.
- Гохман И.И.** Население Украины в эпоху мезолита и неолита: антропологический очерк. – М.: Наука, 1966. – 224 с.
- Гохман И.И.** Антропологические особенности древнего населения севера Европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 216–222.
- Громов А.В.** Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // Антропология сегодня. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 130–150.
- Громов А.В.** Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1997. – С. 301–345.
- Гурина Н.Н.** Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. – 1953. – № 39. – С. 347–407.
- Дебец Г.Ф.** О путях заселения северной полосы русской равнины и восточной Прибалтики // СЭ. – 1961. – № 6. – С. 52–69.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология окуневской культуры // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 7–8.
- Дрёмов В.А.** Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19–46.
- Дрёмов В.А.** Антропологический состав населения андроновской и андроновидных культур Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1990. – Вып. 2. – С. 56–62.
- Козинцев А.Г.** Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 145 с.

Козинцев А.Г. Кеты, уральцы, «американоиды»: Интеграция краниологических данных // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб: Изд-во МАЭ РАН, 2004. – С. 172–185.

Кольский сборник: Материалы комиссий экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Вып. 23. – 184 с.

Левин М.Г. Антропологические материалы из Верхонского могильника // ТИЭ. – 1956. – Т. 33. – С. 299–339.

Мамонова Н.Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 18–28.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. – СПб.: Наука, 1999. – 133 с.

Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 154–159.

Моисеев В.Г. Краниоскопическая характеристика населения Западной и Южной Сибири скифского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006а. – № 1. – С. 145–152.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по антропологическим данным: результаты межсистемного анализа // II Северный археологический конгресс: докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006б. – С. 240–263.

Мурашкин А.И. Костяной и роговой инвентарь могильника Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря (по раскопкам 2002–2004 гг.) // Кольский сборник. – СПб.: Элексис Принт, 2007. – С. 192–220.

Мурашкин А.И., Шумкин В.Я. Новые предметы древнего искусства из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: мат-лы темат. науч. конф. – СПб., 2004. – С. 97–101.

Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология сахтышских стоянок) – М.: Науч. мир, 1997. – 190 с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 95 с.

Происхождение и этническая история русского народа (по антропологическим данным). – М.: Наука, 1965. – 415 с. – (ТИЭ; т. 88).

Рыкун М.П. К вопросу о происхождении населения Верхнего Приобья раннего железного века (по материалам могильника Камень-2) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: мат-лы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2001. – С. 301–303.

Рыкушина Г.В. Население среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 47–63.

Синицын С.Д. Костные остатки человека в раскопках А.В. Шмидта // Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во АН СССР. – 1930. – Вып. 23. – С. 181–183.

Фосс М.Е. Культурные связи Севера Восточной Европы во II тысячелетии до нашей эры // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 23–35.

Хартанович В.И. О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам из могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего острова Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: СОЛТИ, 2006. – С. 143–156.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: Материалы комиссий экспедиционных исследований. – Л.: Изд-во АН СССР. – 1930. – Вып. 23. – С. 119–169.

Шпакова М.В. Краниологические особенности мужских серий могильного комплекса Быстровка и их статистический анализ // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 176–180.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Зап. ИИМК РАН. – 2006. – № 1. – С. 42–52.

Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археологические вести. – 2003. – Вып. 10. – С. 26–30.

Шумкин В.Я., Сапелко Т.В., Лудикова А.Н., Мурашкин А.И. Комплексное исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря // Квартер 2005: IV Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – Сыктывкар: Геопринт. – 2005. – С. 470–471.

Якимов В.П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 15. – С. 449–485.

Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G. Collateral Relatives of American Indians Among the Bronze Age Populations of Siberia? // Am. J. of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108. – P. 193–204.

Материал поступил в редколлегию 02.09.09 г.

ПЕРСОНАЛИИ

70 ЛЕТ Н.А. ТОМИЛОВУ

Николай Аркадьевич Томилов известен в научном сообществе как крупный российский этнограф, оказавший огромное влияние на развитие гуманитарной науки в России, в частности, в Сибири.

Н.А. Томилов родился 14 сентября 1941 г. в г. Енисейске Красноярского края. Его родители были выходцами из крестьян. Отец с первых дней участвовал в Великой Отечественной войне и дошел до Берлина, а мать в это время поднимала трех сыновей, младшим из которых был Николай. В 1959 г. Н.А. Томилов поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета (ТГУ). Склонность к науке у него проявилась с первых дней учебы в вузе. Будучи студентом, он неоднократно принимал участие в этнографических экспедициях под руководством Г.А. Пелих, изучавших русских, селькупов, хантов, шорцев и татар. Поэтому неслучайно, что после создания в Томском университете проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири в 1968 г. Николай Аркадьевич был приглашен на работу в это научное подразделение. За плечами молодого ученого уже были и служба в Советской армии, и трудовая деятельность.

В лаборатории Н.А. Томилов сначала работал в должности младшего, а с 1971 г. – старшего научного сотрудника. В это время он активно занимался изучением татар Западной Сибири, чулымских тюрков и русских старообрядцев Нижнего Притомья, много времени проводил в этнографических экспедициях. В связи с подготовкой научного каталога этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ в сфере научных интересов Н.А. Томилова оказались также проблемы музееведения. Ученый уделял большое внимание теоретическим вопросам музееведения (музеологии); под его руководством стала издаваться многотомная серия «Культура народов мира в этнографических и археологических собраниях российских музеев», высоко оцененная акад. Д.С. Лихачевым. В 1973 г. Н.А. Томилов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар».

В 1974 г. в связи с переездом в Омск на работу в только что созданный государственный университет

начался новый этап в жизни Николая Аркадьевича. Именно здесь в полной мере раскрылся его талант педагога, исследователя, организатора вузовской, а затем и академической науки. В Омском университете Н.А. Томилов работал сначала старшим преподавателем, с 1975 г. – доцентом, с 1985 г. – профессором кафедры всеобщей истории. В октябре 1985 г. он возглавил кафедру этнографии, историографии и источниковедения, а после ее разделения на две самостоятельные структуры стал заведующим кафедрой этнографии и музееведения, которой руководит и сегодня.

Научные интересы Н.А. Томилова были направлены на разработку этнической истории тюркских народов Западно-Сибирской равнины с периода Средневековья до Нового и Новейшего времени. Ей посвящены получившие широкое признание многочисленные статьи и книги, а также докторская диссертация на тему «Этническая история тюркоязычного населения Запад-

но-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в.», защита которой состоялась в 1983 г. в Институте этнографии АН СССР.

Круг научных интересов Николая Аркадьевича очень широк. Его труды по этнографии, этноархеологии, культурологии, музееведению, историографии стали классикой научного исследования. Из-под пера Н.А. Томилова вышло более 1 тыс. научных работ, в числе которых 44 монографии.

К основным результатам научной деятельности Николая Аркадьевича следует отнести реконструкцию этнической истории тюркских народов Западно-Сибирской равнины конца XVI – XX в.; разработку методолого-теоретических и методических аспектов исследований в области этнической истории, этноархеологии, этнической экологии, музееведения; изучение явлений традиционно-бытовой культуры ряда народов Северной и Центральной Азии. Ученым написано несколько очерков по истории музейного дела в Сибири, изданы работы по истории этнографического сибиреведения и культуры сибирских городов.

Много энергии Н.А. Томилов отдает научно-организаторской работе. С сентября 1988 по апрель 1991 г. он являлся проректором по научной работе Омского государственного университета. В апреле 1991 г., продолжая заведовать кафедрой в университете, Н.А. Томилов становится директором Омского филиала Института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. – Омский филиал Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН), который успешно возглавляет и в настоящее время. С февраля 1993 г. Николай Аркадьевич также руководит созданным им Сибирским филиалом Российского института культурологии Министерства культуры РФ. Таким образом, им были организованы два крупных научных подразделения, объединяющих археологов, этнографов, историков и культурологов Омска, что очень важно для региона.

Николай Аркадьевич является организатором и главным редактором журнала «Культурологические исследования в Сибири» (издается с 1999 г.), научных серий «Культура народов мира в этнографических и археологических собраниях российских музеев» (с 1986 г.), «Культура народов России» (с 1995 г.), «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» (с 1996 г.). Последняя серия насчитывает уже более десятка томов.

Н.А. Томилов – инициатор проведения многих научных форумов. Например, с 1993 г. проводится Международный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований», организуются конференции: с 1979 г. – «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий», с 1993 г. – «Немцы Сибири: история и

культура», с 1996 г. – «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», с 1992 г. – «Русский вопрос: история и современность», с 1995 г. – «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне». В 2003 г. в Омске под председательством акад. В.А. Тишкова и проф. Н.А. Томилова состоялся V конгресс этнографов и антропологов России.

Много времени уделяет Н.А. Томилов общественной работе. Он был избран президентом Ассоциации этнографов и антропологов России, сопредседателем Межрегионального общественного движения «Сибирский Народный Собор», председателем Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев России при Министерстве культуры России, членом попечительского совета Омского кадетского корпуса, председателем Омского областного отделения Российского фонда культуры и т.д.

Однако одно из главных достижений ученого – создание в Омске научной школы – коллектива этнографов, археологов, культурологов и музееведов, способного выполнять на уровне мировой науки фундаментальные и прикладные исследования. Огромное внимание юбиляр уделяет подготовке научных кадров. Он являлся научным руководителем 34 специалистов, защитивших кандидатские диссертации, а также консультантом 3 ученых, защитивших докторские диссертации. Ученики Николая Аркадьевича успешно работают не только в Омске, но и в других городах России и зарубежья. Н.А. Томилов многие годы входит в состав Ученого совета ИАЭТ СО РАН по защитах докторских диссертаций по археологии и этнографии. Не оставляет Николай Аркадьевич и активной преподавательской работы в Омском государственном университете. Здесь только в последние годы под его руководством открыты две магистерские программы.

Творческие достижения Н.А. Томилова высоко отмечены государственными и отраслевыми наградами: он награжден орденами Почета (2010) и Дружбы (1995), удостоен почетного звания заслуженного работника высшей школы Российской Федерации (2002), премии Госкомвуза СССР за достижения в учебно-воспитательной и научно-методической работе (1991) и др.

Доктор исторических наук проф. Николай Аркадьевич Томилов является образцом ученого, заботливого учителя, порядочного человека и ярким примером беззаветного служения делу науки, культуры и образования России. Желаем ему доброго здоровья, благополучия и претворения в жизнь научных идей и творческих планов.

**А.П. Деревянко, В.И. Молодин,
А.В. Бауло, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко**

МИФОТВОРЧЕСТВО

В Большереченском р-не Омской обл. была татарская деревня Молодцово, образованная, ну, самое раннее, в конце XIX в. По соседству с ней находилась татарская деревня Чеплярово, в которую в период укрупнения и переселились жители Молодцово. Надо сказать, что русские названия для татарских деревень не характерны, почему татарская деревня была названа Молодцово – неизвестно. Рядом с Чеплярово копали археологи и забегали в деревню подхарчиться. Чтобы не скучно было сидеть, во время одной из посиделок они впаривали местным легенду о том, как возникла д. Молодцово. Легенда археологами была сочинена следующая: во время русско-турецкой войны при взятии Измаила особо отличился «татарский» полк, который первым штурмовал стены этой неприступной крепости. А.В. Суворов сильно хвалил этот полк и все время повторял: «Молодцы, молодцы!». После смерти Екатерины II и прихода к власти Павла I, ясное дело, всех, кто верно служил императрице, сослали в Сибирь. Пошел по этапу и верный Екатерине «татарский» полк. Осели эти героические «татары» рядом с Чеплярово и назвали свою деревню Молодцово в честь похвалы Суворова. Дичь, разумеется, редкостная. Еще простиительно чепляровским аборигенам, что этот бред переварили. Но через пару лет в Чеплярово приехала этнографическая экспедиция Омского госуниверситета, и один из ее руководителей (кандидат исторических наук, между прочим), записал эту легенду у местных, и с горящими глазами, под впечатлением уникальных

свойств исторической памяти народа, стал распространять эту версию среди научного сообщества. Хорошо, что вовремя остановили, до публикации.

О ПРАВИЛЬНОМ ВЫБОРЕ ИНФОРМАТОРА

Экспедиция в Барабу проходила зимой. Отправив после экспедиции отряд домой, ее руководитель, назовем его А.Г., решил заехать в Новосибирск в краеведческий музей, по делам, естественно. Ориентиром для него служил памятник Покрышкину. Доехав до нужной остановки, А.Г. вышел из автобуса и памятника не обнаружил. Как настоящий этнограф, он решил опросить аборигенов. К выбору информатора он подошел со свойственной ему основательностью – обратился к молодой, очень красивой женщине, одетой в шикарную шубу. Надо отметить важную деталь: сам герой был одет по-экспедиционному. Жена нарядила его в цигейковую шубку, в которой А.Г. ходил еще в школе. Поскольку шубка на животе не сходилась, он подпоясался солдатским ремнем. На голове – ушанка из чебурашки. Дополняли наряд валенки на два размера меньше требуемого, надетые не на ту ногу. Поскольку наш герой не знал, что валенки растаптываются по ноге, он ходил на цыпочках. Плюс недельная щетина. И вот в таком виде А.Г. обратился к «обоснованно выбранному информатору» со словами: «Скажите, пожалуйста, где здесь находится памятник трижды Герою Советского Союза Александру Ивановичу Покрышкину?». Женщина, смерив его скептическим взглядом с головы до валенок, ответила: «Если вам нужен гастроном, то он налево за углом, только водку продают с 11 часов».

Записала Т.Б. Смирнова
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
пр. Мира, 55а, Омск, 644077, Россия.

АН РУз – Академия наук Республики Узбекистан
АО – Археологические открытия
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ЛАИ ЧГПУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НТМЗ – Нижнетагильский музей-заповедник
РА – Российская археология
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
САИ – Свод археологических источников
СОЛТИ – Соломбальская типография
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
УНЦ – Уральский научный центр
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЧГПУ – Челябинский государственный университет

- Анисюткин Н.К.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: dictyoptera@zin.ru
- Артемьева Н.Г.** – кандидат исторических наук, заведующая отделом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690650, Россия. E-mail: artemieva-tg@list.ru
- Белинская К.Ы.** – соискатель кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: toyotakarina@mail.ru
- Большов С.В.** – кандидат исторических наук, докторант Марийского государственного университета, ул. Советская, 153, Йошкар-Ола, 424006, Россия. E-mail: bostg@mail.ru
- Бурлаку В.А.** – младший научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы, ул. 31 августа, 1241, Кишинев, МД-2012, Молдова. E-mail: burlacu_vitale@mail.ru
- Гайяр К.** – научный сотрудник Национального Музея естествознания, Париж, 75013, Франция. Muséum national d'histoire naturelle, 1 rue René Panhard, 75013, Paris, France. E-mail: gaillacl@mnhn.fr
- Дервянко А.П.** – доктор исторических наук, академик РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Доде З.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344066, Россия. E-mail: zvezdana_dode@yahoo.com
- Епимахов А.В.** – старший научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия. E-mail: eav@susu.ac.ru
- Ермакова Е.Е.** – кандидат филологических наук, доцент Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия. E-mail: elenaprema@mail.ru
- Заика А.Л.** – кандидат исторических наук, заведующий Музеем археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия. E-mail: zaika_al@mail.ru; zaika@vzletka.kspu.ru
- Исламов У.И.** – доктор исторических наук, академик АН РУз, заведующий Ташкентским отделом Института археологии АН РУз, ул. Академика В. Абдуллаева, 3, Самарканд, 140051, Узбекистан. E-mail: utkur_islamov@mail.ru
- Кашина Е.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного Исторического музея, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия. E-mail: eakashina@mail.ru
- Климова Т.А.** – аспирант Нижневартковского государственного гуманитарного университета, ул. Мира, 36, Нижневартовск, 628600, Россия. E-mail: sovuschkaNV@mail.ru
- Коваленко С.И.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы, ул. 31 августа, 1241, Кишинев, МД-2012, Молдова. E-mail: covalenko@bk.ru
- Колобова К.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kolobovak@yandex.ru
- Колпаков Е.М.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: eugen@rekvizit.ru
- Кривошапкин А.И.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

- Крыласова Н.Б.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ул. Пушкина, 44, Пермь, 614990, Россия. E-mail: belavin@pspu.ru
- Кьотти Л.** – доцент Национального Музея естествознания, Париж, 75013, Франция. Muséum national d'histoire naturelle, 1 rue René Panhard, 75013, Paris, France. E-mail: moncel@mnhn.fr
- Моисеев В.Г.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: vmoiseyev@mail.ru
- Монсель М.-Э.** – главный научный сотрудник Национального Музея естествознания, Париж, 75013, Франция, Muséum national d'histoire naturelle, 1 rue René Panhard, 75013, Paris, France. E-mail: moncel@mnhn.fr
- Мыльников В.П.** – доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru
- Оноратини Ж.** – научный сотрудник Национального Музея естествознания, Париж, 75013, Франция. Muséum national d'histoire naturelle, 1 rue René Panhard, 75013, Paris, France. E-mail: gonorati@numericable.fr
- Очередной А.К.** – младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: mr_next@rambler.ru
- Павленок К.К.** – аспирант Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: pavlenok@archaeology.nsc.ru
- Плердо Д.** – доцент Национального Музея естествознания, Париж, 75013, Франция. Muséum national d'histoire naturelle, 1 rue René Panhard, 75013, Paris, France. E-mail: dpleurdeau@mnhn.fr
- Ткачев В.В.** – кандидат исторических наук, доцент, директор Научно-исследовательского археологического центра Орского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета, пр. Мира, 15А, Орск, 462403, Россия. E-mail: vit-tkachev@yandex.ru
- Флас Д.** – доктор наук, исследователь департамента предистории Льежского университета. Department of Pre-history University of Liège, Place du XX Août, 7, Bat. A1 4000 Liège, Belgium. E-mail: damienflas@yahoo.com
- Хартанович В.И.** – кандидат исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: vkhartan@mail.ru
- Худяков Ю.С.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: khudjakov@mail.ru
- Чаиркина Н.М.** – кандидат исторических наук, заведующая сектором Института истории и археологии УрО РАН, ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия. E-mail: chair_n@mail.ru
- Чепалыга А.Л.** – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия. E-mail: tchepalyga@mail.ru
- Шумкин В.Я.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: shumkinv@yandex.ru